SHOUT
SHARE
IT

Annotation

На сайте Проза.ру http://proza.ru/avtor/rekavremeni автор опубликовал мемуары своей мамы Анастасии Николаевны Колотовой.В них отражаются проблемы и трудности воспитания детей в многодетной семье в 60-70 годы прошлого столетия в обычной российской глубинке.Как жила женщина,учитель,свято верившая в идеалы коммунизма?Бесконечные семейные хлопоты,жизненные проблемы,непонимание и отрицание окружающих ее людей,борьба с пороками разъедающими общество и страну... Итог ее жизни - пожелтевшие от времени тетради,сохранённые сыновьями. Боль ее жизни - одиночество,которое пришло на исходе лет...Трагедия ее жизни - вера в светлое коммунистическое будущее осталась всего лишь мечтой, превратилась в прах...

- Александр Колотов
  - Тетрадь 1
  - Тетрадь 2
  - Тетрадь 3
  - Тетрадь 4
  - Тетрадь 5
  - Тетрадь 6
  - Тетрадь 7
  - Тетрадь 8
  - Тетрадь 9
  - Тетрадь 10
  - Тетрадь 11

Александр Колотов
Из рукописей моей матери Анастасии Николаевны Колотовой
Книга 2. Прочитать после моей смерти

Тетрадь 1

20.04.1968 г. Курорт Друскининкай. Литва.

На нашем пути стоят два костела. Деревянный и каменный. Оба работают. Заглянула в каменный. Молятся женщины, пять — шесть человек. Особенно одна, со слезами на глазах.

Вот так бы подойти к ней, спросить участливо, о чем она просит, и по-человечески помочь. А впрочем, может и помочь нельзя.

Если бы я хоть каплю верила во всевышнего, я бы тоже, наверное, стала молиться. О чём? О том, чтобы в душе было спокойно, чтобы не было этого довольства жизнью, этих противоречий и волнений, чтоб не штормило там постоянно, а установилась бы тихая рябь. Было бы, наверное, очень спокойно и светло.

Взяла в библиотеке книгу Миколайтиса-Путинаса "В тени алтарей".

Герой романа, Людас Васарис, — ученик семинарии. Но ему, человеку с большой душой и талантом поэта, душно в семинарии. Он стремится уйти из неё, но чувство долго сильнее его желаний. Людаса любит Люце, дочь ксендза Армии, зарождается чувство и в душе Васариса, но церковные догмы оказываются сильнее зарождающегося чувства. Васарис не может порвать с духовной семинарией и жениться на Люце. Люци выходит замуж за другого, но всю жизнь любит только Васариса. После второго неудачного брака и смерти сына она кончает жизнь самоубийством.

Для самоубийства не нужна сила воли или отсутствие её. Просто человек теряет смысл жизни, жизнь становится ему в тягость, в страдание и он расстается с нею.

Что от этого изменится, если одной песчинкой станет меньше? Ничего.

Васарис: "Веселиться на людях, в обществе, можно, если рядом есть близкий друг. Я думаю, что настоящую радость, настоящее веселье испытываешь только тогда, когда делишь их с близким человеком. Точнее говоря, даже не делишь, а просто чувствуешь с ним внутреннюю связь…. Нигде так не чувствуешь своего одиночества, как в шумной толпе".

Васарис в конце концов порывает с церковью. Этому способствует его любовь к Ауксе Гражулите и её любовь к нему.

Книга полна глубоких чувств, тонкого психологического анализа, глубоко трогает и волнует.

Наверное, и мне так тяжело живется, что не могу не отдавать себя всю целиком и не могу отдать себя всю ни работе, ни детям, ни мужу.

Почему я не могу жить спокойно, как живут миллионы женщин, чего мне надо?

26.04

Минеральные ванны и душ делают своё дело. Давление падает, я успокаиваюсь. Падает интерес к жизни, к общественным делам и к людям. Какой-то перелом совершается в душе. Чем он кончится, не знаю.

Постараюсь жить так, чтобы он мне не был нужен. Сколько осталось жить? Лет 10–12? Ну и нечего метаться. Подальше от всех общественных дел. Без души мне ничего не сделать, а душа без него пуста.

02.05

К чёрту! Надоело копаться в самой себе. Буду жить так, как придётся и какая есть. Только души постараюсь ни во что не вкладывать. Пусть себе спит на здоровье.

13.05

Человек бессознательно старается не делать того, что его может привести к гибели.

30.08 Валамаз.

Какая это мука — жить с пустой душой! Не могу…. Нет сил….

Какая-то ловушка: не могу жить, не интересуясь ничем, и не могу интересоваться с такой пустотой.

Как учебный год начинать!

01.09

Теперь я знаю, почему стало так пусто вдруг на душе тогда: стало уходить из жизни что-то большое, светлое и тёплое, то, чем я жила эти годы, что поддерживало меня и давало мне силы, что

берегла в себе, не давая взглянуть постороннему глазу.

Друг мой! Помоги мне выдержать это чувство к тебе своим тёплым приветливым словом, своим доверием помоги.

Без него мне нет жизни. Почему ты захотел стать врагом, а не другом мне? Почему?

Разве ты не видишь, не чувствуешь, как не хватает мне дружбы твоей и доверия?

Завтра в школу. Надо собрать все силы свои. И никто мне не поможет, не поддержит, не одобрил. Надо самой.

Меня же все называли сильной. Куда сила твоя делась? Эх ты! Не можешь справиться. Надо справится, надо, надо, надо…. Как тяжело, как невыносимо тяжело….

Ава, родная моя и тебя нет и ты не по можешь мне. Как же мне дальше-то жить…..Я попала в беду.

02.09

Ну, вот и прошёл первый учебный день. И я рада, что смогла настроиться на учебный лад. Всё-таки у меня действительно есть сила воли. И я не имею права в школе с живыми душами работать без души.

Теперь уж я точно знаю, что пройдёт какое-то время и снова оживет это чистое, тёплое чувство во мне и снова он зашагает рядом со мной, такой добрый, приветливый, светлый, самый близкий моей душе человек.

Одного только хочу, чтоб не пришлось мне больше в жизни столкнуться с его холодным равнодушием, недоверием и неуважение.

Дорого мне будет это стоить.

А как нужен он мне в жизни, его дружба, доверие, его тёплое слово. Сколько бы силы дали они мне, силы и тепла.

14.09

Самые тяжёлые минуты жизни — это минуты разлада с собой, со своими убеждениями, потеря веры в человека, в справедливость, потеря уважения к самому себе.

Счастлив человек, если он не испытывает этих минут.

Лучше не думать, ни о чём не думать….

Не можешь, тогда не жить. Моя жизнь не принадлежит мне…. А если не выдержу. Но силы, где взять силы?

18.09

Интересный разговор произошёл с мужем Петром.

«Вот», — говорю, показывая приглашение на слет лекторов и пропагандистов, «никуда я не поеду. Больше вообще никуда не поеду. Ты одобряешь моё решение?»

«О, конечно», — говорит, — «Давно пора. Вот ещё депутатские обязанности весной сложишь».

«А ты уверен, что я смогу жить без этого?», — в упор, глядя на него, говорю ему.

Он видимо почувствовал всю серьезность этого вопроса и сказал:

«Лучше уж езди».

Милый мой Петр, тебе бы надо жену попроще, наверное ты бы был счастливее. А ведь, в общем, кто его знает? Я же очень стараюсь быть хорошей женой.

21.09

Вот и кончилось всё. И души подъем и волнения. Осталась тихая грусть, грусть до конца жизни, грусть о неполно прожитой жизни, грусть о том, что могла бы больше сделать. А он уходит, уходит из жизни, уходит совсем, как ушла совсем ты, моя чистая, дорогая подруга.

Сразу потерять двух таких близких друзей…. Тяжело. Потерять тогда, когда других уже редко находят. Пройдёт всё это, пройдёт, и писать я буду может и общественную работу вести. Но надо на это время. А у меня уже нет резерва времени.

Почему мы часто не ценим того, что имеем в жизни? Почему иногда проходим мимо души человека, которая тянется к тебе со своей бедой? Проходим боясь потревожить свою.

Разве, Ава, я не знала, как нужна была тебе эта задушевная беседа тебе, твоей душе. Как я казню сейчас себя, что торопилась всегда домой, поторопилась и тогда, последний раз, надеясь поговорить с тобой во время конференции летом. Ты не дожила до неё, немного не дожила….

Да, проходим мимо души, не думая о том, что можем и должны, да, да по человеческому долгу должны облегчить её горести и беды.

Главное в человеке его душа. Всё светло в ней и ясно, и человек живёт, трудится, приносит людям добро.

Сколько бы светлее и радостнее была жизнь, если бы мы подходили не с меркой, нужно ли это лично мне, а с меркой,

нужно ли это другому, будет ли ему от этого легче.

26.09

С утра какое-то тихое, мирное, покойное настроение. Ни о чём никакой мысли. Все общество и международные проблемы отодвинулись назад. На первый план домашние дела: надо выстирать груду белья. Хорошо бы успеть выдергать морковь.

И вчерашнее настроение сегодня кажется даже каким-то необычным.

Зачем мне всё это. Зачем мне он? У меня семья, дети, заботы о них. Зачем мне ещё чего-то?

В общем, самое мещанское настроение.

А ведь оно могло и победить. С ним тихо, покойно. И где больше от меня пользы с этим ли настроением, или с тем, тревожным бурным, когда кажется нервы натянуты как струна, и семьи кажется мало.

Я и сама не знаю. Думала, что от моих лекций и газетных статей есть какая-то польза, а сейчас сильно сомневаюсь в этом.

До страсти хочется послушать классическую музыку, хочется послушать Чайковского, Штрауса, Верди прежде всего.

23.09

Моего «мещанского» настроения хватило только до обеда. А сегодня с утра уже стремление что-то делать. Почему я решила, что он сильнее меня? Неправда. Он барин, добрый хороший, тактичный, чистый, благородный, но барин, комильфо человек, которых в простонародье называют «советская буржуазия». Почему он дорог мне? Потому что многое я бы взяла от него: его чуткость, тактичность, благородство и мягкость (да, я стала мягче). И многое мне бы ещё могла дать его дружба. Но он боится её, потому что зачем она ему? Такие ищут дружбы с людьми, занимающими более высокое положение, заботясь, прежде всего о себе, о своём положении в обществе, а совсем не о том, что они могли бы дать людям.

Я рада, что без толчка извне появилось это стремление что-то делать. Где? Наверное, это стремление проявится, прежде всего, в участии в газете. Туда меня тянет больше всего.

И всё-таки пройдёт ещё время, прежде чем уляжется обида в душе, душевный разлад и потеря веры в человека, который был тебе дороже всех и ближе всех твоей душе, который смог войти

туда и оставить след на всю жизнь.

23.09

Пришли две девушки, наши выпускницы. Просят помочь устроиться на работу. Как же им откажешь?

Нет, я ещё многим нужна, не только своей семье.

И пусть будет моим правилом: Не отказывай никому в помощи (какого бы характера она ни была), рассчитывай только на свои силы, не жди ниоткуда помощи. Помни: тебе никто не поможет, не прибавит сил, если их на что-то не хватит. Никто.

25.09

Тоска…тоска…. Глухая тоска…. Господи! Когда же это всё кончится?

13.10

Были у Т.М. на свадебном вечере (вчера расписались — как она говорит). От души пожелала ей счастья. Но не будет она счастлива. Нет, любви большой тут нет. «Любовь — это обман», — говорит Галина Мих. «Это ложь», — вторит ей Сагида Мих. Да, и действительно, на вечере не было ни одной пары, между которыми была бы большая, человеческая любовь. Нет, это не ложь, не обман. Это большое человеческое чувство. И пусть она не всегда бывает взаимна, пусть не всегда приносит счастье, бывает и горе от неё. И всё таки беден тот человек, если не испытал этого чувства, чувства, все прощающего, всё поглощающего, вечного, как жизнь. Есть оно, это чувство, не обман оно и не ложь, а большое и светлое, что напоминает душу человека, возвышает его, делает человека человеком. И если живёт оно в душе человека, если познал он его, он может смело сказать: «Я знаю тебя, жизнь человеческая, знаю во всей полноте. Да здравствует всё поглощающее, всё обогащающее, всё побеждающее, всё прощающее, всё наполняющее человеческое чувство — любовь. Не звериная, не животная, а большая человеческая любовь. Светлая, тёплая, ясная, чистая — слава тебе, любовь. Пусть горе, пусть слёзы, но где-то есть радость, где-то есть счастье, где-то есть полная жизнь, что бьёт через край.

Почему мне больно и тяжело? Каждый день — это мука для

меня. Но я нужна маме, детям. Я должна жить, пока я им нужна.

А если не выдержу?

14.10

Как тяжело, как невыносимо тяжело, будто взяли и отделили от души самое дорогое и нужное в жизни, самое теплое и светлое. Каждый новый день жизни — мученье. И нет никакого просвета впереди. А надо работать, надо жить….

Вот около меня бегает сын Вовка: «Мамик, ты у нас хорошая такая. Дай я потрусь о твою спинку».

Разве могу я сделать тебя сиротой сейчас, дорогой мой маленький сынок.

А всё-таки я могу не выдержать. Где силы взять? В чем?….

02.11

Всё время стараюсь быть хорошей женой — не получается, хорошей матерью — не получается, хорошей учительницей — тоже не получается. И всё стараюсь, стараюсь…и все не получается. Верю такой уж я в жизни неудачник, ничего у меня не получается.

6.11

Все годы ждала от него тёплого приветливого слова, а получала холодное равнодушие. И тут не получается. Завтра праздник, а на душе тоскливо и одиноко….

8.11

Думала, что и пройдёт вот так весь праздник, тоскливо и одиноко. И очень рада была когда зашли двое мои бывшие ученицы Нина Ф. и Тоня Б… Зашли проведать свою «любимую», как они говорят, учительницу. Угостила их пивом, распечатали бутылку «вишневой». Выпили за встречу, потом предложила выпить за самых дорогих нам людей. Нина весёлая болтушка Нина, сделала серьезное лицо (она ещё не нашла в жизни самого дорогого человека). «Не знаю, за кого, — с сомнением подняли стопку они, но, в общем, пью за….» «Я за В., - Тоня, а вы? (вопрос

ко мне) за мужа?» «Нет девочки, за другого!»

«Пусть за другого, — согласились они. — Пусть только и они за нас выпьют».

Вспомнят! Должны вспомнить.

03.12

Пришла из больницы после недельного там пребывания. Здоровье основательно подорвало. Удивительно устроен человек. Если живёт в нем душа, и тело сохраняется дольше. Стоит уснуть душе, и тело начнёт быстро обрастать физическими недугами.

Я прямо сейчас как малое дитя: кто-то бы убаюкал и согрел мою бедную измучившуюся душу….

Вот пришла в больницу Тамара Андр., и я расплакалась перед ней, не могла удержаться.

Как это непривычно для меня, привыкшей в жизни многое побеждать. Никогда не думала, что где-то может не хватить моих сил.

Пропущены часы, что-то придется бегло давать, ученикам, потрачены государственные деньги на выплаченные больничные, на уход за мной и лекарства. И всего бы этого не было, будь бы дружеское участие того, чьего участия больше всего тебе надо. Но его нет…. И мне тяжело….

Что будет жить после меня? Что оставлю я в жизни после своего погружения в небытие? Своих сыновей, в которых ещё долго буду жить, ну и добрую память у некоторых (далеко не у всех) моих учеников.

Natrii bromati все таки хорошо действует на организм. Как смазка на машину, так и он на душу. Раньше я боялась принимать его, а сейчас буду пить, и пить, пока не притупится способность о чём-либо думать.

И всё же, жалко. Я могла бы в жизни что-либо ещё сделать. Но так, видимо, судьбе моей угодно. Пусть будет так.

И никому больше я не покажу моей слабости. Даже нашей хорошей, доброй Тамаре Андр.

Сразу из больницы зашла в школу, встретила в сборе всех моих друзей. Остались. Поговорили.

«Почему мы редко собираемся вместе? Почему не ходим друг к другу?» — решали мы вопрос.

Я говорила что-то невразумительное, немного кривила душой, потому что не могла признаться в том, что мне тяжело с ними говорить, хочется быть совсем одной, никого не видеть, чтобы не могли люди видеть моей слабости, чтобы не могли

вдруг заглянуть в душу, пусть даже и друзья.

Копаешься вот так в самой себе, и осмыслить окружающее уже нет сил, теряется внимательное отношение к окружающему, к жизни, к людям. Где уж тут думать, что что-то ещё можешь сделать в жизни.

Никуда уж я больше не годна.

Если бы у меня не было органического отвращения к пьянству, я бы наверное стала пить, пить втихомолку, одна, пить, чтобы только убить способность думать.

А ведь это тоже была бы смерть.

Боже мой, где мне выход искать?….

Как противно это существование! Не умею я так жить. Что делать?

05.12

Мне больно видеть недавних друзей. И не верю я ни в какую дружбу, если самый близкий друг причиняет столько горя.

К человеку, ставшему частью души, можно питать только ненависть или напротив. Среднего отношения к нему не бывает.

Не хочу, чтобы в душе жила ненависть, потому что человек, в душе которого живёт ненависть, а не любовь, превращается в зло. Постараюсь вернуть прежнее чувство. С ним мне было хорошо и со мной хорошо людям было.

Проходит год. Вспоминается вся жизнь….

Когда я жила? Когда вела кружок текущей политики на лыжной фабрике; когда ставила сатирический «Устный журнал» и в предъюбилейные годы, когда у меня находилось время и лекции читать, и депутатскими делами заниматься, и в газету писать, и политзанятия вести, и добиваться полной успеваемости.

Я заслужила тогда одобрения. Ох, как оно мне было нужно тогда! Сейчас сама удивляюсь, как я находила на всё время. И удивительно то, что не уставала. Хотелось больше и больше. Сейчас вот ничего не делаю, а такая тяжесть, какой никогда не бывало.

«Освободим вас от всяких общественных нагрузок, ведите только часы», — говорят мне и словно острым ножом по сердцу царапают.

Общественная работа — я тогда только и живу, когда её веду. И никто не может понять, какое это несчастье для меня — вести только часы и всё. Какие же они друзья?!

А что бы они могли сделать? Ничего.

Купили приёмник с проигрывателем. Завтра попрошу

пластинок у Ал. Серг… Интересно, как к этому отнесётся Ал. Серг… Мне было хорошо втроём (Чежеговы и я) слушать музыку. Мне кажется, что нет ничего лучше музыки, что бы так же не давало в душе зарождаться ненависти.

Человек, любящий музыку, думается, никогда не совершит преступления, ни когда не будет в тягость людям.

Зачем я всё это пишу? Чтобы душу облегчить. Напишу, словно горе с кем разделю. И легче становится.

Очень хочется сказать ему: «Повоюйте за меня, не для себя, Вам я не нужна, для людей».

08.12

Я должна, обязательно должна поговорить с ним, потому что знаю, что не смогу отделить его от души, не смогу, потому что он стал частью меня самой, поговорить, чтобы выяснить все эти бесконечные «Почему?» на которые только он может ответить. Как бы он ни ответил, в одном уверена, что его ответ будет человечным и честным. Если же и в этом я ошибусь, едва ли что-нибудь удержит меня в этой жизни, потому что оторвать его от души равносильно для меня оторвать сердце, легкие, голову или другой жизненно необходимый орган.

09.12

Завтра сессия. Я не еду, первый раз за всё время пребывания на посту депутата. Почему? Не только по состоянию здоровья и не только потому, что жаль пропущенных уроков, главное потому, что слишком тяжело мне видеть его и не иметь возможности с ним поговорить.

Ну вот, я уже начинаю личное ставить выше общественного долга. Что дальше будет.

Ох, не знаю, чем всё это кончится. Только бы скорее кончалось это мучительное для меня состояние.

12.12

Человек живёт; живой, общительный и незаметно, совсем незаметно, что в душе его есть большое горе. Иногда я говорю себе: Подумаешь, из-за какого-то человека, барина, слишком заботящегося о своём собственном благополучии, и положении ты

выбрасываешь себя из жизни. Не слишком ли это много для него?

И другой голос: Нет, это не какой-то человек. Я не знаю никого другого, который был бы более его благороден, человечен, тактичен и главное чист, чист во всех отношениях. Не знаю мужчины, который мог бы посмотреть на женщину, как на человека, равного себе по духовному развитию, который с таким уважением относился бы ко мне и с которым я могла бы поговорить по любому вопросу (даже самому сокровенному). Нет другого человека, к которому я могла бы, вот так, как к нему, идти с открытой душой, с полным доверием.

А это мне необходимо в жизни. Я должна узнать, где, когда и за что он потерял ко мне уважение и доверие, обязательно должна. Я не обманываюсь в отношении его: в нём нет выдающегося ума, но мне это и не нужно, мне нужен человек, к которому я относилась бы с полным доверием. Другого такого человека нет и быть не может, такого человека, который понимал бы меня так, как он.

И я постараюсь вернуть его доверие. Почему он перестал меня понимать?

13.12

Я не понимала раньше Маяковского, осуждала его за минутную слабость, приведшую его к гибели. Говорила, что это глупость, слабость и т. д.

А сейчас сама оказываюсь часто в таком положении, когда кажется, что ты уже ничего не сможешь больше в жизни сделать, что тебя уже ничего хорошее в жизни не ждёт, что впереди только мука, что у тебя нигде ничего не удаётся. Тогда наступает невыносимая душевная боль, от которой любым способом хочется избавиться. И она тем тяжелее, что скрыта от всех, неразделённая, живёт в тебе. Как хорошо, как легко мне бывало, как добрее я к окружающим бывала, когда он в эти годы шагал рядом со мной, тёплый, светлый, чистый, приветливый. Это была моя тайна которая давала мне силы. Даже точнее, не шагал рядом, а был всегда в душе.

…Нет, нет, надо поговорить.

Не хочу, чтобы кто-то заботился обо мне, не хочу делить ни с кем свое горе, у каждого его и так хватает, но он должен узнать о нём, иначе всё может плохо кончится для меня. И не только для меня, но и для моих детей, и для тех, кто верит в меня.

Снова бессонная ночь, снова припухшие глаза, снова участливые глаза моих друзей: «Опять заболели?» Как это мне

неприятно! Словно я обманываю кого-то. Не столько физически, сколько душой болею. Но как об этом скажешь?

14.12

Была бы среди моих сыновей хоть одна девочка, я не чувствовала бы себя такой одинокой. Девочка всё-таки ближе к матери, чем сыновья. Я бы жила вместе со своей дочерью. Не странно ли, жить в такой семье (нашу, семью считают образцовой), где муж любит по-своему и уважает свою жену, жена уважает мужа (он хороший человек, его есть за что уважать), дети уважают своих родителей, не плохо учатся, ведут себя прилично, и чувствовать себя одинокой?

Я иногда думаю, уж не эгоизм ли это? Всей душой ненавижу эгоизм.

Нет, всё таки наверное нет. Просто человеку свойственно требовать от жизни большего, чем она даёт ему.

Чем больше человек требует от жизни, тем больше он может дать ей, если он требует не для себя только лично.

Вот и я так. Мне надо, чтобы я не была такой одинокой не для меня только лично. Надо для того, чтобы я могла дать больше людям, детям своим, своим ученикам, окружающим своим, если я не буду работать в школе.

Почему мне так одиноко? Потому, наверное, что не могу встретить, да уж едва ли и встречу человека, к которому могла бы пойти так же как к нему, с открытой душой.

17.12

Всё-таки я уйду из школы. Я не учитель. У меня нет никакого призвания к учительской работе. И если у меня немного и получалось в работе, так только потому, что я вижу в каждом своём ученике человека и уважаю его. Может быть, если бы я вела историю, больше бы чувствовала себя на месте. Всю жизнь каюсь, почему я не пошла на исторический, а ещё лучше в ИНФЛИ. Может быть, я так бы и сделала, не будь войны.

Химия ничуть меня не увлекает, у меня нет никакого интереса к ней. Удивляюсь ещё, как я сумела у некоторых учеников воспитать интерес к ней. Такое всё время чувство, будто занимаю чужое место, которое занял бы другой человек, по-настоящему любящий химию, увлекающийся ею. Словно я обманываю кого-то.

Из школы я уйду, как только будет малейшая возможность.

Стою на каком-то перепутье. И ни одной мысли о том, как буду доживать жизнь. Какая-то пустота в душе. Не знаю, смогу ли я жить только своими детьми, или найду какое-то другое дело. Ничего не знаю, не вижу. Но из школы я уйду. Это я знаю наверняка.

02.01.1969 г.

Вот и наступил Новый год. Что-то он принесёт мне? Те же муки и страдания или немного и радости?

04.01

Ну, вот и поговорила с ним, и задала эти «Почему?», мучившие меня всё время. Я не получала вразумительного ответа на них, но настаивать на ответе не стала: какое-то чутьё подсказало, что ему будет неприятно, если я буду настаивать на прямом ответе. Он ведь не любит глубоко над чем-нибудь размышлять. Это его утомляет. Бог с ними, с этими «Почему?». Постараюсь сама встать на его место. Раньше я же его хорошо понимала.

Рада уж я тому, что встретила в нём человечное ко мне отношение, что смог он с доверием отнестись ко мне.

И снова душа проснулась к жизни, снова он зашагает рядом со мной рядом.

Будь здоров и счастлив, дорогой мой, самый близкий мне человек, радость и горе моё, душа и жизнь моя.

Может он и говорил со мной и отнесся будто с доверием не от души, а просто из чувства такта и из желания не обидеть меня, кто его знает?

Но даже если бы и так это было, и за это спасибо ему. Больше я не потревожу тебя, друг мой, если ты сам об этом не попросишь, только знаю одно, если я ещё раз столкнусь с его недоверием и равнодушием — это будет стоить мне жизни.

Неужели он не понял этого? Должен понять и не забыть об этом. В это я глубоко верю.

Сегодня отправлю свою первую после перерыва статью в газету. Не знаю, понравится ли она им, главное снова я живу.

Спасибо тебе, друг мой!

08.01

Хорошее настроение и живое деятельное состояние не покидает меня. Хочется что-то делать, писать, в чём-то участвовать, что-то организовывать.

Даже Тамара Андр. заметила перемену моего состояния.

Вспоминаются последние его слова: «Передайте привет Петру Ник.». Это звучит примерно так: «Не забудь, что у тебя есть муж.». Глупенький. При чём тут муж? П.Н. к душе моей не касается и ничуть её не трогает. И я в этом совсем не виновата. Что я тут могу поделать? Ничего.

И ещё вспоминается, уход его от нас. «Ничего, найдёте замену», — говорил нам тогда Смолин. «А мне кем вы его замените? — как-то вырвалось у меня, а Смолин: «У вас муж есть». Ох, помню, как мне было неприятно за Смолина, за его грубость, бестактность, за то, что так воспринял мой вопрос. Дурак, тупица, — хотелось бросить ему, — разве мне муж нужен? Доброжелательный друг мне нужен, человек, к которому я могу пойти с открытой душой и который, знаю, не будет злоупотреблять моим доверием. Он ничуть не идеальный человек. Его недостатки я вижу. Просто я не встретила человека лучше и ближе ко мне, чем он. Сейчас если бы даже и встретила такого человека, он не смог бы вытеснить его. Слишком за эти годы он крепко укоренился в душе, укоренился, не зная об этом. И не узнал бы, не облей бы меня своим холодным равнодушием, которое стало угрожать моей жизни. Сказать ему все — было единственным способом сохранить себе жизнь. И я бесконечно рада, что снова нашла в нём всё, за что уважала его: и доверие, и чуткость, и такт, и понимание.

10.01

Как мне раньше не хотелось с большим горем быть в коллективе, так и с большой радостью, что возвратилась к жизни, тоже не хочется. Не хочу, чтобы строили догадки о причинах появления прежнего состояния.

А голова все же продолжает болеть и в ушах постоянный шум, с сердцем тоже. Здорово же я подорвала себе здоровье. Когда оно восстановится ли? Я уже теряю надежду на это. Если бы не здоровье, совсем бы было хорошо. Как мне нужно сейчас его внимание! Будь бы оно, дело на поправку пошло бы, наверное, быстрее.

Мне кажется, что большое чувство только и может существовать, когда люди на некотором расстоянии друг от друга. Если они рядом, оно тратится на устранение повседневных

бытовых неурядиц. Только люди, не обращающие внимание на создание своего личного благополучия, объединённых большой общечеловеческой целью могут сохранить большое чувство живя рядом друг с другом.

Права ли я? Не знаю.

12.01

Я знаю сейчас, что мне нужны были не столько ответы на «Почему?», сколько убеждение в его добром расположении к человеку. Я так и не услышала ответа на вопрос, почему он потерял уважение и доверие ко мне, такое, какое у него было когда мы работали вместе. Но я убедилась в добром ко мне отношении, в его такте и чуткости. Он не сказал все прямо. Это я поняла. Но он понял моё состояние, понял, что может обидеть меня неосторожными словом. Потому и прямо не мог сказать. Ну и пусть. Я и за то благодарна, что по-человечески постарался понять меня.

Я не могла не сказать ему всё в этот раз, потому что он должен был знать, какую муку причиняет мне своим холодным ко мне равнодушием и недоверием. И окажись бы он бесчеловечен или чёрств, я едва ли бы снова вернулась к жизни, потому что выбросить его из сознания было выше моих сил. Никогда раньше не думала, что что-то будет сильнее моей воли. Сейчас я буду жить воспоминанием о той беседе, о его такте и об оказанном доверии.

Спасибо тебе за все, дорогой мой человек. Теперь ты снова пойдешь рядом со мной, хочешь ты этого или не хочешь. Я ничем не побеспокоила все эти годы. И только одно беспокоит меня, что если я встречу опять холодное равнодушие со стороны его — это будет для меня конец, потому что не будет оправдания, что он ничего не знал и не обязан относиться ко мне с доверием и чуткостью, большей чем к другим людям. Он и сейчас ничего не обязан, но если он будет совсем холодно равнодушен ко мне, зная всё, это будет мой конец, потому что знаю, не смогу вынуть его из души. Он стал частью меня самой. Последний случай окончательно убедил меня в этом. Я не могла сказать: «Подумаешь, какой то….не могла жить, не обращая на него внимания. Это было выше моих сил».

13.01

Чувствую себя как выздоравливающая после тяжёлой изнурительной болезни. Всё радует, хочется даже петь. Вчера надо было отстегать ремнем одного своего сына. Взяла в руки ремень и не смогла этого сделать. Ну тут уж все мои сыновья глаза от удивления округлили. Слова не могут сказать, опешили от неожиданности. Удивилась даже я сама этому. Поистине человек даже в самом себе открывает что-то новое, неожиданное.

А сколько он может нового в людях открыть, присмотрись он поближе к ним.

14.01

Если человек только старается, а не от души с увлечением что-то делает, можно наверняка сказать, что у него никогда не получится очень хорошо, говоря нашим школьным языком.

При одном старании только можно сделать что-либо на посредственно, в лучшем случае на хорошо, но никогда на отлично.

Он не любит стараться и если получается у него хорошо, так это благодаря только личным качествам его, так же, как и у меня в школьной работе. Но у меня есть способность увлекаться, если я чем-то заинтересуюсь. Какое это счастье делать что-либо с увлечением! Душа горит, пролетает, не задерживаясь на седьмом небе, сразу на десятое. С таким вдохновением я вела «Устный журнал». Значит смогу и ещё что-то сделать, жила бы душа. Интересно, делал ли он когда-либо что-нибудь с вдохновением, увлечением. Способен ли он на такое вдохновение? Не знаю и сильно сомневаюсь в этом. Как хочется снова поговорить с ним, чтобы снова и снова почувствовать доброе ко мне расположение и доверие, поговорить, пусть даже по телефону. Совсем не обязательно видеть его. Нужно мне, просто необходимо общение с ним для подъёма души.

15.01

Счастье так же, как и несчастье, эгоистично. Счастливый человек тоже перестаёт замечать окружающих. И большое горе должны где-то находить выход, иначе они превращают человека в эгоиста, замыкают его в себе.

15.01

Меня спрашивают, с какого времени я заболела гипертонией. «Не знаю, не заметила», — отвечаю я. Вероятнее всего тогда, когда я отходила от закрытой передо мной двери квартиры человека, к которому сила с открытой душой, шла поделиться сомнениями, мыслями, соображениями. Никогда не забыть, как вдруг всё потемнело передо мной и я начала терять сознание….

Вот тогда, наверное, и началась эта болезнь и потом уже не прекращалась, с каждым разом становилась всё глубже и глубже. Выздоровею ли я — не знаю.

Вся беда в том, что это не от меня только зависит.

Вот пишу опять статьи в газету и думаю, представляю себе, что он их читает, одобряет, проникается ко мне уважением, как думала всегда. Какое же глупое заблуждение! Заблуждение, чуть не стоившее мне жизни.

Огонь во мне зажжен. Скоро будет съезд нашей партии, международное совещание коммунистических и рабочих партий. Сколько опять размышлений над судьбами человечества, сколько пищи разуму. И дел мне будет хватать — знаю. Ещё десять-двенадцать лет активной жизни.

Можно многое за них ещё успеть сделать, чтобы потом сказать с полным правом: «Жизнь не прошла даром. Я выполняла свой человеческий долг на земле, долг женщины — матери и долг гражданина».

Тетрадь 2

15.01.1969 г.

Ну, вот я опять в больнице. Плохо не только мне, плохо моим ученикам. Снова пропущенные уроки, снова не пройденный материал. Переживаю очень за десятый класс. Такие они у меня хорошие и так стараются иметь по химии хорошие оценки. Хотелось лучше дать им возможность поступить в институты и техникумы на химические отделения. Все-таки химия в наше время нужный предмет, очень нужный.

Ну что я сделаю? Я ни в чём не виновата, если так получается. Будто бы и жить уже снова хочется, и делать тоже, а здоровья нет. Сколько времени пройдёт, пока оно восстановится. Буду сейчас точно выполнять все предписания врача. Особое чувство у меня к Там. Мих… Боюсь, что она повторит мою судьбу. И мне её заранее жаль.

16.01

Мучает всё время мысль, что я сама виновата в своей болезни. Зачем допустила человека глубоко в душу? Но что я могла тут сделать? Это делалось помимо моей воли. Горе, которое нельзя разделить ни с кем вдвойне тяжелее.

Человек, не умеющий жить для людей, никогда не отдающей себя людям, не поймёт ни когда того, кто готов жизнью пожертвовать ради людей.

Кто он? Чиновник ли, занимающий руководящую должность, которая даёт ему личное благополучие и удобство или настоящий человек которому не безразлично спокойствие и благополучие других. Скорее всего первое. Он ничего не сделает, чтобы вернуть человека к активной жизни, сделать его полезным людям. Он, наверное, и со мной говорил тактично и осторожно не потому, чтобы не обидеть меня, а потому, чтобы я потом как-нибудь не побеспокоила его, не испортила ему репутацию. Ему абсолютно всё равно, здорова ли я, пишу ли я, активна ли я, работаю хорошо или плохо, лишь бы это не беспокоило его, не задевало как-то его. Я вообразила себе, что он всё сделает, чтобы я была полезна людям, поддержит меня, если мне будет туго в борьбе со всем тем, что мешает людям, с пьянством, хулиганством, с нечестностью и карьеризмом, со всякой остальной мерзостью, что

мешает людям жить. Он равнодушен ко мне, так же, как он равнодушен к каждому, если он не касается его непосредственно и не влияет на его положение. Отныне я не побеспокою его ничем, если это будет касаться меня лично, не позвоню, не напрошусь на разговор, у меня ещё есть гордость и самолюбие, и не буду надеяться на чью-либо помощь. Буду соизмерять свои силы. Знать, что духовной помощи мне взять неоткуда. А жить я должна, потому что могу быть ещё полезной людям. Он не карьерист, нет. Но никогда не будет вести работу рядового, потому что она не принесёт ему бытовых удобств и высокого положения в обществе.

И все же я была бы бесконечно рада, если бы он как-то побеспокоился обо мне, рада общению с ним, рада была, если бы он когда-то пригласил меня для беседы, справился о моих успехах, о моём здоровье. Рада, потому что не могу с полным доверием относиться к остальным людям, кроме него.

Рада, потому что кроме него после смерти Авы у меня никого не осталось близкого душе. Пусть это звучит, может и нескромно, но я с гордостью могу сказать, что я богаче его душой.

Отныне я тебе только, мой дневник, буду поверять мои думы, с тобой делиться своими сомнениями. Правда, ты не возразишь мне, не скажешь в ответ, терпеливо выслушаешь меня, а мне бы большего хотелось, но что поделаешь?

Я очень долго искала друзей, очень берегла их в своей душе, когда нашла, и не по моей вине они оба ушли от меня.

Едва ли я уже найду других. Тамара Андр. могла бы быть хорошим другом, но её: «Что-то вы уж очень долго переживаете…» из-за награды, хотелось ей сказать, я это чувствовала, оттолкнуло её от меня.

Не поняла, значит, и не будет понимать меня.

И ещё раз хочется сказать ему: «Большое спасибо за последнюю беседу». Уверена, что она была последней. Во всяком случае, последней по моей просьбе.

Он хороший руководитель, но не руководитель Ленинского типа. У него нет живого, активного отношения к жизни, не появляется ненависть к плохому и любовь и уважение к хорошему.

17.01.1969 г.

Сегодня будет, кажется, решающий день. Попросила Там. М. сходить к нему со статьей написанной мной в «Победу» и сказать, чтобы он позвонил мне и дал отзыв о статье. Если позвонит,

значит, я немного ошиблась, если не позвонит, значит, права. Буду ждать до 8 часов вечера.

Статью, нашли правильной, не требующей особого мнения. Так что ждать мне звонка нечего. Больше я его не потревожу. Ему совершенно безразлично, буду я писать или нет. Буду я активна или нет, буду я живой или нет, так же, как безразличен любой человек, который не касается его непосредственно. Слишком он барин, чтобы жить жизнью простых людей, чтобы его могла беспокоить и моя жизнь. Больше иллюзий в том, что я найду в нём помощь и поддержку в моей общественной деятельности, у меня нет.

Буду жить, рассчитывая только на свои силы.

И всё-таки я довольна, что могла снять его с высокого руководящего поста и сделать простым человеком, пусть даже на короткое время. И знаю ещё, что он нигде не злоупотребит моим доверием к нему так же, как и я нигде даже намёка не сделаю на то, что он был откровенен со мной. Бог с ним, живи на здоровье, твори свои руководящие дела, живи в полном комфорте и благополучии. Ты не хочешь стать мне поддержкой и другом, ты просто не сможешь быть ни тем, ни другим. Ты чувствуешь это, потому и избегаешь общения со мной.

И глупо ждать от человека то, чего он не может дать.

Спасибо уже за то, что смог своим доверием вывести из застоя душу.

Я очень хотела удержать его в душе, но третий случай смог оторвать его. Насовсем ли, пока не знаю.

Любой силы огонь можно потушить, если на него постоянно лить ледяную воду.

Только бы болезнь не сломила мои силы. Буду жить одной убеждённостью да уважением людей. Я ещё могу быть полезна людям и буду, делать всё, чтобы быть полезной им.

18.01

С великим нетерпением жду выхода на пенсию. Я тогда смогу заняться тем, что захочу. Прежде всего, буду ездить. Навещу всех своих друзей, встречусь с юностью своей и от нее начну новую жизнь. Наверное, всё-таки я буду, прежде всего, писать. Помню, как собирались вместе с ним написать книгу, только название не придумала. Встречу ли я человека, способного тоньше чувствовать, чем он? Жить хочу, хочу жить и быть здоровой, жить живой жизнью.

Дети подрастут, научатся сами для себя всё делать, и я буду

свободна, как птица. Куда хочу, туда лечу, что хочу, то и делаю. Вот и появилась первая цель — стать свободной, делать работу по душе.

Какое это счастье, когда к человеку приходит вдохновение — высший подъём его духа, когда хочется обязательно сказать что-то людям, безразлично как, или словом, или краской или музыкой.

В такие минуты человек творит, создаёт то, что останется от него людям, и чем сильнее дарование, человека, тем на больший срок останется людям созданное им в период вдохновения.

19.01

Интересно, вспомнит ли он когда-нибудь ту, что бережет его в своей душе столько лет, для которой он был и останется единственным.

Вчера приходили ко мне мои ученики, дружно, всем классом. Я, конечно, была очень рада. Дорогие мои друзья, для вас я приложу свои все силы, чтобы стать снова здоровой. Вы — моя самая большая поддержка в горе.

Приходил муж. Расстроенный. «Всё, — говорит, — тебя дома нет. То в отъезде, то в больнице. Давай выходи скорее на пенсию, хоть дома будешь».

Я уж молчу, что жду, не дождусь конца школьной работы не для того, чтобы сидеть дома, а чтобы как можно меньше быть дома. Ну ничего, дети уже подрастут, будут делать всё сами. Я знаю, что ему я нужна. Он по-своему любит меня, как любил бы любую другую женщину, с которой спит. И не понимает он, что мне тяжело, а порой невыносима такая животная любовь.

Петра может заменить любой другой мужчина, того — никто. Он навсегда останется чистым, светлым, теплым, хоть и причинил столько горя своим равнодушием.

21.01

Сегодня уже мне лучше. Кончается 7-ой день пребывания в больнице. Все эти дни тщетно ждала, что вот он позвонит, справится о здоровье, я услышу снова его приветливый голос. Кажется, он лучше всяких бы таблеток подействовал на меня, но нет, не позвонит, не справится, хотя и знает, как мне дорого его участие, не позвонит, потому, что ему слишком равнодушна не только я, а вообще любой посторонний человек.

Есть люди слишком высокой чувствительности, такие, какими были, например, Ленин, Гаршин, Есенин, разные по уму, по характеру, по наклонностям, но их объединяло одно: малейшее раздражение вызывало в их душе реакцию. Это живые люди.

Слишком живо реагировали они и на любые проявления души человеческой. И есть другие люди, для которых нужно много раздражений или одно больше, чтобы в их душе зазвучала какая-то струна. К таким людям относятся большинство людей, в том числе и он. Моя ошибка в том, что я вообразила себе, что он относится к людям Ленинского типа, способного как-то звучать на дрожание другой души. Нет, не одна, верно, струнка не дрогнула в его душе, когда он читал то письмо, написанное кровью, как у Евг. Онегина, читавшего письмо Татьяны. Одно холодное удовольствие и ни капли желания помочь, облегчить состояние души.

Он и в работу не вкладывает души, «привык», как он говорит, к ней потому, что она дает жизненные удобства и соответствующее положение в обществе. Не давай она бы этого, он и не привык бы к ней.

Иллюзия кончилась, начинается реальность.

А как бы богаче и я была, покажись бы он тем, чем я его воображала.

Был. Врач. Давление нормальное. Самочувствие хорошее. Завтра пообещали домой.

Вот был бы он всегда такой, как в ту последнюю беседу с ним, открытый, простой, доверчивый, внимательный, и мне бы больше ничего не надо было. Почему он не может быть для меня всегда таким? Я же бы никогда не злоупотребляла его доверием, как не злоупотребляю ничьим доверием, от кого бы оно не исходило. Для меня же это было бы большой душевной поддержкой.

Пять часов вечера. Я смотрю на чёрную ленту леса, припорошенную снегом, на зубчатый край его, чётко выделяющийся на розоватом от закатывающегося солнца небосклоне, на забор, мягко погружённый в белую пуховую перину из снега, и думаю о моём десятом классе и о себе. С июля месяца и для них и для меня начнётся новая жизнь. Какой-то она будет?

22.01

Около шести часов утра. Передают чудесные русские песни. Что-то хорошее рождается в душе. Хочется делать, делать для

кого-то. И опять в душе просыпается он, светлое чувство к нему. Вот и опять перечеркнулось всё плохое, что сделал он для меня, той последней беседой!

Спасибо тебе, дорогой мой друг, за то, что ты есть на земле.

Сегодня меня обещали отпустить домой.

27.01

Послезавтра еду на сессию и радуюсь, что снова встречу его, услышу, может быть его приветливое слово.

Вот напечатали статью мою «Долг депутата», а я опять представляю себе, что он прочитал её, одобрил и сказал тепло, как раньше говорил: «Умница». Но нет. Теперь я знаю, что он совершенно равнодушен к тому что и как кто пишет, в том числе и я.

А писать всё-таки я буду, пусть не одобряет, люди одобряют, если хорошо и правильно написано.

30.01

Нет, он никогда не уйдет из моей жизни. Так и будет жить во мне, хочу я этого или не хочу.

И мне почему-то от этого не печально, а радостно. Всё-таки он хороший человек и мне он такой близкий к душе. Мне не видеть его нужно, мне нужно время от времени общение с ним, его доверие и уважение ко мне. И когда будет особенно мне нужно будет с ним поговорить, я конечно, буду говорить.

Всё-таки я не учитель. Мне с большим трудом удаётся посадить себя за подготовку к урокам. Я бы сейчас с удовольствием села писать статью в газету, пошла бы улаживать чьи-то дела, о чем-то бы просить (не для себя, конечно), чего-то бы добиваться, только бы не готовиться к урокам и не вести урок. И не только потому, что стало много «трудных», а вообще школьная работа не по мне. В школьной работе я не могу сделать лучше, чем Г.М. или В.Н., а вот написать статью или сделать доклад я могу лучше их. Вот этим бы делом мне и заниматься. Я и буду им заниматься. Только бы здоровье. Начинаю уже выполнять предписания врача.

03.02

Вся беда моя, что я на своём пути не встретила человека, которому могла бы отдать и душу и тело.

Вот так и живу сейчас, тело принадлежит одному, а душа — другому. И тот второй мне дороже в тысячу раз, чем отец моих детей.

Наверное, это плохо. Но я ничего не могу поделать. Вот и в семейной жизни тоже не знаю, что будет дальше, когда дети встанут на свои ноги.

Никогда ещё я не жила в такой неопределенности, как сейчас.

Почему я рада, что живёт во мне огонь, который не потушила даже река ледяной воды? Потому что без него я бы не была тем, чем я есть сейчас. Для меня он жизнь, и я радуюсь жизни.

11.02

Писатель — это человек богатый души, которую он щедро делится с людьми. Чем богаче его душа, тем значительнее то, что он пишет. Для писателя характерно активное отношение к жизни, к человеку и оно питает его душу. Большинство писателей нашего времени — это и общественные деятели.

Почему писатели старого времени не были общественными деятелями? Потому что она была невозможна.

17.02

Снова хандра захлёстывает мутной волной. В такие минуты хочется, очень хочется просто не жить. Никогда я не дорожила жизнью. Даже тогда, когда стояла на краю.

Слишком всегда она сурова по отношению ко мне. Одно светлое пятно было в моей жизни и то меркнет. И никакого просвета впереди. Теряю уважение к себе. Зачем я тогда пошла туда? Чтобы сказать обо всём и тем сохранить себе жизнь?

Конечно для этого. Как всё-таки крепко человек держится за жизнь! Бессознательно держится и делает все тоже бессознательно, чтобы сохранить её.

А дети? Наверное, всё-таки я буду жить только для детей. Это всё, что я оставлю после себя. Не слишком ли много я думаю о себе? Стараюсь избавиться от этого и не могу.

24.02

Нет, я всё-таки сильнее его. Пусть на час, на полтора мне удалось снять его с высокого руководящего поста и сделать простым, внимательным, доверчивым, таким, каким я хотела бы видеть его для меня всегда. Спасибо и ему за то, что смог стать прежним.

Ему безразлично, как я живу, или по принципу: «Не проходи мимо» или «Моя хата с краю», но мне-то не безразлично это. Мне самой нужно активное отношение к жизни. Другой я быть не могу и не буду.

Я сильнее и богаче его душой. Даже в чувствах.

Существовать…. Едва ли я смогу когда-нибудь только существовать.

26.02.1969 г.

Ну вот. Я и осталась одна. С детьми, с мужем, с коллективом и… одна. Что-то безвозвратно очень дорогое, очень важное и нужное, что делает человека богаче, сильнее, чище, лучше ушло из жизни, ушло навсегда. Грустно и хочется поплакать.

01.03

Живут же миллионы людей без особого подъёма души. Вот и я так буду жить.

Только сейчас начинает затягиваться рана, пробел в душе после его ухода из нее. «Что-то есть в вас», — как-то сказала мне Там. Андр. «Убежденность», — отвечала я. Нет, не только убеждённость была во мне. Было ещё большое, тёплое, светлое чувство, что согревало меня изнутри, освещало всю мою жизнь. И оно ушло, ушло, несмотря на все старания удержать его. Слишком много было ледяной воды недоверия ко мне и мало, очень мало тепла.

08.03

Как всё-таки меняется человек. Раньше для меня было большим удовольствием провести вечер в коллективе. Сейчас в коллективе я особенно резко чувствую, как это ни странно, своё одиночество. Не пойму, отчего это. Особенно тоскливо бывает в праздники. Пойти бы куда, боюсь оказаться лишней, боюсь, вдруг ещё кто-то когда-то захлопнет передо мной двери. Только Ава

всегда ждала меня и всегда встречала с радостью. Общение с ней и для меня было удовольствием. Сейчас для меня самое большое удовольствие — полежать в постели. И никуда не хочется.

11.03

Читала Сашино сочинение на тему «Моя мама».

«У нее всегда грустные глаза, даже тогда, когда она смеется», — пишет он.

Как же он подметил это? И подметил верно. Нигде не пишет, что болею. Верно, чувствует, что не из-за болезни у меня «грустные глаза». Саша ты, Саша, знал бы ты как трудно твоей маме в жизни, как плохо ей живётся. Какая тяжесть камнем легла на душу….

Скорее бы кончился этот учебный год.

«Опять тень наводишь», — говорит мне муж, когда мне бывает так грустно и тяжело, что не могу даже этого скрыть. И ни тени желания поговорить по душам, выяснить причину «тени». Да и не сказала бы я ему её, не потому что делаю что-то плохое, просто потому, что не поймёт меня, а ещё хуже, неправильно поймет. Он ведь даже не представляет, что может существовать между мужчиной и женщиной большое чувство без желания физической близости. И не поймёт этого чувства.

Да, я люблю того человека не как мужчину, а как человека, для меня он дорог как человек, дорого тёплое слово ко мне, которого я так тщетно жду, дорого участие в моей жизни как друга. А этого ничего нет и мне тяжело от этого. Особенно сейчас, когда наступает переломный период а моей жизни, год, когда я уйду из школы, из коллектива, и кто знает, смогу ли я найти другой.

Тяжело мне стало вдвойне и потому, что он знает, чем был для меня все эти годы, знает, как мне дорога его дружба и участие и не хочет, жалеет сказать мне слово ободрения и участия. Разве это так предосудительно, сказать человеку доброе слово, зная, как оно нужно ему? Почему же он молчит?

Не одобрит за то, что снова начала писать в газету не спросит о самочувствии, о делах?

Почему?

Я никогда не ждала внимания к себе, но сейчас оно мне особенно нужно. А его нет.

14.03

Жизнь прожита. Ну что ж. не так-то уж плохо прожита. И не надо ни о чём жалеть.

21.03

Полная апатия ко всему. И к самой себе и даже (страшно сказать) к детям. Впрочем, я никогда не была нежной матерью. Растила, заботилась, оберегала от плохого, выполняя долг человека и гражданина.

Снова не хочется ни писать, ни чего-либо делать. Знаю, чего бы я ни начала делать меня снова потянет поделиться хорошим, своими сомнениями, проверить свои выводы туда, а там снова. Холодное недоверие…

За что? Не знаю.

25.03

Вот так же, наверное, когда-то мучился Маяковский, мучился душой, скрыто от всех, тоскуя о своей большой любви к Тане, а потом, когда не хватило сил нести эту муку, рассчитался с жизнью. У него же не было ни детей, не семьи и ничто его не связывало с жизнью.

Какой пустой стала душа и болит, болит она, ноет тупой нескончаемой болью. И нет ей никакого конца, никакой надежды залечить рану. А жить надо. Ради детей.

Когда-то также страдала моя Ава, а как всё просто у неё разрешилось. Нет человека на свете и нет его мук.

26.03

Жить для детей…. А к чему им такая полуживая мать? Какой пример я могу дать им?

29.03

Сегодня говорили о районном партсобрании специалистов.

«90 % преступлений падает на Валамаз. Нас отмечали как школу, где совсем не ведётся коллективом лекционная пропаганда», — рассказывала Там. Андр.

А я вспомнила снова наш сатирический «Устный журнал».

Нам не приходилось собирать насильно людей в клуб. Сами шли, шли со своими табуретками, т. к. мест не хватало. И доклады для «Журнала» готовились с желанием, потому что была аудитория. Я всегда предъявляла одно требование к докладу: «Больше, как можно больше местного материала».

«Преступность в посёлке резко сократилась», — отмечалось тогда в районе. «Устного журнала» боялись как огня. Агитация и пропаганда через «Устный журнал» носила боевой, наступательный характер. В условиях посёлка нашего, я убеждена, только такая форма пока и будет иметь успех, только через нее да радио и можно вести действенную воспитательную работу среди населения. После нашей критики и штаб дружины заработал.

В общем, здорово получилось. Как на крыльях летела я туда, чтобы поделиться своей удачей и радостью, в одобрении почерпнуть силы. А мне грозное: «Контроль!» И больше не нашлось ни одного слова. Ни теплого слова участия и одобрения. Одно неприкрытое недоверие было в этом слове «контроль». За что? Не знаю. Не контроль, а помощь нужна была, а может и контроль в форме помощи.

И от кого окрик? От человека, от которого больше всего на свете ждала помощи, который только один и мог бы мне её оказать. Тяжело я тогда переживала.

Но адвокат, действующий всегда внутри меня в защиту его, снова его во всем оправдывал передо мной, снова он встал со мной рядом, и я снова включилась в активную жизнь. И вот предъюбилейные годы. Большой душевный подъем, большая работа и школьная и общественная.

И снова я столкнулась с недоверием ко мне. С болью вспоминаю я, с каким недоверием ко всему коллективу отнёсся он, когда меня выдвинули к награждению. «Ну, это уже совсем не знаю, что у них творится в коллективе», — сказал он тогда на бюро. А в коллективе просто видели мою работу и сочли, что она достойна на одобрения. За что же ко мне снова такое недоверие? Не знаю. И пока не узнаю, я ничего не могу делать.

И без активного дела мне трудно жить.

Знаю, начни я что-нибудь делать, меня снова потянет туда, а там снова недоверие ко мне.

За что, за что? — с болью и горечью задаю я себе постоянно вопрос и не могу ответить на него. И мучусь. Мучусь так, как ни одна физическая боль не мучила меня во всю мою жизнь.

31.03

Самое ценное качество в мужчине — мужская чистота, верность одному человеку. Качество, которое встречается из 1000 мужчин в одном только человеке.

31.03

Как-то начинает замирать всё в душе, остаётся только, и останется на всю жизнь глухая боль и тоска. А может т они с годами пройдут. Может быть. Всё может быть. Рада уж, что после той беседы я не ставлю больше вопроса: жить или не жить. Только жить, всё живое должно жить. Пусть даже не жить, пусть только существовать, если ни на что другое у тебя нет сил и возможностей.

Вспоминаю день за днём его пребывание в школе. Нет, никогда ни я, ни он ко мне не были в оппозиции. Всегда доверие и уважение друг к другу. Помню, в ту последнюю осень он сказал: «Я уж решил, что буду на каждый урок вас с собой таскать». Где же тут была оппозиция? Она возникла потом, гораздо позднее, куда он был уже в районе.

Как возникла? Почему? Он не захотел мне прямо ответить. И я не могу, как ни стараюсь, понять. А без ответа на эти вопросы ничего не могу делать.

01.04

Снова в школу. И так не хочется. Падает интерес ко всему. Даже радио слушаю от случая к случаю. Только газеты ещё и просматриваю пока.

Что толку писать? От этого нет никому никакой пользы. Что толку делать лекции, от которых люди бегут как от надоедливой мухи?

Как всё надоело! Надо, хотя на год, отойти от активной жизни, посмотреть на всё со стороны, чтобы лучше было видно, с какой стороны и как включиться в активную жизнь, если снова проснется душа. Только едва ли она проснётся. А пробудить никто не захочет, да и не сможет.

Пусть себе спит на здоровье.

10.04

Смерть. Какое это страшное и притягательное слово!

Страшное для того, кому улыбается жизнь, того, кому есть чего ждать хорошего и есть на чего надеяться, есть кого любить и есть во что верить; притягательное для того, кому жизнь стала в тягость, кому нечего ждать от жизни и не на что надеяться, кто из нужного человека превратился в обузу для людей, понимает это и не хочет ею быть.

Вчера вызывали в поссовет райкомовские работники и предлагали возглавить женсовет. Отказалась. Я действительно не могу выступать от имени только одних женщин. Да и едва ли я уже смогу выполнять какую-либо общественную работу вообще.

Как-то опустела душа, перегорела в ней всё, и не чувствую я больше человеческой любви, ни большой ненависти.

На меня смотрят еще как на человека, каким была я полтора года назад, а я уже стала совсем другой: и пассивной, и ко всему равнодушной, и пустой, и ни к чему непригодной. Я просто потеряла чувствительность, не физическую, духовную. И как-то не заметила даже, когда совершился перелом в душе и всё замерло. Наверное уже до конца жизни. Я никогда не буду жить для себя, для своего личного благополучия, но и активным участником общественной жизни я едва ли тоже буду.

17.04

На дворе буйно вступает в свои права весна. Только в душе моей нет пробуждения. И ничего не радует. Снова неделя прошла в постели на больничном. И не столько уж я не могла, сколько просто не хотела вставать. Вот так бы, никогда не ставать, лежать и ничего не делать. Интересно, появится ли у меня хоть к чему-нибудь интерес? Проснётся ли хоть к чему-нибудь душа?

Если так и замрёт в ней всё навсегда?

Есть такое выражение «моральный износ» у одних он наступает раньше, чем физический, у других — позднее.

У меня моральный износ наступил раньше, чем физический износ. И я тут ничего не могла изменить, ничем не могла помочь себе.

Так уж видно на роду моём было написано.

Даже самой над собой удивительно: в голове ни одной мысли, ни одного желания. Одна пустота. Вот и стала я не умная, как все говорят ещё пока, а пустая. Только этого ещё пока никто не замечает. А заметят, объяснят болезнью. И никто не узнает, что не столько я телом, сколько душой больна. Уж ничего я больше не жду, ничего не хочу, кроме того, чтобы у детей моих лучше жизнь сложилась, и ни на что не надеюсь.

Вот приду сейчас в коллектив, меня сразу спросят: «Как здоровье?» Я криво усмехнусь и скажу: «Да пока сносно».

Жизни прожита. Не так-то уж плохо прожита. И не надо ни о чём жалеть.

18.04

Моя нервная система не выносит никакого напряжения. После недельного лежания отвела день в школе и снова началась сильная головная боль. Сегодня с самого утра.

В больницу не пойду. Надо программу заканчивать. Будь что будет. Ученики не виноваты.

А я? Разве я в чем-то виновата? Всё делалось независимо от моей воли. Я не виновата, что всё это оказалось такими сильными.

3.05

Вот и опять праздник проходит. 1-го мая весь день спала. 2-го пошла к Там. Андр. (она ещё до праздника приглашала). Пришла, а у нее гости (Чежеговы, Берестовы, К.А.). И опять почувствовала себя лишней. Зачем пришла? Кто тебя позвал? Никто. Ну и не надо было ходить. Больше не пойду. Лишняя….лишняя…. Всюду лишняя. Я, кажется, на этом свете вообще лишняя….

07.05

Музыка…. Она действует, на душу, как целебная вода, она уводит в другой мир, мир красоты и счастья, она побеждает мрак и злые силы, она будит в душе самые лучшие человеческие чувства. С наслаждением слушаю «Иоланту» Чайковского. Чудесная музыка и голоса. Как жаль, что времени мало ей приходится отводить.

11.05.1969 г.

— Скоро выйду на пенсию, — говорю я.

— И работать нигде не будете?

— Не буду. По крайне мере в школе не буду.

— А где вы будете работать? Дома всё равно не усидите. Не

такой у вас характер.

Да, я раньше, два года назад, тоже думала, что дома мне не усидеть, что если и работать не буду, то в общественной жизни буду принимать самое активное участие. А сейчас думаю, с грустью думаю, что усижу дома, смогу спокойно жить и без активного участия в жизни. Человек ко всему привыкает.

Велика приспособляемость к жизни у всего живого, и телесная приспособляемость, и духовная. Я выжила в трудной борьбе с собой, но сломалась, не согнулась, просто сломалась. И живу сейчас просто по инерции. Все живое должно жить. Вдалбливаю в себя эту истину и не могу до конца вдолбить.

Ничто мне сейчас не дорого и никто не дорог. Не хочется никого не видеть, ни слышать.

Вот так и выбрасывается человек из жизни. Долго мне всё-таки наверное не прожить. Постоянно чувствую себя временно пребывающей. А душа болит, болит….

Мама, мама, зачем ты родила дочь свою и зачем оставила мучиться на этом свете?

Жизнь прожита. Не надо ни о чём жалеть. Живи, пока живётся. Как другие.

13.05

Хочу ли я, чтобы кто-то вывел меня из этого состояния? Нет, даже этого желания у меня нет. Ни одного желания, ни одного стремления. Пусто…. Послезавтра надо идти, как заседателю, на судебный процесс. С каким бы интересом я пошла на него раньше! А сейчас думаю о послезавтрашнем вечере как об обузе, о деле, которое будет заставлять меня как-то думать, а мне этого совсем не хочется. Вот и я превратилась в «пассажира незанятых мест», — как писал Андерсен-Нексе и начинаю уже свыкаться со своим положением. «Если изменить положение нельзя, человек к нему привыкает».

25.05

Дни тянутся один за другим. Тоскливо и неинтересно.

Вчера проводили 10-ый класс на экзамены. Раньше меня до слез трогал этот момент. А сейчас и тут душа оказалась глуха. Ни слезинки на глазах, ни струнки не дрогнула в душе.

Ну что же, вот так я могу прожить дольше, потому, что не будет больше душевной боли и страданий, от которых захочется

избавиться. Поспать, поесть, сделать немного для детей — вот так и буду жить, вернее существовать.

И не потянет меня больше туда, и не буду я ждать больше чьего-то внимания.

Удовлетворяет ли меня такое существование? Нет. Но я ничего не могу изменить.

Проснётся душа, проснётся и чувство к нему. Опять буду вспоминать годы его пребывания в школе, моё тёплое отношение к нему и его ко мне и с горечью знать и помнить, что ничего в его душе ко мне нет, кроме недоверия и холодного равнодушия. За что? Пусть лучше уж спит душа.

Помню лет 16 тому назад, как-то зашла я в учительскую, сидят на диване Сагида М. и ещё кто-то из учителей и решают вопрос взаимно или не взаимно?

— О ком это вы? — спрашиваю.

— О вас, — отвечают.

— Обо мне? А второй кто?

— Подставляйте ухо, скажу, — говорит Сагида М.

Я подставила, и она шепнула. Я рассмеялась только тогда и спокойно спросила:

— И как же вы решили?

— Решили, что взаимно, — ответили они. Вот как было.

А он: «Оппозиция». Эх, ты.

Вот и всё.

Кончился период жизни, начался период существования.

А могло бы всё быть по-другому. Могла бы я ещё вести лет 10–12 активной жизни. И служила бы примером для других дел сделать немало могла бы. Ну что ж, судьба распорядилась по-другому. Не всё зависит от воли человека.

Тетрадь 3

9.06

Бывают в жизни человека такие минуты, когда ему очень тяжело, невыносимо тяжело от горя. Вдвойне тяжелее, если нельзя разделить с кем-то это горе. И тогда приходит желание забыться, любой ценой забыться. Вот он и забывается «любой ценой», согласно своему развитию и культуре, один в вине, другой в боге, третий в полной отдаче любимой работе, четвертый в паломничестве куда-то или ещё в чем.

Всё объясняется физиологически: нервной системе от перенапряжения нужен отдых. Плохо, что мы не обращаем внимания на эту сторону жизни, и нет у нас мест, где бы можно было просто забыться, забыться без бога, и вина. Человеку надо бывает посмотреть на своё горе со стороны. Четвертого июня в Красногорье встретила В.Г… Даже не заметил меня, как козявку, какую, не заслуживающую внимания, хотя знает о моём отношении к нему. Правда, очень вежливо, даже за руку, поздоровался, когда его окликнули. Горечь, обида, слёзы….

Я всегда старалась не плакать при муже и детях, как могла, сдерживалась. А тут не могла сдержаться.

— Ну, чего ты опять тень наводишь? О чём опять? Кто обидел, что ли, тебя?

— Нет, просто так. Ты не обращай внимания, пройдет.

Огорчённый, муж лег в постель. Легла и я. А слёзы, горькие слёзы бегут, не унять.

— Ну, кто тебя, кто? Успокойся, не плачь.

Я прижалась к нему:

— Погладь меня, погладь….. Ой, Петя, тяжело мне….

Как мог, успокаивал меня и гладил, гладил, ласкал, как маленького ребенка.

— Не отпущу я тебя больше в Красногорье.

— И не отпускай. Тяжело мне там быть. Больше я сама не поеду.

Тяжелый груз обиды спадал с души под ласками мужа. Дорогой мой Пётр, ты по-своему любишь меня и жалеешь. Родным и я считаю тебя. Сейчас ты можешь быть спокойным: никого не будет в моей душе. Это была последняя минута прощания с тем, кому долгие годы принадлежала душа. Тяжёлая минута. Была минута обиды, но не прощания!

Поняла, что для него я — совершенно посторонний человек,

не заслуживающий его внимания. Ничего не затронуло его души. О, она крепко сковала его барством и довольством жизнью. Ну, а письмо и беседы с ним скоро забудет, забудет совсем, как начисто забыл своё безграничное уважение ко мне в бытность в Валамазе, забыл уже через два года после ухода от нас.

Да, он вежлив, тактичен, в меру внимателен к людям, не изменили ему эти качества и в отношении ко мне тогда, когда пришла к нему. Но разве мало людей, имеющих также хорошие качества? Даже ещё лучше.

Ну а письмо? Это просто средство вылить всё оставшееся в душе после ухода его из неё. Вот отправила его, и совершенно спокойна.

Да, он ушёл из души, из жизни моей, ушёл окончательно и бесповоротно. Так ли? Я не вольна была в чувстве к нему, не вольна и в уходе этого чувства. Всё это делалось как-то само собой.

Мне всё равно, ответит он на письмо или нет, даже лучше будет, если он не ответит. Тогда это будет подтверждением моих выводов. Душевное равновесие и так восстановилось. Ответ может опять всё нарушить. Не хочу. Для меня он стал просто хорошим человеком, руководителем совершенного типа.

Стала ли я беднее душой после всего пережитого? Нет. Стала ещё богаче. И жизнь сегодня снова улыбается мне и солнцем, и свежим воздухом, и изумрудом древесной листвы, и маленьким нежно бархатным темно-фиолетовым глазком, что, наверное, нарочно старается украсить мир своей красотой.

Теперь это уже история. Я смотрю на нее со стороны и осмысливаю всё. Как всё началось? Сначала была дружба. Постепенно В.Г. заполнял душу и заполнил её целиком, до отказа. Это ещё в школе.

Большое, светлое, чистое и тёплое чувство родилось в душе, чувство, которое, наверное, называется любовью, большой человеческой, всё заполняющей и всё объемлющей любовью (сейчас я уже не боюсь признаться себе в этом).

Я вполне довольствовалась его добрым ко мне отношением, большим уважением и пониманием. С отъездом его чувство не умерло. Оно жило, согревало, было эти годы. Мне всегда казалось, что он хотя изредка вспоминает обо мне с теплотой. И раз за разом я убеждалась, что этого нет, но всё не верила, всё находила оправдание каждого его неуважительного поступка по отношению ко мне. До последнего случая. Тогда я поняла, что он давным-давно начисто забыл обо мне, о своём отношении ко мне, о моём ко мне и никогда не вспоминал даже.

Его выражение: «Что ей заслуженную, что ли надо? —

окончательно убедило меня в этом.

С этого началась гибель большого чувства. Отбросив гордость и самолюбие, всеми способами я бессознательно бросилась спасать его, потому, что мне с ним было легко, хорошо жить. Тут и родилось и письмо, и телефонные звонки, и всё остальное.

Чувствуй бы он тоньше, сумей бы до конца понять меня, отнесись бы сердечнее, любовь моя была бы спасена и жила бы она до конца дней моих, согревала бы и радовала меня. А он нет. Письмо прочитал «с удовольствием» и только, хотя это был крик души. И вот последний самый случай. Даже после всего он не замечает меня, как букашку, каких много ползает по земле.

Чувство умерло, может просто заглохло. Последнее письмо, посланное сегодня, уже наполовину искусственное. Просто как последняя вспышка огня. Вспыхнул и погас. Отправила и забыла даже, что отправила, и ответа не жду. Неправда, очень ждала. Теперь тело принадлежит одному человеку, а душа….душа всем людям!

Беднее я от этого буду или богаче, не знаю. Как это будет отражаться на жизни, тоже не знаю, как не знала сначала, что за пустота вдруг в душе появилась тогда и как она отразится на жизни. Странной и необъяснимой показалась она мне тогда, а сейчас уже я поняла, что так почувствовала я начало гибели моего чувства.

С ужасом думаю сейчас, что могла бы не выдержать, что могла бы рассчитаться с жизнью. И, пожалуй, радуюсь, что выстояла, что не беднее чувствую себя, а богаче. И…да здравствует жизнь! Осталось ли что-нибудь в его душе от этой истории? Вероятнее всего ничего. И он скоро так же начисто, как уважение и дружбу со мной, забудет её и не вспомнит. Стоит ли отягощать память ненужными воспоминаниями!

А я? Буду ли я вспоминать об этом? Конечно! но вспоминать так, как вспоминаю других людей, которые были мне когда-то близки, вспоминать время от времени.

11.06

Как хорошо, что Петя в ту ночь ни разу не сказал мне неласкового слова, не одёрнул меня, как бывало раньше, своим: «Перестань, я спать хочу». Только успокаивал и ласкал, гладил. Снимал груз недовольства жизнью, сам того не зная. С той ночи он будто сразу придвинулся ко мне, стал ближе, роднее, дороже.

12.06

Телефонный звонок (не утерпела):

— Получили?

— Получил.

— Ну и ответите?

— Да, разумеется.

— Ой, пожалуйста. Очень прошу.

— Сделаю, сделаю.

А меня охватывает безудержная радость. Хочется петь, прыгать, как маленькой, делать что-то хорошее, доброе. И все-таки так, как было, чтобы один в душе, чувствую, не будет.

Откуда же эта радость? Чем больше я стараюсь понять самоё себя, тем больше не понимаю. И что со мной творится, тоже не понимаю.

Нет, о душевном равновесии говорить ещё рано.

Как не хватает мне сейчас Авы. Умница моя. С ней можно было говорить почти обо всем: о музыке, о литературе, об искусстве, об отношениях между людьми, меньше о политике.

Мне нравилось её умение брать в человеке самое характерное и определять по нему суть его, нравилось природное, тонкое остроумие, которое заставляло от души смеяться. С ней интересно было сходить в кино и поделиться мнениями о нём, поделиться мнениями о прочитанном, просто о жизни. Ава, Ава, ты сейчас никогда не узнаешь, как часто я вспоминаю тебя.

Помню памятный разговор с ней о В.Г… Она мне всегда здоровой завистью завидовала, что я вот так могу куда-то спешить, торопиться. Так было и в этот приезд.

— Опять торопишься? Ну, беги, беги на свидание, — намекала она.

— Нет, Ава, — решительно и прямо ответила я. — Для меня В.Г. был только друг, самый близкий. К нему я могла пойти поделиться с любым вопросом. Он был ближе мне, чем брат. Как-то легко и свободно я чувствовала себя в его присутствии. Никакого стеснения или неловкости я в общении с ним не испытывала.

— А сейчас?

— А сейчас он начальник, руководитель и знать простых людей не хочет. К нему сейчас не подойдешь. Совсем другой он стал.

— Ну, всё равно должно же что-то в нём остаться от старого.

— Не знаю, Ава. Едва ли что осталось. Власть ведь портит людей.

Вот и сейчас не знаю, что и как он мне ответит. Даже понятия не имею. Ответит, конечно, вежливо, тактично, но едва ли от души.

А мне хочется, чтобы мне сказали, холодно ли, тепло ли, от души, чтобы почувствовала я, что действительно что-то значу, как человек, для другого человека.

И опять вспоминается…. Сидели как-то в райкоме на диване с Там. Мих. и она упрашивала меня написать в газету.

— Не могу. Руки опускаются.

— Все равно я заставлю вас писать.

Я усмехнулась:

— Силы не хватит.

— Конечно, не хватит, целый год не могу ничего заставить написать.

— Мне нужна сила больше вашей.

— Вроде В.Г.?

— Вроде В.Г., - твердо ответила я.

Незаметно было, приняла ли она всерьёз мой ответ. Скорее всего, нет.

А мне действительно нужна была сила В.Г… Сейчас не знаю, нужна ли эта сила.

Но откуда радость после разговора?

Нет, не каждому дано счастье, познать большое чувство, такое, что наполняет всю душу, что радует и согревает человека всю его жизнь. И такое чувство, я уверена, может быть в жизни только к одному человеку, чувство сильное и глубокое. Человек, вызвавший такое чувство, может гордиться собой, как и тот, который оказался способен на такое чувство.

14.06

А ответа всё нет…. Какая мука! Как было хорошо и как стало плохо. Даже в этом судьба мне отказывает. Как она щедро одаривает одних и как несправедлива к другим! «Человек своему счастью кузнец». Не всегда это так. Собственно чего я мучусь из-за ответа? Нет и не надо. Лучше, если и совсем не будет. Я уже устала в этой борьбе с самой собой. Хочется отдохнуть и забыться.

18.06

Вот и ответ. Правдивый, честный и прямой, откровенный. И написан он от души. Читала, и всё становилось на своё место.

Теперь понятна и та радость: снова я обретала друга, к которому пойти могу доверчиво с любым вопросом, у которого

смогу найти поддержку. Нет, и письмо моё не искусственным было. Это я сама себя пыталась убедить в этом. Да, это была последняя надежда вернуть себе прежнего В.Г., потому что он стал частью моей души и без него не могло восстановиться в ней равновесие. Сразу стало как-то легко на душе, после его письма. Спасибо тебе хороший, большой Человек. Сейчас я, наверное, самая богатая на свете: у меня есть любящий муж, неглупые здоровые сыновья, в которых я буду продолжать жить, и хороший душевный друг, который по-прежнему относится ко мне, как и я к нему, с доверием и уважением.

Вот когда по-настоящему восстановилось душевное равновесие, появилось желание что-то делать. В чём оно выльется, пока не знаю. В душе пока тихая, покойная рябь. Я словно отдыхаю после тяжёлого пути. Отдыхаю, чтобы потом снова пуститься в путь.

22.06

Читаю и перечитываю его ответ. Все таки не отмахнулся, понял все, не посчитал для себя недостойными ответить и пошел на откровенный разговор, на такой, на какой только он один и может пойти по отношению ко мне, пойти как равный к равному, с доверием и уважением, как человек к человеку без различия, мужчина он или женщина. Вот в чём сила твоя, друг мой, для меня.

Но как дорого стоило мне вернуть его для себя, как друга! Как вообще мне всё трудно в жизни дается, даже дружба. Почему это?

Хочется поспорить, поговорить по письму, чтобы ничего не оставалось неясного, чтобы тверже, надежнее, увереннее я могла опереться на него, предупредить его, что если я ещё раз встречусь с его недоверием — это будет моя гибель. Он должен и это понять. Тёплое чувство к нему снова поднимается в душе, единственному и неповторимому, такому дорогому и нужному мне. Нет, без него бы я не смогла долго прожить. И хорошо, что он оказался таким, каким я хотела бы его видеть. Неправа я была. Чувствую себя сильнее, увереннее, словно вдохнули в меня снова жизнь.

Человек только тогда и живёт, когда он чем-то оправдывает своё существование, своё поведение, когда он уважает себя. Даже закоренелый преступник, если он потеряет уважение к самому себе, не находит оправдания своему существованию, или меняет своё поведение, свой образ жизни, или кончает жизнь

самоубийством, если не может что-либо изменить в своей жизни. Так и я. С потерей уважения ко мне В.Г. я теряю уважение к самой себе, а без него мне становится просто невозможно жить. Я могла бы остаться жить, если бы убедилась окончательно, что он не тот, каким я его себе представляла, но не могла бы жить, пойми бы я, что он такой, каким я представляла его, но потерял уважение ко мне. Я счастливая тем, что он оказался таким, к какому я прониклась безграничным доверием и уважением, и тем, что он по-прежнему доверяет мне и уважает меня.

Спасибо тебе и будь здоров, дорогой мой человек!

22.06

Как не умеем ещё мы за частным видеть общее, в частном проявление общих закономерностей.

Была позавчера у Там. Андр. Разговорились о друзьях:

— Когда человека считаешь своим другом и когда уважаешь, очень его, бывает очень обидно несправедливое мнение его о себе, — говорит Там. Андр. — Вот и Сагида Мих. Как она могла так подумать обо мне?

— Вот и я так же, — невольно как-то сказалось у меня, — как он мог так подумать обо мне?

— Вы это о В.Г. наверное?

— Да, о нем. А как вы узнали?

— Я давно уже наблюдаю за вами. Вот вы как-то несколько раз подряд прослушала пластинку «Я люблю тебя, жизнь», когда узнали, что это любимая пластинка В.Г., а вчера с такой теплотой заговорили о нём.

— У меня не было друзей, ближе В.Г. и Авы, — призналась я, — и я тяжело переживала его несправедливое и неуважительное отношение ко мне.

— А сейчас?

— А сейчас уже всё хорошо, и я здорова.

— Понимаю.

На этом разговор и закончился. Я не стала больше говорить ни о чём, она тоже с большим тактом не стала больше расспрашивать ни о чём. Больше я никогда постараюсь ни с кем говорить о В.Г… Не хочу, чтобы кто-то мог ещё заглянуть в душу. Но Там. Андр. я обещала сказать когда-нибудь причину моей болезни, за её доброе сердечное отношение ко мне, когда мне было очень трудно. Да и хотелось убедить её, что дело всё было не в награде, убедить, наконец, в том, что ни о каких наградах я никогда не думала. Зачем они мне? Не хотела, чтобы Там. Андр.

думала плохо обо мне. И хорошо, что разговор так произошёл.

А вообще-то, почему я должна скрывать моё доброе отношение к человеку? Ничего предосудительного в таком отношении нет. Тайной только должно остаться содержание бесед с В.Г. и писем. Потому что это дело глубоко личное, доверительное. Снова закрадывается в душу сомнение: а вдруг снова будет недоверие ко мне? Тогда верная гибель. Нет, я должна ещё раз побывать у В.Г. и выяснить всё до конца, побывать, может быть, последний раз.

1.07

Сегодня закончила дела по классу. Завтра — в отпуск.

У души есть особое свойство: она может не стареть.

Когда человек душой не стареет? Когда в его душе живёт большая чистая, светлая, вечная любовь. Тогда он молодой и в 50, и в 60 и даже в 100 лет. Молодой до конца своей жизни.

6.07

Опера-фильм «Абесалом и Этери» Чудесный фильм о больших человеческих чувствах, глубокой любви, что сильнее жизни. Было на сеансе около 10 человек. Просто обидно, обидно за нашу молодежь, когда слышишь:

«Дрянь какая-то, не интересно», об этом фильме. Говорят, что мы в школе не приучаем учеников слушать и понимать музыку, разбираться в красивом и безобразном. Ну, а нас кто учил? Мы даже были лишены радио, не было у нас телевизоров, молодость наполнена мыслью о насущном куске хлеба и все-таки мы меняли на билет последний ломоть хлеба, чтобы попасть на оперу или балет.

9.07

Вчера была у В.Г… Состоялся хороший, откровенный разговор обо всём, когда время летит и не замечаешь, хочется говорить и об этом, и об этом, и о том, делиться мыслями, соображениями. Давно-давно я ни с кем так не говорила, легко, свободно, без всякого напряжения.

В душе всё улеглось, всё встало на своё место. Чувствую себя путником, утолившим жажду в жаркий, знойный день. Никогда

ещё я не чувствовала себя такой полной, как сейчас. Ради беседы пришлось пожертвовать ужином и завтраком, пришлось нещадно трястись в тележке почтового транспорта, которая ухитрялась основательно встряхивать нас даже на ровной дороге, но что значат эти мелочи против того большого удовлетворения, которое я получила. И большая благодарность тебе, Человек!

12.07

Будто уже всё и улеглось в душе, а в сознании нет-нет да и всплывёт вопрос: «А стоит ли дальше жить?» Всплывёт, как злокачественная опухоль, как отголосок прошедшей страшной для меня зимы.

Жизнь хороша, не так-то уж много плохого в ней, но вдруг как-то сразу покажется, что всё хорошее не для меня. Радуюсь, что такая мысль приходит в сознание всё реже и реже.

14.07

Иногда я думаю про себя:

— Ну, зачем ты человека отрываешь от текущих дел, зачем просишь возможности поговорить, ответить? Только потому, что эти беседы и ответы доставляют для тебя удовольствие? А для него? Может быть, всё это для него не удовольствие, а сущее наказание? И тут же появляется недобрая мысль: Ну и пусть наказание, наказание за невнимательность, за необъективное отношение к человеку, за пренебрежение к мнению коллектива, за несправедливость, вопиющую несправедливость по отношению ко мне.

19.07

Сегодня уехали наши Чежеговы. Мы от души все пожалели их. Хорошие люди и добрые работники. Я особенно уважала Чежегова А.С. за его умение разбираться в музыке, причём вкусы наши сходились, за его прямоту, за его природный юмор, который нередко давал хорошее настроение на целый день. Проводили….

Впрочем, мы проводили их ещё 15го июля, когда ездили на луга отдыхать. Вместе загорали, купались, дурачились, как ребята. Мне было особенно весело, так, как никогда ещё не бывало. Даже дождик ласково брызгал своими серебристыми

каплями, а не нудно сеял, как в другие дни, непрошено вываливаясь из набежавшего вдруг облака. Какое это счастье носить в душе большое чувство! Я и сама никогда не думала раньше, что оно будет таким сильным и глубоким. И причём тут годы?

28.07

Позади путешествие по маршруту: Валамаз — Красногорье — Глазов — Ижевск — Сарапул — Ижевск — Игра — Валамаз. Я люблю быструю смену картин природы, люблю встречать знакомых, присматриваться к незнакомым.

Приобрела «Лебединое озеро» Чайковского и «Травиату» Верди. Это как бутылка вина для алкоголика.

Начался сенокос, а я мечтаю о времени, когда погружусь в чарующие звуки «Лебединого озера». И ещё мечтаю о большой поездке к Вале П. и Пете К… Как-то сложилось их жизнь? Особенно хочется знать о Пете К… Съезжу, обязательно съезжу. Посмотрю юг.

Ну причём тут годы, дружище? Интересно, в каких тайниках, души человеческой другой вдруг становится единственным на всю жизнь, единственным и неповторимым?

31.07

Борется в душе чувство обида и горечи за незаслуженное и несправедливое отношение ко мне с чувством глубокой благодарности к В.Г. и признательности за оказанное доверие; борется мысль: «Должен он помнить о моем к нему отношении и должно же оно хоть чуточку тепла ко мне заронить в его душу» с мыслью: «Забудет всё начисто и не вспомнит. Для него я человек, не заслуживающий его внимания. Какое уж там тепло!»

Борется чувство собственного достоинства и внутренней силы, чувство гордости и самолюбия с чувством бессилия и рабской покорности.

Борется мысль: «Он же меня знает и не даст больше в обиду кому-то». С мыслью: «За четыре года не узнал, а тут за 4–5 часов вдруг узнал, как бы не так, наговорят ему на тебя (у меня же много недоброжелателей в числе пьяниц, хулиганов и просто беспринципных людей) и он им поверит, как поверил тогда, а тебе не поверит, не постарается поговорить лично и выяснить всё сам».

Борется чувство уверенности в том, что я могу ещё что-то сделать, что не вся далеко ещё жизнь прожита, с чувством, что жизнь прожита и впереди остаётся безрадостное существование.

Что победит в душе и что будет похоронено, какая мысль восторжествует над какой — покажет будущее. Поживем — увидим. Многое будет зависеть от отношения В.Г. ко мне. Борется в душе страстное желание общения с ним с неимоверной боязнью оказаться надоедливой, навязчивой.

Постоянное желание позвонить, узнать, чем занимается, поговорить, с чем-то поздравить, сделать что-то хорошее и постоянная мысль: «Нужно-то очень всё это ему, как прошлогодний снег».

«У вас не было молодости», — как-то сказал мне В.Г… Нет, неправда, была молодость, была дружба, были вечерние встречи, были и соловьи, поющие на рассвете. И как ни холодно, ни трудно было в те годы, согревались они хорошей дружбой с П.К… И хоть не было большого чувства в отношении к нему, я всегда вспоминаю о нём с теплотой. Как-то сложилась его жизнь с той, что была во всем похожа на меня, — как он писал, — только оказалась близко от него, а я далеко.

Нет, мне нужен В.Г… Без него я чувствовала бы себя очень одинока и неуютно в этом мире.

5.08

Третьи сутки перевернутое сено лежит под время от времени моросящим дождём, а мне хоть бы что. Олимпийское спокойствие!

В чём моя ошибка была и моё заблуждение?

Мне всегда казалось, что В.Г. хоть изредка, но вспоминает наш коллектив и меня с уважением и теплотой. Я же всегда относилась к нему с доверием и глубоким уважением. Никогда за всю мою жизнь ни он, ни кто-либо другой не слыхал, чтобы я отозвалась о В.Г. плохо или без уважения к нему, даже после случаев неуважительного отношения В.Г. ко мне. Всегда его передо мной оправдывала мысль: «Почему это он должен относиться к тебе с особым уважением, за какие такие заслуги? Тебе кто дороже, ты или он?» И всегда следовал ответ: «Конечно он. Его есть, за что любить и помнить о нём, а тебя вот не только уважать, но и помнить не за что».

Сейчас думаю: «Просто я не смогла оставить никакой памяти о себе в его душе, а он смог. И никто тут не виноват».

Сейчас он знает, что все эти годы носила его в своей душе,

знает, что он мне нужен, но пройдет какое-то время и снова всё забудет, забудет и не вспомнит даже. Ну и пусть. Для меня он всё равно останется на всю жизнь единственным. Тут уж я сделать ничего не могу. Это выше сил моих. Боязнь стать для В.Г. навязчивой, надоедливой берёт верх над желанием общения с ним и, наверное, она все-таки победит.

5.08

В.Г. сделал для меня всё, что он смог. Вернее, я заставила сделать для меня то, что мне нужно было. Главный итог всего сделанного для меня: я хочу жить, я живая, я готова выполнить любую работу, я здорова.

Удивительно прямо: куда делся мой радикулит и моя гипертония? Их больше не стало, и я здорова.

Да, для меня наибольшая радость — общение с ним, но я едва ли осмелюсь ещё раз сама попросить времени для разговора, потому что не хочу быть эгоисткой по отношению к нему. Мне нужна такая беседа, подобная последней, а ему? Ему она, быть может, просто наказание. А я больше не хочу наказывать его. Вот если бы он захотел ещё раз поговорить так, как он говорил тогда, о, я бы всё отложила и приехала бы. Но он едва ли захочет этого. Ну и пусть. Всё равно он снова будет жить в душе жить до конца моей жизни. С этим я не в силах, что-либо сделать.

А так хочется поговорить по прочитанным произведениям, которые он мне рекомендовал! Поговорить, обменяться мнениями.

И мысль: а может ему вовсе не хочется и мои суждения по этой литературе, ну что ты будешь их кому-то навязывать.

8.08

В течении почти двух месяцев прикладывалась я к письму В.Г., как пьяница к бутылке. Хотелось сохранить его, как память. Но я и так помню каждую строчку его и не хочу, чтобы кто-то заглянул в него другой. Он же руководитель, и я не могу не считаться с ним. В.Г. не хотел, чтобы это письмо попало кому-то в руки, и я не могу рисковать его доверием. Все мы не застрахованы от смерти, а я не хочу, чтобы после меня, его кто-то обнаружил. Письмо сожгла. Сгорела только бумага, содержание же его осталось со мной. Сейчас можно быть и мне, и В.Г. спокойным: письмо уж больше никому никогда не попадёт в руки. Ну вот,

дружище, я положила его очень далеко: на самое дно души, туда, где его никто не сможет обнаружить.

11.08

Сегодня целый день лежу в постели. Очередной приступ радикулита. Простыла на покосе. Нет, не так-то видимо легко отступают приобретённые болезни. До прошлого года я не знала, что такое радикулит. Вот узнала….

Перечитала снова своё дневник…. Перечитывала и попутно вспоминала последнюю беседу и письмо. В них я находила ответы на все мучившие меня вопросы. Сейчас уж и на своё 50-летие смотрю не как на время ухода из школы. Просто как на время, когда у меня больше будет свободного времени, при той же зарплате. Ни один человек, с кем я встречалась за это время, не верит, что я не буду работать, ни один не видит во мне пенсионерку. И хорошо. «Ну что, будете получать не меньше, чем сейчас, а работать меньше» — вот общее мнение. Самое главное — я стала прежней.

Только теперь я буду осторожнее. Буду, наверное, помнить всегда, что В.Г., снова может всё забыть, забыть и то, что заблуждался. Рядом с большим чувством к нему и великой благодарностью осталось в душе горечь от всего пережитого. Сколько здоровья потеряно! Да, слишком запоздала откровенность. Настоящим другом мне будет В.Г., помощью и поддержкой тогда, когда действительно захочет добраться до души, захочет хотя бы для того, чтобы действительно стать опорой и поддержкой. Больше я постараюсь не заставлять его сходить ко мне со своих высот, но буду бесконечно рада, если он сам захочет сойти ко мне.

Тогда, наверное, и вся горечь исчезнет. Вот тогда он мне будет настоящий друг самый родной и близкий, самая большая поддержка. Человек — творенье коллектива и полной жизнью он может жить только в коллективе. И пока у него есть возможность, он будет всегда стремиться в коллектив.

И ещё он — творение труда. И если человек — настоящий человек, он будет работать до последних сил, потому что только в труде он чувствует себя полноправным человеком коллектива. Если человек потерял способность трудиться, потерял возможность быть в коллективе или хотя бы чувство участия в жизни коллектива — он уже не человек, ему пора уходить из жизни.

С нетерпением жду, когда снова начнется учебный год, снова

я вернусь в коллектив, вернусь прежней, такой, какую знали меня.

Иногда думаю: наверное я бы и без В.Г. нашла в себе силы войти в прежнею колею. И тут же мысль: не храбрись и не хвастайся, искала ведь эту силу в себе, ну и не нашла. И не найдешь, потому что её нет. Слишком долго он жил со мной в моей душе, слишком прочно прирос к ней. Мне уже не оторвать. Ну и пусть живёт. От этого нет никому никакого беспокойства, и не должно быть, а мне радостно.

15.08

Удивительно, насколько успокоилась, укрепилась нервная система. К моей великой радости, даже приступ радикулита прошёл без уколов и довольно быстро.

Как-то я буду чувствовать себя в новом учебном году? Раньше к думам о В.Г. никогда не примешивалась горечь. Он всегда жил во мне приветливый, доверительный, уважающий, тёплый, такой, каким он был в школе по отношению ко мне и каким был в ту последнюю беседу.

А сейчас стоит только появиться мысли о нём, как сейчас же всплывает горечь от незаслуженной обиды, от незаслуженного недоверия. И пока эта горечь оказывается сильнее часто доброго чувства к нему.

Нет, я больше постараюсь не обращаться к нему ни с чем. Не хочу больше сводить его с руководящей высоты. Может быть, это ему неприятно и не нужно.

Если нужна ему душа человека, пусть не для него лично, пусть сам сойдёт. Вот тогда и горечь исчезнет в душе, тогда и опора он будет мне настоящая до конца дней моих. Я его считаю другом своим, самым близким и родным, а ему, может, нужен такой друг, как в Петров день варежки. Чего я буду навязываться со своей дружбой? Ну пусть мне будет трудно и одиноко…. Такая уж моя судьба. А может в душе и пересилит его доверительное отношение ко мне в последнее время чувство горечи. Пока я ничего не знаю и не хочу копаться в душе. Как будет, так пусть и будет. Успокоилась и хорошо. Самое главное, что я стала прежней и сильной. Всё таки я заставила его повоевать за себя для других.

Постараюсь, делать так, чтобы мне больше не столкнуться с его недоверием и неуважением.

19.08

Узнала, что приехала новая химичка, и что-то словно в сердце кольнуло. Вот когда я только почувствовала, что уже своё отработала, и мне уже есть замена. Ну, ещё год-два буду работать, а потом надо будет всё равно уходить из школы: не хватит часов. Грустно так на душе. Всё-таки с ребятами быть очень интересно и не стареешь. И зачем только эта пенсия человеку, полному сил, энергии и работоспособности!

Пенсионер…. Фу, слово-то какое противное! «Ушла на заслуженный отдых», «Проводили на заслуженный отдых». Что значит отдых? Лежать в постели сколько угодно? Слоняться без цели из угла в угол? Или без цели созерцать окружающий цветущий, ликующий, звенящий, кипучий мир и думать, что тебе тут уже нет места? Что значит «отдых»? я не понимаю и не хочу такого отдыха.

И пока будут силы, я буду не созерцателем, а участником этой кипучей жизни. Буду там, где буду нужнее. Для человека, желающего дела, оно всегда найдется. Сейчас просто удивляюсь, как это я могла думать об уходе из

22.08

Дурра, стоеросовая дурра! А ещё, говорят, умная…. Поставила себя в зависимость от кого-то. Зачем это тебе? Где твоя гордость и самолюбие? Принесла в жертву своему чувству? Значит, оно оказалось сильнее твоих убеждений? Ты ли это, Колотова Анастасия Николаевна? Просто невероятно!

И как ты дала развиться мысли о самоубийстве? Ох, дура….

Жить, жить независимо, не быть ничьим рабом, ни от кого и ни от чего не зависеть.

Душа…душа должна принадлежать всем людям.

Нет, больше я не позвоню, не обращусь ни с чем, не напрошусь на беседу. Хватит гнуть своё человеческое достоинство. Нужен человек, нужна душа, пусть сам сойдет ко мне. Не сойдёт и не надо. Ох, сколько горечи и сколько обиды в душе!

И всё-таки я прежняя со всеми своими убеждениями.

23.08

Дети…. Я иногда ловлю себя на мысли, что слишком мало думаю о них. Они всегда рядом, я быстро реагирую на все их отклонения от нормального на мой взгляд поведения, забочусь о

том, чтобы их одеть и накормить, но всё это ничуть не занимает всех моих мыслей и действий. Нет, я просто не способна жить только ради детей, своих детей. Петя иногда упрекает, что я больше думаю о чужих детях, чем о своих.

Я просто не делаю различия между своими и чужими детьми. Я постаралась, насколько было это в моих силах, создать своему потомству нормальные условия жизни. Вот они и растут здоровые и нормальные человеческие души.

28.08

25-26 августа была на конференции. Очень хотелось поговорить с В.Г., отвести душу, зарядиться на новый учебный год. Это я ему и сказала. А он: «Еду в совхоз», «А завтра?», «Скажу позднее». А позднее: «Еду в Ижевск». Ну почему не сказать бы прямо, что нет настроения говорить? Разве бы я не поняла? Не всегда бывает настроение к такому разговору, как последний. Вот опять побоялся сказать правду. А я даже записала для себя, о чём говорить, чтобы не забыть. Вот тебе «когда угодно», вот тебе «окажу поддержку» и вот «благодарен». Ничего этого нет и не будет. Вот и ещё рассеялась одна иллюзия…. Обидно и горько…. И Авы нет….

Нет, не будет больше, видимо, у меня задушевных друзей, и не я в этом виновата. Вместо душевной зарядки порванные с досады и обиды листки записей.

«Вы с таким остервенением рвали вчера бумагу, что меня так и подмывало спросить: «Уж не любовь ли вы свою так рвёте. Были бы вы помоложе, я, наверное, так бы вас и спросила», — сказала мне на другой день Сагида М. (в интернате койки наши рядом стояли). Я смолчала. А я действительно не то, чтобы рвала, а просто, наверное, прощалась с ней. Была она моей радостью долгие годы, но судьба заставила сполна заплатить за эту радость. Теперь мы с ней квиты.

Горе и радость всегда идут рядом. Ну что ж. это и составляет жизнь человеческую. И если я могла глубоко чувствовать и радость и горе, значит я человек в большей степени, чем кто-то другой. И гордиться я этим должна и быть им.

И всё-таки к В.Г. сохраняется тёплое чувство и какая-то просто нежность: эх ты, чудо-юдо рыба-кит, хоть ты и руководитель, и мужчина, а я и сильнее, и смелее, и ничуть не глупее тебя, хоть и рядовая, и женщина. Сознание этой силы и будет поддержкой мне в жизни. И мысль: «Стоит ли жить?» больше не появляться. Ну и слава богу. На остановке сегодня по

приезду из Глазова встретили меня мои сынки и муж. Соскучились. Ждали. Вот твои настоящие друзья, Ан. Ник., и нечего искать других.

29.08

Раньше я жила мыслью, что В.Г. уважал меня больше, чем кого-либо другого, доверял больше, чем кому-либо другому, ценил больше, чем кого-либо другого. Потом я узнала, что ничего этого нет. И мне стало тяжело….

Сейчас я буду жить мыслью, что только по отношению ко мне такой солидный руководитель поступал совсем не солидно…. И это меня радует и успокаивает.

Всё вошло в свою колею.

29.08

Чёрт дёрнул тогда нашу парторганизацию рекомендовать меня к награждению, а потом и меня сунуло в директорскую как раз в тот момент, когда Сагида М., наш секретарь и/о, говорила по телефону:

— Ну, хорошо. Тамара Молода мало работала, не подходит. А тут-то почему вы против? — убеждала она кого-то.

— Кого это вы так убеждали и в чём? — спросила я её.

Она рассказала:

— Ну и что же они ответили, почему я не подхожу?

— Ничего не ответили. Не подходит и все, сказали. «Ну уж это не знаю, что у них в коллективе делается» — сказал В.Г… А что у нас особенного делается? — возмущалась Сагида М.

Я бы никогда и не подумала, что достойна какой-то награды, не услышь бы этот разговор.

А раз услышала, конечно, стала думать, почему же РК так воинственно настроен против меня, почему нет мне доверия? Я же всегда старалась поступать так, как учил Владимир Ильич. Тут и начался разлад души. Все дело осложнилось тем, что В.Г. был для меня единственным.

Всё могло бы плохо кончится, окажись бы я послабее. Радуюсь, что всё в душе встало на своё место. И В.Г. будет жить в ней до конца моей жизни, хоть я и знаю, что скоро он забудет обо всём. Ну что ж. Он не виноват, что я для него как все. Почему это он должен по-особому ко мне относится? Только потому, что мне это надо? А ему может совсем не надо. И не будь ты эгоисткой.

Скажи спасибо, за то, что сделал для тебя и будь за то благодарна.

Живи долго и будь здоров и удачлив, хороший мой человек! Ты всегда будешь в моей душе, хочешь ты этого или не хочешь, всегда будешь мне радостью и поддержкой.

Всегда буду помнить, что я была единственной, в отношении которой тебе пришлось поступить не так, как ко всем.

Жаль только, что вся эта история унесла много здоровья.

30.08

Больше стала думать о своих сыновьях. Как-то сложится их личная жизнь? Думаю, что я смогу понять их, если придёт к ним большая любовь, и помочь им правильно поступить, если она даже будет безответной.

Сыны мои, сыны. Они уже совсем стают большие. Главное — не глупые и здоровые. Я делаю всё, чтобы они были не просто русскими людьми, а советскими людьми. Не знаю, как это мне удастся. Коля пока хорошо начинает жить без нас. У него уже пять благодарностей и ни одного взыскания. Как это радует!

3.09

Сегодня снова мне стало плохо. Головная боль до тошноты. А я ещё думала что-то сделать. Все планы рушатся….

Да, не проходит видимо бесследно такое состояние, когда человек решает вопрос, стоит ли дальше жить.

4.09

Ни здоровья, ни жизни уже не воскресить. Слишком поздно пришло извинение за заблуждение. Ну, чтобы написать хотя бы на год раньше!

5.09

И желание есть жить и что-то ещё сделать в жизни, а здоровья нет. Нервная система не выносит никакого напряжения, слишком велика была нагрузка на неё. Ну что же. Буду делать столько, сколько смогу.

6.09

Вчера узнала, что В.Г. переводят в другой район. В душе это известие не вызвало никакого беспокойства. Где бы он ни был, он всегда будет со мной, во мне, такой, каким он был в ту последнюю беседу, со мной, до конца моей жизни. Радуюсь, что успела до его отъезда состояться та беседа. Ну, а работа везде одинакова. И неизвестно ещё, хуже ему будет там или лучше. Поживём, узнаем.

7.09

А всё-таки на душе тяжело…. Больше уж я не позвоню, не услышу приветливого голоса, не зайду поговорить, отвести душу. Вечер провела с К.А… Мне было легче с ней в этот вечер, зная, что и ей тяжело, что он уезжает далеко, легче провести вечер с человеком, которому он тоже бесконечно дорог. Завтра утром он уезжает. Тоскливо, одиноко, холодно…. И никакой горечи уже снова нет в душе против него. Пусть в душе, но он близок мне, и этого у меня никогда никто не отнимет.

15.09

Неделю лежала в больнице и приучала себя к мысли, что В.Г. нет в районе, что не смогу уж ни позвонить к нему, ни зайти поговорить. Опять одна….

Ведь вот уж и дети большие, а тоска, неизбывная тоска по единственному человеку не перестает глодать душу. Хотя бы Ава была жива….

Нет, надо собрать всю свою волю и жить. Я нужна ещё детям.

Со странными чувствами вернулась из больницы домой. Как будто я пришла совсем в чужую квартиру и всё для меня чужое. Никогда раньше не было такого чувства и не пойму, откуда оно. Ни о чём нельзя стало нисколько думать. Сразу повышается давление и сильная головная боль, боль до тошноты, до слабости.

Хороший у меня Петр, но что я сделаю, если он не задевает моей души, если он так же далек от неё, как небо от земли. Тут уж я бессильна что-либо сделать, что-либо изменить.

Ну, что же. Такая уж моя судьба. Так и буду жить, пока нужна своим детям.

19.09

Буду вечно помнить слова из того письма:

«Как видите, я вполне с Вами окровенен, и если это откровенное письмо Вас в какой-то мере устраивает, примите его как извинение за моё заблуждение».

Только слишком поздно пришло извинение. Кто знает, смогу ли я оправиться от всего пережитого. Хочется, очень хочется надееься, что всё будет хорошо, и я буду здорова.

26.09

Проводили нашего В.Г. в другой район.

Получилось всё очень хорошо, особенно для меня. И поговорить немного удалось, и получить возможность ему писать и надежду получить ответ на письмо. Вот и поговорить можно будет, хоть не часто. Ну, а что касается его самого, так он всегда со мной, каждую секунду моей жизни. Вся душа заполнена только им и ещё детьми. Всё моё отношение к людям освещается через него. На встрече с В.Г. Эля, его жена, сетовала на плохие квартирные условия и т. д. Мне даже странно было это слушать. Она же рядом с ним, и причём тут квартирные условия? Разве несчастье просто быть с ним рядом? Быть ему другом, советчиком, опорой, помощником. Нет, не душа в душу живешь и ты со своей половиной, дорогой мой друг.

8.10

Какие мы разные с моим Петром! Недоволен, что я решила пока работать, пока силы есть, и писать в газету, и делать доклады, и соваться во все дела. Для него оставь бы я всё это, вари бы регулярно похлёбки, ходи бы за этой надоевшей мне коровой и поросёнком, разводи бы всякую живность, закройся бы в четырёх стенах и не знай ничего, кроме своей семьи, и я была бы идеальной женой. А для меня это — смерть. Если не физическая, то духовная.

Я иногда думаю, а что было бы, если бы мы с В.Г. всегда были рядом?

Наверное, бы и его, и, особенно, моя жизнь были бы богаче, полнее, содержательнее. Тебе бы, дружище, не пришлось искать удовлетворения в вине, не сказали бы никогда тебе дети твои: «Выпил бы ты, что-ли».

А мне он все равно дорог со всеми своими слабостями. Всё равно он для меня единственный и очень нужный в жизни, моё горе и моя радость, моя жизнь.

Какое это, должно быть, счастье, жить рядом с человеком, близким твоей душе!

Думаю и том, что Тургенев был счастливее меня в личной жизни. П. Виардо была благодарна ему за то чувство, которое он питал к ней, и всегда относилась к нему с теплотой и вниманием. Никогда не проявляла она равнодушия к его жизни, чем могла, помогала ему.

А ведь он ей был тоже не нужен.

31.10

Когда я бываю на людях, будто бы и снова что-то хочется делать, стоит только остаться одной, и хандра часто захлёстывает душу.

Нет, и в семье моей не всё ладно. Плохо, когда всё отдаёшь, и неоткуда брать что-то для себя. Я ничего не могу взять у своего мужа, а должна всё отдавать ему и детям.

Все окружающие удивляются моей жизнерадостность и общительности.

Знали бы они, как холодно и одиноко мне!

Всё перетряхнулось в моей голове и никак не может ещё уложиться.

И что замечаю за собой: Начну заправлять постель, забуду послать покрывало, положить подушки и займусь за другое дело, налью корове в ведро, чтобы унести пить, и забуду отнести, возьмусь за другое дело, начну писать планы к урокам, на половине планы забываю, о чем дальше писать, налью в самовар воды и забуду положить углей и огня, снова берусь за другое дело.

Какой-то сумбур начинается в голове, просто появляется пустота. Тогда мне хочется спать и спать и никогда не вставать, и никто мне тогда не нужен, ни о ком, ни одной мысли. Я слышу, вижу, чувствую, но ни одно ощущение не рождает мысли. Раньше со мной никогда такого не было.

1.11

Что я буду делать, когда совсем уйду из школы? Может быть отправлю своего Петра к одному из детей нянчить внучат (он

любит нянчиться, особенно над девочками), а сама предложу свои услуги какой-либо газете, может быть я приеду к В.Г. и попрошу у него любой работы, чтобы быть и работать с ним вместе, наверное я часто буду посещать театр и наслаждаться бессмертной музыкой Чайковского и Штрауса, может быть мне поручат какое-то общественное дело, которое меня заинтересует, и я вся отдамся ему, а может быть моё здоровье, совсем сдаст, и я вынуждена буду жить в четырёх стенах, вот так, без единой мысли, без единого желания. Последнее для меня самое страшное. Буду надеяться, что ничего подобного не случится.

Мысли и мысли о будущем. Нет, до старости мне ещё далеко. Только бы восстановилось здоровье! Ох, как мне нужны сейчас внимание и забота об мне В.Г.! именно сейчас, когда я переживаю переломный момент в своей жизни, когда выхожу из привычной колеи.

10.11

Почему-то люди всегда думают, что они ещё встретятся с теми, кто был близок им. И эта надежда, в большинстве случаев напрасная, всю жизнь живёт в душе.

«Встретимся», а для чего? Впрочем, с молодостью встречаться всегда хочется, всегда интересно.

Как узнать, разглядеть настоящее большое чувство?

Самый верный способ — подвергнуть его испытанию разлукой. Большое чувство всегда разгорится, маленькое — потухнет. Это ведь не мною сказано.

Чувствую, что все-таки что-то ушло из моей жизни. Нет уже больше того чувства, какое было к В.Г… Слишком оно было велико, слишком сильно, чтобы не вызвать бури в душе, когда столкнулось с холодным пренебрежением и равнодушием. Что-то всё-таки сломалось в душе.

Раньше всегда была мысль: «Ты и не знаешь, что живешь в душе, потому и равнодушен ко мне». Просыпалась я, просыпался в душе и он, тот, с которым мне было всегда тепло и свободно. И так всегда. Сейчас нет. Раньше он жил в душе, как что-то самое чистое, справедливое, тёплое и светлое. Сейчас нет — нет, да и горькое чувство покроет всё. Я просто не могу оправдывать его холодного равнодушия ко мне сейчас. Доверительная беседа? Да он уж тысячу раз, вероятно, раскаялся в ней! То письмо? Хорошее письмо, если бы не это обращение: «Уважаемая А.Н.». Каким холодом веет от него! «Уважаемый такой-то», «Уважаемая редакция». Так казённо пишут только тогда, когда не уважают

или совсем не знают того, кому пишут. Уж просто написал бы без этого «Уважаемая А.Н.».

Раньше я тоже видела его недостатки, но они с отъездом его все исчезли. Осталось только, то светлое, что было связно с ним, осталось его уважение ко мне, его доверие, его теплое слово «умница». Сейчас мне просто нужно, необходимо его тёплое слово, его внимание ко мне, его уважение ко мне в ответ на мою безраздельную верность ему. А их нет, и выступает уже его полное равнодушие ко мне, его неуважение. И вопрос: «За что?»

Впрочем, это его дело. Нельзя от человека ждать того, чего он дать не может. Если можешь, принимай такого, какой есть.

Жду поздравления с 50летием. Не будет его, не жди. Поздравит, как бы ни так! Снова горечь и горечь….

Нет, никогда её раньше не было. Не хочется думать об этом. Слишком это тяжело для меня, тяжело не чувствовать даже простого внимания и тепла от человека, который стал для тебя единственным.

Я очень не хочу для В.Г. этого, но чувствую: он будет одинок в старости. Вот тогда он вспомнит меня.

Вот начало подниматься в душе горькое чувство к В.Г. и снова сильнейшая головная боль. Снова все мысли исчезают, и хочется спать. Это, наверное, снова сознание так защищает В.Г.: лучше уж не думай совсем о нём, чем плохо думать. Лучше уж ни о чём не думать. Спокойнее…. Спать….

13.11

Хочется, до страсти хочется на «Лебединое озеро», «Травиату», «Жизель», «Спящую красавицу», «Аиду». Встретилось выражение Элеоноры Маркс: «Не будет преувеличением, если я скажу, что без Жени фон Вестфален Карл Маркс никогда бы, не мог стать тем, чем он был.

Я совершенно с этим согласна.

Как много в общественной жизни человека, играет его личная жизнь!

15.11

Ездила в Красногорское оформлять документы на пенсию.

Перед отъездом зашла Такаева Г. из редакции и попросила меня рассказать ей мою автобиографию. Очень отказывалась. Почему именно мою? Ничего в ней примечательно нет. Есть

жизни куда богаче и содержательнее, и мне перед ними просто неудобно свою выставлять напоказ.

— Ну, пожалуйста, расскажите. Мне же такое поручение дали, — просит Галя.

Пришлось согласиться.

Едем в село вместе на тракторных санях. Легкий ветер мягко обдувает лицо, бойко бежит наша стальная лошадка, мерно гудя своим безмолвным нутром.

Я вспоминаю свою жизнь, свои самые яркие впечатления….

— Вот видите, какая она у вас богатая, — говорит Галя.

— А разве она у других беднее? — скорее больше утверждаю, чем спрашиваю я.

Вспоминаю и думаю, что же в моей жизни было для себя и что для людей? Что значит для себя? Для себя можно вкусно покушать, приобрести дорогую вещь личного пользования, потешить свою чувственность. На это мне меньше всего оставалось средств, времени и желания. Всё же остальное человек делает для людей. Даже любит для людей.

Вот и Красногорское. Опустело село для меня. Словно и в райкоме никого не стало, и в самом селе.

Ночую у Наговицыной Д.С. Слушаю без конца о её болезнях и операциях, упорно, но безрезультатно стараюсь скрыть равнодушие к ним, и наконец, зевнув на 20-м камне, вынутом из желчного пузыря, погружаюсь в глубокий сон.

Была в райкоме у Чувашова В.Е… Спросила кое о чём. Вопросы мелкие, незначительные. Явно разочарован. Хотел хорошей беседы, чувствую.

— Ну, как вы живете без В.Г.?

Пожал плечами.

— Как, по-вашему, чем он привлекает к себе людей, — спрашиваю я прямо.

— Своим личным обаянием.

— И всё-таки, чём оно порождается?

— Высокой культурой и эрудицией.

— Эрудицией?

— А что вы удивляетесь, он много читает и много знает. Вообще я не видел в нём ничего отрицательно.

Говорит, как будто старается убедить меня в этом.

Я про себя посмеиваюсь над его старанием и неожиданно произношу вслух:

— Я тоже.

Нет, я знаю его и слабые стороны. Конечно, это, прежде всего, отсутствие органической потребности общения с людьми, с людьми разного положения.

Это недостаточная внимательность к своим родителям; это недостаточная принципиальность и коммунистическая убеждённость, это…впрочем, хорошего в нём куда больше, чем плохого. Да и вообще человек не может объективно судить о человеке, близком его душе(?). Он всегда будет его идеализировать. Тем более я.

16.11

Когда человек живёт долго в душе другого, душа просто срастается с ним.

Что значит «большой огонь разгорается в разлуке»? Просто когда близкий человек находиться от тебя в отдалении, перестаешь видеть отрицательное в нём, остаётся только то в душе, за что он стал близок к тебе. И это светлое в душе только и живёт. Человек для другого теряет своё физическое воплощение, становится чем-то абстрактным, становится для тебя полубогом, лишённым всяких недостатков. Человек просто не думает о них, как верующий не думает о недостатках бога. Для него бог — самый справедливый, чистый и светлый.

Так же и глубоко любящий человек не думает о недостатках своего любимого. Для него он — бог, душа, самое светлое, справедливое, чистое, что есть на земле.

Потеря веры в бога для глубоко верующего вызывает такую бурю в душе, которая нередко заканчивается трагически. Такую же бурю в душе вызывает потеря веры в справедливость, потеря веры в любимого, которая так же нередко кончается трагически.

Прочитала написанное и опять про себя усмехнулась: целая теория сильной любви, теория, наверное, весьма несовершенная, как, впрочем, вероятно, и все мои выводы, но я сама в правильности их убеждена.

Хочется с кем-то об этом поспорить. Пусть даже письменно.

С кем? Только с Авой могла я спорить. Она к каждому моему выводу относилась критически, у неё был всегда свой взгляд на вещи, никогда не скатывалась она на мою точку зрения (не как С.М. и Т.А.), до конца отстаивала свой взгляд и соглашалась только тогда, когда убеждалась в моей правоте. Так, наверное, делает любой умный человек. Ох, Ава, Ава, как, мне не хватает тебя! Умница моя, чистый и светлый родник. Всю жизнь будешь жить в моей душе, бескорыстный друг мой. Тебе и самой доставляло удовольствие общение со мной, всегда ждала ты меня и встречала с радостью, как и я тебя.

Вот если бы сложились такие же отношения и с В.Г…

Большего я в жизни ничего и не желала бы. Ведь он может же не смотреть на меня как на женщину, а просто как на человека.

Я попробую всё-таки установить такие же отношения и с В.Г.

Он живой и должен быть мне настоящим другом, потому что ни к кому из живущих я не могу пойти с открытой душой, так, как шла я к Аве и как шла к В.Г.

19.11

Прочитала статью Т. Такаевой «Место в жизни» о себе.

«Место в жизни». Вот как раз место в жизни я и не нашла. Не нашла того места, где бы могла принести людям наибольшую пользу, что-то большее оставить бы после себя.

Наибольшую пользу человек приносит там, где он трудиться с увлечением, вдохновением, отдавая всего себя до конца.

Замечаю за собой: появилась просто потребность заглядывать сюда в тетрадь. Такая потребность, наверное, всегда появляется, когда хочешь с кем-то поделиться мыслями, а не с кем.

Почему-то никто никогда не думает, что я — мать шестерых детей. Ни в одной статье обо мне, ни в одной строчке, ни в выступлениях обо мне никогда не промелькнуло об этом мысль. А между тем, дети взяли у меня добрую половину моих жизненных сил, моего времени. Плохо это или хорошо, что люди не думают обо мне, как о матери? Многодетная мать — и не мать. Кто же я тогда? Опять какое-то недоразумение.

Учитель химии — и не учитель химии, «отличник народного просвещения» — и не отличник на деле, многодетная мать — и ни мать, жена — и не жена. Кто же я тогда? Скоро я сама для себя превращусь в знак вопроса. Уже превратилась.

А все-таки я как руководитель общества «Знание» могу сделать больше, чем кто-то тут другой. Постараюсь сделать. Ну вот, дружище, я выполняю твою рекомендацию: «Вам надо вернуться к активной жизни». Посмотрим, выполнишь ли ты своё обещание. Без тебя я мертва.

Отзывы от людей о В.Г.: «Обратись к В.Г., и будешь знать, что будет сделано». Почему же он приучил по всякому поводу обращаться к нему?

20.11

Если бы кто-то всех моих детей и В.Г. поставил рядом и сказал: «кто-то из них должен погибнуть. Выбирай. Не выберешь,

погибнут все». Я бы, конечно, из чувство долга перед природой и человечеством выбрала для жизни детей, но сама бы со смертью В.Г. погибла.

Удивляюсь над собой. Никогда не думала, что его неуважительное и холодное равнодушие несправедливое отношение ко мне вызовет такую у меня реакцию, когда не нашла оправдания этому отношению. Сейчас для меня он стал ближе, роднее. Я постоянно чувствую, не только думаю, чувствую, что вот где-то он работает, где-то живёт, может иногда вспоминает обо мне с тёплым чувством (не может не вспоминать!). Что будет, если его вдруг не будет на земле? Просто боюсь об этом думать. Очень хочу, чтобы не он, а я первой ушла из жизни. Будь же здоров, живи долго-долго, хороший мой человек! Твоя смерть будет, наверное, и моей смертью.

Говорю своему благоверному:

— Меняй, пока не поздно меня. Плохая я тебе жена. И в будущем-то на меня надежды нет.

Не соглашается.

— Я все-таки ведь, — говорю, — кое-что делаю, как жена и мать, время от времени варю похлёбки, топлю печи, стираю, время от времени навещаю корову (порой она забывает меня и косит на меня своими синими глазами, когда вдруг предстаю перед ней), чиню кое-какие дырки на одежде своих сыновей ну и стараюсь выполнять кое-какие другие обязанности.

Улыбается. Соглашается. Нет, он все-таки не плохой человек, он — моё творение, как и мои сыновья. Муж уже много раз убеждался в моей правоте, а потому слушает меня и старается делать так, как говорю, но только старается. А мне, мне для своей души что-то тоже надо? Я хочу, чтобы и меня кто-то делал богаче душой. Потому, наверное, и укрепилось это чувство к В.Г… Я горжусь тем, что не кто-нибудь другой, а именно он стал для меня единственным. Горжусь его моральной чистотой, его тактом, его внимательным отношением к людям, его высокой культурой. Даже его нежеланием вмешиваться в грязь, чтобы убрать ее, мне импонирует, хотя я тут его далеко не всегда оправдываю. Кто-то должен её убирать. Почему не мы?

21.11

Встретилось выражение Д.И. Фонвизина: «Счастлив, кто в старости сохраняет все свои чувства».

Счастлив? Конечно! Он не чувствует себя старым. Я на 4 с лишним года старше В. Г., но я моложе его, потому что у меня

есть он, а у него такого, как он для меня, никого нет (?). Сейчас я, пожалуй, счастливее, чем в детстве, отрочестве. Некрасивая, плохо одетая — такой я всегда чувствовала пренебрежительное отношение ко мне. Самолюбие моё сильно страдало. Я уходила в себя, замыкалась, много читала.

Годы стирают различие в лицах. Слово «красивая» не употребляется к пожилому человеку в том смысле и понимании, в каком оно употреблялось в молодости. И уже внешняя привлекательность с годами все больше и больше отодвигается на второй план. Я никогда не жила и не думала о чувственных, плотских наслаждениях. И сейчас я просто довольна, что сами годы откидывают их от меня и от обращения со мной, так же, как от обращения с любой бывшей красавицей.

Жду лета. Летом я обязательно съезжу в Киясово, посмотрю, что это за село, найду квартиру В.Г. и посмотрю, что вокруг неё. А потом съезжу туда в 1973 году, если буду жива. Съезжу, чтобы сравнить, как изменилось село. Там, говорят, нет садов. Почему? В Красногорском Б-вы, говорят, оставили хороший сад. Это хорошо, когда люди оставляют после себя сад. Посмотрю, будет ли сад у их квартиры через 4 года.

Благо есть причина съездить. Я люблю ездить. А потом эта тайная надежда позвонить по телефону и услышать приветливый голос В.Г… Интересно, узнает или не узнает он по телефону мой голос? О беседе я уж и не мечтаю. Он волен поступать так, как ему вздумается и всё-таки есть у меня право на внимание ко мне с его стороны, право, выстраданное годами, потому и жду этого внимания, жду и чувствую, как без него снова хочется уйти из жизни и замкнуться в себе, уйти от всех.

Ох, как же ты трудно даешься мне, жизнь!

Наверное, потому, что родилась я в холодный декабрьский вечер, когда царил мороз. И вошли, наверное, непрошенные и незваные холод и ночь в мою жизнь вместе с первой струей воздуха. Выглянуло ненадолго солнце, тёплым лучиком прикоснулось к моей душе и зажгло в ней неугасимый огонь, согревающий её. Разгорелся огонь и вот уж не греет, а жжет он душу, мучает, пепелит её, посыпает золой. Кто наложит бальзам на обожженные раны её, кто вольёт в неё живую воду, если время было бессильно сделать это? Кто?

Как туго натянутая струна звучит душа, звучит все громче и громче. Она молит, просит с тоской и болью: «Ну, зазвучи, зазвучи в ответ другая струна». Но струна молчит. Видно не на ту ноту она настроена.

Ох ты, горе моё…

23.11

Семья, где объединение произошло не на основе общих целей, стремлений, взглядов, убеждений, есть семья, шитая гнилыми нитками. И рано или поздно она распадётся, как только подрастут дети.

Живу пока с Петром ради детей, хотя молчу об этом.

Разные мы, совершенно разные люди. Он видит высшее наслаждение в удовлетворении плотских желаний, в том, чтобы напиться до бесчувствия, насладиться физической близостью к женщине.

Я — в балете, музыке и в увлечении делом. Какое это великое дело увлечённость, когда человек весь чему-то отдаёт себя и испытывать в этом величайшее наслаждение. Помню слова своей покойницы — мамы: «Нет, ты не доживёшь до моих лет, — говорила она, — тебе ведь не жить, а гореть надо». Это когда я выпускала «Устный журнал» или была увлечена подготовкой какого-либо очень заинтересовавшего меня доклада.

Да, я хочу гореть, гореть до конца моей жизни, пусть она и недолгой будет. Тогда только кого-то человек и зажечь может, когда он сам горит.

Вот я услышала о похабном отношении Петра к женщинам, увидела его отвратительное, отталкивающее пьяное лицо, пьяное мерзостное поведение и опять буря в душе, которая клокочет там, готовая вот-вот вырваться наружу, а я молчу, я ничем не выдаю её, только говорить с Петром не хочется, язык не поворачивается. Проходит какое-то время, буря как будто стихает, муж рад: простила, мол, смирилась. Не смирилась! Не простила! И не могу смириться. Рано или поздно произойдет взрыв. Одного только хочу, чтобы не произошел он слишком рано, пока малы дети, чтобы не вызвать в их душе травму. Это только и сдерживает ещё меня. Дом, хозяйство? Они никогда не притягивали меня. Чувственное наслаждение в близости с мужчиной? Оно никогда не играло в моей жизни большой роли. Мне часто невыносимо тяжела, бывает животная любовь Петра. Нет, нет, рано или поздно я освобожусь, наконец, от этой грязи, в которой он купает меня с первого дня замужества. Ну, года четыре-пять ещё придётся потерпеть, пока Толя кончит десятилетку.

Хозяйственный, трудолюбивый, не пьет, не скандалит нигде, не дерётся (ещё бы это!»), любит — чего ещё лучше? Чего ей ещё надо? — рассудят многие. И многие осудят меня. Пусть.

Я так больше жить не могу. Кризис назревает.

Да, мне пока удаётся сдерживать его от частых срывов, доказывать ему необходимость хорошего примера для детей, тем

более для сыновей, но какой ценой удаётся! Напряжением всех моих физических и духовных сил.

Уже думаю, как мне больше порадовать В.Г. в день его пятидесятилетия, хотя до него ещё целых четыре с лишним года. Наверное я напишу о нём в «Удмуртскую правду» хорошую статью. Это будет ему самым большим подарком, если это не сделает до меня кто-то другой.

Доброе отношение к человеку невольно переносится и на его родителей. Мне просто приятно бывать с ними, бывать там, где и с кем рос и мужал В.Г. Что изменилось в душе в отношении к В.Г.? раньше он жил во мне, как дух. Я не думала о нем, он просто жил во мне. После всего пережитого и после смерти Авы этот дух облёкся в плоть и кровь, стал просто живым, реальным человеком, очень близким мне по душе и очень нужным мне. Сейчас я думаю о нем, как о живом человеке, который может забывать, может снова поступить по отношению ко мне и жестоко и несправедливо. И мороз пробегает при мысли об этом. Нет, нет, не может больше поступить жестоко и несправедливо. Постараюсь не встречаться с ним. А как хочется встретиться, поговорить, отвести душу. Мучительно хочется. Мучительно хочется просто побыть с ним рядом. Для меня это большая радость — побыть с ним рядом. Придётся ли?

Куда бы я уехала, если бы мы разошлись с Петром? Только не туда, где В.Г., чтобы уберечь его от приязни, от грязи, которой может облить его мой благоверный. А через несколько лет, когда бы всё улеглось и определилось, я бы приехала туда, где он, чтобы только быть с ним рядом, быть хоть в конце своей жизни. Пусть даже не рядом, но близко около него.

А если он умрет?

Умру и я.

Как-то Геля Т. Просила меня рассказать что-нибудь о личной жизни. Вот она, моя личная жизнь. Но она скрыта глубоко от всех. Даже Там. Андр. обо всём не знает, но о многом догадывается, хотя я больше не говорю с ней о В.Г… Даже когда говорят о В.Г., я молчу, стараюсь молчать. И если и спрашиваю о нем когда-то кого-то, то спрашиваю как о другом постороннем человеке.

Знал бы мой благоверный, что и корову-то держать вместе с Б-выми я настояла, чтобы была причина быть чаще у них и может быть когда-то встретить там В.Г., побыть с ним рядом, а может и откровенно поговорить. Недалёкого ты все-таки ума, дорогой. Потому и скучно мне жить с тобой, потому и тоскую о другом.

24.11

Решение как-то пришло само собой. Нет, не само собой. Оно — плод долгих раздумий над дальнейшей жизнью. Как будто сразу осветилось всё, и я увидела, каким путём мне идти дальше.

4-5 лет я буду пока работать в школе, пока не подниму детей. Быть простой домохозяйкой, заниматься хозяйством я просто не смогу. А там я уйду из школы и уеду из дома. Это единственный выход, чтобы стать самой собой, найти занятие по способностям, по наклонностям, по характеру. Я хочу такую работу, где бы можно было больше встречаться с людьми, ездить. Такую работу я вижу в редакции. Туда, наверное, и пойду работать. С мужем мы разойдёмся. «Чего я такого сделал?» — говорит он. У него даже мысли нет осудить себя за омерзительное поведение. А оно стало всё чаще и чаще. Я не могу заставить его находить наслаждение в чём-то другом, не в опьянении до бесчувствия и не в чувственном наслаждении с женщиной.

Ну что же. Ему будет 60 лет, он здоров и вполне может ещё найти подходящую для себя женщину. Дети уже будут взрослыми.

Конечно, по силе привычки, он первое время будет переживать наш разрыв, но успокоится. Он же вообще не способен на сильное глубокое чувство. Будет любить любую женщину, с которой будет спать. Может ещё и жену более подходящую для себя найдёт, чем я. Мне всё более неприятно смотреть, как он занимается хозяйством, в то время, как я пишу или готовлю доклад. Словно стряпка, какая. Не хочу, чтобы у меня был муж — стряпуха. Пусть лучше уж никакого не будет. А найдёт по себе жену, и будут оба жить своим хозяйством, будут счастливее. Вот смотрю на него и мне немного жалко его. Какую я готовлю ему неприятность! Но иначе я поступить не смогу.

В жизни мне пришлось трижды принимать решение, над которыми я много думала, взвешивала все за и против. Первое — решение выйти замуж за малограмотного человека, выйти для того, чтобы иметь детей, выполнить совой долг женщины. Я не раскаиваюсь в решении. Иначе я поступить не могла.

Правильно ли я сделала? Правильно, конечно, — говорила мне Ава.

Второе — решение пойти и сказать В.Г., какую муку он доставляет мне своим равнодушно холодным, неуважительным, несправедливым отношением ко мне. Решение, стоившее мне седой полосы в волосах.

Правильно ли было это решение? Считаю правильно, потому что не было другого способа сохранить себе жизнь, вернуть утраченное душевное равновесие.

И вот сегодня я принимаю третье самое важное решение в жизни — решение рано или поздно порвать с мужем.

Эта мысль захватила всю меня целиком, она оттеснила на второй план все остальные мысли, раздвинула горизонт и дала возможность мне увидеть моё будущее, мою полную духовную свободу, к которой я всё время стремилась.

Впрочем, пять лет срок немалый и всё может произойти, но все эти годы я буду стремиться к своей мечте, к своей цели: найти себе рано или поздно место в жизни, став снова свободной. Свой долг женщины я выполнила. Дала миру шестерых сыновей, обеспечила им нормальные условия их жизни, их развития. Живя вместе с Петром, я не могу больше что-либо сделать ещё в жизни. Ну вот, ещё один перелом в душе, совершенно незаметный для постороннего глаза.

Помню, как удивились многие моему быстрому решению выйти за Петра замуж. Кто знал, что оно было принято ещё задолго до того, как он пришел меня сватать, принято после разрыва с К.П… Ещё тогда я определила, как мне поступать дальше, как строить жизнь.

Вот и сейчас принимаю решение задолго до его выполнения.

Немного боязно за свое будущее, но иначе нельзя. Это, я считаю, единственно правильное решение. Пусть оно будет пока для меня.

26.11

Никогда за всю мою жизнь не было у меня духовной близости к мужу. Постоянно чувствовала, что он — чужой мне человек. Жили мы с ним дружно только для детей. Я всегда старалась подчеркнуть перед детьми его трудолюбие, его заботу о ни, его нетребовательность к одежде и к условиям жизни, всегда поддерживала его в его требованиях к детям, старалась, чтобы и он делал так, чтобы его дети уважали. Старалась развить у него интерес и к общественным делам и привить кое-какие культурные навыки в той степени, в которой сама их имела. Но никогда он не был мне близким, своим. Нет, он хорошо ко мне относился, старался беречь меня, по-своему любил меня и даже гордился мной.

Что же всё-таки послужило последней каплей, чтобы заставить меня принять решение разойтись с мужем?

Мне было не по душе его постоянное стремление к низменным, чувственным наслаждениям. В женщине он видел прежде всего источник чувственного наслаждения так же, как и во мне. Он грубо растоптал доверие моё к нему.

И вот тот вечер у Окишевых. Напился, как в большинстве

случаев, «до чёртиков». Напился так, что не мог идти без посторонней помощи домой, вел себя омерзительно, гадко. Для меня всегда была отвратительна картина, когда жена тащит домой своего превратившегося в скота мужа. Не потащила и тут я его. Не потащила и тут я его. Перед домом он окончательно свалился. Что было делать? Звать нам на помощь детей? (вела его домой молодая жена Гены), оставить обмораживаться на ночь на снегу? И тут передо мной предстала эта отвратительная картина, жена, волокущая мужа. И я увидела в этой картине себя и как никогда почувствовала её гадливость. Нет, я просто не могла в будущем видеть эту картину. Тут уже начало созревать решение не допустить этого для себя в будущем.

Как то раз на улице я встретила Галю. Галя — некрасивая, одинокая женщина, неразвитая, полуграмотная. У неё ребёнок. Я никогда не виню женщину за связь с мужчиной, если эта связь была ради того, чтобы иметь ребенка. Галя не ведёт развратной жизни. Правда, попивает. Она несчастлива в жизни. Рано лишилась родителей, воспитывалась в детдоме. Я её жалею.

— Ан. Ник., - обратилась она ко мне, — очень обижена я на Петра Н.

— А что случилось?

— На днях прихожу в котельную и прошу воды. А он мне отвечает: «А может ты ещё это у меня попросишь?» и показал руками напрямую. А я с Мишей была. Прямо при нём показал. Даже ребёнка не постеснялся. За что он меня так оскорбил? А ещё коммунист.

Говорит, а сама плачет.

— Прихожу домой, мишка меня и спрашивает: «Мама, а чего это тебе дядя Петя руками показывал?» А я и сказать не знаю что, — продолжает она. — Он не только со мной так говорит. На него многие женщины обижаются. Все разговоры только к этому и сводит.

Гадливое чувство к мужу охватывает меня. Я как могу успокаиваю Галю. А она продолжает: «Семья культурная вроде, оба вы коммунисты, а такое». Я чувствую, как краснею, краснею за мужа, за себя. Мерзкое поведение в опьянении, но он мерзок и трезвый! Это было для меня неожиданностью. Значит, он ничуть не воспринимает моего отвращения к таким действиям и разговорам? А ведь я всегда прямо выражала это отвращение, когда он мне говорил о таких вещах, всегда останавливала эти разговоры. Как никогда я поняла, что вся его сущность, его привычки, его поведение, всё то, что мне удаётся пока сдерживать в нем ради детей, удаётся пока доказать необходимость хорошего примера для детей, всё это выплывет снова в нём, как только дети

будут уходить из семьи. И я бессильна была мои убеждения сделать и его убеждениями. Для воспитания внутренней культуры мало влияния человека. Нужны ещё и знания, нужно ещё и духовное содержание.

Человек, бедный душой, никогда не будет культурен, какой бы костюм он не надевай на себя. Вот он выйдет на пенсию, будет ходить «халтурить» и будет пьянка и пьянка без конца. Будет объяснять: «Надо же человеку помочь сделать. Ты же всегда говорила, что надо помогать людям. И я не смогу возразить. У меня не будет уже доказательства, что некрасиво делать безобразно на виду у детей. Дети уже будут большими. Во что же превратится моя жизнь? Нет, я не смогу уже сделать что-то для людей в таких условиях, не смогу жить, обогащая себя. И для Петра я уже не смогу ничего сделать, раз не смогла привить ему лучшие вкусы в течение стольких лет жизни. Я не смогу больше жить с чужим мне человеком. И решение разойтись с мужем для меня кажется единственно верным, разойтись, как только дети встанут на свои ноги, пусть даже не все. Разойтись, как только дети уйдут из дома. Младшего можно взять с собой.

Я ничем не выдам своего решения. Ничто не изменится пока в нашей семье. Только я дам покрепче понять мужу, насколько отвратительна мне животная любовь и жизнь. Пусть будет подготовлен к разрыву. Все решения пока, которые я принимала после долгих размышлений, оказались верными. Трудно было принимать такие решения, но после принятия их мне становилось легко.

Легко стало и после принятия этого решения. И в будущем я увидела возможность жить полной содержательной жизнью, жить не ради своих плотских наслаждений, не ради своего личного хозяйства и личного обогащения (зачем оно мне?), жить, чтобы что-то ещё сделать.

27.11

«За нашу будущую работу», — сказал В.Г., приглашая меня выпить перед отъездом в К. Я немного подивилась его тосту. Почему «за нашу?». Что вложил он в этот тост? Я часто думаю об этих словах. Да, у него есть будущая работа, а у меня?

Невыносимая тоска порой охватывает душу. Хочется написать ему, хоть капельку узнать, о чём думает, что делает. Только гордость сдерживает меня, неимоверная боязнь оказаться навязчивой. В думах о будущем нет у меня места ни детям, ни мужу. У детей будет своя жизнь. Я сделала всё, что могла для

них. Я им больше буду не нужна. Ну, а муж пусть тоже ищет человека по себе. Я ему плохая жена. Нет, не связываю я, конечно, свою жизнь ни с кем-нибудь и другим.

Просто хочу полной свободы. Ну, а В.Г. для меня — душа.

Как все-таки мне тоскливо и одиноко! Точно заперта я в одиночной камере, из которой нет выхода…

28.11

Я никогда не была против употребления спиртного, прекрасно понимая, что при такой повальной пьянке всюду, моего мужа, не имеющего отвращения к ней, тянет тоже к выпивкам. Но я не выражала и удовольствия, видя его тягу к выпивкам. Он это чувствовал, видя моё безграничное отвращение к пьянству. Всеми способами стараюсь я передать это отвращение своим детям, моим сыновьям. Нет, и тут мы совершенно противоположные люди с Петром.

Ничто нас не объединяет, кроме детей.

Он и сам это чувствует, отсюда его: «Я знаю, тебе давно хочется уйти от меня», хотя я никогда не говорю ему об этом.

Как он мечтал, как он надеялся, что я выйду на пенсию, и буду заниматься домашним хозяйством, домашними делами.

От всех общественных дел было отстранилась, из школы собираюсь уйти — все хорошо складывалось. И вот все его надежды рушатся.

Бедный мой Пётр Ник. Ну не горюй. Хозяйку для хозяйства, для дома, для четырех стен всегда можно найти. Даже в 60 лет. Нет, не уход за живностью, не личное хозяйство, не четыре стены, а тост: «За нашу будущую работу» зовёт меня, зовёт и будит к жизни, к свободе, к счастью. Тут — духовная смерть, там — жизнь. Нет, право не 50 мне лет, а значительно меньше. Только бы было здоровье!

Так или иначе, рано или поздно, разрыв неизбежен. Я ничего уже не смогу сделать для Петра, не смогу что-либо внести в его сознание. Всё, что могла, я сделала. Разойдёмся, а ведь мы для всех образцовая семья, и дети у нас хорошо учатся и ведут себя хорошо. Сколько все-таки противоречий и недоразумений в моей жизни.

«Человек своему счастью кузнец», — говорит русская пословица.

Счастлива ли я?

Да, счастлива! Несмотря ни на что. Счастлива тем, что у меня здоровые неглупые сыновья, тем, что муж уважает и по-своему

любит меня, тем, что мои ученики (по крайней мере большинство) уважают и ценят меня, что и сотрудники мои неплохо ко мне относятся, счастлива, наконец, тем, что ношу в своём сердце большую любовь, которую не каждому дано познать.

Никогда не забыть:

Было начало года. Я повела химию в 8»б» и 8»в». В 8 «а» — новая учительница. Об этом ещё ученики не знали.

Перед уроком химии в 8»а» классе подошёл ко мне Серёжа Пермяков — наш очень «трудный» ученик. Сколько раз мне приходилось ставить его на ноги и даже выгонять из класса, оставлять после уроков. Но никогда не забыть, как он был рад, когда научился составлять формулы, и я ему поставила «4». И я была тоже рада. Подошел и спрашивает:

— Анастасия Николаевна, какие приборы будут на урок?

— А я, Серёжа, не знаю. Химию поведу у вас не я.

И он отошел, тяжело вздохнув. Пожалел!

О, это было мне величайшей наградой за мой труд! Я всегда жалею этих «трудных», жалею их искалеченной жизни, искалеченного детства. Потому у меня, наверное, и воспиталась такая ненависть к пьянству, органическое отвращение к нему. С неприязнью я отношусь и к этому, кто не имеет этой ненависти. Не было бы пьянству у нас, будь бы у всех такое к нему отвращение.

5.12

«Уйду я из школы, буду заниматься хозяйственными делами, буду спать, когда и сколько захочу, заброшу всю общественную работу», — говорю я, когда начинаются сильные головные боли. И становится всё тогда совершенно безразлично.

«Вот правильно! — подхватывает мой Петр, — золотые слова, вовремя сказанные, — говорит словами Райкина, — фиг они получат, а не общественную работу», — парадирует дальше. И довольнёшенек.

«Нечего тебе соваться во все дела. Лучше обеды вари для своих детей, да заботься о них получше (как будто я не забочусь!), толку больше будет, чем от всех твоих газетных статей и докладов. И здоровья дольше хватит», — с одной стороны.

«Вам надо вернуться к активной общественной работе», — с другой.

Тут — постоянная забота обо мне, моём здоровье и своеобразная любовь.

Там — полное равнодушие как к человеку, не

заслуживающему никакого внимания.

Что же и кто победит?

Да, этот год в моей жизни переломный. И многое будет зависеть от отношения ко мне В.Г.

Вот напишу ему письмо и посмотрю, ответит ли он на него. Если ответит, значит считает, что я ещё смогу чего-то сделать. Не ответит — значит я человек вообще уже никуда не годный. И останутся мне только мои дети. Провожать в армию, встречать из армии, устраивать свадьбы, нянчить внучат.

Ну что же. Это тоже кому-то надо делать.

Жизнь прожита. Не так-то уж плохо прожита. Хорошо, что хоть мысль о смерти больше не появляется. Я ещё нужна детям и долго буду нужна.

Крутись маленький винтик в большой машине человечества, пока не износиться вконец. Что я могу поделать, если без внимания ко мне В.Г. я не испытываю подъёма души? Ничего. Что же касается дел по хозяйству и семье, то их можно прекрасно выполнять и без всякого подъема души.

Одно только знаю твёрдо, что если муж будет пить, я с ним вместе жить не смогу. Разрыв будет неизбежен. Тут я никогда не пойду ни на какой компромисс. Это решено твёрдо. Пьянство мне просто отвратительно.

«За нашу будущую работу». Конечно же, тут имелась в виду его будущая работа, а не наша.

Кончается 1969 год. Чем он значителен лично для меня? Тем, что встала душа на своё место, что ослабла туго натянутая струна жизни, готовая вот-вот лопнуть, что восстановилось душевное равновесие.

Но устойчивого подъёма души нет.

Значителен он для меня и тем, что дана возможность жить, не работая, жить интересами и потребностями только своей семьи.

Этот год — это год постепенного отхода от учительской работы. Целый год я прислушивалась к себе, искала сожаления о том, что придётся оставить работу, которой занималась долгие годы. И такого сожаления в себе не нахожу. Никакого сожаления о том, что оставляю привычную колею.

Кончаю 1969 год с горячей надеждой и мечтой, что снова настанет устойчивый душевный подъём.

Только при нём человек отдаёт всего себя безраздельно не только своей семье, но и всем людям. Только тогда и рождается увлечённость — самое высшее счастье на земле.

Тетрадь 4

9.12.1969

Стою на распутье трёх дорог, как тот рыцарь в сказке: налево пойдешь — здоровье потеряешь, направо пойдешь — души лишишься, прямо пойдешь — семью потеряешь. Вот стой и выбирай. Ох, как тяжело на душе! Вод ведь, и жила как будто неплохо, не для себя жила, для других, а удовлетворения своей жизнью нет. Будто пустая какая-то она была. Холодная и ничем не согретая. Все, что было тёплого в моей жизни, ушло, растворилось в холодном, заснеженном безмолвии снежной пустыни. Слишком мало было этого тепла. Тяжело оставаться одинокой на склоне своей жизни. Вот когда я начинаю по-настоящему понимать только своих отца и мать! Что же, я повторяю их судьбу. Из школы я все-таки уйду. Но чувствую, что и в другой коллектив мне уже не попасть. Что-то все-таки ушло из моей жизни, ушло большое, светлое и тёплое, ушло и не вернёшь. Надо же было случиться этому как раз в переломный период моей жизни! Ну, чтобы чуть позднее. Не было бы тогда этой душевной муки. Иногда я кажусь себе такой старой, как будто бы мне не 50 лет, а 90. Не хочется никого видеть, ни слышать. Хочется только спать и не вставать. Вот такое же чувство было, наверное, и у моей мамы.

Эх, хандра, хандра…. Как она часто стала навещать меня за последнее время! Только никому я этого не хочу показывать, потому что никому она не нужна и никто не должен видеть, что она кого-то может часто навещать. Вот погорюю здесь на листочках, и будто легче станет.

9.12

Далеко не всегда человек со школьной скамьи определяет свой жизненный путь сразу. Не определила его и я. Никогда не забыть мне щемящее чувство, испытанное мной, когда я, уже студентка Московского пединститута, узнала о существовании ИИФЛИ (институт истории, философии, литературы, искусства). Словно кто ток пропустил по мне. Вот, наверное, где было моё место. И не будь бы войны я, наверное, перешла туда. И пошла бы или на историческое или на философское отделение.

Помню, как мы осуждали одного студента, переменившего

учебу в четырёх институтах. А ведь он был прав. В четвертом институте он нашёл своё призвание.

Удовлетворение. Мой Петр знает только физическое удовлетворение. Нет, духовное удовлетворение сильнее и глубже.

Никогда не забыть мне того удовлетворения, которое я испытывала во время одного удачного «Устного журнала», видя, с каким интересом за ним следят в зале. Тогда я поняла, что значит, быть на седьмом небе. Когда душа отрывается от тела и возносится над всем этим действием, сотворённым мной, парит над сценой, поддерживаемая сотнями невидимых нитей, протянувшихся от актёров и зрителей. Вот истинное, неземное блаженство.

Не забыть и того удовлетворения, которое испытала я после последней беседы с В.Г.

Удовлетворение порождается увлечённостью.

Хорошее чувство у меня к Тамаре Андр. Мы как-то лучше и глубже понимаем друг друга. Но она вся отдается работе, глубоко переживает, когда не видит результатов своей работы, а я ничем не могу помочь ей, как и она теперь мне.

«Не уходите из школы», — говорит она. Но я не выполню её совета. Как-то всё изломалось в моей душе и учителем химии я просто быть уже не могу.

Без увлечения работала, без сожаления оставлю работу.

После того письма встала душа на место, но изломалась.

Нет, неоткуда мне ждать ни душевной поддержки, ни помощи. А просить всё время о ней, ставить свою жизнь в зависимость от кого-то я больше не хочу. Самолюбие, чувство собственного достоинства и гордость не позволяет. Пусть я ничего больше в жизни не сделаю. Хватит того, что сделано.

Нет, не хватит, мало сделано, могла бы больше сделать, но теперь уж сил нет, ни духовных, ни физических.

Интересное чувство у меня к К.А… Невольно свою любовь к её сыну я переношу и на неё. И мне всегда бывает радостно, когда заходит она. С удовольствием я и у них бываю. Да и была она рядом со мной, когда маму опускали в могилу.

Постоянно приходят в память слова В.Г.: «Что ей заслуженную, что ли надо?» это про меня. И мучительная мысль: «Как он мог так подумать обо мне? Подумать так низко, несправедливо. Как он мог?»

Я до сих пор не могу найти ответа на этот вопрос.

Да, именно эти его слова и перевернули всё в душе. Тут и родилась мысль, стоит ли дальше жить, если человек, которого считала самым справедливым, самым человечным и вообще самым…самым…, думает так обо мне.

А потом, раз родившись, она, как самая злокачественная опухоль, стала неотразимо овладевать моим сознанием, потому что родилась она в самое подходящее для этой мысли время — перед выходом на пенсию.

Пришлось чуть не насильно заставить В.Г. помочь мне побороть эту мысль, потому что сама бы я с ней не справилась. Чувство самосохранения заставило обратиться за этой помощью.

Я рада, что больше такая мысль пока не появляется. Что будет дальше — неизвестно. Вообще неизвестно, что и как будет дальше.

10.12

Для души человеческой нет ни времени, ни расстояния. Она может быть молодой до конца жизни человека, а может быть и старой в молодом теле. Она может в секунду быть там, где пожелает, быть с тем, с кем пожелает, она может жить с человеком рядом, где бы он ни находился.

Гоголь враз состарился душой, когда умер Пушкин.

Вот и я чувствую, что старею душой.

10.12

Удивительно ныне начинается зима. В ноябре выпал снег, а потом началась оттепель. И снег, как весной, сбежал потоками в пруд. Даже прилетели скворцы. Нахохлившись, в глубокой задумчивости сидели они на проводах. Наверное, размышляли о том, что же им сейчас делать.

Потом похолодало в самом начале декабря, и вот уже больше недели гололёд. Нет, нет, да и плюхнется на обледенелую землю чья-нибудь фигура. Люди помоложе быстро вскакивают, озираясь по сторонам. Стыдно же молодому терять равновесие. Люди постарше медленно поднимаются с земли, потирая ушибленное место, проклиная и лёд, и зиму, что где-то заблудилось и не может дойти до них. И уснувшие деревья, и земля, и сухие былинки в поле ждут, не дождутся, когда матушка-зима заботливо укроет их наготу пушистым белым одеялом. А матушка-зима и не думает ничего укрывать. Верно, занялась где-то любовными утехами с дедушкой-морозом. И представленные самим себе неуёмные ветры и метели творят на земле что-то совсем несуразное. И падает дождь там, где должен кружиться

снег.

11.12

Кажется, выступление на читательской конференции прошло удачно. Сразу же написала новую статью в газету. Уже вторые сутки сплю по 4 часа и не хочу больше спать. Петр говорит, что я опять «загнусь». Ну и что. Зато я живу, а не существую. Второй час ночи. Принять гипотиазид, элениум (иначе совсем не усну) и спать. Ну, вот, друг мой, я выполняю твоё пожелание. Посмотрим, выполнишь ли ты своё. Будешь ли ты считать, что есть смысл поддержать меня для активной жизни или будешь рассуждать так же, как мой Петр, а за ним и старшие сыновья: «Варила бы ты лучше нам регулярно обеды, пользы бы было больше. Что толку от твоих статей». Я усиленно стараюсь доказать, что польза есть, на конкретных примерах доказываю, не знаю, смогу ли.

12.12

Утро. В голове ужасный шум и кузнечики трещат на все лады. Боюсь и правда опять «загнусь». И все равно это лучше, чем иметь в себе старую душу.

25.12

Самое памятное за эти дни:

20 декабря мой юбилейный вечер. Петр споил всех мужчин и сам напился, как не убеждала его перед вечером не делать этого. Даже тут не захотел доставить мне удовольствие, понять состояние моей души.

Получила поздравительные телеграммы и от РОНО, и райкома союза, и от бюро РК КПСС (не знаю, чья тут была инициатива) и от В.Г. я ждала этого поздравления и знала, что оно придёт. И удивительно, радости большой оно мне не принесло. Слишком оно дорого мне стоило. На второй день уехала в Ижевск на семинар международников.

22-го вызвала по телефону В.Г., хотелось услышать его голос, предупредить, что посылаю письмо, которое начала писать более месяца назад. Хотелось почувствовать хоть какой-то интерес к себе. Поговорила. Он очень вежливо и приветливо отвечал, но даже не поинтересовался, зачем я в Ижевске, как моё здоровье,

самочувствие. Полное равнодушие к моей жизни, ни одного вопроса ко мне. Только отвечал на мои вопросы. И не удовольствие, а опять горькое разочарование охватило меня. Ведь знал же, что болела, знал, что думаю уходить из школы и ни капли интереса к моей дальнейшей судьбе, ни одного вопроса. Горькие скупые слёзы на глазах, а не радость.

Ну, зачем я только вызывала его? Бессонная ночь, невыносимая головная боль….

Как дорого приходится мне расплачиваться за желание иметь хоть каплю радости в жизни, хоть каплю тепла и доверия.

Опустила письмо (куда его девать, раз написано). Писала, не могла в день своего пятидесятилетия отказать себе в удовольствии поговорить с В.Г. Чувствую, не принесет мне радости даже ответ, полученный на него. Одна, одна на всю жизнь, без тепла, без дружеского участия, без радости…. Ну зачем прилепилась душа к человеку, который даже другом для меня никогда не захочет стать, а не то, что опорой.

Ну что ж. спасибо хоть за то, что помог избавиться от мысли о самоубийстве (слово-то какое страшное!).

Не поколебалось ничуть решение оформить своё одиночество. Хочется, очень хочется уехать ото всех далеко-далеко, где всё другое. И музыки, музыки хочется мне, чтобы покачала она душу мою на своих могучих крыльях. Эх, на «Лебединое озёро» бы сейчас!

Нет, не вернуть мне ни Авы, ни прежнего В.Г… А как мне их недостаёт в жизни!

В школе остаюсь пока работать, остаюсь без всякого удовольствия и желания. Надо же где-то брать средства для воспитания своих детей, раз произвела их на свет.

«И скучно, и грустно, и некому руку подать…»

М.Ю. Лермонтов.

…Даже другом никогда не захочет стать и нечего тут питать иллюзий. Больше постараюсь не тревожить тебя, раз уж тебе так трудно стать для меня другом, раз уж это так зазорно для тебя. Хватит постоянно выпрашивать участия, как милости. Бог с тобой. Будешь потом одиноким (а ты будешь им) тогда поймешь меня.

Выпрашивать — это мучительно для меня. Гордость и самолюбие не позволяют, да и слишком дорого мне это обходится. Да, ушло, ушло из моей жизни большое чувство, которое не вернуть. И только тихая грусть, и тоска о моих дорогих и близкие душе людях будет жить до конца моей жизни. Навсегда будут жить они в моей душе. Навсегда будет жить и грусть о неполно прожитой жизни.

Да разве мало ходит по земле вот таких же людей, общительных и жизнерадостных с виду, бодрых и оптимистичных, и таких одиноких в душе!

27.12

Мне стало хуже оттого, что В.Г. узнал о моём отношении к нему. Да, это так. Когда он работал в школе, он всегда сам шёл ко мне с беседой, сам начинал разговор, и в этих беседах я всегда находила для себя удовольствие, потому что обращался он всегда ко мне, как к товарищу, достойному уважения и доверия. Я привыкла к этим беседам, продолжала их про себя дома, ставила вопросы, которые он мог бы задать, и мысленно отвечала на них. Продолжала беседу, потому что мне было дорого его доверие ко мне, он как-то лучше меня понимал, чем другие, потому что в этой беседе находила для себя удовольствие. Так постепенно он и заполнил всю душу. Уехал он. Но я все эти годы чувствовала это доверие ко мне, и продолжала мысленно вести эти беседы.

Просыпалась я, и первая мысль была — мысль о нём. Мысленно поговорю с ним и зарядка бодрости и радости на целый день. Никогда не было у меня мысли, что он может когда-то отказаться от такой беседы.

И вот уже после моего письма:

— Можно к вам потом зайти поговорить?

И приветливое: «Когда угодно». Ох, как я была рада этому ответу! Отвечал не абстрактный В.Г., а живой, реальный.

И всё шло хорошо. До того, когда он сказал, что не может принять меня для беседы ни сегодня, ни завтра. А я восприняла это как «никогда».

Не хотелось верить этому «никогда». Снова и снова проверяла я, так ли это.

Сейчас уж я, просыпаясь, не разговариваю с ним, потому что знаю, что он откажется от разговора. И нет у меня уже ни бодрости, и ни радости. Осталось ещё надежда говорить через почту.

— Вы ответите мне, если я напишу?

— Обязательно.

Ну вот, я проверю и это «обязательно», проверю и чувствую, что оно будет такой же неправдой, как и «когда угодно».

Просто тоже не верится, что может не ответить мне, ведь он же человек.

А почему не верится? Ведь смог же он не пригласить свою родную мать на проводы единственного горячо любимого внука,

мать, которой он всем обязан, а что я для него?

Мне он ничем не обязан. Может и не ответить. А то начнет как: «Уважаемая Ан. Ник.!» Сразу холодом и полным равнодушием ко мне и моей судьбе повеет.

«Уважаемый господин Никсон, мы не можем принять Вас в настоящее время….» — так, наверное, наше правительство отвечает Никсону на его желание побывать у нас.

Нет, затухает в душе то светлое, тёплое чувство, которое жило в душе все годы, меркнет самое светлое пятно в моей жизни.

Хуже стало потому, что я теперь жду, хочу, постоянно тоскую о тёплом отношении ко мне В.Г., постоянно надеюсь, что будет когда-то проявлен интерес к моей судьбе со стороны человека, ставшего для меня единственным, безраздельным господином моей судьбы, жду этого внимания, потому что выстрадано оно всей моей жизнью, а его нет, и мне невыносимо тяжело.

Нет, лучше уж с ним не встречаться, не разговаривать. Пусть меркнет и гаснет и это единственно светлое чувство. Понемногу привыкну. Пусть останется только воспитание о нём, да благодарность за то, что вернул к жизни.

Ну, а с К.А. мы будем друзьями, потому что она тоже одинока, как и я, и тоже очень хочет внимания к себе и от того же человека, что и я. И терпит от него, пожалуй, больше огорчений, чем радости, так же, как и я, и любит его и прощает ему всё, так же, как и я. Только ей тяжелее, чем мне, потому что у меня есть ещё свои дети, а у неё никого нет, кроме них, её детей.

28.12

Нет, не будет и этого «обязательно», как не стало «когда угодно», «в любое время». Больше у меня иллюзий уже нет. Была иллюзия, питавшая мою жизнерадостность, что В.Г. вспоминает меня с добрым чувством. Она разбилась. Появилась иллюзия, что В.Г. даёт возможность мне придти и поговорить с ним в любое время. Она тоже разбилась. Так же разобьётся иллюзия «обязательно отвечу». Жизнь отказала мне даже в том, чтобы любимый человек стал мне просто другом. Даже в этом….

Нет, мне надо чем-то заняться, что бы увлекло меня, заставило забыться. А найти по душе дело не могу.

Ну почему он не принял меня тогда? Чего побоялся? Ему бы ведь я не доставила беспокойства, а светлое чувство к нему во мне бы жило.

«Вы не сможете жить в четырех стенах, заняться личным

хозяйствам», — вот общее мнение обо мне в коллективе.

Да, они правы. И я в этом уверена. Но это беда моя, а не счастье.

Не знаю, не знаю, чем я займусь, когда выйду на пенсию, нет, не то, когда уйду из школы. Жить ради денег, ради личного хозяйства я не в состоянии.

«Работайте в школе, вам будут платить самую высокую ставку, работать будет легко, три дня в неделю отдыхать» и т. д. и т. п.

Да зачем мне эти деньги? Даже один час нелюбимой работы труднее, чем семнадцать часов работы с увлечением, когда ты отрекаешься от самой себя, когда весь отдашься делу, когда не существует для тебя собственного я, когда чувствуешь, то в этом нужном деле для людей ты сделаешь больше, чем кто-то другой.

И ты весь отдаешься делу, целиком, без остатка не думая о себе, о своих удобствах, о том, что оно даст тебе лично. Вот так бы где-то еще поработать. Придётся ли? Или так уж и суждено угаснуть душе?

Что ты принесешь мне 1970ый год?

31.12

Сегодня мне особенно грустно. Кажется я навсегда прощаюсь с моей единственной радостью. Даже письмо, если оно и придет, не принесет мне радости. Зачем оно мне, выпрошенное? Зачем оно мне от человека, в груди которого не звучит ни одна струна в ответ? Один только холод и равнодушие. Зачем стараться оживить душу человека, если она мертва по отношению к твоей? Да и вообще жива ли она по отношению хоть к кому-нибудь? Едва ли. Нет, ушло из моей жизни все: и большая любовь, и большая дружба. И я бессильна вернуть себе и то, и другое.

И никуда мне больше не хочется, даже видеть никого не хочется. Не хочу на других нагонять тоску. У каждого и своего горя хватает.

Вот дал бы он тогда возможность поговорить с ним, и жила бы опять со мной радость, не было бы этой мысли, что не захочет принять меня для разговора и опять бы поговорила я с ним с первой мыслью о пробуждении, и заряжалась бы бодростью на целый день. Судьбе было вольно отказать мне даже в этом призрачном счастье.

За что? За что она наградила меня нелюбимой работой, нелюбимым мужем, за что наградила одними сыновьями и ни одной девочкой, за что отняла последнюю радость разговора с

ним, даже мысленного? За что?

Все, что я делала, я делала для людей и ради людей, никогда не жила собой, для себя лично.

Почему же я жестоко за это наказана?

Ну что же. Бывает в жизни у людей и хуже. И нечего мне стонать. Разве я только одна живу без друзей, без любимых и близких? Есть у меня ещё маленькие сыновья, которые пока близки мне и которым я нужна. Буду жить, пока кому-то нужна.

И хватит стонать, никому это не нужно! Боже, но как тяжело расставаться с тем, чем жила годы! Невыносимо тяжело….

Хочется забыться любым путём. Спать и не вставать.

К кому я могу пойти? Нет, у меня больше таких друзей, как Ава. Вот кто ждал меня всегда с радостью, вот к кому и я шла тоже с радостью и удовольствием. Галина Михайловна? Я бывала у неё, она у меня нет. Почему? Потому что и к ней не чувствую я близости, как и она ко мне. Чаще других заходила ко мне Там. Мих… Она доверяла мне и разговоры наши были откровенны, в отношении её, но моя душа для неё была закрыта. Она слишком живет собой, своей личной жизнью. Может потому, что такая она у нее неустроенная.

2.01.1970

Не способен человек на сильные и высокие чувства, если он удовольствие находит в вине.

Алкоголь есть алкоголь, подавляющий все самые высшие центры и самые лучшие эмоции. Вот почему и первое письмо не тронуло ни одной струны в душе В.Г… Просто не способен он оказался понять всю глубину и силу моего чувства к нему.

Нет, я сильнее В.Г. во всём. И все-таки тёплое чувство к нему за то отношение ко мне, какое было в школе, за то, что помог мне избавиться от мысли о самоубийстве, вернул к жизни, будет всегда жить во мне. Жить вместе с благодарностью к нему.

4.01

Боже мой, когда же я успокоюсь совсем? Когда не будет этого метания? Ведь пора бы, пора. Ведь годы уже. Это же мучение, чувствовать в себе силу что-то ещё сделать, сделать такое, на что не всякий способен, делать такое дело, которое требовало бы самоотречения, и не иметь возможности делать это дело.

Ради чего мне жить? Ради детей? Да, я всех их введу в жизнь

такими, какими они должны быть. Но это уже не за горами. А дальше? Жить для своего хозяйства, жить ради создания своего личного уюта, своего благополучия я не смогу.

Что дальше? Мучительный, неразрешимый для меня вопрос. Нет у меня больше ни души, ни цели в жизни.

Вот так и буду жить, пока смерть не оборвёт моё безрадостное существование. Одна радость была в душе и та угасла.

Плохо ты начинаешься для меня, новый 1970 год!

Плохо, хоть и получила я столько поздравлений с ним от моих учеников, сколько никогда не получала.

Пусть их судьба и жизнь будут богаче, чем моя, пусть не будет у них ни таких метаний, ни таких жестоких разочарований, пусть не обманутся они в своих надеждах и чаяниях, пусть не рассыпается в их жизни в прах то, чем они будут жить.

И да будет цель и вечное стремление идти вперёд в их душах!

Все желают счастья. Где оно? Нет его у меня и не будет.

Счастье в любимой работе, счастье в близких душе людях, счастье в самоотречении, в увлечении, счастье в том, чему можешь отдать себя без остатка.

Ничего этого у меня нет, и не будет, дорогие мои друзья, как бы вы этого не желали мне.

5.01

Иногда я думаю: «Да полно, тот ли он человек, которого ты создала себе в своём воображении, с которым жила все эти годы?» Человек меняется с годами, может и того В.Г., который жил в душе, с которым ты мысленно встречалась и говорила с первым твоим пробуждением, уже нет в жизни?

Но как трудно, как тяжело мне расставаться с ним!

«Очень мы нужны ему! — приходят слова Г.М., сказанные тогда при его отъезде. Да, конечно, мы не нужны ему, но как он не понял, что он очень нужен мне, нужно его дружеское участие и внимание. Можно же было это понять? Как же он не понял? Эх ты, где твоя чуткость и внимание к человеку? Нет их.

Вот пишу так, а в душе все время теплится надежда, что может ещё и захочет стать мне поддержкой, может, будет и это «обязательно».

«Вы не сможете жить в 4х стенах», — говорят мне все. Почему не смогу? Велика приспособляемость человеческая к условиям, когда он не может изменить их. Без В.Г. я никогда уже не испытаю подъема души, а вернуть его снова себе я не в

состоянии. Вот так и буду жить, без всякого интереса к жизни, без единого желания и стремления.

Жизнь прожита и не жжет меня позор за бесцельно прожитые годы. Не так уж я мало в жизни сделала. Может, придется, и ещё что-то сделаю. Придётся ли?

Чувствую, что так и угаснет душа. Ну что же. Пусть горит она в моих учениках и детях моих. Я всё отдавала им и не может быть, чтобы они чего-то не взяли у меня.

7.01

Ты, Ан. Ник. коммунист, чёрт тебя возьми! Есть у тебя долг коммуниста? Ты что, забыла о нем? Должна же ты делать то, что тебе поручено, ради этого высокого долга, ради светлого имени Ленина. Хватит стонать. Иди к людям. Рано дома сидеть. И к чёрту все свои чувства! Ну вот, поругайся, если тебе от этого легче станет, если тебя встряхнёт это. Другой ведь не догадается по-дружески сделать это. Ты сама себе судья, сама себе опора. Ишь чего захотела, поддержки. Слабенькая, какая выискалась! Сама будь опорой, и поддержкой, и примером другим. Иди к людям. Возьми себя в руки, не давай угаснуть душе. Неправда. Есть у тебя сила воли. Многое ты побеждала в жизни. Сумей победить и это чувство, каким бы сильным оно не было.

Что? Опять на глазах слезы? Не сметь! Я приказываю тебе, слышишь, приказываю! Хватит!

7.01

Кажется, я начинаю окончательно освобождаться от своего чувства к В.Г… Конечно, память о нём сохранится до конца жизни, но того отношения, какое было к нему, уже не будет. Самым чистым и светлым, исключительным среди людей он уже не будет. Вспоминаю, как я ждала ответа на то письмо и как жду сейчас. Напишет — хорошо, не напишет — ну что же, его дело. Бог с ним, теперь уже я не умру от этого.

Вчера после длительного перерыва сделала своё первое сообщение по международным вопросам о Китае. Ничего, получилось сносно.

Много читаю об Алжире и Сирии. Почему они не присоединились к союзу, заключенному между ОАР, Суданом и Ливией после Рабатского совещания?

Больше стала думать о муже. Вот для кого я опора. Не будь меня с ним, он будет пить. Ну и для детей своих я опора, хоть они пока и не осознают этого в полной мере. Мечту о своей свободе я не оставила. Свобода материальная, духовная и формальная — вот чего я больше всего хочу. Я ещё не знаю, где и как я её употреблю, но я буду свободна, буду заниматься тем, чем хочу, быть там, где хочу, делать то, что мне по душе. И никакие финансовые соображения не заставят меня заниматься тем, к чему не лежит душа.

И да здравствует свобода! Прежде всего, духовная свобода.

11.01

Думала летом съездить в Киясово, посмотреть, что оно собой представляет, побывать на месте работы В.Г., поговорить с ним. А сейчас думаю: Зачем? Чтобы снова столкнуться с равнодушием? Зачем мне это нужно? Бередить рану, которая ещё не зажила? Теперь уж я знаю, что кроме холодного равнодушия там меня ничего не ждет. Нет, не будет и этого «обязательно отвечу». Ну что ж. у каждого человека есть право выбирать себе друзей по душе, в том числе и у него. «Выстрадала право на внимание ко мне». А кто просил выстрадать это право? Он ведь не просил. Ну и нечего ждать этого внимания к себе.

Так и чувствую, что адвокат В.Г., который сидит во мне и всегда встаёт на защиту В.Г. снова начинает действовать. Все годы он действовал только успешно, что право ему можно присвоить высшую квалификацию. Но на этот раз ему уже не удастся полностью реабилитировать его. Как вспомню, как он отказался принять меня в последний раз, так сразу огнем стыда обжигает душу. Не хватало ещё, чтобы от меня отмахивались как от чумы, а я бы как муха надоедливая лезла! Нет, подальше от всех и поближе к тем, кому я действительно нужна. Больше таких друзей, как Ава и каким был для меня когда-то В.Г. у меня нет и не будет.

Ну вот, теперь уж и слёзы не навёртываются на глаза от этого и в душе уже нет той острой боли, что была.

Я берегла своих друзей в душе своей и не моя вина, что они ушли от меня. Ушли и не вернутся. И хватит об этом.

И не сметь больше, выпрашивать внимания к себе! Этого ещё недоставало! И не навязывайся никому в друзья. Он же не виноват, что не лежит у него душа ко мне. Не лежит и всё. Не звучит она в ответ. Не на ту ноту настроена.

И пора тебе примириться с этим. Уже примиряюсь.

12.01

Сегодня проводила беседу о Китае в лесопункте. И я, и мои слушатели получили: они — удовлетворение (по их лицам видно было и отзывам), я — огромное удовлетворение. Какая красота! Из меня бы пожалуй не дурной лектор и недурной корреспондент получился. Тут я чувствую моральное удовлетворение, такое, какое в школе я почти никогда не получаю.

Говорят, что за это мне платить не будут.

Да зачем мне деньги? Есть средства для хлеба насущного и ладно.

Кажется, я научилась уже говорить, находить тему для разговора с людьми разного возраста и разного положения. Только совершенно не могу и не умею поддерживать разговор о прическах, костюмах, различных гарнитурах и т. д. и т. п.

К урокам начала готовиться наспех и без души, зато готовлю беседу для населения или пишу статью с превеликим удовольствием, потому, что тут я сделаю лучше, чем кто-то другой, дам больше, чем кто-то другой.

Какая-то антипатия появилась у меня к Там. Андр… В каждом своём выступлении обязательно отметит мои качества, как учителя, с хорошей стороны. Неужели думает, что мне это очень нужно? Надо поговорить.

Из школы я уйду. Это решено.

А все-таки письма я немного жду. Теперь уже жду пожалуй больше ради интереса. Напишет или нет?

Нет, больше за помощью я ни к кому не обращусь. И писать тебе, уважаемый В.Г., я больше не буду. У тебя своя жизнь, у меня своя. Больше, надеюсь, я не столкнусь с тобой, с твоим равнодушием. А общение со мной ты избегаешь потому, что чувствуешь, что не сможешь дать того удовлетворения для души, какое я хотела бы. Широта, ума и знаний не хватит. А может, сам не испытываешь удовлетворения?

14.01

Почему-то у меня сегодня такое чувство, что В.Г. приедет, обязательно приедет на день рождение матери. Такая уверенность, словно я получила об этом от него телеграмму. И я рада, бесконечно рада, что посижу с ним рядом, поговорю. Как же живуче чувство, которое живёт во мне (и будет жить, как я не убеждай я себя в обратном) всю мою жизнь. Ну и пусть живёт. Никому это не мешает, а мне приносит радость. Да пусть не

пишет, пусть не думает, это же его дело и его право.

Удивительно. Такая уверенность, что приедет! Просто интересно, будет ли она реальной.

16.01

— Ну как там живут ваши в Киясово? — спрашиваю я К.А.

— Не знаю. Ничего не пишут и не говорят теперь. Да я уж и отвыкла от них. И не думаю много.

«Отвыкла». Почему я никак не могу отвыкнуть? Ведь пора бы, пора. Сколько лет прошло, а всё тоскует и тоскует душа и слёзы, непрошенные и никому не нужные, снова и снова набегают на глаза….

Радость сменяется отчаянием, надежда — потерей веры в человека, чувство силы, уверенности в себе, чувство собственного достоинства сменяется чувством своего бессилия, рабской покорности своей судьбе. Жизнь то блещет передо мной всей своей привлекательностью, всеми своими красками, то вдруг повёртывается самой мрачной стороной, когда вдруг теряешь смысл своего существования.

Такое состояние, когда в голове ни одной мысли не появляется ко мне уже больше не приходит. И плохо, что не приходит. Сильно болит и трещит по всем швам голова.

Вот сейчас бы дня на 2–3 в постель, не двигаться и ни о чем не думать.

А надо проверять ненавистные мне ученические тетради и готовиться к урокам. Как мне это надоело всё! И никакого удовлетворения мне не приносит. Скоро ли уже конец будет всему этому? Жду, не дождусь. Ох, как тяжело заставлять себя делать то, что не по душе. Вот и В.Г. тяжело, наверное, отвечать мне. Потому и долго собирается ответить. Да уж не насилуй ты свою волю, не отвечай. Я теперь уж от этого не умру, ни душой, ни телом не умру. Только подъёма душевного больше, наверное, не испытаю, да и то…. Кто знает?

21.01

Почему я потеряла интерес к школьным занятиям? Потому что у меня нет интереса к химии, я не пополняю свои знания по химии. И не только потому, что нет интереса к химии, но и потому, что нет необходимости в пополнении своих знаний.

Вот я иду с беседой по международным вопросам, по вопросам внешней и внутренней политики нашего государства и других государств на предприятия, в коллективы и говорю с душой, убеждённо, увлечённо. Такие беседы вызывают у слушателей целый ряд вопросов, которые заставляют меня больше думать, читать знать. Поэтому я и чувствую от таких бесед моральное удовлетворение?

Я тоже буду передавать свои знания, свои убеждения людям, передавать из той области, которой сама живо интересуюсь, только передавать бесплатно, но какое это имеет значение?

Я никогда не жила ради денег и никогда не испытывала морального удовлетворения от съедения вкусной пищи или от приобретения красивого модного костюма.

А статьи в газеты? Каждую из них читают сотни людей. И в ком-то они всё равно что-то затрагивают в душе, потому что пишутся от души.

22.01

Удивительно красивым кажется иногда для нас мир. Как-то сразу начинаешь замечать и нежно голубое небо, выглядывающее из-за облаков, как стыдливая девушка, и ствол берёзки, бархатно белый внизу с чёрными островками, светло коричневый с золотистым отливом в лучах солнца вверху, и покрашенный в голубую краску забор, и, казалось бы, ничем неприметную зелёную с белыми буквами вывеску, и чудную игру цветов в кристаллах льда на оконном стекле, и иссиня-белые наличники окон, и даже ворона не кажется чёрной, а раскрашенной всеми красками, только вдруг почему-то потемневшими, как краски на старой картине.

В такие минуты хочется обнять весь мир и вместить его в своей душе, хочется жить и жить, наслаждаться созерцанием этой живой красоты, хочется делать что-то хорошее, светлое, радостное.

26.01

Нет, предчувствие обмануло меня: на день рождения К.А. никого не было. «Обязательно», «Когда угодно». Ну, кто же просил тебя говорить такие слова, говорить человеку, который, ты это знаешь, в тебя глубоко верит. Как называется это? Предательством это называется. Обмануть глубоко верящего в

тебя человека — предательство, потому что обман этот совершается не во имя любви и дружбы к человеку, не во имя веры в него. Нет, ты не только внешне, ты и внутренне огрубел душой и не от общения с людьми, конечно. Не грубеет человек от общения с обыкновенными людьми.

Что же сохранилось в твоей душе? Живое наслаждение природой?

Но нет, человек никогда не сможет воспринимать и живо наслаждаться общением с природой сквозь туман, рожденный алкоголем.

Только высшими формами своего сознания человек может испытывать не физическое, а духовное наслаждение.

Алкоголь разрушает и тело, и душу, и богатство физическое, и богатство духовное и в большей степени богатство духовное. Поэтому пользоваться надо или единовременно, или в малых дозах. А лучше совсем не пользоваться.

Нет, недоступны человеку ни высшие порывы души, ни высшие формы наслаждения, если он удовольствие черпает в принятии алкоголя.

«Почему не выпить, если это тебе доставляет удовольствие?»

Что ж. Можно сказать и так: «Почему не принять героин? Он же тоже доставляет человеку удовольствие».

Алкоголь, героин, марихуана и т. д. — наркотики. Формы наслаждения ими одинаковы.

Не естественное это наслаждение, а противоестественное.

Разве мог бы ты обмануть человека, если бы ты черпал удовольствие не в алкоголе? Нет, никогда. Ты бы понял, как это бесчеловечно, жестоко, знал бы, какие душевные муки доставляет это человеку и не захотел бы их доставлять.

Но странное дело, не к В.Г., а к алкоголю рождается у меня ещё большая ненависть. А он — только жертва его. И мне просто его жаль.

Нет, я сильнее тебя, уважаемый В.Г.

И никакой мне поддержки от тебя не получить.

Я способна наслаждаться красивой музыкой, песней, танцем, способна наслаждаться природой, морем солнца и воздуха, тихим шелестом древесной листвы, способна была к любви, что дороже жизни, способна к такому наслаждению, когда человек совершенно теряет ощущение своего физического я и на крыльях великого взлёта душой поднимается ввысь.

Способен ли ты был когда-либо на такое наслаждение? Ты, которого я долгие годы считала единственным, самым дорогим и близким мне?

Теперь я уже увереннее смотрю в будущее. Способ предавать свои знания, умение, убеждённость, передавать именно из той области, которая меня больше всего увлекает, у меня есть. Это и умение писать (я довольна, что ко мне приходят учиться этому умению, довольна тем, что именно мои статьи читают и перечитывают некоторые, чтобы научиться писать, и умению говорить.

Мои физические недуги были вызваны духовным недугом. Одного только очень хочу, чтобы они не оказались слишком глубоки и необратимы.

Чудно! Такое чувство, будто я заново рождаюсь, будто всё, что было до этого, только сон, будто я освобождаюсь от чего-то сковывавшего меня, впереди маячит свобода, и душа устремлена не назад, а вперёд, словно не стоят позади 50 лет жизни, словно выхожу я на просторную большую дорогу.

28.01

Оглядываюсь на свою прожитую жизнь и остаюсь довольной ей. Я всегда старалась быть на переднем крае борьбы, никогда не пряталась за чужую спину в середине, все свои силы отдавала борьбе со всем, что мешало идти вперёд. Пусть это и звучит, может и громко, но это так.

В памяти встаёт и глубоко личное. И почему-то сейчас К.П. и В.Г. встают почти рядом. К.П. согревал теплом своей дружбы со мной самые тяжёлые годы жизни во время войны. Это он смягчал мою душу, помог раскрыться ей навстречу музыке, полюбить балет.

В.Г. был для меня больше. Он стал моим существом, моей душой, моей жизнью. Потеря веры в него чуть не стоил мне жизни. Сейчас уже и его нет в моей душе и в моей жизни.

Ушёл К.П., я не жалею об этом, ушла Ава, как будто часть души моей унесла с собой, ушёл В.Г.… и о нём осталось только воспоминание, порой горькое и тяжелое, порой светлое и радостное.

Я знаю, что больше никто не займёт в моей жизни такое место, какое занимали они. К.П. — это молодость, Ава — это дружба, В.Г. — любовь. И всё это было глубоко и сильно. И я радуюсь, что вся жизнь во всей её полноте, человеческая жизнь не прошла мимо меня.

И все-таки чувство, будто я рождаюсь заново, не покидает меня. Нет, не воспоминаниями я пока живу и не прошлым, а настоящим и будущим.

Право, такое чувство, как будто я вывёртываюсь из пелёнок. Нет уже рабской покорности судьбе, зависимости от чего-то.

Я свободна, свободна душой. Я сама и только сама буду определять ход своей жизни.

29.01

Удивительно, как всё враз совпадает в моей жизни. Свой первый урок в школе я дала в день своего рождения. 25 лет работы совпало с 50-ю годами жизни. В один и тот же год ушли от меня Ава и В.Г… Это был самый тяжёлый удар в моей жизни. Тем более, что совпал он с переходом на пенсию, со временем решения вопроса работать дальше или не работать в школе.

Работать дальше — значит получать уйму денег, но не испытывать никакого морального удовлетворения, чувствовать себя всё время не на месте; уйти из школы — жить на пенсию только и искать себе дело по душе, заниматься тем, чем хочу, в чём испытываю моральное удовлетворение.

Теперь уже всё решено, всё определилось, хотя я ещё работаю в школе (как доработать до конца года!), и мне стало легче.

Неприятно и стыдно мне только за то унижение, на которое пошла, чтобы сохранить себе жизнь и то, что имела.

Сейчас удивляюсь просто, как я не могла справиться со всем сама!

После того, как миражом оказалось и «обязательно», В.Г. окончательно (по крайней мере я сейчас так думаю) ушёл из моей жизни. Ни ненависти, ни того большого чувства, какое питала к нему всю жизнь, я в душе своей уже не нахожу.

Какая большая поддержка мне: «Это была ошибка. Виновник — я, повод — полная дезинформация…». С этого я, наверное, и к жизни вернулась.

30.01

Вспоминается недавний разговор с Петром.

Я делюсь с ним своими планами:

— Из школы я уйду. Ты видишь, какое для меня мучение браться за подготовку к урокам, как плохо я себя чувствую, когда прихожу из школы.

Тень набегает на его лицо. Я понимаю его. Он хотел бы, чтобы я осталась в школе, вела бы немного часов и с пенсией получала бы приличную сумму денег, занималась бы больше

хозяйством, вязала бы носки и варежки, чинила бы дырки и пришивала пуговицы (как будто сами они не могут сейчас сделать это!), но об этом я ничего не говорю и продолжаю дальше:

— Вот выйду на пенсию, год или меньше, как захочу, я отдохну, а потом попрошусь работать в редакцию. Ты ведь не будешь возражать, если я год поживу отдельно от тебя?

— Конечно, нет.

Он хорошо понимает, что бесполезно мне возражать. Да и привык доверяться мне.

— Год поработаю, — продолжаю я с воодушевлением, — и посмотрю, будет из меня что получаться или нет. Если будет получаться, перейду работать в центральную газету. Ты понимаешь, как будет хорошо. Я буду постоянно ездить, узнавать новых людей и писать, писать….

Ты ведь поедешь со мной в город?

Он видит, как я вся загораюсь, и вот его:

— Поеду. Ты думаешь, уж больно корова мне нужна?

— А дом? — подхватываю я, — его надо ремонтировать будет. Сколько денег уйдет. Ну, его совсем.

— Правильно, — соглашается он. Мой Петр, он пойдет на всё, чтобы остаться со мной, потому что без такой вот меня он не сможет жить. Ну, что ж. если он не будет пить, не будет стеснять моей свободы, он будет со мной. Будет стремиться к чему-то своему, я предоставлю ему свободу. Хороший он человек, моё творенье, только слишком беден душой.

Вот сейчас, когда стало, будто проясняться будущее, я больше думаю об общечеловеческих делах.

В школе мы будем вынуждены ввести дифференциальное обучение.

Создать такие условия обучения, когда можно будет из части поколения, более способный к мыслительной деятельности, взять всё, что она может дать.

Мы пока тратим огромное количество времени на слабых учащихся, оставляя в стороне сильных, не давая им того, что можно было бы дать.

Если бы мы имели возможность больше времени уделять этим сильным учащимся, сколько бы мы смогли подготовить людей, способных двигать производство вперёд быстрыми темпами!

Слабый ученик просто не в силах усвоить то, что может усвоить сильный ученик.

Нужна программа — минимум для слабых и программа — максимум для сильных. Может быть, нужна своя программа и для

средних.

Вот тогда и силы учителя будут тратиться более рационально, и мыслительная способность поколения будет использоваться рационально.

Я твёрдо была уверена, что недалек тот день, когда в нашей стране и партия, и правительство встанут перед необходимостью повести решительную борьбу с пьянством. Сейчас это время наступило.

1.02

Вспоминается недавний разговор с Павлом К.: «А знаете, вас часто вспоминает и спрашивает о том, как вы живёте Коля К.» — сказал он мне. До сих пор вспоминает! Удивительно.

Да, я знаю, Коля любит меня. Но я была тоже не на ту ноту настроена. Он понимал это. Я уважала в нём это чувство ко мне, доброжелательно и если бы знала, что это сделает его жизнь богаче, стала бы для него другом. Но он любил не столько человека во мне, сколько девушку. И как девушка, я ему была нужна, хотя он боялся даже подойти ко мне, видел, что я к нему не питаю никаких чувств.

Сейчас представляю себе, с каким, наверное, пренебрежением читал В.Г. моё письмо. «Этого ещё не хватало, чтобы я, руководитель, писал какой-то А.Н., - наверное, сказал он себе. И волна стыда за себя, что позволила к кому-то обратиться с просьбой и что мне отказали в этой просьбе, как током пронизывает меня.

Я даже денег за всю свою жизнь не занимала, боюсь, что мне могут отказать, а тут…. Эх, ты, Ан. Ник… Ну зачем тебе надо было это делать? Не вызывалось же это необходимостью сохранить себе жизнь, как в первый раз. Хотела, чтобы радость с тобой опять шагала в жизни? Это, голубушка, не для тебя.

Но как, же он поступает со мной неосторожно! Сказать и так грубо не сделать. Уж не говорил бы тогда. Неужели не понимает, что душевная рана и так кровоточит? Слишком тяжела была операция для нее.

Да нет, ничего этого он не понял. Верно, действительно огрубела душа, не от общения с людьми, а от нежелания общения с простыми людьми, с простыми тружениками, среди которых только и можно найти все самое настоящее. Доживём, посмотрим, сколько друзей останется около тебя, В.Г., когда ты не станешь руководителем, будут ли также стремиться к тебе, когда ты не

будешь занимать соответствующий пост. Может быть, тогда ты поймешь и оценишь тех, кто был тебе верен, несмотря на несправедливые к ним отношения с твоей стороны.

И все-таки прояви бы В.Г. хоть какой-то интерес к моей судьбе и моей жизни, хоть какое-то внимание ко мне, дружеское участие, снова бы он стал для меня тем, чем был.

Но нет, не проявит. Очень мы ему нужны! Так и уйдёт навсегда из жизни, так и не захочет доставить человеку радость, как не хочет доставлять её даже родной матери и родному отцу. А что уж обо мне говорить!

Да бог с ним. Начинаю уже и я отвыкать от него.

Нет, не богаче и твоя жизнь будет оттого, что не захотел поддержать меня, сделать меня богаче душой, не хочешь, матери своей доставлять радость, в угоду, не знаю, чему и кому, во имя чего.

Ну что ж, ты волен поступать так, как подсказывает тебе совесть твоя и убеждения. Больше уж я не обращусь к тебе ни с чем, и единственным для меня ты уже не будешь. Тебе это безразлично. Но твоё безразличие к судьбам людским не обогатит твоей души. А может быть тебе и это безразлично? Тогда ты совсем заурядный человек, такой, каких много ходит по земле. Тогда нечего мне и жалеть тебя, что ушёл из моей жизни.

Вот написала так, а сердце снова втиснулось в тиски, и щемит его, щемит….

Ну не всю же жизнь будет щемить. Пощемит и перестанет когда-нибудь.

Не к тому люди ещё привыкают. На то они и люди.

Вот сейчас думаю, как бы было воспринято всеми, если бы меня однажды нашли мёртвой. Какой бы это было сенсацией! Прямо № 1. сколько бы догадок строили о причине смерти! Сейчас вот даже какая-то шутливая радость от этих мыслей появляется, а тогда было не до шуток. Да, не один раз вспомнишь Маяковского. Чувство самосохранения у меня оказалось сильнее, чем у него. Наверное, потому, что к нему примешалось ещё чувство ответственности перед детьми.

Умереть, как говорит мой брат Алёша, мы и так успеем. Живи, пока живётся, пока может ещё жизнь показать свои краски.

Надо готовить ребят к районной химической олимпиаде. Господи, кто бы знал, как мне не хочется делать это! Но, говорят, надо. Значит надо.

2.02

Мы, женщины, действительно особый народ, с нами надо действительно обращаться по-особому. Мы способны более глубоко и тонко чувствовать, и потеря близкого человека глубже ранит наши души, чем мужские, и ум женщины более глубок, чем у мужчины, и способность приспособляться к обстановке выше, чем у мужчины, и нежнее они по своему складу души, чем мужчины. Природа есть природа и никуда от нее не уйдешь. Именно на женщину природа возложила обязанность не только производить детей, но и оберегать их детство, их жизнь во время их беспомощности. Именно это и наложило отпечаток на склад души.

Мой Пётр заболел. Наверное, положат в больницу. Корова на сносях. Придётся отложить все свои газетные и лекторские дела и заняться хозяйственными делами, так сказать вплотную, хотя сама еле-еле хожу и боюсь, свалюсь тоже, что весьма нежелательно.

5.02

Недели три назад я попросила К.А., чтобы она попросили В.Г. позвонить мне. Очень хотелось узнать, попало ли ему в руки то последнее письмо.

По тому, с каким смущением она смотрела потом на меня, я поняла, что мою просьбу она передала, хоть К.А. и не говорит об этом, а В.Г. ответил не совсем лестно для меня. Наверное, вроде: «Когда будет мне нужно, позвоню». И снова мне становится неприятно. Зачем просила?

Странное у меня чувство было после той памятной для меня беседы с В.Г.

Так, наверное, чувствует мужчина, добивающийся того, чтобы женщина ему отдалась. После того, как это совершится, он утрачивает к ней интерес. Вот так же и я упорно добивалась я откровенной беседы с В.Г… Она нужна мне была, чтобы облегчить состояние моей души. И вот она состоялась. Неизъяснимое удовлетворение я чувствовала после неё. Но после неё у меня стал как-то снижаться интерес к В.Г… Он дал возможность заглянуть к нему в душу, и не увидела я в ней того душевного богатства, которое хотела бы увидеть. Нет, не обогатит он моей души, потому что сам не старается обогатить свою. Не нашла я в его душе ни чуткости душевной к людям, ни щедрости к ним, ни горячей веры в наше будущее, веры в торжество человеческого разума. Не для людей он живёт, — а для себя, для своих удобств и благополучия.

Странно. Как раньше сознание обволакивало В.Г. с годами ореолом всего самого чистого, хорошего, светлого, радостного, тёплого на земле, так сейчас оно день за днём развенчивает его передо мной всё больше и больше. И сейчас я уже большой грусти не чувствую от этого.

Как-то закрылась душа и для большой радости, и для большого горя.

Больше уже В.Г. никогда не станет для меня тем, чем он был для меня.

И, конечно же, моя душа от этого будет беднее. Ну что ж. я ничего не могу изменить.

7.02

Приезжал В.Г… Приехал пьяный, по словам К.А. С утра ушёл к Жукову Н.Д. пить. Оттуда пришёл опять пьяный. Хотелось сходить, поговорить, узнать о жизни, но выстояла, не пошла. И чувствую от этого удовлетворение. Попросила только по телефону уничтожить обязательно все мои письма. Сказал, что уже всё сделано, а у самого язык не вяжет. Ну, вот и всё.

Человек-наркоман, какой бы он вид наркотиков не употреблял, уже не способен обществу дать ничего нового.

8.02

Вчера я день держалась. Сегодня чувствую себя полной развалиной. Ну зачем, зачем было говорить это «обязательно»? так бездумно, легко сказать и обмануть!

Я не виню В.Г. за то, что не захотел протянуть руку дружбы. Но как он мог сказать мне неправду? Ради чего? Кто просил это сделать? Чтобы доставить мне минуту горечи? Да какой же ты человек после этого?

Нет, не мог бы так сделать настоящий человек.

Или алкоголь совсем очерствил твою душу?

В ушах ещё сейчас звучит этот пьяный голос, что слышала вчера.

Чувство острой жалости к чему-то навсегда потерянному невыносимой болью сжимает сердце, расслабляет волю, туманит рассудок.

Слишком долго жил во мне другой В.Г., с мыслью о котором я начинала день. Новый В.Г., которого я узнала, совсем не похож на того, совсем другой, и к этому другому рождается в душе чувство

неприязни. С болью рождается!

9.02

Третий день болеет мой маленький сын. Странная тревога охватывает меня. А вдруг откажет сердце (2 дня держалась температура 39; — грипп).

Мне кажется, нет ничего страшнее, чем потерять матери своего ребёнка. Я не думала о детях много, потому что растут они здоровыми, вполне нормальными детьми. Не беспокоит меня и их поведение. Всё тут нормально.

Но вот заболел сын, и все былые тревоги и переживания отходят на задний план. Мне кажется, что я просто не выдержу, если не будет моего маленького ласкового Вовки.

Его болезнь мне, наверное, наказание, что посмела когда-то подумать принести свою жизнь в жертву не своим детям. Какая же я к чёрту мать!

Ох, дура, дура. Какому-то наркоману принести свою жизнь в жертву? Фу, даже подумать сейчас такое о себе неприятно.

Вовка, Вовка, поправляйся скорее, дорогой мой маленький сынок.

10.02

Вове стало лучше, и на душе у меня веселее.

Вспоминается «Му-Му» Тургенева.

Наверное, мне надо было услышать этот пьяный голос В.Г., чтобы освободиться, наконец, от своего чувства к нему, как Герасиму увидеть пьяную Татьяну.

Жизнь Татьяны не стала богаче, радостнее, светлее от того, то оттолкнула от себя Герасима, так и жизнь В.Г. не будет от этого полнее, а душа не будет богаче.

Бог с тобой, живи на здоровье, находи удовольствие в вине. Тут для тебя в наше время много друзей будет.

Я, наверное, буду вспоминать время от времени все то хорошее, что было связано с тобой, но буду вспоминать и то горькое, что причинил ты мне.

Буду только вспоминать. Ну а дальнейшая жизнь как сложится, так пусть и складывается. Главное, я свободна!

14.02

Теперь уж мне всё и хорошее, вернее, все, что раньше казалось хорошим в отношении ко мне В.Г., представляется в другом свете. Раньше мне казалось, что сошёл он ко мне с руководящих высот для меня, для того, чтобы помочь мне!

Сейчас же я думаю совсем иначе. Ничего подобного! Не для меня, а для себя, ради своего спокойствия и благополучия он сделал это.

Для меня бы он шагу не сделал. Очень мы ему нужны! Побоялся, как бы его, чистого, не запачкали, не обвинили в чем-либо, если бы что-то сделалось со мной.

Очень ему нужны люди! Будет он что-то для кого-то делать, если это не будет создавать ему авторитета, укреплять его положение в обществе, положение на руководящем посту.

Я ведь могла сказать все перед смертью или после моей смерти. Он побоялся этого.

Ну вот, теперь у меня ничего не будет глубоко личного. И друзей близких нет у меня больше. И чувство у меня такое, будто вдруг обмелела душа. И не огонь уж горит там, а одни головни тлеют.

Я до страсти хочу, чтобы кто-то раздул эти головни, разуверил бы меня, что все, что думаю сейчас о В.Г. неправда, зажёг бы снова тёплое чувство в душе, которое было, поселил бы тихую радость, но знаю, что никто этого сделать не сможет, а тот, кто смог бы, не захочешь. Зачем ему это? Зачем ему человек? Верно, действительно, только богу да чёрту нужны человеческие души.

Ну вот и кончилась поэзия. Дальше в моей жизни пойдёт проза.

Как всё перевернулось и в моей душе, и в моей жизни! И совпало всё враз.

Сейчас я, наверное, буду более внимательна к людям. Буду жить жизнью всех, кто будет меня окружать, потому что лично своего у меня ничего не осталось.

15.02

А душа всё ноет и ноет…. Нет, не пройдет эта боль. Так и будет всегда: утихнет немного, а потом снова сожмёт в тисках. И нет от неё никакого лекарства. Только сон. И с не радостными мыслями, а тяжелыми, горькими я начинаю день. Займешься делом, будто забудешься немного, а чуть свободная минута — и снова эта боль, от которой не знаешь, куда деваться. И нет ни

одного человека, которого бы я хотела увидеть, поговорить, с которым бы могла отвести душу. Ни одного. Ни к кому и ни к чему больше не лежит душа.

20.02

Сколько же можно напрягать свою волю? Заставлять себя вставать с постели, когда хочется лежать без единой мысли в голове, готовиться к урокам и прививать любовь к химии, не имея никакого к ней пристрастия, идти к людям, когда не хочется никого видеть.

Приходила К.А… Вот её я всегда встречаю удовольствием, как маму, потому что знаю, что и ей мы нужны, нужно наше внимание, как нужно вообще внимание пожилому человеку со стороны окружающих его.

Договариваемся с ней летом поехать путешествовать по Волге. Вот было бы чудесно! Сейчас я только тогда и живу, когда куда-нибудь езжу.

Ездить и писать — моя мечта. Хватит ли сил и умения осуществить её? Не знаю. Пока мне нужно время для успокоения нервной системы. Поездка по Волге была бы хорошим лекарством.

Очень тревожусь за своего маленького сына. Оставила его в больнице в Ижевске. Хоть бы всё было благополучно.

Отвыкаю от своего школьного коллектива. И они уже смотрят на меня, как на человека, временно пребывающего. И ничуть не болит душа у меня от этого. И нет в ней тревоги от этого.

Человек будет работать и после пенсии, если он любит свою работу, если в ней находит удовлетворение, если чувствует себя на месте. Если же этого ничего нет, его ничто не заставит продолжать работать на этом месте.

21.02

Чувствуется первое дыхание весны: день такой ясный, тёплый. Чья-то могучая рука смыла с неба тёмные пятна облаков, и оно радует сейчас чистотой своей голубизны. И солнце щедро дарит своё тепло людям.

Сегодня я получила свою первую пенсию. Теперь уж я настоящий пенсионер, правда, пока ещё работающий.

Лежит холодный снег и будто улыбается, готовясь умереть

под жгучими лучами солнца во славу жизни.

Вот так и человека не страшит смерть, если он отдал всё во славу процветания жизни, во славу торжества всего лучшего, что есть на земле.

Ждём приезда старшего сына в отпуск из армии.

22.02

Какая это большая ответственность, писать о живых, реальных людях! Одинаково равно, хорошее или плохое о них пишешь.

Написать бы вот так, чтобы каждый мысль твою мог легко уловить, чтоб она, появившись однажды, для других продолжала бы жить.

«Странное у вас настроение стало, — сказала Там. Андр., - то вы радуетесь и веселы, то у вас подавленность какая-то чувствуется».

Я только ответила, что сейчас будет уже ровнее.

Не зря я боялась, чтобы как-то В.Г. не узнал о моём чувстве к нему, словно чувствовала, что не сумеет он бережно отнестись к нему, не разрушить, уберечь его.

Ему оно было не нужно, ну, а мне-то оно было очень нужно, так же нужно, как воздух. И он не понял этого. Бросил и растоптал, как ненужную ему вещь, даже не подумав о том, как она была дорога другому человеку.

Самое ценное свойство человеческой натуры, свойство которое и отличает его от животных — способность любить. И чем глубже и сильнее он любит, тем больше он — человек.

Вот сейчас не стало в душе этого чувства, нет, не то, что не стало, просто я загнала его в самый дальний угол своей души, загнала и держу, не давая ему оттуда вырваться, и появилось это странное чувство временности. Словно я на земле живу временно, словно вот-вот должна я уйти с неё, и краски природы воспринимаются ярче так, как воспринимается ярче весь мир человеком, осужденным на казнь.

«Ты никого не любишь, даже сама себя не любишь, — как-то сказала мне моя покойная мама.

Да, я действительно никого не любила так, даже самоё себе, как любила В.Г… Это чувство поглощало всё.

Детей своих я любила всегда, но не так, как его.

26.02

Как никогда хочется как-то по-другому начать свою жизнь, с большей отдачей своих сил, но чувствую, что по новой дороге уже не успеть, ни до чего дойти. Нет, и по старой дороге я больше не пойду.

И все-таки я счастливее других пенсионеров. У меня есть способность не так-то уж плохо писать и неплохо говорить. Будет мне чем заниматься.

А пока мечта: встретить своих друзей юности, встретить хоть раз восход солнца на опушке леса у реки, побывать на юге, насладиться творением Чайковского, Верди, Штрауса.

Пусто стало как-то в душе, словно в необитаемом доме с наглухо заколоченными окнами. И нет уже защиты от всех жизненных невзгод. Самое дорогое сейчас для меня — мои дети. И если случится что-нибудь из них, хоть с одним, я могу снова встать перед вопросом: Стоит ли дальше жить?

Всей душой, всем существом моим желаю, чтобы не пришлось мне больше решать этот страшный для всего живого вопрос.

И снова в памяти живо встаёт все пережитое.

…Почему-то сразу бросился в глаза мне этот маленький пузырёк с ртутью. Он, как магнит, притягивал меня, что-то обещал хорошее, куда-то звал, просил. Нет, не просил, требовал взять его в руки. Я боролась с этим желанием, старалась убрать его с глаз, но лаборантка Зоя снова и снова ставила его на старое место. Потом я старалась не заходить в кабинет. И однажды не выдержала…. Холодное стекло приятно обожгло руки. Вот сейчас я выпью содержимое и всем моим мучениям конец. И никакой ни о чем думы. Ни о детях, ни о нем. Полная отрешенность от жизни. И как-то даже легко стало. Я подняла пузырёк… Как отворилась дверь — не заметила «Что вы хотите делать?» — как сквозь сон услышала я. И этот вопрос заставил опомниться. Первое мгновение я не знала, что сказать. А потом — страх. Страх — что могла выпить, страх, что Зоя поймет, что хотела сделать. «Ничего просто смотрю, много ли у нас осталось ртути», — спокойно ответила я, собрав всю свою волю. Больше я эту бутылочку не видела. И до сих пор не знаю, где она стоит, и не спрашиваю о ней.

Любую физическую муку человек способен вынести, потому что всегда живёт надежда на лекарство, способное её остановить, облегчить страдание, от душевной муки не всегда человек видит избавление. Жизнь, сама жизнь поворачивается к человеку самой мрачной стороной, впереди не видно просвета, только сплошное мучение и тогда кажется избавлением от всех мучений смерть.

Сейчас вспоминается всё, как тяжёлый сон. Хочу только, чтобы он никогда не повторялся. Почти никогда сейчас не

вспоминаются годы совместной работы с В.Г., не вспоминается сейчас то, за что стал он для меня единственным. Тот страшный сон и пьяный голос загородили собой все воспоминания, все прошлые годы.

27.02

Вчера было родительское собрание. Не пошла. Послала Петра. Пришёл довольный. Говорит, что Там. Андр. привела в пример нашу семью, как дружную, хорошую, где все шесть сыновей хорошо учатся, хорошо ведут себя. «Мне, — говорит, — даже неудобно было сидеть от похвалы».

Ты ведь даже и не знаешь, мой дорогой Петр, какая сложная жизнь проходит в моей душе, жизнь, полная взлётов и падений, радости и безысходного горя, не знаешь, чего стоило мне создать это семейное благополучие, не знаешь, какую кару готовлю тебе, если ты будешь пить, а у меня не будет больше цели, ради которой удерживаю тебя от пьянки, ради которой живу с тобой вместе. Ты хороший, ты по-своему любишь и жалеешь меня, но что я сделаю, если нет места для тебя в моей душе. Никогда не занять тебе того помещения, которое стоит сейчас в душе с наглухо заколоченными ставнями и дверьми. Самое светлое помещение, с окнами, обращенными на юг, на широкий простор полей и лесов, помещение в котором жил когда-то самый дорогой и близкий мне человек.

Интересно, начала этот дневник в дни, когда безысходное горе давило душу, когда готово было разорвать её, начала как выход этому горю, как способ с кем-то разделить его. А сейчас уж просто появилась потребность каждый день встречаться с ним, как живым свидетелем моей второй жизни, моим единомышленником, моим верным другом. Больше ведь у меня нет никого из друзей, задушевных и близких друзей.

7.03

Только что вернулась с Ижевска. Какая благодать — самолёт! Сел — и через 35 минут дома.

Вова все ещё лежит в больнице. Диагноз: ревматизм с осложнением на сердце. Пролежит ещё с месяц, сказали.

Закончила «Владимирские просёлки» В.А. Солоухина хорошая правдивая книга. Понравились мысли: Лезем на целинные земли,

а центральные благоустроить не можем (о дорогах).

Благосостояние колхозов и совхозов зависит от руководителя.

Забота о памятниках старины, о неповторимой красоте русского искусства (игра на свирели, вышивка гладью).

Не владеем мы ещё средствами, покоряющими человеческие души, действующими на эти души в нашем коммунистическом направлении.

Начала «Письма из Русского музея». Начала и с трудом оторвалась от них (читальный зал закрывают).

Совершенно согласна, что старое уничтожает, а новое что бы жило веки, создать не можем.

Действительно, перестали находить удовольствие в творениях писателей — классиков, классиков музыки, живописи, скульптуры. Не модно!

Нет, не то, что не модно, и просто не можем понять глубину и силу, и красоту этих творений.

Почему? И я снова отвечаю: главная причина в непомерно раздутом пьянстве.

Высшие формы проявления человеческой мысли доступны пониманию только высшими формами сознания.

Проще сказать «Старина!», «Не модно!», чем понять всю красоту классического искусства, понять, найти в нём духовное наслаждение.

В каникулы постараюсь дочитать «Письма» до конца.

Хочется, до страсти хочется с кем-то поговорить обо всём, поговорить так, чтобы со мной не соглашались, возражали, спорили.

Не интересно разговаривать, когда с тобой во всём соглашаются.

Вспомнилась песня Высоцкого «Друг».

«Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а так….
Если сразу не разберешь, плох он или хорош…»

Глубже в душу вглядись, рискни, — продолжаю я,-
На проверку его возьми.
Пусть он рядом будет с тобой,
Там поймешь, кто такой.
Если в жизни он только «Я»,
Если к дружбе шагнул и сник,
Если дружбы твоей не сберёг,
Оттолкнул, не помог,
Значит рядом с тобой чужой,

Ты его не брани, гони!
Вверх таких не берут и тут,
О таких не поют.

Да, о таких не поют.

Тетрадь 5

13.03.1970

Приехал сын Серёжа. С первого марта был на подготовительных курсах парашютистов. Приобрел третий разряд парашютиста. Сейчас стоят с Колей перед зеркалом и измеряют рост и комплекцию. Рост почти одинаков. Только комплекция у Коли солиднее. И силой своей друг перед другом похвастались: кто больше, раз вскинет вверх 2х пудовую гирю. Серёжа сильнее. Зато починённые Колей часы, которые не смогли вернуть к жизни ни Сергей, ни отец, мерно постукивают на стене.

Шесть сыновей и все разные по характеру, по убеждениям, по наклонностям. Вот Толя, ученик 5го класса, 1958 года рождения. Спокойный, уравновешенный, выносливый, трудолюбивый. Он спокойно будет переносит все тяготы жизни, не возмутится, не взорвётся, не закричит, не застонет.

Его увлечение — рыбалка и огород. Сейчас у него на окне целый сад. В пол-литровой банке стоят веточки вербы со спящими деточками — почками. Некоторые уже проснулись и показывают из коричневого одеяльца своё нежно-фиолетовое тельце, крытое тонким серебристом пухом. Рядом из консервной банки тянутся вверх беловато-зелёные стрелы лука. Тут же примостилась баночка с двумя чахлыми стебельками бобов. Им явно не хватает света и тепла, но они растут, цепляясь за жизнь всеми своими стебельками ручонками-листиками. У другого окна целый ящик с землей, на которой зеленеет ложный гость — земляной орех, осваивая необычный для него климат и почву. Толя каждый день подходит к своим друзьям и ласково гладит их листочки.

Да, растут и заступают в жизнь один за другим наши сыновья.

А нам? Пора ли нам уже уступать место в жизни? Что значит «уступать»? зачем уступать? Разве не хватит его и нам?

Вспомнилось своё «не успеть ни до чего дойти». Разве обязательно надо доходить до чего-то? Совсем нет. Важно идти. И пока ты идешь, тебе всегда будет место в жизни и дорога. Вот если выбьешься из сил, остановишься, тогда твоё время кончилось, тогда ты уступишь своё место другим.

Нет, я ещё иду. Вот только не знаю, чем я заполню то пустое место в душе, где жило когда-то большое, радостное и светлое. А заполнить надо. Иначе быстро кончается силы, иначе я остановлюсь, так и не успев пошагать по ней. И тогда будет конец жизни. Никогда не смогу я жить в четырёх стенах, никогда не

привыкну к этому.

Все-таки сломалась душа. Нет ничего больше в ней, что дороже жизни, сильнее смерти.

Снова вспомнился «Друг» Высоцкого:

«Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а так…. Если сразу не разберешь, плох он или хорошо».

Я продолжаю так:

В душу, ты загляни, рискни, на проверку его возьми, пусть он встанет с тобой одной, там поймешь, кто такой.

Если в жизни такой не ах, шаг шагнул он к тебе и в страх, если он не помог, хоть мог, оттолкнул, не сберёг.

И снова Высоцкий:

«Значит рядом с тобой чужой. Ты его не брани, гони! Вверх таких не берут и тут, о таких не поют».

Я не гнала тебя. Ты сам ушёл, ушёл, побоялся подать руку дружбы. Ох, а как же она нужна мне была!

Да что там говорить. Ты ведь все равно не поймешь этого.

Значит, рядом со мной был чужой. И не поют о таких, тоже верно.

И живёт тоска о безвозвратно потерянном, о самом большом и нужном человеку: о большой бескорыстной дружбе, о большой и глубокой любви.

Ты не понял ни того, ни другого, просто, наверное, не в состоянии был понять.

13.03

Вечером приехала К.А. из поездки к родным. С удовольствием сходила повидаться с нею. Она тоже приветливо встречает меня. Хочется, очень хочется, чтобы кто-нибудь очень ждал тебя, чтобы была кому-то я очень нужна, кроме своих детей.

Жду не дождусь каникул. Съездить, застать своего брата в живых и может в последний раз повидаться с ним, поговорить. Всё меньше становиться моих родных.

Вот и брат подбирается к своему концу. Тяжело терять дорогих нам людей….

И тревога за Вовку. Как-то он у меня там? А до каникул ещё неделя.

Занимаюсь кое-как. И мысли совсем не в школе. Укомплектовали меня и на будущий год. Нет, не будет меня уже в школе на будущий год. Не будет!

Снова началась полоса хандры. Никуда не хожу, ничего не пишу, и на ум ничего не идёт.

Не хотела писать: нет толстой тетради. Но привычка писать уже укоренилась. Просто пишу и нахожу удовольствие в этом.

Почему-то хочется очень тишины, свободы и одиночества. Самые лучшие часы для меня — когда вся моя семья погружается в сон.

15.03

Опять вспоминается свое….

Какое великое удовольствие испытывала я всегда в его присутствии! Для меня было просто радостью быть с ним рядом, говорить. С нетерпением ждала я наступления нового дня, когда снова с ним буду рядом. Как я радовалась про себя, когда он сказал в ту последнюю осень: «Я уже решил, буду вас таскать с собой на каждый урок». Я подавила в себе эту рвущуюся наружу радость и только сказала: «Ну что же. Я буду рада помочь вам, чем могу». Нет, он так и не увидел моего чувства к нему. Для него я была просто «не человек, а запятая какая-то». Нет, не запятая, «знак вопроса» — как он однажды выразился в разговоре со мной. Уехал он. Но и в его отсутствии я в мыслях продолжала встречаться с ним, говорить с ним, и в этих встречах и беседах находила для себя великую радость, о которой никто не знал. Не знал и он. Как, святыню, берегла я своё чувство к нему, берегла ото всех и больше всего от него, словно чувствовала, что не поймет он его, не сумеет понять, какая это для меня радость, не сумеет уберечь его для меня.

Так оно и получилось. Какими-то подсознательными центрами мы часто руководствуемся в своей жизни. Мы поступаем нередко так, как велит нам какое-то шестое чувство, поступаем, не сознавая, почему мы делаем так, а не так. И это подсознательное чувство порой бывает вернее, чем то, как поступаешь на самом деле.

Нет, я и сейчас думаю о В.Г., но мысли о нем горьки. И встреча с ним в мыслях уже не радость, а боль. А не думать о нем не могу. Наверное, потому, что в каждой клеточке моего мозга отпечатался он, потому что слишком долго пребывал в сознании, слишком долго в мыслях я была с ним.

Вспоминаю, и эти вспоминания вызывают на глаза слезы. Как же не понял, не уберёг моё отношение к нему, мою любовь. Ведь я же ничего не просила взамен. Только того, чтобы снова восстановилось всё по-старому, чтобы было доброе отношение ко мне, доброе отношение и доверие.

Если бы знал он, как его недоверие ко мне истерзало,

изломало мою душу….

Нет, нет, лучше не думать об этом и не писать.

Ну, вот опять слёзы…. Это же медициной мне противопоказано.

Не буду больше.

16.03

17-го марта у В.Г. день рождения. С каким бы удовольствием я поздравила его раньше! А сейчас не буду. Нет у меня пока в душе доброго чувства к нему. Одна горечь и боль. Почему ты не захотел, чтобы было к тебе это доброе чувство? Почему тебе надо стало, чтобы неприязнь рождалась к тебе? Откуда взялся в твоёй душе лед, нет, не лед, лед можно растопить, появилось черствость, бездушие, невнимание даже к близким тебе людям? Кто поселил их в твоей душе? Что убивает в тебе самое хорошее, твою тактичность, чуткость, внимательность, доброту?

Сколько поздравлений получила К.А. ко дню 8го марта! Писали все: и родные и жившие когда-то у нее на квартире. И только от тебя ничего не было. Как же ты забыл, что всем, что у тебя есть, ты обязан ей, твоей матери, прежде всего. Даже по отношению к ней ты стал нечутким, невнимательным.

Кто же и что губит твою душу?

Бесполезно спрашивать, бесполезно ждать ответа.

Нет, я, наверное, когда-нибудь прямо спрошу тебя об этом, спрошу не для того, чтобы ответил ты мне, нет, чтобы ответил сам себе, снова постарался бы быть добрым сыном, хорошим человеком, лучшим из лучших, спрошу, потому что не могу быть равнодушной к тебе, как ни стараюсь, не могу.

17.03

Давно уже не было мне так тяжело, как сегодня. Словно тяжелый камень обрушился на меня, размозжил голову, придавил к земле. Вот он стал для меня каким, твой день рождения! Представляла себе, как бы ты небрежно прочёл и порвал сразу моё поздравление, пошли я его тебе. И волна стыда за себя, что просила, молила протянуть мне руку дружбы, а ты с пренебрежением отвернулся от меня…. Нет, тогда не для меня ты шагнул ко мне со своих высот, ты просто за себя испугался, за своё благополучие и спокойствие. Вот какие мысли ты рождаешь сейчас в моем сознании! Но ведь душа же ломается от них. Как же

ты не понял этого! Да тебе-то, какое дело до этого…. Сколько обидных для тебя слов наговорила бы я сегодня тебе в твой день рождения и страдаю оттого, что не теплые слова привета и поздравления посылаю тебе, а горькие слова упрёка, хотя и останется всё это только здесь, в этой тетради. Никогда не поднимется у меня душа кому-то сказать о тебе обидное слово, недоброе слово, язык не поднимется.

Недоброе чувство родилось бы у меня и ко К.А. и Г.Ф., не знай бы я, что и К.А. глубоко переживает твоё невнимание к ней. Это меня родит с ней.

Ох, как тяжело на душе! Где уж тут думать о какой-то работе и общественных делах.

19.03

Вчера звонили из редакции, спрашивали, почему я ничего не пишу. Сказала, что болею. Я и действительно болею, не телом, а душой болею. Сказала, что вот поправлюсь немного, и снова буду писать.

Конечно, буду!

Интересные люди, эти Бёрдовы. Не слыхала ни разу, чтобы они хорошо отзывались о человеке — труженике, о простом человеке. Для них самое главное, чтобы человек был с образованием и высокий пост занимал. Вот Г.Ф… В памяти его нет ни одного честнейшего, добросовестнейшего простого солдата, простого труженика — создателя материальных благ, людей, трудом которых живут эти люди высоких постов. Они и нас терпят постольку, поскольку им нужна чья-то помощь. Не будь бы этого, они бы постарались и меня, и Петю отодвинуть от себя, особенно Петра, как не имеющего высокого образования, не занимающего высокого поста, хоть он и Ударник коммунистического труда.

Я, конечно, ничего этого не говорю Пете, боже упаси! Радуюсь, что он хорошо относится к ним, родителям В.Г.

Да, мы действительно сохранили пока буржуазный подход к оценке труда. И до сих пор труд человека оценивается не по количеству и качеству его, не по его значимости в производстве материальных благ, а по положению человека в управленческой лестнице, по возможности повелевать. «Я имею больше возможностей повелевать, значит, я и получаю больше», — так рассуждал буржуа, такие рассуждения сохраняются и поныне.

Говорят, что труд руководителя тяжелее, напряженнее. Почему же тогда руководитель цепко держится за руководящий

пост? Почему снятие с руководящего поста и возвращение в сферу производства расценивается как катастрофа для руководителя. А ведь коммунизм будет начинаться там, где будет исчезать это деление людей на руководителей и создателей, материальных благ, где переход из одной сферы деятельности в другую будет рассматриваться обычное дело.

Наибольшую оценку труда должны получать изобретатели — труженики, рационализаторы — труженики, все те, кто своим активным отношением к труду совершенствует производство, двигает его вперед, постоянно повышает производительность труда.

Это будет, это должно быть. И высокий пост будут занимать не руководители, а Герои социалистического труда, создатели материальных благ, именно их имена будут присваивать улицам, посёлка, городам, им будут воздвигаться памятники после их смерти.

20.03

Начинаю понемногу опять успокаиваться. Вероятно, проходит период хандры.

Встретились замечательные слова Спинозы:

«Обдумывая человеческие поступки, я всегда начинал не с того, чтобы смеяться, скорбеть или порицать, а, прежде всего, с того, чтобы их понять. После этого мне становилось ясным, как к ним относятся».

Чем порождается поступок, вред или польза от него обществу — главные вопросы, которые надо решать, сталкиваясь с тем или иным поступком.

И ещё мысль: всемерно должен поощряться бесплатный труд на пользу общества, потому что он свидетельствует о самых высоких формах человеческого сознания, о коммунистическом сознании.

Снова хочется спать. В голове лениво, как лини в илу, шевелятся мысли. А надо опять проверять тетради: конец четверти, провела контрольные работы. До конца года осталось два месяца. Как переждать?

Передают песни Всесоюзного конкурса песни. Льётся чья-то тихая, плавная, задушевная песня в исполнении двух голосов, мужского и женского, которые чудесно дополняя друг друга, качают на волнах мелодии, заставляют уноситься от всех забот и волнении в мир блаженства и наслаждения и мечтать, мечтать…. О чем? О счастье, которое вдруг оказалось миражом, о

прекрасном дворце, который вдруг развалился, о ясном солнце, которое вдруг потухло. Нет, нет, лучше спать. А тетради? Надо проверять. Вот наказание!

21.03

Суббота. Во и наступили каникулы. Завтра отправлюсь на целую неделю в поездку к сыну, брату, в библиотеку. Хочется дочитать Солоухина «Письма из Русского музея».

Какая-то пустота в душе, и не могу ничем её заполнить, не могу, как ни стараюсь, не могу.

Холодный ветер гуляет в этой пустоте и негде согреться от него душе….

Тяжело…. Даже писать об этом тяжело?

Вчера попыталась найти этот пузырек с ртутью. Не нашла. А Зои просто боюсь о нём спросить, боюсь, как бы он снова мне не попал в руки в тяжёлую минуту, когда жить совсем не хочется. Знаю, пройдёт эта хандра, и я снова буду жить.

Но что сделать, чтобы она не навещала меня? Нет сил, прогнать эту незваную гостью, нет сил, захлопнуть перед нею двери….

Ну, хватит стонать! Кончай! Вспомни, разве бедной Аве твоей легче было? В сто раз тяжелее. А ведь не стонала, до самого последнего не стонала. А ты? Постыдись (вот-вот, давай выговаривай себе, стыди сама себя, может легче станет).

30.03

22- го марта сделалась вдруг ясная погода (словно нарочно для нас с Г.Ф.) и мы улетели в Ижевск. Г.Ф. довела до квартиры Злобиных. Хотелось посмотреть, где останавливаются Бёрдовы, повидать Тасю Злобину (Румянцеву), с которой мы вместе учились.

Злобины приветливо встретили нас, меня вместе с Г.Ф. усадили за стол. И вот мы слушаем рассказ о вечере у В.Г., о том, кто был там, и что делали, что пили и что ели.

И я опять вспомнила, как ждали Г.Ф. и К.А., что их хотя бы ради уважения пригласят на новоселье, на день рождение. Но нет, не пригласили.

И снова в душе встал вопрос к В.Г.: «Что же сушит душу твою? Почему не понимаешь ты, как дорого им, твоим родителям, внимание твое? Как оно нужно им, как просто необходимо

именно сейчас, чтобы поддержать их здоровье и бодрость духа».

Что же сушит душу твою? Что убивает всё самое лучшее в ней? Почему ты, такой тактичный и внимательный будто бы к другим людям так невнимателен и непростительно равнодушен к самым близким тебе людям, к твоим родителям?

А что уж говорить обо мне! Бесполезно спрашивать.

23 марта уехала к брату в Сарапул. Брат безнадежно болен. К болезни сердца добавилась болезнь печени (то ли цирроз, то ли рак). Печень пухнет с каждым днём. Невыносимо тяжело смотреть на умирающего близкого тебе человека…. Вот он еще жив, ему тяжело, он задыхается, а ты ничем не можешь ему помочь, облегчить его страдания, вернуть к жизни.

Самое тяжелое, мне кажется, для человека, видеть страдания другого и не мочь облегчить их, не знать, чем помочь ему, чувствовать, что ты не в силах что-то сделать для него. Это невыносимая мука….

Дни Алёши сочтены. Вот и ещё не будет человека, которому я была нужна.

Я всегда старалась, чем могла помочь ему, и это меня немного успокаивает.

Володя всё ещё в больнице. Пролежит до 18 апреля, а там обещают послать в санаторий. Уже немного привык к больничному режиму.

Какая-то новая приехала я из Ижевска. Что-то ещё вспоминается: Злобин купил часы за 50 рублей. «Тася, ты посмотри, сколько у нас часов. Скоро уж ставить некуда будет, а он ещё часы купил», — не то с гордостью за своё положение, не то с досадой на мужа говорит Тася З., - Ну зачем нам ещё часы?»

Как легко им выбросить вот так на ветер, без всякой необходимости 50 рублей! И тут же я вспомнила Катю Двинянину, её 10 человек детей, вспомнила в какой нужде, они живут! Зачем коммунизм таким людям, как Злобины, Бёрдовы? Им и без коммунизма прекрасно живётся.

Пожалуй, им при коммунизме бы хуже было: не перед кем было бы демонстрировать своё превосходство в материальном отношении свою возможность ездить на легковых машинах (за государственный счёт), своё превосходство над людьми.

Тетрадь 6

30.03.1970

На полу, на заборках солнечными бликами весело улыбается утро. Я дома. Времени 8.30 утра. Петя, чтобы не разбудить меня, очень осторожно встал, прикрыл в комнату дверь и сейчас я слышу его осторожные шаги на кухне.

— Даже за молоком поскорее сходил, чтобы К.А. не успела позвонить по телефону и разбудить тебя, — признаётся он мне.

Он дорожит мной и бережёт меня, мой Пётр. Мы будем с тобой вместе, только ты не пей.

Вот она, моя семья. Знаю, что от меня и только от меня будет зависеть и мир, и благополучие, и спокойствие всех членов семьи.

Занятия в школе начала очень не охотно. Узнала, что были Чежеговы, вспоминали поездку на луга, решили снова встретиться летом.

Вечером К.А. пригласила в баню. После бани пили с К.А. чай и разговаривали о житейских делах. Я уже научилась довольно сносно вести разговор о вещах, которые мало меня занимают.

Из редакции получила задание написать о людях, представленных к награждению юбилейной Ленинской медалью.

Я, конечно, эту просьбу постараюсь выполнить. Но едва ли у меня напишется, хорошо: не горит душа, нет в ней живого огня.

Чуть-чуть теплится слабый огонёк, готовый вот-вот навсегда затухнуть.

Не хочу, чтобы навсегда угас этот трепещущий огонёк.

Не хочу! Но…он угасает.

31.03

Сегодня утром сообщили из Сарапула, что брат Алёша умер.

Отмучился. Острая жалость, как нож, режет душу….

Умереть в 48 лет. Это ужасно. Кто виноват в его так неудачно сложившейся жизни?

Страшно говорить, но это так: глубокое доверие и вера в человека. Мы не слыхали в нашей семье слова лжи, привыкли верить каждому сову, и тем более людей, стоящих близко к нам. Сколько мне горьких минут принесло это доверие! А Алёша оно стоило жизни.

Вот и мои дети. Они не умеют врать. И скольких горьких

минут будет это им стоить? А учить их не доверять людям, не брать каждое слово на веру я не могу, потому что не умею этого делать сама.

Ох, как глубоко я поверила тогда этому «обязательно отвечу» и как ошиблась в своей вере! Мне бы не так было больно, если бы я знала, что это говорит нечестный человек. Но он был честен с другими, почему, же мне он сказал неправду? Чем я заслужила её? Не знаю.

Сильный духом или слабый был К. Маркс? А ведь и он умер душой после смерти своей жены.

Нет, нет, я буду до конца сопротивляться духовной смерти, буду стараться всеми силами поддерживать в душе этот слабый огонёк жизни.

Почему же ты гасишь его? Что я плохого сделала тебе?

Бесполезно спрашивать. Пусть совесть твоя и судьба твоя будут тебе судьей.

Вот и Алёши нет. Теперь мне совсем не с кем поговорить, поспорить, проверить правильность своих суждений, поделиться мнениями. Совсем, совсем одна в душе.

Хорошие отношения складываются у нас с К.А… Я стараюсь что-то сделать хорошее для неё, она — для нас, для меня. В ней все-таки меньше этого барства, чем у Г.Ф., ближе она к людям труда, проще.

5.04

Приехала с похорон брата. Приехал проводить брата в последний путь и Сергей. «Не лежит у меня душа к Сарапулу, — писал как-то мне Алексей, — хоть бы умереть-то мне пришлось в Валамазе».

Нет, не пришлось…

Все последние годы, уже совсем больной, Алёша мечтал «о посильной работе по месту жительства». Для Алёши оборвалась жизнь, бесцельная жизнь, которой он так тяготился.

Как сейчас вижу: лежит в гробу, такой спокойный….

Всё хорошо, он спокоен.

Невольно рождается мысль: зачем беспокоиться, зачем страдать, зачем волноваться, зачем горе, когда вот так спокойно можно уснуть….

Но какое это горе для живых, терять человека! Вот и я. Какое бы горе я принесла всей моей семье, уйди я из жизни. Нет уж, лучше жить, пусть без огня в душе, пусть без стремлений и желаний, пусть без большой любви и большой дружбы, но жить,

жить хотя бы для того, чтобы своей смертью не причинить боль кому-то другому.

Пятое апреля, а дороги уже все измазались грязью. Такая эта весна ребёнок. И бесстыдно всё покажет, как дитя, и вымажет всё, как дитя, и воды повсюду наплещет, и теплым ветерком погладит по щеке, как ребёнок ручонкой, и солнечного зайчика пустит скакать по стене, и что-то невнятно пролепечет серебряной струйкой весёлого ручейка.

По дорогам бойко бегут автомашины, купаясь в лужах грязной воды. Земля ещё не оттаяла, и они смело вкатываются в эти лужи, не боясь основательно застрять в них, а потом верещать мотором, взывая о помощи.

Весна, весна. Пора могучего пробуждения природы. Только для души моей нет весны и нет пробуждения. Нет, и уже не будет. «И скучно, и грустно, и некому руку подать…»

Ну, опять застонала! Кончай! Иди лучше, спи.

7.04

Установилась тёплая ясная погода. Солнце нещадно сосёт снег. Машины уже не рискуют залазить в царство грязи — боятся утонуть. Со дня на день ждем солидных гостей — скворцов.

Здоровье окончательно подорвано. Хотя бы хватило меня лет на восемь-десять, пока подрастёт мой Вовка. Тогда уж и остальные дети будут большими.

«Ничего от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть…»

Да, беда наша, и моя, и Сергея, что отдали мы себя целиком одному человеку, а на других ничего не осталось.

Хорошо, если этот один человек остался бы для тебя другом, а мы и этого лишены.

«Человек своему счастью кузнец». Да что мы можем изменить в своей судьбе? Ничего.

Вот и живём с опустошённой душой.

Вчера был педсовет по итогам третьей четверти.

«У нас хороших учеников становится в старших классах из года в год, из четверти в четверть всё меньше и меньше», — докладывает Там. Андр.

Точно так. И будет дальше так, пока что-то не изменится в нашей системе образования. Урок длится 45 минут. Без конца спрашиваем, вытягиваем хоть какую-нибудь дельную мысль из голов, в которых она упорно не рождается, и оставляем без внимания (времени не хватает!) головы, способные дать не одну,

а множество ценных мыслей. И сидят эти способные головы, терпеливо дожидаясь своей очереди. А время идёт, 45 минут истекает. Очередь не подошла. Способный ученик разочарован. И так из урока в урок. Интерес у учёбе падает. Куда же демократичнее! Падает интерес и у учителя к своей работе.

Сидела на педсовете и дремала. Это я-то дремала! Когда это раньше было? Никогда.

Я сейчас вообще часто дремлю. Даже в кино уже давно не бывала.

Ищу способ встряхнуть чем-то себя и не могу найти. Даже ездить уже надоело. Нет, не надоело, просто я очень устала, устала жить.

А ездить я ещё буду. К этому пока интерес не потерян. К Вале П., к Пете К., я обязательно съезжу, пусть не в это лето, пусть в следующее, но съезжу. Хочу встретиться со своей молодостью. Может это меня встряхнёт.

И в Киясово я побываю летом ныне обязательно. Не к тебе приеду, не беспокойся, просто в населённый пункт посмотрю, что он собой представляет. Хочу и себя проверить, удержусь ли я, чтобы не позвонить тебе.

Чувствую, что где-то стороной начинает проходить жизнь и перестаёт она задевать меня. И плохо, очень плохо, что я начинаю мириться с этим. Нет, я не чувствую себя ни пенсионеркой, ни старым человеком, просто надломилась душа.

8.04

Сегодня целый день стирала. Я стала любить эти часы стирки. Уходишь в баню, и остаешься один на один. Руки работают без большого напряжения, монотонно гудит стиральная машина, а мысли текут-текут, как река где тихо спокойно, а где бурно и радостно, где мелко, а где глубоко, текут, перекатываясь с одного предмета на другой.

Сегодня много думалось о Чежеговых. Особенно об А.С… Представляла себе, как мы, три семьи (Берестовы, Лепихины и мы) встретимся с Чежеговыми, как договорились. Хочется, очень хочется, чтобы при этой встрече было как можно меньше вина и как можно больше купания, загорания, веселья, споров, разговоров, живого наслаждения природой. Когда мы научимся веселиться, наслаждаться без вина? Ой, не скоро ещё откажемся от этого наркотика, разрушающего наше здоровье. И всё же я уверена, что через несколько поколений человечество откажется и от этого наркотика.

Вечером дочитала статью кандидата экономических наук Б. Левина «Социальный портрет алкоголика» («Литературная газета» от 11 марта 1970 г.). Хорошая, честная статья. Очень верно, что «настало время отказаться от ошибочного и вредного представления, что есть у нас совсем небольшая толика социально опасных алкоголиков».

Да, действительно «приходится сожалеть, что вопреки фактам отдельные авторы на протяжении многих лет внушали, что алкоголизм уменьшается».

У пьянства есть причины. По Левину они следующие:

«Совершенно бесспорной причиной пьянства является превратное, глубоко ошибочное представление у изрядной части населения о свойствах спиртных напитков и физиологических последствиях пьянства. Столь же бесспорной причиной является недостаточно высокий культурный уровень у части населения и ограниченность духовных запросов. А с другой стороны, в этот же ряд причин мы бы поставили недостаточное развитие сферы культурного досуга, развлечений и спорта».

А у меня невольно возникает мысль, что главная причина не в этом.

Кому-то нужно было замедлить развитие общественной активности масс, замедлить движение по пути к коммунизму. Кому выгодно было «забыть» Постановление о введении в программу школ всех ступеней и типов преподавания основных сведений о вреде алкоголя, принятое СНК РСФСР в 1926 г.?

Кому выгодно было забыть закон, принятый в 1921 г., запрещающий выпуск вина крепостью свыше 20;?

Кому? Конечно, только не простому народу.

Пейте милые простолюдины, пейте, одурманивайте своё сознание алкоголем, только не смотрите, как мы строим себе дачи за государственный счёт, отправляем своих совершенно здоровых жён на курорты и в санатории, за государственный счёт, отправляемся для развлечения туда сами, за государственный счёт раскатываемся на персональных государственных машинах за государственный счёт, присваиваем себе огромное количество вашего труда в виде кругленьких сумм и т. д. Пейте, чтобы не видеть всего этого, не думать. Вот кому выгодно было замедлить движение вперёд, дать непомерно развиться пьянству! Характерная черта коммунизма — отсутствие определённой прослойки людей, занимающихся только руководящей деятельностью.

Вы, люди профессии, отмирающей при коммунизме, захотели сохранить её как можно за собой дольше, ибо она даёт возможность присваивать труд, не принадлежащий вам,

использовать материальные ценности, созданные другими, для создания своего комфорта и благополучия. Но представив широкое поле деятельности алкогольному наркотику, вы сами оказались в плену у него, и в этом ваша беда. Разум человеческий, свободный от всяких наркотиков, рано или поздно восторжествует. Я этому глубоко верю, за это борюсь, как могу.

И ты оказался в плену у этой наркомании, потому и сохнет душа у тебя, уважаемый В.Г… Не так ли?

Вот написала слово «уважаемый» и вспомнила.

Когда-то в детстве мы прочитали о том, что Чехов подписывал свои рассказы псевдонимом Антоша Чехонте. «А ты знаешь, как будешь подписываться, — сказали мне тогда Сергей, как что-то совершенно определенное, — Анастас Нохренте». Так Серёжа меня до сих пор и зовёт в шутку. Для Алёши я была Настя. Для мамы и Пети — Тася, Анастасия, для моих учеников — дорогая Анастасия Николаевна, для В.Г. — уважаемая Анастасия Николаевна, как уважаемый Никсон.

Ну, пора кончать. Двадцать минут первого ночи. Надо ещё принять гипотиазид.

9.04

Мне всегда было легко и радостно раньше в присутствии В.Г… И это чувство так укоренилось в сознании, что всегда, когда у меня ничего не болело, когда комната была хорошо проветрена, когда я на ночь не перегружала свой желудок, когда в головной мозг не поступало ни одного болевого раздражения, я видела во сне В.Г.

Вот я слушаю вместе с ним чудесную музыку, вот идём по лесу, наполненному пеньем птиц, вот я сижу у его кровати, накладывая мокрое полотенце на воспалённый лоб. И тут мне было радостно оттого, что чем-то помогаю ему. Сейчас нет. Сейчас сильнее всего с ним у меня связалось чувство стыда. Стыда оттого, что обратилась за помощью, и мне отказали, стыда оттого, что открыла душу человеку, который побоялся взять ответственность за неё.

И когда я вижу себя во сне грязной, уродливой, раздетой, я всегда чувствую, не вижу, но чувствую присутствие В.Г… Мне становится тяжело, и я просыпаюсь. Очень редко я вижу и его во сне, но вижу тогда, когда меня царапают кошки, когда гонятся за мной с ножами разбойники, когда что-то взрывается и разрывается, что-то горит. Мне тяжело, а он невозмутимо стоит. В Друскининкае на курорте врач, обследуя меня, спросила, что я

вижу во сне. Я подивилась тогда её вопросу. А сейчас сама, будь я врачом — невропатологом, стала бы расспрашивать о сновидениях, ибо они очень хорошо передают душевное состояние человека.

Всё, что есть хорошего в людях, я раньше концентрировала в нём, а сейчас уже думаю, такая ли уж большая беда потерять наркомана, так как человек, находящий удовольствие в принятии алкоголя — наркоман и духовные запросы его ограничены, чувства и внимание к другому ослаблены. В чём он был сильнее для меня, чем я? Тем, что смог стать человеком, с которым мне было радостно, в котором для меня заключалось всё лучшее.

Почему вошло в привычку встречаться даже с друзьями только за бутылкой? Почему потеряли люди удовольствие просто в общении даже с близкими людьми?

Ведь проводили же мы с Авой целые вечера без единой капли спиртного, и обоим нам доставляло это удовольствие, приходила же часто ко мне Тамара Михайловна, и мы подолгу говорили охотно друг с другом без всякого спиртного. А последняя беседа с В.Г.? если бы она была так тягостно для него, он постарался бы поскорее оборвать тактично, как он умеет делать, ее, а не вести чуть не четыре часа.

Сегодня первый пасмурный день. По небу ползут серые тучи, высыпая на землю из своих кладовых самый мелкий бисер.

Снег окончательно сдал свои позиции и животворной влагой прячется в землю.

Скоро ли уже кончится эта «ленинская» предюбилейная трескотня?

Всю жизнь воевал Владимир Ильич с такой шумихой.

А пьянка? Разве получила бы она такой размах, живи бы сейчас Ленин?

Ни в коем случае!

В.И. Ленин был ярый противник всякого затемнения мозгов. Он и сам никогда ничем не затемнял их. Потому и сделал так много для людей.

10.04

Многодетная мать…. Вечная самоотверженная труженица, вечная страдалица.

Хорошо, если эта женщина только мать, если её дети — весь смысл её жизни. А если она почувствует, что она может стать больше, чем просто мать?

Тогда ей лучше не быть многодетной матерью. При

современном положении в большинстве случаев многодетная мать не может быть ни художником, ни научным, ни общественным деятелем, ни писателем.

Многодетная мать.

Судьбы разные в жизни бывают,
Но твою, многодетная мать,
Ни с какой я другой не сравню,
Тяжелее ей не сыскать.
Окружённая стаей детишек,
Ты не знаешь покоя нигде.
Надо массу и дел и делишек
Переделать за сутки тебе.
Этих в школу скорее отправить,
Ну, а этих умыть и одеть,
Без обеда семью не оставить,
На работу со всеми успеть.
Нет, не отдыха и после работы
Ждет тебя, многодетная мать,
Надо сделать и то-то, и то-то,
За детьми и подмыть, и убрать.
По местам ребятишек оставив,
Ты присела за стол отдохнуть.
Все дела по хозяйству, оставив,
Твои мысли отправились в путь.
Задержать бы те мысли на детях,
Не давать далеко залетать.
Не пускай их за стены! Да где там…
Разве их уж сейчас удержать?
На полях побывали широких,
Смело в семьи другие зашли,
Побывали на стройках далёких,
Груду дел нерешённых нашли.
Тут успех, а вот тут неудача…
Где о всём бы вот этом сказать?
Написать? Ну, а как же иначе?
Ты ж не можешь об этом молчать.
Написать бы вот так, чтобы каждый
Мысль легко мог твою уловить,
Чтоб она, появившись однажды,
Для других продолжала бы жить.
Эта мысль вот ясна, а другая не очень.
Подожди…. Вот сейчас….

«Мама, мама, ты словно глухая,
Я зову тебя целый уж час».
«Что тебе?» — безучастно спросила
(Жаль удачную мысль оставлять)
Но пера благодатная сила
Не тебе, многодетная мать.
«Мама, кто-то порвал мои книжки,
Как я буду такие читать?»
«Мам, а Вовка испачкал штанишки…»
До пера ль, многодетная мать.
Улетела крылатая рифма,
Убежала удачная мысль.
Вдруг открылась тебе впереди тьма…
Так и надо, писать не садись!

Чтобы женщина могла решать какие-то научные или общественные вопросы, она должна быть освобождена от повседневного ухода за детьми, от повседневных забот о них, от мелкой изнурительной, домашней работы, которая отупляет женщину, делает мелкими её интересы. Об этом говорил В.И. Ленин.

Женщины составляют половину человеческого рода, половину тружеников. Нет слов, Советская власть сделала много для освобождения женщины. Но женщина стала уже другой. Она уже не довольствуется «вторыми роями» в жизни. Подавай ей полное равенство в общественной жизни!

11.04

День тёплый, солнечный такой. Дома выставили вторые рамы, и в комнату обрадовано хлынули солнце и свежий воздух.

По радио передают хорошую песню о том как к плачущей девушке подошёл её любимый и ласково сказал: «Не плачь, ты не виновата, что я люблю другую». И она не плачет, потому что он не велел.

Эх, как же нужно это теплое, ласковое слово человеку от любимого!

Не понял ты, как нужно было и мне твоё доброе ко мне отношение, твоё ласковое слово.

Счастлив тот человек, если он идёт по жизни рядом с любимым. Нет счастья выше этого. Но счастлив и тот человек, если он в любимом своём видит друга себе, который вот так

ласково скажет: «не плачь, не горюй, ты не виновата, что я люблю другую». На всю жизнь сохранит любящий тёплое чувство к такому человеку, всю жизнь будет с благодарностью вспоминать о нём.

Мне не выпало этого счастья, наверное, потому, что родилась в самую длинную ночь, когда бесприютные голодные волки рыскали по полям и лесам в поисках тепла и кусочка пищи.

Трудно идти по жизни одной, быстро из сил выбиваешься. Ну да ничего. Не так уж далёко и до конца. Как-нибудь дойду.

Почему Петя не стал для меня близким человеком?

Нет, не только потому, что не могла я ничего взять у него, не только потому, что беден душой, а потому, что не сберёг доверие к себе.

— Наплевал я на твое доверие, — совершенное спокойно говорит он.

— Будешь пить, уйду я от тебя, — говорю я.

— Ну и уходи. Скоро ты будешь не нужна. Вот выйду на пенсию, и сам буду ухаживать за живностью, разводить её.

— И пить будешь?

— И пить буду. Только ты ведь уйдешь без ничего. Только в том, что есть на тебе.

— Чудной какой! Да разве нужны мне будут эти вещи, если я надумаю уйти?

— Ну, вот и хорошо. Будет мне что пропивать.

— «Пить», «пропивать», а дальше что? И пропадешь ты, как человек и не будет всеми уважаемого Петра Николаевич, а будет Петька Колотов.

— Конечно, пропаду. Нет, лучше уж не уезжай, — заключает он с теплом и какой-то затаённой жалобной просьбой.

Я стараюсь, чтобы как можно реже поднимался этот разговор, чтобы не было у него, не появилось просто этой неуверенности в будущем. А то и в самом деле начнёт пить раньше времени. Надо, чтобы до конца, до самой самостоятельной жизни были у моих детей отец и мать, была вот такая хорошая, без ссор и ругани, тёплая обстановка в семье.

Я стараюсь, доброжелательно относится к мужу за его доброе отношение ко мне, за то, что не лезет в душу, где все равно ни в чем не разберётся и ничего не поймёт.

12.04

— Пишет ли вам В.Г.? — спрашиваю я у К.А.

— Нет, не писывал, как уехал.

И тень набегает на её лицо. Она думает, думает…, а потом говорит:

— Он же у меня хороший был.

— А для меня, — подхватываю я, — он был самый лучший.

И мы обе спрашиваем самих себя, почему он стал таким.

— Не горюйте, — говорю К.А., - проживём и без них. Вы будете для меня как мама, а я буду вам как дочь. Вот и будем жить.

— Проживём, — говорит и она.

Сегодня я за дневник взялась с самого утра. «Чего ты там всё пишешь? — спрашивает муж. — Надо идти стирать, а она пишет».

«Просто, — говорю, — мысли свои записываю, чтобы не забывать. Я, может, правда писать буду». Он вполне довольствуется таким ответом и никогда и попытки не делает, прочитать эти мысли.

А если бы сделал? Если бы прочитал дневник? Тогда я сказала бы ему:

Разве мы плохо живём с тобой? Разве не уважают нас люди? Разве не родила я тебе шестерых сыновей, которыми ты гордишься? Мы не заставляем их учить уроки, они сами это делают. А разве ты прививал им стремление к учёбе? Разве ты показывал им старые ведомости о своей успеваемости и институтские зачётки с оценками «отлично», разве ты говорил им, какая это радость — больше знать? В чём же ты недоволен мной?

Разве я выкупала тебя в грязи разврата уже впервые дни нашего замужества? Разве я платила алименты на незаконнорожденного ребёнка? А потом, когда уже я поверила тебе, что ты сделал с моим доверием? Разве у меня появились разные Веры и Сони? И если мы не разошлись с тобой, так только потому, что жила в моём сердце большая, чистая, светлая, тёплая любовь к другому. Там, в душе была другая внутренняя жизнь, совсем не похожая на ту, которой я жила с тобой. Я никогда не упрекала тебя твоими похождениями, не напоминала о них, чтобы сохранить в семье мир и спокойную жизнь для детей. Наоборот, я гордилась тобой перед нашими детьми, гордилась твоими Похвальными грамотами и поощрениями, данными тебе за добросовестный труд, гордилась тем, что ты не пьешь, что ты — коммунист и под моим напором общественник, гордилась всем тем, что сама же старалась развить в тебе. В чём же ты можешь упрекнуть меня? В моей любви к другому? Так тут уж я не вольна была. Не спросилась она, ворвалась в душу мою. Разве хуже от этого. И давай так: сохраним мир и спокойствие в нашей семье и дальше, чтобы выросли наши сыновья хорошими, чтобы с

чистыми душами, без лишних забот и волнений вступили они в самостоятельную жизнь. А там видно будет, будем ли мы с тобой вместе. Не будешь пить, будем, будешь пить, упрекать меня в чём-то, я уеду тогда.

И ты, я знаю, согласишься со мной. Как тот, другой, был частью моей души, так и я стала частью тебя и не сможешь ты уже жить без меня. Да сейчас уж и примириться со всем, что узнаешь из дневника, тебе будет легче, потому что нет уже того чувства в душе. И не воскреснет уже больше она таким, каким было.

Вот что я скажу, если ты прочтешь дневник, мой муженёк. Тихо. Я одна. Петя на работе, мальчики в другой комнате. Сейчас сяду за статьи в газету.

Когда я пишу о ком-то, я остаюсь с ним с глазу на глаз одна. И встаёт человек весь передо мной, и я вдруг начинаю его видеть насквозь. И все-таки это трудно, написать о живых людях. Ни добавишь, ни убавишь, ни на шаг не отступишь от правды.

13.04

Статьи готовы. О двух людях, о которых ещё не писали в газете, которых ещё не знают все в районе. А я уже думаю о той радости, которую доставят они тем, о ком написаны. Особенно легко написалась статья о Дуне К., человеке труда. Вспоминаю все статьи о людях хороших, написанные мной за последнее время. И радуюсь за то, что они совсем не похожи одна на другую, как люди, которые стоят за ними. Хорошо. Я учусь писать.

И ещё, как никогда, рождается недовольство собой за то, что слишком сильно была погружена в саму себя, а на людей внимания обращала мало. Чтобы хорошо писать о людях, надо хорошо видеть их, их одежду, лицо, жесты, поступки, слышать своеобразие их речи, за каждой фразой, за всем его обликом видеть суть, убеждения, внутреннюю жизнь людей. Надо учиться искусству наблюдать за всем, что тебя окружает, надо отрешиться от самой себя, от своего внутреннего мира.

Весна уже начинает стёжками-дорожками протягивать руку своему лучезарному брату — лету.

Беден тот, кто видит в весне только грязь и бежит куда-то на юг от этого самого чудесного времени года. Разве можно бежать от той радости, что охватывает тебя, когда видишь милые зелёные пакетики первых листиков, пока неуверенно ещё выглядывающих из зимних покровов, или смотришь на набухшие почки сирени, готовые вот-вот развернуть перед тобой свою красоту, наполнить воздух чарующим ароматом весенних духов.

14.04

К.А. передала привет из Кисловодска от В.Г… Пошла к ней, хотелось лично убедиться, что послано письмо ей и что в нём привет нам.

Попросила прочитать письмо, и горькое чувство снова зашевелились в душе.

— Нет, — говорю, — не нам это привет, а Люде с Рудой. Не может он послать привет тому, кого не уважает, — говорю. А у самой такая тяжесть на душе.

Плохо чувствовать себя беспомощной. Раньше я никогда не испытывала это чувство беспомощности.

Возмущаюсь собой, горю от стыда, что посчитали меня маленькой букашкой, не стоящей внимания, и ничего не могу сделать, чтобы почувствовать себя снова сильной.

Строки письма снова складываются в голове, письма, которые я никогда больше не отправлю.

…..Ты помнишь, как плакала я, когда ты уходил из нашего коллектива, одна плакала, потому что был ты для меня ближе всех? Помнишь, как собирались вместе написать книгу, как хотел ты меня с собой брать на уроки, как проверяли вместе контрольные работы и спорили? Ты помнишь…. Нет, ты ничего не вспомнил, кроме того, что был у нас в химкабинете спирт. Я не виню тебя в том, что не смог протянуть руку дружбы, виню за то, что так легко, бездумно говорил мне неправду, а я верила, глубоко верила каждому твоему слову. Кто просил говорить тебе мне неправду? Как же ты не понял, что нельзя меня обманывать, потому, что слишком тяжело я переношу всякую ложь, а от тебя подавно. Ты в душе радовался, гордился собой, наверное, какой, мол, я хороший, что все меня любят, и не подумал ничуть о другом человеке, как же ты мог так легко растоптать доверие человека к тебе?

Нет, не встречаюсь я больше с тобой в мыслях своих, потому что встреча с тобой мне тяжела, не тоскую уж больше о тебе, тоскую о той большой любви, что ушла вместе с тобой из моей жизни и не вернется больше. Ведь ты не захочешь сказать просто так, как сестре: «Простите меня, я причинил вам много горя, но причинил «без всякого злого умысла», — как ты говорил раньше, вставляя для меня бесконечные «окна» в расписании. — Не грустите, я по-прежнему уважаю вас и дорожу вашим доверием. Добрым словом и тёплым отношением к вам постараюсь загладить свою невольную вину перед вами». Как бы я рада была таким словам! На всю жизнь сохранила бы я доброе чувство и благодарность за эти слова. Но ты не скажешь, не оживишь души,

и потухнет в ней еле тлеющий живой огонёк….

Бесполезно писать. Ты всё равно не ответишь, не поддержишь, своим вниманием не согреешь души. Эх ты, горькая моя «Оппозиция»!

Не уважаешь ты меня больше, хотя и говорил другое. Уважаемым людям не врут.

За окном стоят молодые берёзки. Дождь разбросал по их голым пока ветвям жемчужные капли, и они висят сейчас, вспыхивая то нежно-зеленым, то розовым цветом, то потухая, то снова загораясь всеми цветами радуги в лучах выглянувшего вдруг из серой пелены солнца. Как это раньше не замечала я такой красоты?

Наверное, потому, что слишком полна была душа, и ни для чего другого не оставалось там места.

15.04

«Счастлив, кто в старости сохраняет все свои чувства».

Фонвизин.

Значит я счастливая, несмотря на все горечи и тревоги. Конечно, счастлива! Счастлива, что вижу чудесную красоту природы, счастлива, что стала лучше понимать людей, счастлива, что не в наркотиках нахожу наслаждение.

Сегодня у нас торжественное собрание, посвященное Ленинскому юбилею.

По радио Шуклин Слава уже второй день говорит, что на собрании все должно быть торжественно, что все должны явиться в срок и т. д.

Я тоже очень хочу, чтобы всё было торжественно и, конечно же, приду в срок, как обычно.

16.04

В срок собрание, как обычно, не началось, но народу собралось много.

Наградили юбилейными медалями 59 человек, из них немногим более четверти мужчины, остальные женщины.

Горжусь за свой пол! Скоро, верю, проснётся в вас чувство собственного достоинства и вы, мои подруги, скажете: «Мы не только можем трудиться, но мы и руководить не хуже вас,

мужчины, умеем». Вспоминается мне мастер смены Нина Гусева.

Каким хорошим организатором она оказалась! Подумаешь ли?

Просто мы боимся ещё порой: «А вдруг не выйдет?» нам, женщинам, ведь даже маленькой ошибки не прощают. «Чего с неё взять — женщина!» разве она может руководить. — Как часто ещё сталкиваешься с таким мнением!

Ошибочным мнением!

Дали и мне юбилейную Ленинскую медаль.

Я душой принимаю эту награду, потому что вся душа отдана служению делу Ленина. С ним я сверяю каждый свой шаг. «Не проходи мимо добра и зла, будь хозяином жизни», — учил Владимир Ильич, и я всю жизнь следую его завету.

Концерт понравился. Галина Мих. прочитала своё стихотворение о любви к жизни. «Я люблю жизнь и очёнь боюсь умереть», — говорит она.

А вот у меня почему-то нет такой привязанности к жизни, хотя я несколько раз стояла на краю могилы. Я не то, чтобы не люблю жизнь, а просто не дорожу ею, наверное, потому, что, слишком большие требования к ней предъявляю, а она их в большинстве случаев не выполняет.

Вот получила Ленинскую медаль и опять с горьким чувством подумала: «Будь бы В.Г. в районе, он бы опять, как тогда, постарался бы отвести мою кандидатуру от награждения. Наверное, опять сказал бы: «Ну, это уж не знаю, что у них в коллективе делается. Этого ещё не бывало!»

За что? За что он так ко мне несправедлив? Вспоминается опять его:

«Если это откровенное письмо Вас в какой-то мере устраивает, примите его как извинение за моё заблуждение».

И все-таки не сказал он до сих пор, почему он поверил другим, а не поверил мне, моему отношению к нему, почему не захотел прямо со мной поговорить?

Так легко перевёл в «оппозицию» и всё!

Почему тебе было так легко перевести меня в эту «оппозицию»?

Почему? Не нахожу ответа.

Вчера позвонили из редакции, сказали, что обе мои статьи единогласно решено поместить в юбилейный номер. Просили разрешения подписать статьи разными фамилиями (две статьи в одну газету одного автора нельзя, — говорят, — помещать»). Посоветовала одну из них подписать девичьей фамилией. Петр протестует: «Какая ты, — говорит, — Нохрина, ты Колотова и все».

Геле Такаевой сказала, что не люблю анонимок и не хочу, чтобы написанное мною подписывалось не моим именем. Так и решили: одну подписать девичьей фамилией, другую — настоящей (теперешней).

Великое дело это — моральный стимул, моральное поощрение. Я уверена, что дальше будет больше форм морального поощрения, и они будут определённее: чем и за что награждать. Только присуждаться эти награды должны в коллективах обязательно совместно бюро парторганизации, местком и дирекцией на общем их заседании. Тогда только и можно правильно решить вопрос о награждении так, чтобы не было обид.

17.04

Нет, не открыло тёплое слово железные ворота к душе человека. «Стоит ли усложнять жизнь», — решил ты, наверное, думая только о себе. Ты никогда не думал обо мне, не подумал и тут. Нет, не сложнее бы была твоя жизнь, а богаче, полнее, окажись бы ты и тут настоящим человеком до конца.

Ни одна струнка не зазвучала, не дрогнула даже в твоей, нет, не ледяной, сухой душе. Будь бы это не так, не смог бы ты сказать мне ни одного слова неправды. А ты сказал, не подумав даже, как это будет больно мне.

Не встречаюсь я больше уж с тобой в мыслях своих, потому что встреча с тобой доставляет мне не радость, а боль. И не шагаешь ты уже больше рядом со мной по жизни моей, и холодно, неуютно мне на земле от этого. Как же ты ничего не понял этого?

Бесполезно спрашивать, бесполезно ждать ответа.

Крепись, Анастасия Николаевна, будь сама человеком.

19.04

Как же мне крепиться, как любить жизнь, когда она так безжалостно отнимает у меня самых близких мне людей: Ава, Алёша и, наконец, В.Г… Даже его не сохранила мне судьба.

Вспоминается Алёша….

Лежит тяжело больной, задыхается. И я около него. Чем облегчить его страдания? Чем мысль его занять, отвести в сторону от страданий? Вспомнила, было у него одно стихотворение Сергея Острового, которое было для него девизом его жизни. Он с большим удовлетворением рассказывал, как он за

прочтение этого стихотворения получил даже премию на смотре художественной самодеятельности. Рассказанное от души, оно и дошло до души.

Я прошу его:

— Алёша, ты помнишь то стихотворение, о котором мне говорил?

— Ну как же, конечно помню.

— А сейчас ты его расскажешь?

— Конечно, расскажу. Вот слушай.

И он костенеющим языком, с перерывами рассказывает. Вот это стихотворение.

Жизнь.

Уходит жизнь…. Ты этому не верь.
Она, как океан, не убывает.
Однажды снова постучится в дверь,
Любовь вернётся…. Это всё бывает.
Но никогда, ты слышишь, никогда,
Свершив свои извечные маршруты,
Назад не возвращаются года!
Назад не возвращаются минуты!
И если ты их прожил, как скупец,
Таил свой клад, считал себя богатым,
Копил, копил, копил и, наконец,
Стал стариком, беззубым и горбатым.
А годы всё катились под уклон,
И нет друзей…. И все однообразно.
И в день твоих унылых похорон
Наверно, будет холодно и грязно.
Кого любил? Что строил на Земле?
О чём мечтал, без отдыха. Без срока?
Всё для себя. Весь век в своём дупле
И жил один — и умер одиноко…
А может жил иначе жизнь свою?
И скопидомства не было в помине?
Всегда стоять боялся на краю,
А где-то жил поближе к середине?
И всех любил? И с каждым был знаком?
И улыбался каждому приятно?
Старался бойко бегать языком
Всё по кривой дорожке да обратно
Тебе мигнут, а ты уж тут как тут
Угоден всем. Поплачешь. Посмеешься.

Цветок — и тот бессмертником зовут
Ты — человек! Зачем так низко гнёшься?
Ты жалок мне. Ты даром прожил век.
Ты правды говорить не научился.
А годы шли…. И падал белый снег
И сединой на волосы ложился
Кого любил? О чём таил мечту?
Как много знал порывов беспокойных.
Я ненавижу ложь и суету!
Боюсь ханжей, всегда благопристойных!
Мне гадок трус с ухмылкой наглеца.
И тот храбрец, что сильным не перечит,
И тот певец, что девичьи сердца
Своей безгрешной лирикой калечит.
И пусть бывает в жизни нелегко,
И не всегда судьба тебе послушна, —
Живи красиво, вольно, широко,
Люби людей — светло и простодушно.
Ищи свою дорогу с малых лет,
Уверенно вперёд иди сквозь годы,
Оставь на этой лучшей из планет —
Свой яркий след, свои живые всходы.
Не унижай беспечностью свой труд,
Будь правдолюбом, гордым и суровым,
И пусть тебя потомки помянут
Хорошей песней или добрым словом.

Всю жизнь Алёша поступал так. Никогда он не был стяжателем, никогда не жил для себя, никогда не стоял посредине, никогда не боялся стоять на краю. И не был мрачным день его похорон. Ясное солнце будило жизнь, искрящимися водяными дорожками сгоняло снег. И много друзей шло за гробом его, и поминали они его добрым, хорошим словом.

Нет, не жила никогда и не живу для себя и я. И я делала всегда в жизни так, к чему зовут последние строки стихотворения, которые, так же, как Алёша, принимаю всей душой.

Уверена, что и в день моих похорон будет ясный день, и что много людей придёт проводить меня в последний путь, и что вспомнят они меня добрым словом.

Никогда не предала я ничьей дружбы, никогда не предала и не предам доверия к себе.

А ты? «Кого любил»? «О чём мечтал»? «Как много знал

порывов беспокойных»? искал ли ты свою дорогу с малых лет? Любишь ли ты людей, вот так, светло и простодушно?

Я знаю, твоё жизненное правило: «Стоит ли усложнять себе жизнь!» Скажешь, не так?

Нет, ты не унижаешь беспечностью свой труд, но ты, ты всегда боялся стоять на краю. Что ты защищал в своей жизни? Каким идеалом следовал? Ради кого и чего живешь?

Бесполезно спрашивать. Постарайся, Анастасия Николаевна, не думать и … крепись!

Ты нужна ещё людям. Тебя вот и сегодня ждут помочь. Ну и иди. Хватит бумагу марать.

20.04

Сегодня холодно, ясно. Температура около -12 -13;. Это, наверное, уже последние вздохи зимы. Сначала она покидалась мокрым снегом, а вот сейчас, не в силах одолеть весны, призвала на помощь Мороз. Холодный, лядиной ветер подул, в начавшие было выглядывать зелёные нежные листики. Они сжались и терпеливо дожидаются, когда снова приласкает их тёплый ветерок.

Так же, как я.

Ты его не брани, гони!

Легко сказать: «Гони!»

А если он не гонится?

Я уверена, что рано или поздно тебя потянет ко мне, душой потянет, если она совсем от спиртного и никотина не засохнет.

22.04

День памяти В.И. Ленина. У меня выходной. Как назло, плохая погода. Зима, не в силах справиться с весной сама, призвала на помощь ещё и буйные ветры. И вот они мечутся, бросая в лица прохожим колючий снег. Намело даже сугробы.

Пришла К.А… Принесла целых два десятка яиц. Страшно было неудобно принимать. Не принять — обидится.

Стараюсь все время убедить её, что ничего особенного нет в том, что мы немного помогаем им. Сегодня уж не выдержала, сказала, что мне просто удовольствие доставляет помочь ей. Как-то странно, приветливо посмотрела на меня и ничего не сказала. А мне и впрямь удовольствие помочь ей, что-то сделать для неё хорошее, будто для В.Г. я что-то делаю.

Удивляюсь, как это Эле не хочется сделать для К.А. что-то хорошее, как удивлялась тогда на проводах, как это она не радуется, что будет с мужем вместе. Для меня это просто кажется странным и непонятным.

Нет, не рождается таки неприязнь у меня к нему. Но и того большого чувства, которое было, тоже нет. Просто хочется, очень хочется, чтобы стал он для меня как брат. Вместо Алёши, вместо Авы.

Да мало ли что, человеку не хочется!

Не всё делается по его хотенью, потому что есть ещё хотенье и у другого человека.

В.Г. может совсем и не нужна такая сестра, как я. Зачем она ему? Как вот этот снег за окном, что непрошенным явился вдруг в разгаре весны

23.04

Скучная, мрачная погода. Сырой грязный снег. А на душе ещё мрачнее. Совершенная пустота. Ни одного желания, ни одного стремления…. К.А. сказала, что Бёрдовы после курорта обещали к Маю заехать к ним. Всей душой не хочу встречи с В.Г… Она тяжела будет для меня, как никогда.

Если можно будет, постараюсь избежать её, чтобы только не обиделась бы К.А… Её я постараюсь ничем никогда не обидеть.

Вот так бы лечь сейчас и уснуть. Но нельзя: утро, надо готовиться к урокам. Ох, как мне стало тяжело к ним готовиться! Будто успокаиваюсь немного, когда прихожу на урок к ребятам, и все-таки ни готовиться к урокам, ни заниматься не хочу. Считаю дни, недели до окончания учебного года. И одна мысль: скоро ли, скоро ли я уже отзанимаюсь химией?

Эх, зачем ты отнял у меня радость жизни?

24.04

Снова вспоминается….

…Из нашей школы ты ушёл осенью 1954 г. Ушёл из школы, но не от меня. Я сильно тосковала тогда по нашим беседам, всегда таким доверительным. Через два года я не выдержала, попросила, чтобы ты нашёл время поговорить. Хотелось о многом рассказать, многим поделиться, посоветоваться с тобой! И ты согласился, сказал: «Приходите вечером, я буду дома». И вот я стою у дверей вашей квартиры. А дальше… началось самое

позорное для меня и ещё более позорное для тебя….

Не хочу, чтобы даже после моей смерти кто-нибудь узнал об этом. Пусть это лежит на твоей совести.

…Я всё помню до мельчайших подробностей, помню, как чёрная пелена заволокла сознание, как что-то стало ломаться внутри…. Больно об этом писать, больно вспоминать…

Я была молода, было больше моральных сил, и я выжила. Только с того времени началось гипертония. Четыре года я жила, как в тумане. Жила по инерции.

А потом съезд нашей партии, новая программа, новый подъём сил. Сознание полностью оправдало тебя. «Человек, может, устал с работы, у него была большая неприятность, может быть, а ты со своими разговорами идешь. Так тебе и надо, не суйся не во время, — говорила я себе.

«Но как же он мог так поступить, какой же он человек после этого?» — и эта мысль билась в голове. Но та, первая, загнала вторую на задворки и восторжествовала в сознании.

Тогда — это и родилось это стихотворение:

Полюбить меня, знаю, не сможешь,
И не требую этого я:
Слишком разные мы, не похожи,
Между нами черта пролегла.
Знать о чувстве своём не прошу я,
Не сниму я с той тайны покров,
Я счастлива уж тем, что большую
Моё сердце узнало любовь
Ту любовь, что сквозь годы проносят,
Как сокровище в сердце своем,
Ту любовь, что ответа не просит,
Ту, что жизнь согревает теплом.
Ту любовь, что в душе не стареет,
Не боится ударов судьбы,
Ту, с которой душа молодеет.
Жаль, не знаешь о ней только ты.

Выдержала эта любовь ещё одно испытание (история с «Устным Журналом»).

И вот ещё одно, с этим награждением….

И всюду была несправедливость, такая, какую ты, наверное, не допускал ни к одному человеку.

За что? Что я сделала тебе? За то, что ношу тебя в своей душе? — постоянно спрашивала я себя.

«Нет, ты должен узнать, какую муку причиняет мне твоя

несправедливость, — решила я наконец, — должен, иначе я могу поплатиться жизнью».

Какие-то особые жизнеохраняющие центры головного мозга родили эту мысль. И ты узнал….

…В руки тебе попал тонкий, ювелирной работы сосуд, очень хрупкий. Ты подержал его, погордился тем, что тебе, а ни кому-нибудь другому вручили его, но отравленный алкоголем и никотином не смог понять его цены и красоты, выронил и разбил. Не смог сохранить, пусть не для себя, пусть для других.

Я не виню тебя ни в чём. Ты просто, наверное, не мог иначе поступить, не мог остаться до конца большим человеком, человеком, о котором пишут с большой буквы, о котором поют песни. Нет, ты не мне хотел, помочь тем откровенным письмом, ты просто испугался за себя, за своё положение. Иначе ты не смог бы мне говорить неправды потом, после уже письма.

Ну, вот и всё. Вот и разошлись наши дороги в разные стороны. И все-таки я почему-то уверена, что ты снова подойдешь ко мне, и мы снова пойдем вместе, пойдем, как брат и сестра, как дети одной матери. Подойдешь сам, без моего зова, подойдешь, если душа совсем не засохнет, подойдешь, потому что нет человека, более преданного тебе, чем я, нет, не любящего, просто преданного, несмотря ни на что.

А может быть, и не подойдешь. Кто его знает?

Я пока ничего не знаю, ни о чем не хочу гадать. Даже не знаю, как встречусь с тобой после последнего моего письма. Очень хочется совсем не встречаться. Пусть всё уляжется в душе. Пусть пройдёт время. Время всё скажет, сверит, покажет, оценит или осудит.

Лучше пока не встречаться ни в мыслях, ни на яву.

27.04

Благоверный снова напился, тайком от меня. Боже! Как я ненавижу ложь! Раньше на всё это я не так обращала внимание. Что значили все жизненные невзгоды против того большого чувства, которое жило во мне, согревало меня! Сейчас ничего этого нет. И мне стало труднее жить.

Зачем ты отнял у меня эту радость? Что я сделала тебе плохого? Чем навлекла на себя твою неприязнь?

Чем ты сильнее меня? Способностью мыслить? Нет! Своей идейной убеждённостью? Нет! Тут я сильнее тебя. Тех, которых я считаю ближе к себе, никогда не скажут: «Я не верю в коммунизм», как заявила Зайцева М.М. на одном из

политзанятий.

Я и сама не могу понять, в чём ты оказался сильнее меня.

Снова стала много думать о В.Г… Но как горьки эти думы! Не радость, а слёзы выжимают они на глаза.

Нет, не хочу я сейчас встречаться с ним. Пусть пройдёт время, пусть сгладится боль и перестанет кровоточить душевная рана.

Не понял, не сберег, не помог…. Просто не смог быть до конца человеком. Ну что тут поделаешь? Ничего. Да, встала душа на место, но надломилась. И нет уж у меня никакой радости в жизни, а тут ещё Пётр со своей пьянкой…. Ох, как тяжело стало жить! Лучше бы уж умереть мне тогда.

Для меня легче бы было, это правда, а для детей? Я их произвела на свет, я должна их поставить на ноги. Где уж тут думать об активной жизни с таким состоянием души! Где уж думать сделать ещё что-то в жизни. Дай бог детей выпустить из гнезда в жизнь.

Почему ты мне так трудно даешься, жизнь?

Почему так мало, радости отпущено у тебя на мою долю?

Стоит плохая погода. Дождь и дождь без конца. Ну и хорошо. Хоть Киясовские не приедут к Первому Мая.

Когда не буду заниматься, я, наверное, целыми сутками буду спать. Спать, чтобы ни о чём не думать, ничего не видеть.

Хорошо бы спать, если бы приходил сон. А если и сон бежит от меня?

28.04

Состояние души просто ужасное. «Вы что, опять болеете?» — спрашивают коллеги.

— Да, болею.

Ну что им я могу ещё ответить? Не поймут ведь, что не столько телом, сколько душой болею.

«Не нравитесь вы мне такая», — говорит Там. Андр… А что я сделаю, если не могу быть другой?

С уходом большой любви ушла и жизнь.

Нет, не прожить мне долго на свете.

Об одном уж молю, чтоб выжить мне лет 5–8, пока дети встанут на ноги.

Ничего уже больше у меня в жизни не осталось.

Нет, не может быть у меня мёртвой душа в живом теле. Умрет и тело. Ну и пусть.

Сегодня тёплый, ясный день. Жить бы да радоваться. Нет,

ушла моя радость, ушла и не вернётся. Не могу я без нее жить. Следом уйду и я.

Что я тут поделаю? Так уж верно на роду написано.

Ни с кем не делилась я своей радостью, и была она от этого полнее и глубже, ни с кем не делюсь я и горем своим, и от этого оно тяжелее и горше.

Хоть бы уснуть…

29.04

Получили сегодня от командира части, в которой служит Коля, благодарность «за хорошее воспитание сына Николая — достойного защитника нашей Родины».

Хорошо! Приятно!

Распределила свой вклад на 1130 рублей между сыновьями. Показала Пете. Рассказала, с какого времени я начала копить эти деньги и почему. Предупредила, что распределение этих денег есть первый шаг к разрыву с ним, если будет пить. Нарисовала ему перспективу, если он не сможет сдержаться. Кажется, кое-что понял. В обещание его я мало верю. Посмотрим, будет ли он дорожить семьей и детьми. Что мои слова не расходятся с делом — в этом он уже убеждался много раз. «Да я знаю, что ты — камень», — говорит.

Что же, приходится быть и камнем, только чтобы перед глазами моих сыновей не маячил пьяный отец. И я, конечно, пойду на всё, чтобы не допустить этого. Вплоть до разрыва.

Нет, не опора для меня мой муж в жизни.

Постоянно думай, находи, чем заменить его стремление к алкогольному опьянению. И попробуй найти, если высшее наслаждение он находит только в алкогольном опьянении да в физической близости с женщиной, найди, если так ограничены его духовные запросы, если нет у него никакого духовного богатства. Знаю, уйди я, он перестанет быть человеком.

Вот так и живём.

«Примерная, образцовая семья».

2.05

Вот и май пришёл. Светлый, тёплый, радостный, ясный.

30.04 было со мной очень плохо. В вопросе «За что?» вылилось всё. Невыносимая мука, душевная боль, с которой не могла справиться…. Пришли из больницы, напичкали разными

снотворными, сердечными, успокаивающими, понижающими (давление подскочило до 230) давление и пр., насадили уколов.

Сегодня мне лучше. Но чувствую, куда-то ушла из жизни прежняя Анастасия Николаевна. Появилась новая, которая будет жить по инерции, отправлять в армию и встречать сыновей, женить их и нянчить внучат.

Я — многодетная мать, жена Петра Николаевича Колотова, которого должна поддерживать, и больше никто.

Самое лучшее было бы для меня совсем уйти из жизни, но я не могу причинить боль детям своей смертью. Им я ещё нужна. Жить, пока не подниму на ноги своих сыновей.

Вот ты какой ныне для меня, Май!

Приходила К.А., пригласила пить чай. Пойду. Посижу. Будто с мамой моей. Чтобы порадовать меня, Толя принёс и поставил на столик ко мне маленький букетик первых весенних цветов. Дети, мои дети, нет теперь ничего дороже вас для меня.

Дай-то вам бог не повторить судьбу матери в своей личной жизни!

Вчера пришли ко мне мои ученики. Около 15 человек. Хорошие мои друзья! Пошутили, поговорили и, будто, мне легче стало. Нет, во многих моих учениках сохранится добрая память обо мне. Я старалась отдать им всё, что было у меня в душе. Только сказанное от души и доходит, может дойти до души.

Всегда у меня было две семьи: одна дома, другая в школе — мой класс.

3.05

Как к богу, обращаю я слова свои, молитву мою к тебе: «Ну скажи же, скажи мне тёплое слово привета, верни мне радость жизни, возврати мне душевный мир и спокойствие, ведь можешь, можешь же ты быть человеком до конца. Будь же им, без твоего теплого слова, без твоего доверия и внимания ко мне нет мне жизни, нет и не будет, как бы ни убеждала я себя в обратном. Почему же ты молчишь? Разве не чувствуешь, как мне трудно терять тебя? Почему же ты молчишь?

И гаснет, гаснет огонь в душе, даже уже не огонь, а едва мерцающий огонёк тлеющего уголька.

Молчишь. Не ответишь.

Пришли почти все мои прошлогодние десятиклассники. Утром испекла им стряпни. Напоила чаем, потанцевали, поболтали. Встречаются вместе в последний раз. В мае восемь человек берут в армию.

Даже виду не показала, какая мука на душе. Пусть в своей памяти унесут меня такую, какая была.

Ушли, и я сникла, как пузырь, из которого вдруг выпустили воздух.

4.05

Какая-то пустота в душе. Не радует ничего: ни ясный, солнечный день, ни чистое голубое небо, ни хлопотливая возня скворцов у скворечника, ни набухшие, готовые вот-вот показать своё сокровище почки, ни радостные, весёлые голоса ребятишек, возбужденно встречающих первые теплые дни. Кажется, будто всё кончилось для меня. И даже предстоящая поездка к сыну в Ижевск не вызывает радостной мысли.

Если бы не в школу, отправилась бы сейчас на лесную опушку, вдохнула бы в себя силу пробуждающейся природы, тонкий, нежный аромат первых весенних цветов, почувствовала бы себя частичкой этой великой жизнеутверждающей природы, и может быть, и мне было бы легче. А сейчас тяжело…. Очень тяжело….

Вот привезу своего Вовку, и мы с ним сразу же отправимся за подснежниками — этими чудеснейшими из цветов.

Нет, не к людям тянет меня сейчас, тянет в природу, подальше от людей, ото всех.

А надо идти в школу, ловить на себе сострадательные взгляды коллег, от которых мне ещё тошнее, выслушивать эти вечные «Как ваше здоровье?» и врать: «Да ничего, уже лучше».

Как там «ничего»!

Хуже уж некуда. Смогу ли я когда-нибудь снова почувствовать себя сильной? Не знаю.

5.05

Такое чувство, как будто я перехожу в другую, совсем новую для меня жизнь. Чувствую себя и душевно и физически очень слабой, как будто перенесла длительную, тяжёлую болезнь. Смогу ли я набрать прежнею силу (не физическую, конечно, тут я надежды и не питаю), в чём я почерпну её — не знаю. Сейчас же такая душевная беспомощность и слабость….

Или я преодолею эту слабость и снова буду по-прежнему сильной, или так и останусь слабой и тогда мне больше 5–8 лет не прожить. Едва ли я смогу пойти по третьему пути: отупеть,

стать совершенно равнодушной ко всему, пить, есть, спать и ни о чем не думать. Едва ли смогу долго жить вот такой растительной жизнью, как сейчас. Но она сейчас мне совершенно необходима: слишком велика была нагрузка на нервную систему, и она не выдержала….

Все-таки я — женщина. И психика наша тоньше, чувствительнее и главное ранимее.

Сегодня еду к сыну.

7.05

Мой Володечка остаётся в больнице ещё недели на две: хотят долечить до конца.

Раньше после поездок я всегда, чувствовала себя хорошо. Сейчас же и поездка не вызвала хоть какого-нибудь оживления в душе.

Нет, не напишу я обещанной статьи к 9-му мая в газету, да и едва ли скоро буду опять писать. Умирает душа, совсем умирает, и я бессильна тут что-либо сделать.

Как же ты не понял, что не смогу я жить без тебя? Без дружбы твоей не смогу.

Я знаю, когда-то будет снова большой разговор с тобой, обязательно будет.

Но будет уже слишком поздно. Почему приходишь на помощь ты слишком поздно, когда сделать уже ничего нельзя, почему не приходишь во время? Почему?

Бесполезно спрашивать. Не ответишь.

Серёжа 13-го отправляется в армию. Уже есть повестка. Как-то у него пойдёт служба?

Вот и ещё одного сына отдаём в распоряжение государства.

Тетрадь 7

8.05.1970

Серёжа по моему заказу привёз целый букет подснежников. Я не знаю, есть ли где ещё цветы, подобные подснежнику. Они как будто вобрали в себя неповторимую юность природы. Их нежные белые лепестки, будто чистая душа человека. В низком поклоне перед могучим светилом склонили они головы, и оно чуть-чуть покрасило их в фиолетовый цвет. Все они так же тонки и хрупки, как душа молодой девушки, открытая для любви и счастья. А их нежный аромат? Какой тихой радостью наполняет он того, кто вдохнул его! Будто вся весенняя свежесть войдёт в тебя и не горе, а светлая радость, такая же нежная и хрупкая, готовая вот-вот увянуть, как этот цветок, родится в душе.

11.05

Букет подснежников действительно пробудил в душе радость.

9го Мая был тёплый, ясный, солнечный день. После митинга отправились на луга варить уху и пить спиртное. Вместе с девочками Леной Б. и Светой Л. От души радовалась теплу и солнцу. И в голове торжествующая мысль: «Подожди, мы ещё посмотрим, кто вперёд состарится, ты или я».

С девчонками убежали качаться на высокой качели. Все трое получили несказанное удовольствие. Два часа пролетели незаметно. Нас хватились, побежали искать, (мы ушли не сказавши). В общем, нам попало. Но ничего, мы все равно, как заговорщики, терпеливо перенесли огорчение: радость была сильнее.

10.05

Сделали вечерок по случаю предстоящего ухода Сергея в армию. Пришли все мои проживающие здесь бывшие десятиклассники. Даже Коля Фефилов из Кокмана прибыл. С удовольствие их поила и кормила. Очень мне помогла К.А… Как мама. Радуюсь, что молодежь в моем присутствии чувствует себя свободно и даже сообщает на ухо секреты. Я, конечно, их тщательно оберегаю от распространения и не стараюсь проявлять

излишнего любопытства. Доверие — очень хрупкая вещь и её легко можно сломать. А какая она ценная!

Сегодня утром пригласила Бёрдовых на чай. Я люблю бывать в их семье, всегда мне хочется сделать им что-то приятное. Все-таки прошлое трудно забывается. Да и забудется ли? Хотя горечь от всего пережитого постоянно живет в душе. Наверное, нет ни одного человека, к которому В.Г. был бы так же несправедлив, как ко мне. Но К.А. и Г.Ф., не виноваты, что он стал такой. Они сами переживают немало горьких минут от его несправедливого отношения и к ним.

Несправедливого, нечуткого и невнимательного. Мне просто постоянно хочется как-то сгладить его невнимательность к ним. Постоянно живёт во мне жгучее чувство стыда за себя, за то, что кто-то посмел обращаться со мной как с маленьким ребёнком, как с глупенькой девочкой, которой можно соврать, погладить по головке, успокоить и тут же равнодушно отвергнуть.

Ох, дурра! Какая же я дурра! Где гордость, где чувство собственного достоинства, где самолюбие?

Нет, неправда, есть всё это у меня, и рабой я никогда ничьей не буду.

Сегодня мне очень грустно. Все-таки тяжело матери отдавать своих сыновей, пусть даже и государству. Вот когда начинаешь особенно остро чувствовать, что они, дети твои, плоть от плоти твоей, кровь от крови твоей.

«Хорошие у вас дети», — говорят нам сейчас. А сколько было сил приложено, чтобы стали они такими!

Очень скучаю и о Володе. Всё время в ушах стоит его просящий голос: «Мама, ты хоть немножко погуляй со мной. После четырех нас отпускают погулять». Скоро мой сынок, привезу тебя домой.

Нет, самое светлое помещение с окнами на юг, на простор лесов и полей, которое стоит пока заколоченным в душе, я отдам все-таки моим детям.

12.05

Вот думаю: летом съезжу в Красногорское, зайду в РК, в отдел пропаганды и агитации, и попрошу дать мне возможность вести где-нибудь политзанятия. Пусть дадут что-нибудь посолиднее. Будет здоровье, в четырех стенах я, конечно, не запрусь. Перепробую все общественные дела, пока не найду занятие по душе, такое, где могут отдать силы и знания, что есть ещё у меня. И свою идейную убеждённость. И свою принципиальность. И свою

прямоту. И свою смелость. И свою честность.

Должность народного заседателя? По мне. Участие в административной комиссии? По мне. Нештатный корреспондент газеты? По мне. Только писать я никогда не буду равномерно. Какой-то подъём появился в душе, желание, во что бы то ни стало написать, сказать всем, и я пишу статьи 2–3 подряд. Душевный спад потом, перерыв, порой длительный. Потом опять подъём.

Наверное ни один человека не скажет, что у меня не ровный характер. А вот в душе то буря, то затишье, то лёгкая рябь, то подъём, то спад, то жить не хочется, то жизнь хороша и какая радость жить, то я самая счастливая на свете, то самая несчастная, то судьба приходит в трудные минуты мне на помощь, то вдруг лишает меня даже самого необходимого для жизни. Сейчас уже хоть то хорошо, что когда начинается душевный спад, и жить не хочется, и вдруг потеряешь тропинку в жизненных дебрях, и померкнет свет впереди, я знаю, что всё это пройдёт, что снова вспыхнет потухший свет, и надежда снова проснётся в душе, и снова начнётся душевный подъём.

Одному только правилу я твёрдо следую, всю мою жизнь: какое бы настроение у меня ни было, с людьми должна я быть всегда приветлива, всегда помочь, если это нужно кому-то. У каждого человека своего горя много, чтобы на плечи взваливать ещё и своё. Стараться не приносить людям горьких минут, если они не заслуживают этого, если он не отравляет жизни другим людям. И всегда я буду беспощадна к тем, кто мешает людям нормально жить, кто отравляет радость.

13.05

Сегодня проводили Серёжу в армию.

Серёжа по характеру мягче и отзывчивее, чем Коля. Так не хотелось ему уходить в армию от рыбалки и леса. «Лучше бы осенью взяли, только не от лета», — сетовал он.

Но призыв есть призыв. И вот он последние минуты дома….

Будто беспечно попрощался с Аликом, подошёл к кровати и падал руку только что проснувшемуся Саше, взял и высоко поднял бережно котёнка и слёзы навернулись на глаза. Серёжа всегда любил животных и не обижал их. Потом пошёл прощаться с Альмой.

— Альма, ну, прощай, Альма.

Она вскинулась ему на грудь, ткнула его своим влажным носом в подбородок, будто поцеловала, дала ему сначала одну, потом другую лапу, радостно повертела хвостом. Серёжа ласково

погладил её по голове, тихо опустил на землю и, отвернувшись, быстро отошёл от своей любимицы. Простившись с ней, он будто простился с домом. На всю жизнь мне запомнится, как плакал Сергей вместе со мной перед Маем, когда у меня случилась истерика, уговаривая, меня успокоится. Не Алик, не Саша, не Толя, а Серёжа встревожился за мою жизнь, вызвал из больницы, сестру поил водой и лекарствами. «Мама, ну успокойся, мама. Ты хоть в армию-то меня проводи». А сам мечется, не зная, чем мне помочь, плачет.

Будто вознаградил он меня этим за все те огорчения, которые мне причинял, учась в школе. Он как-то раньше других детей замечал, когда мне становилось тяжело «Что опять тебе взгрустнулось?» — спрашивал он тогда.

Серёжа, мой Серёжа, как-то тебе будет служиться в армии?

14.05

Хуже эпидемии чумы охватила страну эпидемия пьянства.

Вспоминаются десятки женщин, обращающихся ко мне за помощью, за советом. А что я сделаю, если знаю, что нигде не найду поддержки я своей борьбе с пьянством, если знаю, что потом на меня же ещё натравят «свору псов», как это было с «Устным Журналом», вышестоящие организации за эту борьбу.

«Пьёт», «пьёт», «пьёт», «помогите!», «что делать?» — только и слышишь. И не знаешь, не можешь ничем помочь. Ведь не будешь же всё время советовать расходиться. Да даже и в этом случае пьяница не оставит семью в покое.

Что сделать, если свыше, со стороны высших руководящих органов спущено это благословление на пьянку.

Когда начинает рождаться ненависть к этому злу? Нет, не к нему родится в народе сначала эта ненависть, а появится недоверие к нашему руководству, когда пьянство, как ржа, будет разъедать нашу экономику, ухудшать материальное благосостояние. Не можем же мы всё время катиться вниз.

18.05

Снова вспоминается: «Возраст сам по себе наводит на размышления». Никогда меня возраст не наводил на размышления, потому что жила я всегда не телом, а душой. Сколько человек живёт? 60-70-80 лет? Нет. Живёт столетия. Я вспоминаю своих отца и мать. Особенно папу. Это от него

перешла в меня горячая вера в победу коммунизма, его атеизм, его презрение к людям «белой кости», как он их называл, живущих за счет народа и заботящимся не о народе, а о своём личном благополучии и удобствах, я уверена, что его отношение к народу и моё отношение к людям, к событиям, к труду, мои убеждения, мировоззрение будут жить в детях моих, в моих учениках. Будет жить и моя ненависть, моё отвращение к пьянству. Будет! «Один ведь раз на свете живём», — говорят иные. Нет, не один. Мы живём долгие годы. И чем мы больше сделаем для людей, чем больше отдадим себя людям, чем больше наши взгляды, наше отношение к труду, к людям отвечало движению вперед, совершенствованию человеческих отношений, тем дольше мы приживём.

И при чём тут годы? Человек создан коллективом и живёт для коллектива.

Наверное, потому я и не боюсь смерти, что никогда не жила собой и для себя лично.

1бго мая были с Петей на вечере у Сысоева Валерия. Идёт в армию. Хороший он стал паренёк, а был какой….

С вечера ушли рано с моими всеми бывшими десятиклассниками, побродить по посёлку. Довели благоверного моего до дома, а сами ещё долго бродили, вспоминали школьную жизнь.

«Помнишь, — спрашиваю, — Валерий, наш с тобой конфликт в 8 м классе?»

Вспомнил, не сразу.

…В 8 м классе он совсем перестал заниматься, отвечать на уроках, на мои замечания просто огрызался. Я сказала тогда ему: «Раз ты не отвечаешь мне на уроках, не слушаешь меня, значит, ты не признаешь меня учителем, я тебя не буду признавать учеником. Ни спрашивать тебя не буду, ни оговаривать тебя. Делай, как хочешь». Неделю я старалась просто не замечать его. Через неделю он после урока подошёл ко мне и извинился за своё поведение. Сам пришёл, без чьего-либо нажима.

«Я верю тебе, Валерий, что ты от души извиняешься передо мной, и спасибо тебе за это», — сказала я тоже от души. Он понял это и с того времени стал совсем другой по отношению ко мне.

Они хорошие у меня были, мои десятиклассники. Мы жили с ними дружно.

Я уверена, что что-то в них осталось и от меня.

Я всю жизнь буду поминать слова Бориса Морозова, посланные мне в день моего 50-летия:

«Вы были для нас, ваших учеников, не только учительницей, но и заботливым воспитателем, чутким советчиком, хорошим

другом, готовым в трудную минуту придти на помощь! Спасибо Вам за все, дорогая Анастасия Николаевна!»

Борис никогда не был льстецом и никогда не говорил того, чего не было на душе.

Хорошие мои друзья, мои ученики! Я не держу никакого зла и на тех, к кому не нашла подхода. Не они, а их пьянствующие родители виноваты в их исковерканной душе, к которой трудно бывает подойти.

И при чем тут годы, уважаемый В.Г.?

Нет, ты состаришься раньше меня, если в 45 лет начал думать о годах и о возрасте. И сильнее я тебя, сильнее во всем!

17-го мая Валерия С. И Вову Прокошева проводили в армию. И рада была, что последние минуты своего пребывания в посёлке Валерий старался быть с нами, со мной и своими одноклассниками. Даже упрекнули его в том, что он не столько к матери и отцу льнет, сколько к нам. А я про себя порадовалась, что верно больше мы ему были друзья, чем его родители. Кто же тут виноват? Кто виноват в том, что часто родители не становятся друзьями своих детей? Никто, кроме самих родителей. Может быть, и для моих детей будет кто-то ближе, чем я. Всё может быть.

21.05

Снова вспоминается всё пережитое. Словно все эти годы я жила в каком-то другом, особом измерении. Наверное, об этом особом состоянии души и тела говорят как о четвёртом измерении. Как человек создал бога для своего удобства, так и я создала себе образ человека чистого, светлого, чуткого, внимательного, тактичного и отзывчивого. И жила с этим образом в душе как с защитой от всех житейских невзгод, жила в четвёртом измерении. Оно помогло мне из нелюбимого мужа создать для своих детей человека, достойного уважения, именно оно помогало мне заниматься нелюбимой работой, нелюбимым предметом, к которому приставили меня независящие от меня объективные обязательства. Нет, не тем человеком, образ которого жил в душе, оказался в действительности мой идеал. Не бриллиантом, излучающим свет, оказался он на деле, а простым стеклом. Трудно мне было поверить, так ли оно. И сейчас ещё где-то глубоко-глубоко в душе теплится надежда, что все-таки он — не простое стекло. Не зря же он столько лет жил в душе, не зря же я с мыслью о нем засыпала и просыпалась. Осталось ли что от того В.Г., которого знала я в школе? Не знаю. Знаю только, что

тот никогда бы не смог сказать мне неправды. Так легко и бездумно сказать.

Нет, никогда уже то прежнее чувство к В.Г. не вернётся ко мне. Жгучее чувство стыда за себя, за то, что вдруг вот так открыла свою душу, и от неё равнодушно отвернулись, как огнем, опаляет меня постоянно. Недаром решение распахнуть вот так настежь перед кем-то двери в душу стоило мне седой полосы в волосах.

Нет, не живешь ты, уважаемый В.Г. для людей, живешь для себя, для своего благополучия и положения в обществе. И на чужую душу тебе наплевать. Нелегко мне было расстаться со своим божеством, но рассталась. А с нелюбимой работой будет расстаться гораздо легче. Расстаться навсегда. Но что останется у меня в жизни и душе после таких потерь? Не знаю.

Вот уже второй день гоняю свою корову на пастбище и не могу нарадоваться на чудесную красоту пробуждающейся природы.

Какие красивые у нас все-таки деревья! И осинка с её светло-зелёным стволом, и стройная сосенка с размашистыми лапами и коричневой будто запачканным снизу землей корой. Но красивее всех наша берёзка. Сейчас её белые стволы ещё просвечивают через зеленоватые сжелта, маленькие, клейкие молодые листики. Но пройдет какое-то время, окрепнут и зашелестят эти листики о вечной красоте, вечной жизни и вечном движении к свету, к солнцу, к радости и теплу.

22.05

Сегодня я провела свои последние уроки в школе. Скоро я совсем уйду и из коллектива, в котором работала 25 с половиной лет. Немного грустно. Как будто ещё что-то теряю, что-то уходит из моей жизни. Мои товарищи по труду. Я каждого буду помнить из них, каждого с их особыми, ему присущими чертами.

И все-таки я не жалею ни коллектив, из которого ухожу, ни работу, которую оставляю. Нет в нашем коллективе ни принципиальности, ни требовательности друг к другу, ни глубокой веры в коммунизм, ни ненависти к пьянству.

24.05

Вчера ездила на встречу с кандидатом в депутаты Верховного Совета в Совет Союза по Глазовскому избирательному округу

Марковым Аркадием Терентьевичем — председателем Совета Министров УАССР.

…Зал заполняется прибывшими. Появляются работники РК, занимая места на первом и втором ряду. Втиснул в кресло своё тучное тело Соловьёв Е.П… У него солидная лысина на голове и этакое самодовольное выражение на лице.

Вспомнился разговор с Там. Мих. Касимовой.

— Ну чем он хуже В.Г.? — выпытывала я о Соловьёве (и не только о нём, сколько о В.Г.)

Она неопределённо хмыкнула и рассказала один случай из Соловьевской практики.

— Приехал он раз в колхоз и давай распекать доярок за то, что плохо работают. А одна доярка встала и говорит: «Вот вы нас ругаете, а то не спросите, в каких условиях мы работаем. Доишь корову, и задница пристывает». Так напрямую и сказала. В.Г. она так бы не сказала.

Руководителю надо уметь ставить себя на место труженика, уметь смотреть на вещи его глазами.

Интересно, как занимают места в президиуме. Одни деловито, другие солидно с достоинством, третьи торопливо, точно боясь, что их место займет кто другой.

А.Т. Марков. Простое мужское лицо, гладко выбритая голова, говорит спокойно и невыразительно. Но человек, говорят, дельный.

Сегодня здесь в Валамазе встреча с А.А. Сурковым, кандидатом в депутаты Совета Национальностей.

Мне понравилась речь Суркова, понравилось особенно его выражение: «С тех пор, как я хожу по земле, я старался делать так, чтобы людям не было худо оттого, что я живу».

Я тоже так стараюсь делать.

И ещё выражение: «Я счастлив тем, что надо мной не висел груз времени. Не заметил, как пролетели 70 лет».

Вот этого человека возраст, наверное, тоже не наводил на размышления, как и меня.

Ему 70 лет, а он молод душой и полон замыслов, хотя и совсем седой.

Для души нет ни времени, ни расстояния.

Нет, сейчас уже не думаю о том, что жизнь прожита. Впереди ещё всего будет.

Невыносимо трудно было расставаться в мыслях своих с самым дорогим для меня, с остальным расставаться мне будет легче. Даже с жизнью.

Чем же я запомню жизнь свою?

Ничего пока не знаю. Буду пока ездить, смотреть, а там видно будет.

Но со школой я расстанусь. Тут намерение ничуть не поколебалось.

Школа — не моя стихия, химия — не моё увлечение. Не химия, а политика, история и философия всегда влекли меня к себе.

Химия же только постольку, поскольку она есть наука о качественных изменениях.

Не химия привела меня на естественный факультет, а желание познать закономерности развития живой природы и человеческого общества. Естествознание — основа философии.

Нет, не на своё место я попала в работе и с удовольствием уступлю его другому.

Пришла К.А.: «Хотела, — говорит, — увидеть Феликса, думала он райкомовских привёз. А его где-то не видно».

— Зачем его вам? — спрашиваю.

— А что вы хотели передать В.Г. с ним? — как можно осторожнее спрашиваю я.

Она молчит, задумывается. И невысказанную боль читаю я в её глазах. Нет, даже самое хорошее отношение и внимание чужих людей к матери не заменит никогда внимание к ней её детей, которых выносила она в утробе своей, вскормила грудью, растила долгие годы.

У неё есть полное право рассчитывать на их внимание, на их поддержку в старости. Но их нет. И мать глубоко страдает, страдает, молча, без жалоб. Эх ты, «чуткий человек», неужели не понимаешь, как нужно им сейчас твоё внимание? Как тоскуют они о нем? Неужели не понимаешь, что ничто не заменит родителям внимания к ним со стороны детей? Что же ты, высох, что ли совсем? Вот К.А. собирается в Глазов, а я всем существом своим чувствую, с какой радостью поехала она бы к вам, «уважаемый» В.Г., пригласи бы вы её.

Но приглашения не следует, и они оба глубоко переживают это. Ни привета, ни внимания.

Я спрошу все-таки К.А., думает ли она побывать у сына в гостях.

Интересно, что она ответит? Нет, пожалуй, не стоит бередить ради интереса самое больное место, не стоит начинать разговор об этом.

Просто своим добрым к ней отношением буду помогать, ей переносить душевную боль.

Ох, как я понимаю их, хоть они и ничего не говорят, ни на что не жалуются.

31.05

Вчера привезла своего сыночка из Ижевска. Он сразу сначала побежал к своим друзьям, потом сходил с Толей на рыбалку. Сегодня всё что-то мастерит и проделывает опыты из «Природоведения».

Приехала утром, а вечером мои коллеги сделали для меня вечер по случаю окончания для меня работы в школе, по случаю перехода на пенсию. Пришли человек 35. Те из коллектива, кто больше уважал меня. Остальные не простили мне того, что всегда выступала против их пассивного отношения к пьянству, к поступкам людей; не простили и дела Пещерова В.М… Нас, выступивших против незаконной выдачи свидетельств об окончании 10 классов Пещеровым В.М., вступающим в партию, было всего пять человек, их — весь остальной коллектив, обрушившийся на нас за то, что отказали в приёме в партию Пещерову, за то, что довели до конца это дело.

И все-таки весь коллектив не мог защитить Пещерова, не довести дело до суда, не мог, потому что был неправ. Нет, они ничего не поняли, наши коллеги, они обвинили нас за то, что «вытащили сор из избы». Скрыть незаконную сделку мы не могли, потому что принимали человека в партию. Больше всего обвинений в том, что «губили» человека, пришлось на мою долю за статью в газете, написанную по поводу этого дела. Тогда райком поддержал нас. И о статье «Чего стоит доброта?» В.Г. тогда сказал: «Это лучшее, что было в нашей печати». Для меня это была большая поддержка. Прошло уже 4 года, а коллектив до сего времени не простил мне моей «вины».

«Слишком жестоко с ним обошлись», «погубили человека», — это мнение до сих пор живёт в коллективе. Я твёрдо убеждена, что воспитать идеологически стойких людей могут только люди, идеологически стойкие, верные ленинским идеалам, активные, требовательные к себе и к людям.

Быть добрым ко всем, делать так, чтобы на тебя никто не обижался, как делает это, например, наша Галина Мих., проще всего. Я всегда была против такой доброты. Должен человек бояться того, что его недостойный поступок получит резкое коллективное осуждение. Только тогда он не будет совершать этого поступка.

«Откуда вы знаете, может, я тоже в душе осуждаю», — сказала как-то Галина Мих. мне на мое замечание по поводу её замечания к неправильному поступку кого-то из коллектива. «В душе осуждаю», а вслух молчу. Что толку от такого осуждения? А что вслух сказать? «Не хочу портить отношения».

Нет, не боялась я «портить отношения», когда это нужно было. И не раскаиваюсь в этом.

1.06

Все мои планы летят к чёрту. Сегодня ездила по направлению нашей больницы в Красногорскую по поводу заболевания уха. Дали направление в Ижевск на операцию. А давление 100/190. Вот тебе и путешествия на лето. Вот тебе и «поборемся». Да крепко наступила на меня ногой судьба. И я под её ступней корчусь, извиваюсь, хочу ещё чего-то сделать, чего-то достичь, а судьба моя смотрит на меня с пренебрежением и ехидно улыбается, стараясь прижать ещё крепче к земле. Скоро ей надоест заниматься этим, и она окончательно прихлопнет меня. Вот тебе и «хозяин своей судьбы», «кузнец своему счастью».

И все-таки я не уйду в «пассив», пока есть у меня силы, не протянусь пластом под твоим сапогом, судьба!

2.06

Давно ли ещё мои товарищи говорили мне, что я всех крепче из них по здоровью, не болею, жизнерадостна и бодра. Прошло два года, и я стала совсем другой. И болезни одна за другой вяжутся ко мне: то голова, то сердце, то ухо, то ноги. Настоящий престарелый пенсионер. Как много все-таки для человека значит душевное состояние! Стоило потерять душевное равновесие, как болезни одна за другой точно по команде, ринулись на меня. Да и освобожусь ли уж теперь? А впрочем, какое-то безразличие ко всему появляется порой.

К чему? Зачем? — задаю я часто себе такие вопросы.

Нет, не прощает природа вопроса: «Стоит ли дальше жить?»

Жестоко наказывает она того, кто хоть однажды поставил перед собой такой вопрос.

Так и надо. Пусть наказывает. Заслужила.

Ушла из моей жизни Ава, ушла мама, Алёша, В.Г., сейчас ушёл коллектив, ушла привычная работа. И как-то стало пусто, необычно пусто в жизни.

И я никак не могу свыкнуться с этой пустотой, чем-то заполнить её.

Что у меня осталось ещё? Дети.

Я тщательно пока стараюсь заполнить образовавшуюся брешь.

Ни близких друзей, ни работы, ни большого чувства не стало у меня, не стало того, без чего человек не может нормально жить, чувствовать себя человеком.

Сейчас, когда меняется образ жизни, снова и снова оглядываешь свой жизненный путь. Всегда ли я поступала правильно? Можно ли было поступить по-другому? Многое уже забылось. Но многое и помнится. В большинстве случаев я, на мой взгляд, поступала верно. Но помнятся и такие случаи, в которых я сейчас осуждаю своё поведение. Не так надо было поступить, когда я узнала о связи Пети с техничкой Верой. Как-то по-другому. Я же среагировала так, как любая другая баба. Но как бы нужно было тут поступить, я и до сих пор не знаю, потому, что не решала потом этого вопроса.

Не так надо было поступить и тут, когда узнала, что В.Г. отклонил мою кандидатуру на награждение. Очень некрасиво выглядел мой поступок со стороны. Не зря Там. Андр. осудила меня тогда, прямо сказав им об этом.

И вот в моих отношениях к правонарушителям.

И тут следую выводу: раз свобода воли есть осознанная необходимость, значит надо создать для людей такие условия, чтобы выполнение правил общежития стало необходимостью. «Мне необходимо выполнять общепринятые нормы морали, иначе я вызову резкое осуждение всего коллектива, иначе коллектив отвернется от меня», — такое убеждение надо воспитывать в человеке. А значит, должно быть, это резкое осуждение проступка со стороны коллектива. Только тогда человек почувствует, что он поступил неверно и что дальше так поступать нельзя.

Если же один осуждает, другой молчит, а третий хуже того, защищает, не возникнет у человека сознания своей вины. А значит и не будет осознана необходимость поступать согласно общечеловеческих норм бытия.

Сознание — это не есть что-то заложенное в самом человеке от рождения. Это есть результат воздействия внешней среды, результат воздействия коллектива.

Как часто встречается выражение: «Он сам должен понимать, что поступил неправильно. К чему ему ещё говорить об этом?»

Какое же это неверное мнение! Именно оно порождает в нашей среде равнодушие к поступкам людей, которое стало сейчас весьма распространенным, мещанство и обывательщину.

Я не знаю, в чём тут я ошибаюсь, почему меня в коллективе в этом поддерживают единицы?

Может быть потому, что я слишком прямолинейна и бескомпромиссна в своём осуждении? Может быть, порой бываю слишком резка? Не знаю. Может быть.

5.06

Сегодня утром приехала из Ижевска. Была в Ижевске в больнице. Направили на стационарное лечение, но место обещали в понедельник. Хотела до понедельника съездить в Киясово, посмотреть посёлок, позвонить В.Г., узнать, как живётся. Но билетов на автобус не оказалось. Да и к лучшему. Что бы меня там ждало? Новая волна равнодушия? Новая порция горечи? Нет, хватит. И так уж душа переполнена ею.

Где обвиняю и где оправдываю я его сейчас? Что грубо захлопнул дверь передо мной в первый раз — не обвиняю. Как можно обвинять человека в отношении одного только другого человека? Тут уж каждый поступает, как ему подсказывает его совесть и личное расположение или нерасположение к человеку. Обвиняю в отношении ко мне как руководителю «Устного журнала» и как к человеку, представленному к награждению.

В оценке поступка того или иного человека надо исходить из того, в чьих интересах он так поступает, или в своих корыстных личных интересах, или в интересах общества. Какую цель преследует он своим поступкам и каков результат его поступка.

Цель спектаклей «Устного журнала» — привлечение молодежи к борьбе со всеми недостатками, со всеми правонарушениями. Я не боялась вызвать на себя гнев и неприязнь со стороны нарушителей правовых норм человеческого общежития. Результат: «Преступность в посёлке резко сократилась», — отмечалось в районе.

И не натравливать на меня «свору псов», а поддержать надо было.

Тут он виноват.

Вина уже признана и В.Г.: «Виновник — я, повод…и т. д.». Но каких трудов стоило заставить признать его свою вину!

В отношении награждения. Виноваты райкомовские работники в том, что награждают не по рекомендации парторганизации, дирекции и месткома совместно (а только так и можно избежать ошибок при награждении), а по своему личному отношению к человеку, которого они мало знают, а порой и совсем не знают. Ни в коем случае при награждении не должны иметь место личные симпатии или антипатии.

Труд человека, его дела должны оцениваться коллективом в лице парторганизации, или бюро, где оно есть, месткома и дирекции совместно.

И если уж РК отвергает ту или иную кандидатуру, выдвинутую для награждения в учреждении или предприятии, он должен обосновать убедительно, на каком основании

кандидатура отвергается.

В отношении меня же ничего подобного сделано не было «не подходит и все», — был ответ.

Тут В.Г. виноват, хоть и вины своей не признал. Трудно заставить руководителя признать свои ошибки. Каждый из них боится за свой авторитет, старается показать себя непогрешимым. Так же и В.Г.

В общем, наверное, нет ни одного человека, к которому В.Г. был бы так же несправедлив, как ко мне, и нет, наверное, человека, который бы так же тяжело переносил эту несправедливость, как я.

Здоровье сильно подорвано. Одно заболевание следует за другим. Кто знает, буду ли я снова здоровой. Легко выбиться из колеи, потерять здоровье, труднее обрести его.

Нет, виноват В.Г., виноват в моей болезни, и оправдывать тут я его более не могу. Потому и не вернётся больше то чувство к нему, что жило в душе многие годы.

«Простите меня, я причинил вам много зла, но причинил неумышленно», — вот такие слова, да ещё:

«Своим уважением к вам и добрым отношением постараюсь загладить зло, причинённое вам» — и могли бы вернуть моё прежнее отношение к нему. Но их не последует. Он просто не догадается сказать эти справедливые и нужные мне слова.

Где же внимательность и чуткость твоя, В.Г.?

И сразу мысль перекидывается к его родителям. По отношению к своим родителям я судила бы, прежде всего о человеке.

Можно очень хорошо относиться к людям, нужным тебе, и быть невнимательным, нечутким к тем, кому ты нужен, кому без тебя трудно.

Настоящий Человек чуток и внимателен всегда и особенно внимателен к тем, кому он нужен.

Пришла Ант. Фёд… В разговоре спрашивает:

— Почему у вас произошло такое резкое изменение здоровья?

— Потому, — говорю, — что пришлось пересмотреть некоторые духовные ценности. А в 50 лет делать это весьма рискованно, во всяком случае, не так-то легко.

— А вы не пересматривайте.

— Жизнь заставила.

На том разговор и кончился. К какому же выводу я пришла?

Прежде всего, не всё то золото, что блестит. Старо, а как верно!

Во-вторых, настоящие люди — явление весьма редкое в жизни и не надо строить трагедию из-за того, что они не

встречаются чаще.

28.06

Две с половиной недели лежала в больнице в Ижевске на излечении.

Перед отъездом позвонила В.Г. (был в Валамазе):

— Я ложусь в больницу. Времени у меня будет много-много. Вы помните, мне обещали одну книгу?

Следует быстрый ответ:

— Помню.

— Вы можете мне её достать и передать?

И снова короткий поспешный ответ, будто боится, что язык может не выговорить слова (зело пьян):

— Могу.

— Можно это через Тасю З. сделать. А ещё лучше самому. Я была бы очень рада.

— Сделаю, сделаю.

Какие бездумные поспешные ответы! Ни капли радости не вызали они у меня. Просто восприняла их, как болтовню пьяного человека. Даже в самых дальних уголках мозга не возникла мысль, что это обещание будет выполнено.

Очень подивилась, как бездумно, безответственно он может давать обещания, которые, знает, не выполнит.

(Так это и оказалось на самом деле)

Смотрю, и просто диву даюсь, как быстро люди попадают в цепкие лапы «зеленого змея».

Вот мой квартирный хозяин Павел Афан., раньше он изредка выпивал. Сейчас он почти каждый вечер приходит пьяный. Вот В.Г., раньше он время от времени пропускал стопку. Сейчас пьёт безмерно, и в сильном опьянении находят удовольствие. А когда-то раньше любил в свободное от работы время побродить по лесу, послушать на рассвете птичьи голоса, окунуться в свежей воздух, наполненный смолистым запахом, посидеть с удочкой на берегу, замирая при виде дрогнувшего поплавка. Сейчас всё принесено в жертву «зеленому змею» и живое наслаждение природой, и правдивость, и душевное отношение к людям.

А все-таки в душе стало совсем пусто.

Вот с таким состоянием души, наверное, уходили женщины в монастырь. Ни чувства боли, ни чувства радости не возникает в душе. Хочется, очень хочется куда-то уйти, отойти от жизни, от всех тех, кто как-то знает меня, растворится в неизвестности. Вся прошлая жизнь, прошлая работа представляется чем-то далёким,

далёким. А нового ничего нет, да и будет ли?

Г. Семенихин в «Космонавты живут на земле» словами Марины сказал:

«Любовь — это ведь талант. Редкий. Не каждому даётся, и поэтому не каждый способен на большую, сильную и гордую, бесстрашную любовь».

Хорошо и верно сказано! И если уходит такая любовь из жизни человека, которому она была дана, умирает душа.

Вот так и у меня.

2.07

Раньше я, как утро, как саму жизнь, как ощущение самоё себя, с пробуждением своим встречала и его, В.Г., наслаждалась встречей с ним и беседой с ним в мыслях своих. И радостное настроение не покидало меня целый день. Он каждую секунду моей жизни был со мной.

Когда начал уходить он из моего сознания?

Тогда, когда читала Похвальную Грамоту, выданную райкомом моему Петру. Ох, как хотелось в честь 50-летнего юбилея мне получить эту Похвальную Грамоту, хоть раз получить, как одобрение райкомом всей моей общественной деятельности, как и личное одобрение её и В.Г.

«Ведь даже в том, что Петр есть тот, кто достоин награды, есть моя заслуга, — думалось мне. — Даже за это мне нужно дать Похвальную грамоту. Без меня он не был бы уважаемым Петром Николаевичем, как неуважаемы все его братья и сестры». Райком Красногорского района, руководимый В.Г., всегда относился ко мне с недоверием. Стоило нам перейти в Игринский район, и меня рекомендовали в Райсовет, где была депутатом все два года. Перешли в Красногорский район. На первых же выборах вместо моей кандидатуры была предложена РК кандидатура Дубовцева М.А., нашего директора.

Коллектив наш снова выдвинул меня, отвергнув рекомендованную кандидатуру. И ещё раз выдвинули. Тогда Райком, по настоянию В.Г., лишил коллектив возможности выдвинуть кандидата в депутаты Райсовета, чтобы закрыт мне в Райсовет дорогу. За что? Не знаю. Я не обижаюсь за это. Обязательно должна быть смена депутатов и руководителей — это моё убеждение. Но почему ко мне было такое недоверие со стороны Красногорского РК и лично В.Г. — этого я не знаю до сего времени. Только предполагаю. Никогда не забыть мне того ощущения пустоты, которое вдруг я начала чувствовать, читая

Петину Похвальную грамоту.

Отказ В.Г. от беседы со мной, вернее, стремление избежать этой беседы, как огнем, опалило душу. Возникшее чувство жгучего стыда за себя спалило окончательно прежнее отношение к В. Г..

Но вот я к дню 50-летия получаю от В.Г. поздравление. И снова вспыхнуло всё в душе. Я пишу благодарственное письмо. В.Г. не посчитал нужным исполнить свое «обязательно отвечу». И тут постарался унизить меня своим обманом.

Как я сейчас объясняю себе его поведение?

Мне помнятся его слова, сказанные мне при его уходе из нашей школы:

«Я всегда боялся вас. Мне всегда казалось, что я делаю что-то не так».

И перед этим ещё:

Я уже решил, что буду вас с собой таскать на каждый урок».

Да. Тогда он чувствовал моё превосходство в интеллектуальной деятельности.

Став руководителем, он с первых же лет постарался использовать своё руководящее положение, чтобы освободиться от этого чувства превосходства кого-то над собой.

Отсюда, вероятно, это постоянное стремление как-то унизить меня.

Это стремление как-то унизить меня не изменило ему даже и тогда, когда узнал о моём отношении к нему.

Нет, не меня, а себя в моих глазах унизил он своей неправдой, своими ложными обещаниями.

Не настоящим он человеком оказался в жизни.

И выше, выше я оказываюсь его хотя бы даже потому, что за зло, причинённое мне, плачу добром, добром по отношению к его родителям, добром по отношению к нему самому, ибо, если бы когда-то ему потребовалась моя помощь, я не задумываясь, оказала бы ему её. Что бы там ни было, я никогда не скажу при своей жизни плохого слова о нём, никогда не смогу относиться к нему с неприязнью или ненавистью. Он не виноват, что не мог поступить иначе. Все-таки он, а ни кто-нибудь другой столько лет был моей радостью.

И, уверенная, что рано или поздно он снова признает моё превосходство над ним, раз не смог стать равным. Будет помниться ещё одна мысль, связанная с В.Г.:

Не смог он подняться до большого, настоящего человеческого понимания любви, как единстве, прежде всего душ, а не тел.

Настоящая, истинно человеческая любовь — это, прежде

всего, слияние душ, и чем больше будет в ней человеческого, тем меньше будет в ней оставаться места для животного.

В своём отношении к В.Г. никогда я не думала о физической близости к нему. Даже мысль об этом была мне противна. Поэтому она, наверное, никогда и не появлялась в моём сознании.

И если бы когда-то В.Г. сделал в этом отношении попытку, я навсегда бы возненавидела его. Именно моральная чистота его, меня и привлекла к нему, прежде всего.

А теперь и её я ставлю под сомнение, раз не смог увидеть во мне просто человека, верного и преданного ему, а не женщину только, ничем не привлекательную. Я, наверное, все-таки попытаюсь ещё раз поговорить с В.Г. и скажу ему, примерно, так:

«Меня вы можете унижать своим обманом, можете давать обещания и не выполнять их, пусть это лежит на вашей совести, мне вы ничем не обязаны, а родителей своих вы не забывайте и не обижайте своим невниманием к ним. Им вы обязаны всем, особенно матери своей».

Скажу ему, потому что об этом ему кроме меня никто не скажет. А мне тяжело смотреть, когда люди ни за что страдают.

Нет большей радости для отца с матерью, чем внимание к ним их детей.

Реже стала сейчас потребность заглядывать сюда в дневник, потому что пусто стало в душе, и нечем стало поделиться с тобой, мой единственный друг, мой дневник. Да и лето сейчас. Масса отупляющих домашних текущих дел, с которыми не хочется к тебе лезть, дневник. И удивительно, почему-то и влечения к музыке уж такого, какое было, я не чувствую. Не стало музыки, поэзии в душе.

А ведь так миллионы живут, буднично, обычно, всю жизнь, так и не познав великой радости. Я счастлива тем, что знала её. Пусть даже неразделённая, любовь — большое счастье и великое дело — сохранить её до конца жизни. Я не смогла её уберечь, и в том не моя вина.

Сейчас, наверное, последует большой перерыв, пока какое-нибудь событие в личной жизни или общественной не всколыхнёт души, не наполнит её каким-то содержанием, не заставит мозг работать, рождать мысль и стремление действовать.

Знаю одно, что ничего уже в моей жизни не будет связано ни со школой, где проработала 25 лет, ни с В.Г., образ которого столько лет жил в душе.

Нынешнее лето завершит переход к новому измерению в моей жизни.

14.07

Утро. Над горизонтом повисло огненное светило, разбрызгивая во все стороны живительные лучи. Утро уже умылось росой, и капли её ещё поблёскивают на тёмно-зелёной листве, как слезинки на детском личике.

Хорошо у нас летом! Даже заботы о покосе не могут умалить летней благодати.

В душе всё будто замерло. Ни воспоминаний о прошлом, ни мечты о будущем.

24.07

Какой жаркий ныне июль месяц! Косить начали с 12 июля. Немного помогли Бердовым, отцу, а потом косили себе. Нам со Светланой досталось. Целые дни на лугах. Жара такая что, кажется, будто ты живешь не в средней полосе, а в пустыне Сахара. Трава, скошенная сегодня, завтра успевает под грабли и вилы. Целую неделю не было на небе ни облачка. Такого сенокоса я не помню. Палящее солнце, ветер — и сушь.

Воздух напитался пылью. Кажется, пропылилось даже небо и из голубого превратилось в грязно-голубое. Вчера появились облака, а сегодня прошёл благодатный дождь. Всё живое с упоением впитывает в себя живительную влагу. Над посёлком опустилась тихая, тёплая ночь. Деревья, кусты и травы не шелохнут ни единым листочком, точно боятся потерять наконец-то попавшую в них воду.

Завтра Светлана с девочками уезжают. На Володю пришла путевка в санаторий, и послезавтра я его повезу.

Душа наполняется радостью, как подумаю, что мне больше не идти в школу, что могу спать, сколько хочу, ходить в кино, когда захочу, ехать, куда захочу. И все-таки нет ощущения полной свободы. А так хочу я её!

С удовольствием вспоминаю дни, проведённые в больнице. Беззаботно, спокойно, не надо ни о чём думать.

Главное, ни о чём не думать. Хочется, очень хочется уехать куда-то очень далеко, туда, где меня никто не знает, туда, где я для людей не буду ни химиком, ни учительницей. Наверное, я никогда больше не переступлю порог школы учительницей, даже если позволит здоровье.

Как легко человек расстается со всем нелюбимым! Точно груз с себя сбрасывает.

26.07

Сегодня пасмурно, но дождя нет. Вся природа будто в ожидании. Выпавшего дождя не хватило, чтобы наполнить животворной влагой каждую клеточку организма. Часть листьев бессильно повисла и в немом зове молит проходившие плавно, будто на параде, по небу тучи: «Ну пролейтесь же, пролейтесь на нас, дайте нам хоть ещё несколько капель живительной влаги, дайте нам жизнь». А серые тучи плывут и плывут, глухие к отчаянным мольбам.

Вчера случайно попала на встречу Назипа с Ниной Касимовых. Выпивка. Хотелось услышать разговор о жизни в тех местах, но только и услышала, что в Саратове по три дня стоят в очереди за мясом, да несколько анекдотов в адрес нашего высшего начальства. Сколько все-таки в народе неприязни к этой «советской буржуазии»!

Вспомнился рассказ Светланы о директоре завода, на котором она работает.

— Вот директор! Ему уже давно на пенсию надо, а он всё работает. «Не уйду, — говорит, — пока не снесу все бараки и не построю хорошие дома для рабочих». Совсем уж соберется уходить с работы, а рабочие уговорят его, и он опять работает».

Руководитель должен быть человек, живущий для людей. А много ли их таких? Много ли помнят, что они живут трудом простых людей? Мало. Долгое пребывание на посту руководителя притупляет это чувство ответственности перед простыми людьми. И руководитель превращается в «Советского буржуя», думающего только о своём благополучии и все силы прикладывающего к тому, чтобы удержаться на своём посту.

И сидит такой буржуй на руководящем посту, как вошь на теле человечьем, разъезжает на персональной машине, делает вид, что он умнее других, видит дальше простых смертных, время от времени ублажает себя наркотическими ядами, и совершаются грубые ошибки в планировании народного хозяйства, от которых страдает народ.

Долго ли будут люди мириться с такой вот «советской буржуазией»?

Долго, пока не освободятся от алкогольного дурмана, пока каждый не увидит, какой вред приносит этот дурман.

Бороться простому люду с «советской буржуазией» не легче, а во сто раз труднее, чем с капиталистами.

«Советская буржуазия». Единственный путь избавления от неё — это сменяемость руководителей, свободный и естественный переход из сферы производства в сферу руководства и обратно.

Быть свободной. Куда бы я употребила эту свободу? Наверное, пошла бы в редакцию «Удмуртской правды» и предложила испытать меня на должности корреспондента. Печать — это самое острое оружие в борьбе со всем злом, это и канал общения с народом, с его мудростью, дальновидностью, смекалкой, это самый действенный путь воспитания, это связующее звено между людьми труда и руководством.

Почему всю жизнь мне приходится заниматься не тем, к чему лежит душа?

Нет, не прошлым я пока живу, а будущим. Только хватит ли сил изменить что-либо в своей жизни, не причинив огорчений другим?

Дети скоро вырастут. Ну, а мужа я постепенно буду отучать от себя, чтобы было для него безболезненно.

А может быть это только мечты? Ну что же. Пусть даже это будет только мечта. Ведь мечта заставляет жить душу человеческую, идти куда-то вперёд, не стоять на месте, ибо остановка — это смерть.

Постоянно такое чувство, что всё, чем я занимаюсь сейчас (варю обеды, дою корову, стираю, убираюсь в доме, кормлю поросёнка и т. д. и т. п.), временное, что должно что-то измениться в моей жизни, что должна она быть богаче и содержательнее. Чувствую я, что способна буду ещё сделать кое-что в жизни.

29.07

Ездила в Ижевск: Алик готовится к сдаче экзаменов в институт, Вову возила в санаторий, в Селычку. Поездки не дают уже мне больше того удовлетворения, которое давали раньше. Может быть потому, что тяжёлые, горькие думы сопровождают их. Страшная пустота в душе, и такая отчаянная хандра порой накатывает, что хоть волком вой. Как-то сразу вдруг жизнь поворачивается ко мне самой мрачной стороной и теряет всякую свою привлекательность.

Успокоится ли когда-нибудь душа или так и умрёт смертельно раненая? Нет, ни к чему уже больше я не пригодна. И ничем не заполнить мне пустоты в душе. И ничем я не живу: ни прошлым, ни настоящим, ни будущим. Просто хожу, передвигаю части своего тела, ем, пью и сплю. Много сплю.

По инерции произвожу домашние работы, как во сне. Часто думаю о маме, отце, Аве, брате. Самых близких мне людях. Ушли в небытие. Пора и мне туда же. Нечего человеку на земле делать,

если душа его стонет от боли. Дети. Вот, кто меня ещё связывает с жизнью. Их я произвела на свет. Им я должна показать краски жизни, самую яркую её сторону. Вот я и стараюсь это делать, тратя на это свои последние духовные силы. Нет, не прошло стороной моё счастье. Просто не было его у меня.

Какой я противной самой себе делаюсь вот в такие минуты тоски! И только одно меня утешает, что ни с кем не делюсь я с ней, только с тобой, мой дневник, мой невольный свидетель отчаяния.

31.07

Хандра проходит, и меня снова потянуло к ручке и бумаге. Какая это радость — бодрое настроение.

Утром вскакиваю с постели, делаю несколько упражнений у открытого окна, утренний туалет, и в тело вливается бодрость. Тогда я себя чувствую совсем молодой и крепкой, и радость, что ты вот так вдыхаешь свежий воздух, живёшь, видишь красоту раскрывающегося под окном цветка, только что вылупившегося молодого паучка, повисшего на тонюсенькой ниточке, ощущаешь осторожное прикосновением мягкого ветерка к щеке, наполняет до краёв душу живительной силой.

Пришла К.А… Поговорили о текущих делах. Наметили планы на ближайшее будущее.

Она доверительно относится ко мне и теперь уже не из-за В.Г., а просто ради неё самой я сохраню хорошие отношения, возникшие между нами.

Ну кто же им здесь поможет, если не я? И Петю, и детей я уговорю это сделать. Человека легче уговорить сделать доброе дело, чем злое.

Хорошо, что я не поехала в Киясово! Всё прошлое загнано глубоко-глубоко, в самый дальний угол моего сознания, но чувствую, что оно живёт там. И будет жить до конца моей жизни, только теперь густо припорошенное горечью.

6.08

Малина. Наша уральская самая почётная ягода. Недаром с ней связывается что-то всегда хорошее. «Сижу, как в малине», — говорит юноша, сидящий среди девчат, «Не жизнь, а малина, — говорят о хорошей лёгкой жизни».

С начала лета ожидался богатый урожай этой ягоды, но сушь не дала наполнить малине свои плоды ароматным сладким соком и окружить каждое зернышко сочной вкусной мякотью.

И только за Каей, небольшой спокойно текущей речушкой с низкими, болотистыми берегами на новой вырубке малина щедро дарит людям свои плоды.

Туда ходит мотовоз с рабочими. Он же увозит и всех ягодников. А их почти каждое утро набирается человек 150–200.

…Мотовоз остановился на окраине посёлка, и целое полчище людей устремилось к его платформе и вагону-коробке. Ползут как муравьи, по колесам по буферам через деревянные борта платформы. Теснота такая, что трудно дышать. Молодые, старые, дети.

— Ну, повернись хоть боком. Совсем задавили.

— Куда я повернусь? Сама стою, как курица на воробах.

— Что это за безобразие! Второй раз уж воздух испортили.

— Выкинуть надо отсюда, раз в себе держать не умеют.

— Ну что он не едет? Ехал бы скорее что ли.

Наконец мотовоз, смачно рыгнув соляровым перегаром, трогается, и мы едем на малинник.

Делянка большая, малины много, и каждый находит для себя место.

Удивительно благодатное, на редкость, стоит ныне лето. Сушь в сенокос сменилась обильными дождями. И сейчас снова установилась жаркая сухая погода. Для жатвы. Прямо как по заказу.

Сегодня я дома. Варю варенье, пишу и уже снова мечтаю о поездке. Куда? Хоть куда, лишь бы ехать, всем существом своим ощущать движение.

8.08

Кая и Вью. Две небольшие наши речушки. У каждой речушки свой характер, своё лицо.

Кая не течёт, а просто лежит среди своих сырых берегов, как разжиревшая жаба среди болота, Вью неугомонно журчит, поблёскивая на солнце своим серебром, вырисовывая на перекатах косы, и её переливчатый серебристый голосок сразу услышишь при подходе к ней.

Хорошо думается и мечтается под её нерперывный говорок и хочется побежать за её струей куда-то далеко-далеко, туда, где небо уходит под воду, где простор и свобода. Кажется, нет на земле приятнее речушки, чем наша Вью.

С чего начинается Родина? Для меня она началась вот с этой Вью, тогда в моё детство, текущей ещё по нетронутым лесам, с её кристально чистой, холодной водой, вкуснее которой не было на всём свете.

Сейчас уже и Вью начала мутить свои чистые воды, но она по-прежнему так же, торопливо бежит в вечной погоне за чем-то безвозвратно ушедшим.

Малиновый сезон кончается. Жара высушила всё, что не успели собрать люди.

9.08

Две мысли целиком овладели сознанием, вытеснили все остальные. Не сейчас они появились, давно. А сейчас владеют мной безраздельно.

Первая: «Жизнь прожита. Не так-то уж плохо прожита и не надо ни о чём жалеть».

Вторая: «Очень редко в жизни встречаются настоящие люди. Мне не посчастливилось встретить такого. Но не надо из этого строить трагедию».

Хандра…. Пустота…. Долго будет продолжаться такое?

Ава, родная моя, мученица моя. Как недостает мне тебя! Нет на земле больше уголка, где бы погрелась озябшая душа.

Хандра. Она в виде чёрной тучи надвигается на меня, и я бессильна предотвратить её наступление. Всё вдруг темнеет передо мной, гаснут все краски жизни, жизнь лишается своего смысла, всё покрывается мраком. Силой воли я гоню её от себя, эту не прошеную гостью хандру, а она приходит всё снова и снова. И не видно этому конца.

Нет, я должна съездить в Челябинск. Там у меня единственное близкое мне существо — брат мой Сергей. Там я постараюсь побывать в театре оперы и балета. Есть ли там такой и что в нём дают?

Где-то идёт подготовка к 24-му съезду нашей партии, где-то люди совершают трудовые дела, обыденные трудовые дела, которые преподносятся нам, как трудовые подготовки в честь 24го съезда, где-то идёт жизнь, от которой я совсем в стороне. И чувство неудовлетворённости, чувство пустоты охватывает душу. Как вырвусь я из этого заколдованного круга, как сделаю свою жизнь содержательней?

Что-то принесёт мне зима, моя первая свободная зима?

Чем встречу я новый 1971ый год?

15.08

«Не кажется ли вам, что романтизируя человеческие отношения в старину, в особенности же романтизируя любовь, которая была будто бы когда-то удивительной и «бессмертной», можно вызвать у современного молодого читателя опасное неверие в себя, в собственные душевные силы? Невольно сопоставляя, он ощутит уныние: ничего подобного тому, что будто бы испытывали трубадуры или Данте, или Петрарка, ни разу не испытывал не только он сам, но и никто из его окружения».

(из письма к Евг. Богат после опубликования его книг «Бессмертны ли злые волшебники» и «Удивление».

Ох, как хочется и мне поспорить с автором этого письма! «Никто ничего подобного не испытывал»! откуда знать, кто испытал чего, и кто нет? Настоящая любовь никогда не рвётся наружу. Разве будет говорить человек «Смотрите, как я люблю», если он по-настоящему любит?

Да, большая любовь всегда есть романтика, всегда удивительна и настоящая, человеческая всегда бессмертна. И к тому она приходит, кто может отрешиться от собственного в пользу другого.

Мы знаем о любви Петрарки к Лауре только потому, что он воспел её в своих творениях, так же, как Данте воспел свою любовь к Беатриче. Не будь бы этого, мы бы и не узнали о существовании их любви, чистой, большой, человеческой, бессмертной. Как можно утверждать, что такой любви не существует ныне? Есть она, и двигает лучшими делами человеческими. Сколько прошло передо мной молодых, современных людей, любящих глубоко и сильно? Не так-то уж много, но они есть, и я знаю их, по крайне мере некоторых из них.

Знаю, по себе знаю, что может стать человек для другого его душой, вынь которую и человек будет пуст, человек неспособен будет к душевному подъёму, умирает, если не телом, так душой.

Почему я живу? Почему думаю, что могу ещё что-то сделать в жизни? Потому что ничего не умерло во мне, всё живёт, причиняет мне боль, страдания, но живёт, живёт, потому что утверждаю, дорого и сейчас мне всё, что связано с ним. Вот я беру будильничек, данный им мне за лекционную работу на собрании, и нежность пробуждается в душе, вот я бываю с его родными, и черпаю в этом удовольствие, вот я делаю что-то для К.А., потому что это его мать, и мне доставляет удовольствие доставить ей радость. Что, я кричать об этом, что ли буду?

Но ведь я не исключение. Я — человек своего времени и то,

что могу я, может кто-то и другой, пусть не каждый, но может.

Я с уверенностью и с гордостью за себя могу сказать, что испытывала то же, что, наверное, испытывал Петрарка к своей Лауре.

Вот я читаю «Удмуртскую правду» и с жадностью ловлю, ищу что-нибудь из окружения В.Г., от души радуюсь, если что-то встречаю хорошее по работе В.Г. Что я кричать об этом буду?

Всё это глубоко скрыто в душе, скрыто от постороннего глаза, до страсти боится чьего-нибудь неосторожного прикосновения, всё это тонко, нежно, чувствительно. И будет жить во мне до конца моей жизни. Я просто бессильна тут что-либо сделать.

Ездила в Ижевск и послала все-таки В.Г. письмо с теми словами, которые хотела сказать В.Г. о его родителях.

Почему я это сделала?

Наверное, потому, что просто не могу видеть тёмное пятно на моём солнышке, и у меня нет другого способа стереть это пятно.

Вчера умер отец Пети. Никогда не испытывала я к нему большого уважения, не приязни. И что я делала для него, так просто только из чувства долга и для примера своим сыновьям. Пусть учатся уважительно, относится к старшим.

16.08

…Теперь я знаю, почему легко так мне стало, когда я отправила тебе это «сердитое» письмо об отношении твоём к своим родителям. Я знаю, как ты прореагируешь на него: конечно, не ответишь и постараешься снова унизить меня в мыслях своих, постараешься потому, что подсознательным чувством поймешь, что я выше тебя. И никогда не будешь знать, что какой бы ты ни был, а такой, какой ты есть, по-прежнему дорог мне. Не будешь знать, что для меня ты навсегда останешься единственным, дорогим и любимым, близким и родным душе, потому что нет человека для меня в мире чище и лучше тебя. Человека, который мог бы смотреть на женщину, как на человека, равного себе, мог бы не оглядывать девушку или женщину, прикидывая в уме её чисто женские прелести с нечистыми помыслами. Нет человека, тактичнее тебя. Мне надо было, чтобы ты никогда не знал, как ты дорог и нужен мне.

Ты никогда не узнаешь и не поймешь, почему я буду избегать общения с тобой, почему буду избегать быть в твоём присутствии, никогда не поймешь, что делаю это потому, что слишком велико наслаждение, которое испытываю в твоём присутствии. Слишком сильно потянет мою душу к твоей, а ты снова оттолкнёшь её,

потому что не нужна она тебе, а я буду снова страдать от этого.

Пусть лучше в мыслях моих ты всегда будешь со мной, и не будешь знать об этом. Мне надо жить, а жить без тебя я не могу. Слишком пусто и холодно. Но ты не узнаешь больше никогда об этом. Мне надо чтобы ты не знал ни о чём, потому что не умеешь беречь большую любовь. Наверное, это тоже талант — беречь чужую любовь.

Ты не обладаешь им. Мне надо было, чтобы ты подумал, что нет больше у меня этой любви. Я не буду уже больше разговаривать с тобой в мыслях своих. Судьбе угодно было отказать мне в этом. Но она бессильна была совсем оторвать тебя от меня. Я хорошо знаю, как сильно бывает влияние тех, кто тебя окружает. Особенно на слабых людей. А ты слабее меня духом своим: в своей семье я оказываю влияние на мужа своего, а в твоей — жена на тебя. Отрицательное влияние!

Отсюда и недостатки твои. «Он не был у меня таким», — говорит про тебя твоя мать. «Он не был у нас такой», — говорю и я. И обоим нам ты дорог, как никому. Вот главное, что объединяет меня с твоей мамой. Но этого никогда при жизни моей не узнает, ни она, ни ты.

И сейчас, после почти трёх лет мучительных раздумий, великого горя и великой радости я снова говорю тебе: живи долго-долго, будь здоров и удачлив, хороший мой, большой человек, горе и радость моя, жизнь моя. Я больше не причиню тебе беспокойства, не заставлю делать то, что надо скрывать от жены, не потому, что это позорно, а потому, что не поймёт она ничего. Надо скрывать и от других, потому что люди могут грязными мыслями запачкать чистоту отношений. Ты не смог мне стать другом. Да это и правильно. Какой я тебе друг! Друзей выбирают среди людей своего круга, а я кто? Простая труженица, многодетная мать. И не мудрено, что ты, руководитель, не смог быть мне другом. Ну не смог и не смог. Я уже примирилась с этим. Такой уж ты есть, счастье и радость моя, горе и боль моя.

Что изменилось теперь в отношении к тебе? То, что вместе с радостью пойдет и горе. Наверное, всё это потому, чтобы лучше понимала я чужое горе и чужую радость, потому что среди людей они живут всегда рядом. Одна радость и наслаждение жизнью делают человека эгоистом, так же, как одно горе уводит человека от людей в себя, а вместе они делают человека настоящим Человеком.

17.08

«Сейчас мы с тобой сравнялись. У тебя нет ни отца, ни матери и у меня тоже», — сказал мне Петя после похорон отца.

«Нет, дорогой мой, — подумала про себя я, — ты ошибаешься, у меня есть мама, его мама, о которой буду заботиться по мере сил моих, которую никому не дам в обиду».

…Тебе я не нужна, а маме твоей нужна, нужны мои внимание, забота, помощь. А она — это ведь ты немного. В них, родителях твоих, я вижу тебя. И рано или поздно я пробужу доброе чувство в твоей душе ко мне. И тогда снова самая светлая комната будет отдана тебе.

Сегодня второй день моросит дождь после многих дней жаркой сухой погоды. Без единой просветины небо сплошь затянуто серыми тучами, которые то сгущаются, и тогда на землю брызжет мелкий дождь, то становится светлее, и воздух наполняется водяной пылью. Астры в садике наклонили свои головы, подставив затылки под сеющийся дождь. После этих дождей пойдут, наверное, грибы.

Скоро начнётся учебный год. Снова начинаются заботы о том, как одеть детей и где взять эту одежду. Когда только я освобожусь от этих забот! Тяжела ты, судьба многодетной матери!

В школу совсем не тянет. Как будто бы я никогда и не работала в школе.

Вся прежняя работа отодвинулась куда-то далеко-далеко, и просто самой не верится, я ли это столько лет вела в школе химию. Ушла от школьной работы, как будто тяжёлый груз сбросила с плеч. Считалась неплохой учительницей, награждена грамотой, значком «Отличник народного просвещения.», Ленинской юбилейной медалью и всё это не чувствуя никакого, ну абсолютно никакого влечения к своему труду. А если бы мне пришлось заниматься тем, к чему лежит душа? Как много больше я бы могла дать, работай бы я с увлечением!

Сейчас особенно ясно начинаешь понимать, как важно в жизни определить своё призвание и заниматься трудом по призванию. Только занимаясь трудом по призванию человек, и может отдать всего себя труду, жить, не замечая времени, пренебрегая всеми жизненными неудобствами, жить с вдохновением, с полётом ввысь. От всей души хочется сказать моим молодым друзьям: «Ищите своё призвание, ибо только оно вам даст радость бытия».

Саша Дубовцев сдал химию на пять. Молодец! Не подвел. Они вообще не подводили меня, мои ученики.

А дождик всё семенит и семенит. Мелко-мелко так, как старушка на богомолье: мелко, неторопливо, тихо, солидно.

Такое чувство, какое испытывала я перед началом своей

трудовой деятельности: как-то оно всё будет у меня, как-то пойдет дело? Словно всё, чем я занималась до этого, было временное, ненастоящее, не мое дело, а чьё-то другое.

Вспоминается тост, провозглашённый В.Г. «За нашу будущую работу», — сказал он тогда на прощание, приглашая меня выпить.

«За нашу будущую работу». Ну что ж, может быть и за нашу. Может быть, придётся ещё поработать вместе. Ох, как я хочу этого! Мне кажется, что всем доставляет огромную радость быть с ним вместе, рядом.

21.08

…Какой-то сумбур стоит в душе. Всё перемешалось и ни в чём не могу разобраться. Почему я должна терпеть такую муку за то светлое чувство, которое носила в душе? Почему?

Как ты не понял, как нужна мне была дружба твоя? И порой недоброе чувство к тебе рождается в душе. Вот увижу пьяного человека и мысль: «О, тоже не меньше пьет». О тебе, В.Г., мысль. Скажет мне неправду мой благоверный, а я опять подумаю: «И ты тоже обманываешь меня». Вспомню то доверительное письмо, а мысль: «Не радуйся, не ради тебя, а ради себя, боясь за своё спокойствие, за своё положение в обществе, написал он его». В мыслях встречу тебя и только хочу поговорить, а мысль уже тут как тут: «Будет он разговаривать с тобой, как же». И ты тускнеешь, уходишь куда-то в самый дальний угол моего сознания.

А я не хочу этого, слышишь ты, не хочу, душа протестует против этого.

А ты уходишь и уходишь. Да остановись же, остановись, согрей тёплым, приветливым словом, скучно мне, тяжело без тебя! Слышишь ли ты, понимаешь ли ты это? Нет, не слышишь, не понимаешь, и я бессильна удержать тебя….

Лучше было мне никогда не подходить к тебе близко. И сияло бы мне моё солнце до конца моей жизни, светлое, чистое, тёплое, приветливое.

Помнишь, как-то встретила я тебя у ворот вашего дома. Я шла на перевязку с ногой. Ох, как захолонуло всё в душе, как встрепенулось и забилось сердце! «Эх ты, ты и не знаешь даже, что ты для меня значишь», — торжествующе подумала я тогда про себя, а сама равнодушно будто поздоровалась и прошла мимо. А душа долго ещё не могла успокоиться.

Нет, не зря я берегла свое чувство к тебе от тебя. Будто чувствовала, что не сможешь ты тут остаться на высоте, не

сможешь остаться большим человеком, не сможешь понять, как важно для меня было уберечь моё чувство к тебе, сохранить его на всю жизнь.

Чувство самосохранения заставило меня сказать тебе обо всём. И как горько я раскаиваюсь сейчас в этом! Лучше было мне умереть тогда, чем так мучиться сейчас. За что? Снова и снова этот горький вопрос поднимается в душе, рождая хандру. Появляется какое-то отупение, безразличие ко всему и только одно желание — спать.

Была на семинаре в Ижевске. «Поезжайте, нам хочется вас послать туда», — сказали в райкоме. Я и рада, что верят в меня (и опять горькая мысль: «потому что нет В.Г. там») и сомневаюсь снова, смогу ли, что-либо сделать. Снова будто потянуло к людям, снова захотелось поделиться своей убеждённостью, своей искренней верой в торжество Ленинского дела, в торжество человеческого разума и справедливости на всей планете.

Нет, все-таки прежнего светлого чувства к В.Г. нет в душе. Будто вспыхнет оно иногда и снова потухнет. Самое лучшее — ни о чём не думать. Спать. Жить, как придётся, не приневоливая себя ни к чему.

Спать. Иду спать.

А комната той светлой не стало в сознании, будто исчезла она, как сказочный дворец. Ох, как тяжело на душе!

22.08

«Будь бы ваш директор почестнее, попринципиальнее…». Значит, и у тебя не хватило принципиальности, раз поверил такому беспринципному и нечестному человеку, раз не смог во всем разобраться сам. И все-таки, почему же было тебе так легко перевести меня в оппозицию? Не могу, никак не могу ответить на этот вопрос. Забыть пять лет хорошей дружной жизни и работы и …в оппозицию. Как можно было такое?

Не хочу судить тебя не в чём. Пусть сама судьба будет тебе судьей.

Снова вспомнился Высоцкий: «Ты его не брани, гони! Вверх таких не берут и тут, о таких не поют».

Я не гоню тебя, ты сам уходишь, и все же благодарность к тебе будет жить в душе, благодарность за то, что именно ты, а не кто-нибудь другой смог породить в моей душе такое сильное чувство.

Пусть сама жизнь нас рассудит. И чего мы стоим каждый — тоже пусть рассудит.

23.08

Приехал Алик. Зачислили в институт, с общежитием. Мы очень рады. Первый сын, который будет учиться в институте. И остальные с него будут пример брать. Подожди, Петро, мы ещё будем гордиться своими сыновьями. Родители будут гордиться своими детьми в будущем, если в настоящем дети гордятся своими родителями.

Я благодарна РК, отделу пропаганды, что послали меня на семинар. Давно уже не зарождался такой подъём в душе, и так не хотелось к людям, как после семинара.

Как бы сложно не было сознание человека, оно определяется развитием общих закономерностей, и все достижения в области науки и техники явились результатом объективной необходимости: возникшее качественно новое высшее состояние материи — человеческий мозг, — должно существовать и развиваться дальше. И будет существовать!

Победа человеческого разума, добра и справедливости над силами войны и зла есть объективная закономерность, объективная необходимость.

Хочется попроще сказать всё это людям, способствовать утверждению в них убеждения в правильности выбранного пути развития и в победе этого пути, убеждения в необходимости способствовать победе социализма на всем земном шаре.

24.08

Вечером были у Бердовых. Н.Д. выпил немного больше нормы и приоткрыл немного завесу над своим мировоззрением (трезвый он никогда бы не сделал этого, потому что он как и остальной мужской род слишком низкого мнения о наших женских умственных способностях), над своими сокровенными мыслями. Поспорили. Хороший спор. Один из тех, что даёт пищу уму. Согласна, что существует большой разрыв между психическими и физическими возможностями человека.

Уверена, что с развитием науки и медицины он будет сокращаться.

Согласна, что за последнее столетие развитие науки и техники идёт быстрее, чем раньше. Тут в споре я не могла объяснить этого, а Н.Д. объясняет тут совершенно неверно, ни с позиций диалект. материализма. Сейчас я объясняю это доступностью научной мысли для большего круга людей, чем раньше. Среди большего количества людей, узнавших о новой

научной мысли всегда найдутся люди, способные её развить дальше. Чем шире становились контакты между людьми, тем быстрее шло развитие научной мысли. И ещё спор вокруг мысли: «Человек живёт не один раз». Мы с Н.Д. вкладываем в эту мысль совершенно разное толкование.

Кончается летний период. Что самое главное в нём?

В международной жизни:

Заключение Договора между ФРГ и СССР о признании существующих границ между Европейскими государствами, в т. ч. и ГДР и об отказе предъявлять какие-либо претензии к государствам Европы. (1-я половина августа). Это важный шаг к миру.

Во внутренней жизни СССР:

Июльский пленум ЦК КПСС по вопросам ускоренного развития производства с/х. продукции, подготовка к 24-му съезду партии.

В жизни посёлка:

Закладка водопроводной сети.

В семье:

Алик поступил в институт.

В личной жизни:

Окончательно порвала со школой.

А в душе продолжает жить созданный мной образ, только потускнел, отодвинулся на задний план.

Тетрадь 8

27.08.1970

Всё ещё под впечатлением разговора с Н.Д. «Человек живёт не один раз».

Какие разные понятия можно вложить в это выражение!

Существует и такое:

После смерти человека его душа входит во вновь родившегося человека и живет снова в нём.

Кто бы мог подумать, что Н.Д. — идеалист!

«Существовало человечество, имеющее более высокие достижения, культуру, чем наша. Оно погибло в результате катастрофы. Мы идём к такой же.

Не может быть, чтобы человечество, существовавшее миллион лет, дошло только до лучины, тогда как за последние сто лет оно прошло путь от лучины до космических кораблей».

Отрицаю теорию катастроф. Скачок в развитии материи (а человек с его мозгом и прочими атрибутами есть только одна из форм существования материи) — не катастрофа, а проявление общего поступательного развития материи от низших форм её к высшим.

Ни к какой катастрофе человечество идти не может. В природе не происходит самоуничтожения. Человечество никогда не получит смерть из своих рук, не создаст силы, с которой не сможет справиться. Жизнь индивида кончается в процессе возрождения, развития новой жизни.

Почему развитие науки шло медленнее раньше? Потому что со смертью человека его мысли и дела оставались в наследство небольшому кругу окружающих его людей, среди которых далеко не всегда находились люди, способные развить дальше его мысли и дела.

Величайшее достижение человечества, позволившее усваивать новые достижения и пользоваться ими, развивать их — создание письменности, выражение мысли на бумаге. Человек умирает, а мысли его живут. Удивительное приспособление — сохранить свои мысли для последующих поколений! Возможностей для развития мысли стало больше. С развитием контактов между людьми, новая мысль, новое достижение в развитии науки и техники, подхваченное многими людьми, среди которых есть всегда более умные, получила возможность более быстрого развития.

Способность человеческого мозга к абстрактному мышлению создаёт иллюзию отделения мысли от общих закономерностей развития природы, отделения мысли от мозга. Какой бы сложной не была мысль, развитие её, зарождение её вызывается объективной необходимостью.

Любая мысль зарождается тогда, когда в её зарождении появится необходимость, диктуемая потребностью дальнейшего развития производительных сил человеческого общества. И не уничтожению человечества она будет способствовать, а его прогрессу и процветанию.

Материя в своём развитии создала высший продукт высших форм её — мозг. Дальнейшее развитие этой формы пойдёт по пути усложнения её.

Интересная семья Н.Д… Все братья его — люди умные, может даже одарённые, а вот настоящий человек, в нашем понимании, получился только из Н.Д. Почему?

Н.Д. не хвалит своего отца, но он так рассказывает:

— Придет, бывало, пьяный отец, начнёт скандалить. И всегда при этом говорил: «Я, дрянь человек, пропащий человек, а вот он…», — и тут он в пример приводил человека непьющего, работающего, честного, доброжелательного к людям.

И я думал про себя: «Я не буду, как отец. Я буду таким, какого нам в пример ставит наш отец». И старался быть таким.

Почему брат Игорь не женился?

Почему в картинах, нарисованных им я всегда вижу красоту, чистоту, отсутствие всякой пошлости и грязи, вижу мечту об этом? Может, он и в самом деле хотел, и невольно выражал в своих картинах это?

Интересно, оказала ли на формирование характеров братьев Жуковых их мать? Что она собой представляла?

Постараюсь при случае узнать это у Н.Д.. Начало откровенному разговору положено.

Люди с таким недоверием подходят друг к другу! Трудно, очень трудно бывает сломать этот лёд недоверия.

Зреет и зреет в душе желание действовать, что-то делать. Ни к корове, ни к поросёнку я не питаю ни малейшей симпатии.

Даже не представляю себе, чего хорошего люди находят в личном обогащении, чего интересного.

Трудно, тяжело, страшно представить человеку, что он уйдёт в небытие, что перестанет существовать. И все-таки это так. Со смертью тело его перестаёт существовать. Перестает существовать индивидуум. Но мысли его, дела его, переданные новому поколению, живут. Вот почему и я говорю, что душа человека,

т. е. то, что породил его мозг, бессмертна и живёт в поколениях. И даже не так уж важно знать людям, чьи мысли в них продолжают жить. Важно, что они продолжают жить, если способствуют продлению человеческой жизни, процветанию человечества. Только такие мысли и дела и продолжают жить.

Нет у меня больше друзей, с которыми я могла бы делиться своими мыслями. Но человек не может жить нормально без друзей, с которыми бы мог делиться своими сокровенными мыслям. Теперь ты, дневник мой, заменил мне их. Плохо только, что ты не возразишь, не поспоришь со мной, как бывало Ава моя.

Но зато с тобой можно говорить обо всём. И знаешь, поговорю вот так с тобой, и вроде легче бывает.

Велики потребности человека делиться с кем-то своими думами!

1.09

«У вас нет желания поработать пропагандистом?» — спрашивает меня Чувашов В.Е.

«Есть», — говорю.

И вот я на нынешний год пропагандист на заводе (сама туда пожелала), руководитель отделения общества «Знание».

Как-то работа пойдет?

Снова вспомнился «Устный журнал». С какой радостью я несла сообщение о нём В.Г.! А он…. И сейчас мороз по коже продирает, как вспомню, с каким равнодушием он выслушал сообщение о деле, которому я отдавалась душой и от которого в посёлке была большая польза.

Ни одна живинка не засветилась в его глазах, ни один мускул не дрогнул на холодно-равнодушном «руководящем» лице.

«Кто позволил вам самостоятельно, по своей инициативе без нашего руководящего указания браться за организацию такого дела?» — говорило это лицо.

«Нет, мы не можем допустить, чтобы такое ответственное дело велось людьми, не рекомендованными нами», — сказал тогда В.Г.

И не понял человек, что тогда только и идёт по-настоящему дело, когда люди берутся за него сами по своему внутреннему убеждению в полезности его, а не по приказу свыше. Я никого не искала в редакцию «Устного журнала». Молодёжь, именно её самая активная честная и бесстрашная часть, сама потянулась ко мне. И работали. Да как работали! Смело шли они в бой со всем злом, которое встречали. И в этой борьбе сами старались стать

лучше. Только бы рассмотреть на бюро состав нашей редколлегии и утвердить, что и было сделано позднее, после письма в «Удмуртскую правду», а тут холодное, равнодушное: «Нет, не можем мы утвердить людей, которых не мы рекомендовали, не можем допустить, чтобы не мы, а вы подбирали людей!»

Вот он, «руководящий» формализм, способный загубить любое живое дело!

Вот оно, недоверие к человеку! Даже не недоверие, а стремление возвыситься над людьми. Будто не знал меня В.Г. целых 5 лет совместной работы, будто не знал, можно мне доверять или нет.

Как вспомню сейчас, как проливала слёзы перед В.Г., отстаивая существование «Устного журнала», так стыдно станет. Перед кем лила? В ком хотела живинку разбудить? Поддержку найти?

Нет, и в РК КПСС мне сейчас доверяют больше чем при В.Г… Такое доверие пробуждает дух мой и заставляет действовать.

Великая сила — доверие! А все-таки Чувашов В.Е. — прямой, честный и умный дядя. Я уважаю его и с удовольствием беседую с ним.

2.09

«Нужен контроль за вашей деятельностью», — В.Г., продолжаю я вспоминать историю с «Устным журналом». Да, нужен. Я никогда не была против контроля. Но контролирующий человек должен иметь право на контроль, моральное право.

Послал бы человека, чтобы побывал на «Устном журнале», побывал на совещаниях нашей редакции при подготовке очередного номера, побеседовал бы со мной, как организатором этого дела, отметил бы недостатки и положительные стороны его. Это ведь тоже контроль. Вот такой контроль мне очень был нужен.

Форм контроля много. И в каждом отдельном случае требуется определённая форма контроля. Контроль и доверие должны идти рядом.

Главное — больше доверия. «Устный журнал» был не только формой борьбы со всеми недостатками, но и большая работа с молодежью, и работа с населением. Тонкая индивидуальная работа. Нет, мы не только разбирали материалы, поступившие нам, мы много говорили, порой спорили обо всех вопросах общественной и личной жизни. Наверное, вот эти споры и беседы и привлекали молодёжь ко мне.

«Набрали молодёжи и вертите ею, как вам вздумается», — бросили мне упрёк.

Посмотреть бы, в какую сторону вертится мною эта молодёжь и большое бы спасибо сказать, если смогла заставить её «вертеться» в нужную нашей стране сторону, а не одёргивать грубо: «Нужен контроль за вашей деятельностью!» Окрик, исключающий всякое доверие. И от кого? От человека, с которым дружно работали вместе целых 5 лет, который, знаю, уважал меня, советовался со мной, который стал для меня единственным, которому я доверяла, к которому стремилась душой. Это был удар для меня, страшный удар, исключивший меня на несколько лет из активной жизни.

Но идеологическая убеждённость победила. А для В.Г. адвокат, сидящий во мне, подобрал оправдание.

«Ты же замахнулась на начальство, руководителей. Он — руководитель. Как же он мог встать на твою сторону?» — убеждал адвокат меня. И убедил.

Снова В.Г. пошёл со мной, снова я — активный участник жизни.

И вот третий удар…. «Нам она (т. е. я) не подходит ни для одобрения, ни для поощрения». Почему? Объяснения нет. Не подходит и всё.

Это был самый сильный удар, чуть не стоивший жизни, заставивший меня пойти к В.Г. и сказать всё.

«Он должен знать, какую муку причиняет мне своим недоверием ко мне, своим холодным равнодушием», — убеждала я себя.

И пошла. Не описать то волнение, которое испытывала, поднимаясь по лестнице. Сердце стучит так, что я слышу его удары. А потом слабость. Я не могу справиться с собой, овладеть своими мыслями. В голове всё перемешалось. Остановилась. Передохнула. Постояла. Хорошо, что не сразу зашла к В.Г… Справилась с собой.

И вот я в кабинете.

Снова вижу это холодно-равнодушное лицо, слышу равнодушный голос:

«Какие у вас ко мне претензии?»

Всё поднялось во мне, и не сказала я, а выдохнула:

«Ох, секретарь. Да ведь я другом вас своим всегда считала, а вы…претензии». Наверное, всё выразилось в этом восклицании: и долгие раздумья, и боль, и тоска….

Наверное, оно и свело В.Г. с руководящих высот ко мне. В.Г снова зашагал со мной. Да недолго. Побоялся. Чего? Не знаю.

Побоялся и предал, ибо обман человека, который

безгранично верит в тебя — это тоже предательство, самое… худшее предательство. Ещё один удар пришёлся по моей душе….

Нет, и он не сломил меня. Чувствую, что все-таки убеждённость во мне побеждает.

Не знаю, когда появилось во мне это стремление отомстить за все: за мои бессонные ночи, за мою боль, за всё зло, причинённое мне, отомстить добром, потому что месть за зло добром — дело мужественного человека, а я хочу быть мужественной.

Пусть судьба нас рассудит!

3.09

Вечер. Мы у папиной жены, Гавриловны. Яркий свет от большой лампочки заливает комнату.

— И у вас всегда горит такая яркая лампочка? — спрашиваю.

— Нет. Это мы сегодня только ввернули, а так у нас всё маленькая горела. Мы просим включить вместо большой лампочки, маленькую. Комната сразу погружается в полумрак. И мне сразу вспомнилась другая комната с таким же полумраком….

Ох, и хитрый же человек! Знает, что такой полумрак располагает к откровенной задушевной беседе.

И тёплое чувство снова шевельнулось в душе, теплое чувство за часы, проведённые рядом с ним в хорошей беседе. Рядом с ним отдыхала и согревалась душа. Нет больше этого. И все-таки тепло, унесённое с собой с тех часов, где-то далеко-далеко живёт в душе. Я храню его, как самое светлое воспоминание.

14.09

Наверное, юноша не спешит так на свидание со своей любимой, как я ждала того времени, когда останусь с тобой, мой дневник, наедине.

Я только что вернулась из Челябинска, куда ездила вместе с Г.Ф.

Мы давно собирались поехать вместе, а тут как-то сразу решили. И вот мы в автобусе. Хорошая солнечная погода. Перед нашим взором проплывают чудесные пейзажи нашей уральской осени. Нет ни одного времени года, которое было бы также богаче красками, как осень. Небрежно смешала она жёлтую, розовую, коричневую и зелёную краску и бросила на землю, золотой узор выткала на зелёном платье берёзок, пурпурную мантию подарила осинке, и она, как костёр, пламенеет сейчас среди лесов, а на

рябину набросила красное покрывало. Как шаловливое дитя эта рябинка выглядывает весело на дорогу из-под распростёртых ветвей — рук молчаливых тёмно-зелёных елей.

Г.Ф. рассказывает, вспоминает старину:

— Вот здесь была деревня Вожгальцы, а вот тут стояла школа.

Я смотрю на указанное место и вижу только группу обломанных, старых деревьев, сохранившихся от школьного сада.

— Начальницей школы была старая дева, уважаемая Ульяна Ивановна, — продолжает Г.Ф. — Выстроил эту школу и передал земству управляющий стекольным заводом в Кокмане Контовский. В деревне Логово позднее была построена церковь, и в 1908 г школу перевезли туда. Большая, светлая под железной, красной крышей она стоит и поныне.

Вот и деревня Русский Караул:

— Её раньше звали Мещанский караул, — вспоминает Г.Ф.

— Почему? — удивлённо спрашиваю я.

— А жили тут, батенька мой, шорники, сапожники, портные, валенщики. Были они умеющими людьми, зарабатывали довольно много и жили богато.

Для меня это ново, и я слушаю с большим интересом. Как много могут поведать из прошлого вот такие старые люди, и как не умеем мы ещё пользоваться их памятью, сохранившей много интересного из истории нашего края, — думалось мне. — Вот умрут они и унесут с собой эти сведения, так никому и не поведав о делах и людях седой старины. У дороги на убранном поле недвижно застыл комбайн — работяга широкого профиля.

В Глазове садимся на поезд и едем дальше.

Очень запомнился рассказ Г.Ф. об Осип Осиповиче Зенкевиче, как называет его Г.Ф., лекаре села Васильевское.

…Ранним, морозным утром богатый крестьянин Исай со своим сыном Давидом поехал за сеном. Исай то и дело понукает лошадь, торопится. Зимний день короток, а надо успеть перевезти весь стог. Под полозьями жалобно взвизгивает выпавший за ночь снег. Исай ловко подвернул сани к ограде, окруживший стог.

— Отец, может разгородим огород? — спросил Давид.

— Давай так, некогда разгораживать. Я сейчас буду подавать со стога, а ты принимай.

Исай ловко вскарабкался на вершину стога, скинул в сторону верх, и огромные пласты один за другим стали ложиться в сани. Давид принимал их и аккуратно укладывал.

Поддев вилами огромный пласт сена, Исай вдруг почувствовал, что нога потеряла опору, и он заскользил вниз….

А-а-а! истошный звериный вой рассек утреннюю тишину.

Исай повис на коле, угодившем в пах. Так и застыл Давид в санях с поднятыми вилами, не зная, что предпринять.

— Сни-и-май меня, Давид, — стонал Исай, изнемогая от страшной боли.

Давид кинулся к отцу.

— Гони скорее к Осип Осиповичу.

Осип Осипович внимательно осмотрел рану, туго перевязал её и направил Исая в Красногорское, к врачу Вейсу.

— Сделай сам что-нибудь, — просил Исай, с надеждой заглядывая в лицо, Осип Осиповичу, — далеко ведь до Красногорского-то. Век буду тебя помнить, вылечи.

— Не могу я, Исай, не врач я, и мне судом пригрозили, если буду заниматься операциями. Поезжай скорее в Красногорское, не задерживайся.

Снова погнал Давид коней. В санях постанывал Исай. Вейс осмотрел рану и, боясь ответственности, не желая брать на себя такую сложную операцию, отправил Исая в Глазов.

— Да не доехать мне до Глазова, господин доктор. Умру я по дороге, с тоской убеждал Исай. Вейс и сам понимал, что пострадавший умрет по дороге, но боязнь за свою репутацию толкала его на преступление.

— Пусть уж лучше в дороге умрет, чем у меня под ножом. По крайне мере никто не скажет, что я зарезал человека, — думал Вейс.

— Вези, Давид, домой, — тоскливо проговорил Исай, — пусть уж лучше дома умру, чем в дороге.

Давид бережно уложил в сани отца и тронул вожжами.

— Вези к Осип Осипычу, — приказал Исай сыну, когда сани выехали за ворота больницы.

И вот они оба, отец и сын, стоят на коленях и просят помочь им этого, почти самоучку, лекаря. Когда-то давно Зенкевичу пришлось поработать при хирурге одной из больниц. Природный ум, прилежание и какое-то внутреннее чутьё помогли ему стать знаменитым лекарем.

— Ну ладно. Помогу тебе. Возьмусь поставить тебя на ноги, — решительно проговорил, наконец, Осип Осипович. — Только обещай мне, что никогда, ни под каким видом не проговоришься никому, что это я тебе вылечил.

— Перед Святой иконой, детьми своими клянусь, что никто ничего не узнает, только возьмись лечить, — просил Исай.

И вылечил ведь человека Зенкевич. До глубокой старости потом жил Исай. Он сдержал своё слово, до самой смерти своей так никому и не сказав, кому он был обязан жизнью.

Вот и Челябинск.

Мы берём такси и едем на квартиру. Таксист плохо знает город и постоянно спрашивает прохожих, как проехать по указанному адресу.

— Ну, сколько вам? — спрашиваю я.

— Да на пол-литра надо.

— Вот хапуга, — думаю я. — На счётчике всего 1 руб. 65 коп.

— Как же на пол-литра, если на счётчике совсем другая сумма? Эту сумму я и уплачу.

— Но ведь я столько останавливался, спрашивал.

— Вот и хорошо. Лучше этот район знать будете.

И я плачу таксисту 1 руб. 65 коп. Ровно из копейки в копейку.

Водитель недовольно бросает на меня косой взгляд и трогается в обратный путь.

Я бережно веду Г.Ф. до квартиры и ловлю себя на том, что мне приятно вот так заботиться о нём. В воскресенье едем в кассы предварительной продажи билетов, а потом к Г.Ф.

Мария Ивановна и её муж Сергей Федорович никак не отпустили домой, не напоив чаем, хотя мы очень торопились на день рождение Клавиной сестры Любы. И тут за столом у меня с Сергеем Федоровичем вдруг неожиданно разгорается спор, хороший, здоровый спор.

Он много дал пищи для раздумий, и мне хочется написать о нём подробнее. Но уже скоро полночь. Вернётся со смены мой благоверный. Пора сегодня кончать.

15.09

Со здоровьем у меня все-таки неважно. Стоило вчера немного посидеть и сегодня с самого утра стрекочут на все лады в голове кузнечики. Голова болит, днем боль стихает, но меня неудержимо клонит ко сну. И ещё замечаю, что не стало у меня ясности мысли. Словно сознание задёрнулось какой-то темной, как глаза катарактой.

А давно ли ещё, лет пять тому назад могла безболезненно сидеть часов до 3–4 утра, сохраняя свежесть и ясность мысли всё время.

Живу надеждой, что снова вернётся работоспособность мозга.

Сегодня хотела рассказать тебе, дневник, о нашем споре с Сергеем Федоровичем в Челябинске и не удалось: позвали на партсобрание. Отчитывалась о работе общества «Знание».

Завтра продолжу рассказ о поездке в Челябинск. Сейчас ложусь спать. Надо соблюдать режим. А то опять в голове застрекочут кузнечики. Я даже представляю, как они это делают:

быстро-быстро перебирают задними лапками. Если к дождю — звука не получается, к хорошей погоде — знакомое стрекотание. Получили письмо от Сергея. Он пишет всегда много и интересно о своих впечатлениях, не как Коля — одно — два слова и всё. Я рада, что Сергей охотнее делится своими мыслями с нами. В письме, между прочим, пишет:

«Мама, сейчас у тебя должно быть очень много времени и тебе можно в полную силу развернуть свои журналистские способности. Я слишком хорошо тебя знаю, чтобы представить тебя сидящей без дела. Наверное, уже подняла на ноги всех «Валамазких пенсионеров?»

Даже дети мои не могут представить меня сидящей без дела, в четырёх стенах. Нет, никогда не смогу я жить только семьей своей и хозяйством. Слишком это пусто и неинтересно для меня.

Начинаю немного свыкаться с «пенсионным» положением.

Говорят, что когда человек уходит на пенсию, он быстро начинает стареть, увядать.

Хочу доказать, что это не так. Хочу доказать, что человек и на пенсии может сохранить доброе здоровье и молодость духа на долгие годы.

Жить так, чтобы пела и радовалась душа, чтобы около тебя было радостно людям, чтобы в тебе находили они моральную опору, черпали душевную силу; жить так, чтобы замечать красоту трепещущего огненного листика осины, дрожание жемчужных капель дождя, весёлое чирикание воробьёв на дороге, жить так, чтобы вбирать в себя чудесный запах берёзовых листьев в роще, великую, жизненную силу могучей природы.

А ты, Анастасия Николаевна: «стоит ли дальше жить»!

Стоит! И мечтать о будущем стоит.

«Жизнь прошла…» Кто тебе сказал это? Жизнь ещё только начинается.

«Вы ещё не всю себя отдали», — говорит мне Тамара Андр.

Да, я ещё не всю себя отдала, не всю до дна вычерпала. А ещё собралась умирать. Вот дура набитая!

И посмотрим, кто из нас раньше состарится.

И да здравствует вечная молодость духа и жизнь!

16.09

Сергей Федорович высокий солидный мужчина со здоровой сытой физиономией. Простой рабочий Ч.М.З., командир дружины.

Разговор зашёл об условиях жизни и работы.

— Вот в Японии на любом предприятии, есть основной костяк рабочих, которым предприниматель платит в 4 раза больше, чем остальным. А у нас что? Пришёл подросток на завод, глядишь, он уже больше тебя зарабатывает. Чего ему учиться? Чего ему не пить?

— Что ж, это не плохо, если люди получают по количеству и качеству труда. Иной 20 лет проработал на предприятии и ни разу даже нормы не выполнил, а молодой сноровистый пришёл и взялся за дело по-настоящему. Вот и получил больше.

— А смотрите, что делается у нас с этими экономическими стимулами. Выполнил, скажем, новый цех план и дал сверх плана. Ему присуждают премию. А кто её получает? Рабочий — рубль, начальник цеха — два, директор завода ещё больше, хоть к перевыполнению плана он и рук не приложил.

— Что же вы молчите? Взяли бы, да и сказали, что неверно это.

— Попробуй, скажи! На следующий же день тебе дадут невыгодную работу, и будут жать и жать.

— Вот все и боитесь этого. Почему раньше люди не боялись сказать правду? На каторгу за правду шли. А сейчас?

— Что сейчас? Думаете, обкомовские работники честно живут? Да из них только 10 % настоящих-то людей. Недаром у нас говорят: Раньше Ленин из капиталистов делал коммунистов, а теперь партия из коммунистов делает капиталистов. Живёт такой начальник, у него благоустроенная 3-4х комнатная квартира на 2-3х человек, дачи, персональная машина, гараж каменный, ковры даже в туалете. Чем не капиталист? Какое дело ему до рабочего? Лишь бы ему хорошо жилось.

— Послушаешь вас, так будто всё начальство только жулики.

— А что нет? Каждый старается больше для себя хапнуть.

— Почему же вы молчите, если видите, что это неверно? Берут ведь там, где люди позволяют брать.

— А что делать? Снимать? Другой тоже будет делать. Человек по природе зверь и заботиться, прежде всего, о себе.

— Неправда. Человек, прежде всего человек, а не зверь.

— Зверь!

— Человек!

Мы помолчали, каждый убеждённый в своей правоте. Снова я подивилась, сколько недоверия и неприязни к нашему руководству. Нет ему в народе другого названия, как «советская буржуазия».

Слишком много привилегий взяла себе эта руководящая верхушка, считая, что так оно и должно быть. А люди труда стали слишком равнодушны и пассивны, чтобы сказать: Это не по

Ленински! Так не должно быть.

Руководить людьми надо уметь и уменью этому надо учить людей со школьной скамьи. Пусть все готовятся к этой профессии. Пусть не все будут руководителями, но они всегда сумеют привести к порядку своего товарища.

— Я бы метлой вымел всех женщин с нашего завода. Работать им тяжело. «Ваня, помоги», — просят они, — нам не под силу поднять это». И поднимаешь. А как же иначе? Вежливость. А получают они не меньше нашего. Детей они рожать не хотят, за домом смотреть тоже. У них и голос то изменился. Бубнят, как мужики: бу-бу, бу-бу. Ну что это за женщины?

— Что бы вы предлагали тут сделать?

— А вот как. Мужчинам бы я платил больше, а женщина пусть за мужем смотрит и за детьми.

— На это, сами женщины не пойдут. Как вы не видите, что изменилась сама психология женщины. Она хочет быть участницей общественной жизни, а не замыкаться в 4-х стенах. В подтверждение рассказываю следующий факт.

Я сдавала экзамены в институт. Жила на частной квартире. Рядом жила семья одного директора: мать, кажется, звали её Еленой Ивановной, муж, ответственный работник, и дочь — студентка. Елена Ивановна долгое время не работала, а тут приезжаю, раз на сессию, смотрю, а она учебник штудирует.

— Вы что это, учиться надумали? — спрашиваю. — Разве вам средств не хватает.

— Хватает, — говорит. Только вот получил у нас папа приемник, премию, а мне обидно: почему не я, а он премируется? Почему ему, а не мне хлопают. Разве я не могу так же работать? Вот и решила на дошкольное отделение поступить. Думаю работать в садике.

Вот они наши женщины, какие!

— И все равно мужчина умнее, — доказывает Сергей Федорович.

— Умнее? Нет.

Мы спорим долго ещё о роли женщины.

Конечно, женщина никогда не будет, да и не может быть равнозначна мужчине.

Думается, что и в будущем женщин — ученых будет меньше, чем мужчин. Не потому, что женщины тупее, а потому, что научная работа требует напряжённой работы головного мозга в течение многих часов непрерывно. Мозг женщины не в состоянии этого делать, потому что клетки его слабее, как слабее и все другие клетки организма. Но ум женщины гораздо более гибок, более прозорлив, чем мужской, и поэтому, к руководящей работе

женщины более подходят, чем мужчина. Я уверена, что в будущем на руководящей работе, вплоть до самых высоких постов, женщин будет больше половины или, во всяком случае, не меньше половины.

А что значит, способность женщины дарить миру новую жизнь! А её нежность, её чуткость?

Я горжусь тем, что принадлежу к женщинам, что нигде не уронила своего женского достоинства, что выполнила добросовестно женскую обязанность и подарила миру целых 6 сыновей-крепышей.

Мне неприятно слышать, когда женщины стонут: «Почему я не мужчина?» и начинают подражать мужчинам. Тут мы солидарны с Сергеем Федоровичем. С ним интересно разговаривать и спорить: он немало знает, думает, читает, хоть и простой рабочий.

На третий день моего пребывания в Челябинске побывала в оперном театре на «лебедином озере». Пошли туда с Сережей и Клавой. Ни Серёжа, ни Клава идти туда не хотели.

Я сидела и наслаждалась и музыкой, и танцем. Особенно во втором и четвёртом действиях. Клаве тоже понравилось. А Серёжа?

— Фу, кое-как и вытерпел. Хуже работы. Лучше бы я на эти деньги пол-литра купил и выпил. Наслаждения я бы получил гораздо больше.

Я стараюсь доказать преимущества естественного наслаждения перед наркотическим, но, кажется, безрезультатно.

Какое это счастье — научиться черпать в музыке наслаждение!

Я мысленно благодарю моего Клесова за то, что открыл мою душу для музыки. Ну и Валя, театралка наша, немалую роль тут сыграла, постоянно заставляя меня ходить с ней в театр.

Очень тяжелыми были для меня годы учёбы в институте в Перми, холодными и голодными, но в то же время и богатыми.

Хочется рассказать ещё об одном человеке. Встретила я его у Клавиной сестры Любы, куда ходили на день рождение. Он заместитель начальника цеха, долгое время был освобождённым секретарем партийной организации. Человек высокого роста с тяжёлым взглядом серых глаз на лице с крупными чертами.

Серёжа очень боялся, что мы опять заспорим, как с Сергеем Федоровичем, но первое же обращение к нему заставило понять, что такой человек вот так сразу не вывернет душу перед незнакомцем, да ещё женщиной. У такого скоро не узнаешь, чем он дышит и во имя чего действует. Говорит медленно, будто взвешивает каждое слово.

Потом я спрашивала брата:

— Скажи, что он за человек?

— Хороший человек, — отвечает, — положительный. Он не пьёт, никогда не пользовался своим руководящим положением, боже упаси. В свободное время они, т. е. Павел и его жена, ходят в театр, катаются на лыжах и коньках. В общем, живут правильно. Но как-то всё это делается слишком уж чинно, без души. Павел Ващенко (так его зовут) не пошутит, не посердится, не рассмеётся. С ним скучно. Я не знаю, может ли он чем-нибудь увлечься от души, — рассказывает Сергей.

На обратном пути в поезде произошло небольшое событие, которое тоже заставило поразмыслить. Здоровенный детина лет 45 напился до чёртиков. Лазал с полки на полку, выражался нецензурными словами. Словом, у всех пассажиров вагона вызвал своим поведением возмущения.

— Высадить его надо!

— Проводница, почему вы не принимаете никаких мер?

— Ночью никакого покоя из-за него не увидишь.

— Чего смотреть на таких пьяниц.

Проводница сказала, что пассажира можно высадить только по требованию пассажиров.

Проводница составила акт. Я расписалась в нём и подала на подпись другим.

И к моему великому удивлению, никто не захотел больше этот акт подписать, никто не захотел довести дело до конца.

Как будто подменил кто пассажиров.

— А нам он не мешает. Пусть едет.

— Да вы что? Только же сами возмущались его поведением.

— Акт подписывать не будем. Не стоит ввязываться в это дело. Ещё потом потащат куда-нибудь нас, наживешь беды.

Эх, «гуманность» наша! Сколько же порой вреда от нее.

Мы с Г.Ф. и ещё один человек, военный, акт всё-таки подписали, и пьяница был удалён из купе и с поезда.

Приехала 12го сентября домой. Пётр возмущается:

— Хоть какую-нибудь стряпуху лет 30 бери, что ли.

— Погоди, — говорю, — лет пять.

— Все-таки думаешь уходить?

— А что же мне делать, если появится стряпуха? — отшучиваюсь я.

Разговор идёт на невысоких мирных нотах.

— Это ещё цветочки, — думаю про себя. — Ягодки впереди будут, уважаемый Петр Ник.

Я довольна поездкой. Душой богаче вернулась я из неё. И рана затягиваться, будто, стала. И пустоты я уж, будто, той не

чувствую.

И хандра пока больше не навещает меня.

Ну и, слава богу.

Встретилось стихотворение:

День ли царит, тишина ли ночная,
В снах ли тревожных, в житейской борьбе,
Всюду со мной, мою жизнь наполняя,
Дума все та же, одна, роковая, —
Все о тебе!
С нею не страшен мне призрак былого,
Сердце воспрянуло, снова любя…
Вера, мечты, вдохновенное слово,
Все, что в душе дорогого, святого, —
Все от тебя!
Будут ли дни мои ясны, унылы,
Скоро ли сгину я, жизнь загубя, —
Знаю одно: что до самой могилы
Помыслы, чувства, и песни, и силы —
Все для тебя!

Вот таким и ты был для меня долгие годы.

Будто совсем давно это было. Было и быльём поросло. Нет того прежнего чувства, и не вернётся оно. Горько порой бывает. И все же нет-нет, да и выплывет из памяти:

— Как отсюда всё слышно!

— А мы закроем плотнее.

И на цыпочках осторожно к двери. Как заговорщики какие.

Или вдруг встанет передо мной, чтобы передать то, самое нужное. И тут же мысль: «Как же испугался за себя, если пошёл на такое. Ох, ты, трус такой!»

И радостное, какое-то нежное чувство снова родится в душе.

Нет-нет, да вдруг встанет передо мной. Хочу вроде поговорить, но тут же обрываю себя: К чему? Зачем?

И уходит куда-то из сознания дорогой такой прежде образ. И всё будто заволакивается туманом.

Рана будто рубцуется, и рубец её я постоянно ощущаю в душе. Может со временем, и он сгладится.

Погода стоит сухая-сухая. Заканчиваем последнюю сельскохозяйственную работу: копку картофеля.

А впереди ждёт целая груда общественных дел.

19.09

Снова хандра своей когтистой черной лапой сжимает сердце…

За что? Разве я виновата в том, что так получилось в моей жизни? За что же я должна мучиться? Разве любить — преступление?

Почему ты предал меня? За что?

Нет, я не унижусь больше перед тобой, не дам тебе повода ещё раз погордиться собой: «Вот я какой!»

Не «какой!» ты тут оказался, а жестоким и бессердечным. Не понял ты, как нужно мне было хотя бы в мыслях встречаться с тобой, говорить с тобой. Ты даже эту возможность отнял у меня. Не понял ты, как важно было сказать мне: «Не плачь, ты не виновата, что я не люблю тебя, но я благодарен тебе за всё». Не понял ты, как важно было для меня, чтобы ты назвал меня своей сестрой и другом, не понял, как дорого мне всё, что связано с тобой. Ничего не понял ты и обрёк меня на мучения.

За что? Что я сделала плохого тебе? Почему ты так равнодушно прошёл мимо другой души?

Ну не могу я, не могу, понимаешь, не могу выбросить тебя из своей жизни. Почему я должна страдать за это?

Почему?

22.09

Вчера утром позвонила К.А. и сообщила, что Там. Андр. предлагает нам свозить на машине за грибами. Хорошая наша Там. Андр., будто знала, что у меня тяжело на душе. Как же я благодарна ей за её заботу обо мне! Чем отплачу за нее? Она всегда приходила на помощь, когда мне становилось плохо.

Мы сидим с К.А. в ожидании машины.

— Как дела у В.Г.? — спрашиваю я.

— Не знаю, — отвечает она и быстро переводит разговор на другое.

Одно из двух: или В.Г. предупредил её, чтобы ничего не говорила мне о них, либо ей, как и мне, тяжело говорить о них. И в том и в другом случае это не делает чести В.Г.

Нет, не Человеком он оказался на деле, а просто человеком. Раньше встреча с ним в мыслях всегда приносила радость, сейчас — только боль.

Наоборот, лучше и бодрее я себя чувствую, когда не думаю о нём, когда гоню его от себя. Начну по привычке говорить с ним и тут же одёргиваю себя: «А что мне даст разговор с ним?»

Мы едем с Иосифом Егор. и К.А… Я вся во власти движения и

природы.

Ныне стоит замечательный год. Ещё не было ни одного заморозка. Тепло и солнечно, как летом. И только осенние краски говорят о времени года. Красиво!

…На опушке леса стояла кудрявая берёзка в простеньком зелёном платьице. Подошла к ней Осень, дохнула прохладой, обрызнула холодной росой и стала снимать с неё летний наряд. Загрустила берёзка, а осень говорит ей: «Не горюй, я дам тебе другое, нарядное платье, зачем тебе будничное?» И надела на неё роскошное золотое убранство.

Полюбовалась берёзка на него, стало вдруг ей холодно и неуютно в нём. Будто радости жизни стала лишаться она.

«Нет, не нужен мне твой роскошный наряд, — грустно проговорила берёзка, — нет мне в нём жизни. Возьми его себе». И скинула она золотое платье себе под ноги.

Даже природа отвергает золото.

Свежий осенний ветер бодрит. Пахнет мхом, прелой землей и вянущими листьями.

Над головой какое-то выцветшее небо. Не хватило у осени красок, чтобы перекрасить его. Медленно ползут по нему темно-серые тучи, норовя закрыть нежаркое солнце.

Печь протопилась, встаёт мой благоверный. Пора кончать.

24.09

Ходим с К.А. в лес. Пусто там стало. Будто в большом помещении, которое готовится к ремонту.

Кругом насорено высохшими, свернувшимися, побуревшими листьями. Запах этих листьев наполняет воздух. Они шуршат под ногами, точно содранные со стен обои. Берёзовая роща похожа на прозрачную белую ткань, испещренную темными цветами, на которой голые ветви берёз начертили замысловатое переплетение линий.

Только на самой макушке берёз сохранились ещё зеленовато-жёлтые листья, которые жадно ловят ещё лучи уходящего за горизонт солнца. Ветер срывает эти последние листья. И они, как бабочки перевёртываясь в воздухе, ложатся наземь.

Кое-где попадаются грибы. Их даже странно как-то видеть среди сухих листьев, щедро устилавших землю.

Чувствую себя как будто бы заново рождающейся. Нет, уже родившейся и переживающей заново всё окружающее меня. Ни на минуту не оставляет мысль о полной свободе: делаю что хочу, еду, куда хочу. Это моя тайна, моя мечта. Она питает мою душу,

наполняет меня радостью.

Я ещё многого не видела на своей земле. Ещё 5–6 лет, и я буду освобождена от заботы о детях. Я честно выполню свой долг. Зачем мать должны всю жизнь терзать заботы о своих детях? Её дело — родить их, создать для их развития хорошие условия, воспитать в них честность, презрение ко всякой лжи, показать красоту жизни, воспитать убеждение, что твой долг помочь людям, где можно. Научить, не скулить, не унывать, если бывает трудно, приучить к труду, к бережному расходованию того, что им создаётся, воспитать в них любовь к родной земле, прежде всего к тому месту, которое взрастило, любить так, чтобы тебя всё время тянуло к нему, ибо если человек не научится любить то место, где вырос, он вообще не сможет любить своей Родины. Воспитать доверие и уважение к нашей партии, наконец, приучить их к самостоятельности. А там они и сами смогут найти своё место в жизни.

Мать — это, прежде всего, человек и должна всегда жить полной жизнью, чтобы всегда радоваться жизни, чтобы рядом с ней радовались жизни другие. А заботы о своих детях только до той поры, пока из её ребёнка не вырос человек.

Самое главное для матери — научить своих детей видеть красивое и в природе, и в отношениях между людьми и в самих людях.

27.09

Обстановка на ближнем Востоке складывается, очевидно, довольно серьезной.

Разговор в автобусе:

— Приехал сын на побывку, только успел три дня пожить, как опять в часть вызвали. Наверное, часть куда перебрасывают, — говорит нестарая женщина с обветренным лицом, на котором расположился уютно тонкий прямой нос.

— У тебя хоть три дня успел пожить, а у меня внучек и двух не успел погостить.

Позавчера приехал, а сегодня повестка пришла выезжать обратно, — поддерживает старушка с добрыми серыми глазами и выдвинутым вперёд подбородком.

Я молчу. Боюсь вселять тревогу в эти женские души.

Да, неспокойно и напряженно в мире.

Наши, конечно, не допустят, чтобы США на Ближний Восток ввели свои войска. Снова назревает конфликт.

Радует одна деталь нашего времени: люди перестали любить чёрный цвет. Сейчас почти не увидеть ни черного пальто, ни черного платка, ни чёрного костюма. Даже обувь цветная. И цвета одежды яркие, красочные.

Природа ведь тоже не жалует чёрный цвет.

Стала замечать в себе какую-то душевную усталость…. Начинаю терять надежду, что мечте моей суждено сбыться. Корова, поросёнок, завтрак, обед, ужин, мытье посуды, уборка, стирка, штопка — какая нудная отупляющая работа! Воспрянет будто душа, запросит действия, рванётся из этих 4х стен — и снова уляжется на своё место.

Очень уж недолго длиться душевный порыв. И всё короче и короче становится он. Нет в душе огня, который бы поддерживал его.

28.09

«Ну, хорошо, — думается мне, — письмо он послал потому, что я настоятельно просила его об этом; потому, что испугался, что всё это может плохо кончиться для его положения в обществе, для его авторитета, а телеграмму-то поздравительную ведь никто не просил его посылать. Послал, потому что, верно, шевельнулось же какое-то доброе чувство ко мне в его душе».

Эта мысль да тепло часов, проведённых с ним вместе, и не дают в душе родиться неприязни к нему. Но не встречаюсь я уже больше с ним в мыслях своих, не веду долгих бесед с ним, не советуюсь мысленно в делах своих, не сверяю свой шаг с его шагом, потому что не шагает он уже больше рядом со мной. Силой воли я гнала его от себя, потому что присутствие его в сознании причиняют мне боль. Сейчас я даже не знаю, буду ли я чувствовать то наслаждение, какое чувствовала раньше рядом с ним.

С К.А. по-прежнему доброе отношения.

Она так же не нужна ему, как и я. Именно это объединяет нас с ней. Ей горько думать об этом, мне — тоже.

Ну и пусть. Сама судьба заставила меня жить только своими убеждениями, опираться в жизни только на свою волю и ум. Трудно жить без друзей, но что я сделаю, если одну отняла у меня смерть, другого — жизнь. Больше уже никто не займёт такого места в душе, какое занимали они. Разве может быть только Там. Андр… Она лучше других чувствует и понимает меня.

Ох, а как тяжело сознавать, что нет уж больше в душе того

тёплого чувства! Будто холодом всю охватывает меня, и сердце сжимают тиски.

Поэтому я и гоню и воспоминания о нём. Но вряд ли мне это удастся, потому что ничего нового, захватывающего в моей жизни пока нет. Да и будет ли?

Похолодало. Начались дожди. Небо как плаксивая баба: чуть, что и опять закапают слёзы.

Тихо. Ребята в школе. На плите миролюбиво бормочет лапша, постоянно напоминая о домашних делах.

30.09

Спор. Хороший, здоровый, трезвый спор. Сколько он даёт пищи мышлению!

Уже разошлись споривше, а мысль ещё долго возбуждена. Снова и снова продумываешь свои доказательства, находишь новые, что-то подвергаешь в своих взглядах сомнению, в чем-то ещё больше убеждаешься.

Я знаю, что в споре иногда спорящий начинает доказывать правоту того, в чём сам сомневается, даже больше того, что сам отвергает, доказывать для того, чтобы доводами спорящего с ним укрепить или отвергнуть окончательно свои выводы. Вот почему никогда не нужно по тому, что защищает в споре твой «противник», составлять окончательное мнение, о его мировоззрении. Не давать спорящему с тобой то или иное определение, а терпеливо выслушивать его, в ходе его высказывания подыскивать наиболее веские доказательства для защиты того, в чем хочешь убедить «противника».

Иногда споривший уже внутренне убедился в несостоятельности и неправильности своего представления, но продолжает отстаивать своё мнение из чувства самолюбия. И другая сторона уходит с разочарованием, что не смогла убедить споривше с ней. Не торопитесь разочаровываться! Если вы сумели убедить спорящего с вами, нашли веские доказательства, ваш спор не прошел даром: ваш противник уже никогда в другом месте не выскажет своего прежнего мнения, в ложности которого убедился.

Почему люди боятся прямо высказывать своё мнение? Почему люди перестали трезво спорить?

От всей души хочется пожелать нашей молодёжи: собирайтесь чаще вместе, не за бутылкой, она здесь лишняя, и спорьте, ибо, ничто другое не возбуждает так мышления, как трезвый спор, ничто другое не даёт столько пищи для

размышлений над жизнью, как спор.

Меньше меня тянет к Бёрдовым но горькое восклицание К.А., «Кому мы нужны!» заставляет поддерживать добрые с ними отношения.

Не могут быть не нужны люди, вся жизнь которых прошла в труде, в хорошем труде на пользу людей.

Да и никогда не обману я доверия к себе.

2.10

Вчера после длительного «отпуска» первый раз вышла к людям: провела своё первое политзанятие на заводе. Я попросила Чувашова В.Е. предложить коммунистам завода две кандидатуры: мою и Дубовцева М.А. Они пожелали проводить у них занятия мне.

Б.И. Зайцев рассказал, как это происходило:

«Коммунисты выбрали вашу кандитатуру из соображений: «Полемики будет больше». Что же, полемики так полемики. Так я и решила проводить занятия. Правда, такой метод потребует от меня умения отстаивать свои убеждения, больших знаний международной и внутренней жизни, большой подготовки. Зато есть надежда, что в слушателях что-то останется от моей убеждённости в преимуществах нашего социалистического строя, в правильности нашей политики, в неизбежной победе социализма на земле.

Радует то, что после окончания политзанятий люди ещё остаются, чтобы разрешить вопрос, который их занимает, но который они постеснялись открыто на занятии высказать. Хорошо! Политзанятия прошли, а я с самого утра сегодня перебираю подшивки «Нового времени» прошлых лет, свои записи. Тоже хорошо!

И все-таки большого душевного подъёма я не чувствую. Ничто пока меня не захватывает. Потух внутренний огонь, никем и ничем не поддержанный.

Сегодня выпал первый снег. Природа наложила на землю компресс из мокрой ваты. Ваты не хватило и кое-где проглядывает чёрное тело земли.

Пора остановить все подшивки и записи, и тебя, дневник, и заняться домашними делами: идёт мой муж. Он очень против всех моих общественных дел.

Кстати, почему, только, чтение лекций, участие в общественных организациях, проведение политзанятий считается

общественным делом? Все дела у нас общественные, если они связаны с людьми. А это просто неоплачиваемая работа. Я занимаюсь ей, потому что убеждена в её полезности, убеждена в том, что тут я могу сделать так, как другой не сможет.

3.10

Вчера Там. Мих. передала мне мнение коммунистов завода о политзанятии.

«Очень, — говорят, — товарищ хороший попался. Во! Заставляет всё время думать».

Я довольна. А душа все равно не взлетела, как раньше. Пригласили в школу на классный час (Ленинский урок) немного болела голова. Хотела отказаться, но подумала, что нельзя упускать возможности поговорить по душам с учениками о Ленине, о делах нашего поколения. Пошла.

Очень приятно было зайти в класс к Любовь Андрияновне, в 9-ый класс. Здесь я занималась два предыдущих года.

Зашла, а они улыбаются навстречу. А я рада: значит хорошее помнят. Так светло стало на душе. Вот Таня Гребёнкина, Тамара Титова, Светлана Кропачева…. Хорошие вы мои.

И вот я говорю с ними, от души говорю, чтобы до души дошло. Вспоминала годы учёбы, военные годы. Мне есть что вспомнить, есть что сказать: не прошла мимо меня жизнь. Я всегда была в гуще её, старалась быть.

Была в классе у Никол. Васильев. (7-ой класс, мой Саша там учится).

Стоило немного поволноваться, и я вечером даже не могу читать: читаю строку и забыла уже, о чем говорится в предыдущей.

Пришла Окишева Шура, а я уже волю напрягаю, чтобы поговорить с ней. Время от времени секундная потеря сознания.

Сегодня встала с сильной головной болью, а надо ещё пойти на классный час с беседой в 7-ой класс к Вал. Сем… Обещала ведь. Да и как раз удобный случай делиться своей убеждённостью (50 лет речи В.И. Ленина на Зем съезде комсомола) месяц до 50-летия Удмуртской республики. Пошла.

Совсем не могу. Даже руки дрожат. Жалуюсь тебе, дневник.

И рождается в душе горький упрёк:

— Эх ты, как же не сберёг меня. Ведь ты только один и мог сделать это.

Скажешь, не знал. А потом? Когда узнал? Почему так

бесчеловечно поступил потом? За что предал меня?

Сколько бы я могла ещё сейчас сделать! Обществом «Знание» заниматься уже нет сил.

Не знаю, буду ли я снова здоровой.

А так хочется ещё что-то сделать. Тяжело чувствовать в себе духовную силу и не иметь физической возможности применить эту силу.

Сегодня в школе вечер в честь дня учителя. Меня пригласили.

Собиралась давно пойти на вечер потанцевать. А вот сейчас, не знаю, смогу ли вообще пойти туда. Даже глаза запухли от боли, и тошнота появилась.

Так и стоит передо мной противное лицо судьбы моей с оскаленным клыкастым ртом и зелёными ехидными прищуренными глазами. Она наклоняется надо мной и ядовито спрашивает: «Ну, что? Говоришь, сильнее меня, а чего скисла?»

Нет, лучше выпить лекарство и идти спать.

5.10

Вечером третьего я все-таки пошла на вечер. К.А. сказала, что они не пойдут, если я не пойду. Пошли. Опоздали. На вечере Там. Андр. сказала с сожалением: «Просто не верится, не укладывается в сознании, что вы уже не в школе».

Мария Саф.: «Как вы могли так резко порвать со школой? Были на почёте и всё. Я думала, хоть 10-й то класс вы доведёте до конца».

— Не по мне эта работа была, — говорю я, — не чувствовала я удовлетворения своей работой.

— Ну, все равно. Я ведь тоже больше бы хотела не в школе работать, а на бухгалтерской работе, а вот перевели меня в группу, так я слезами уливалась, что нет у меня класса. А вы….так легко ушли. Просто удивляюсь. Всегда вас отмечали как хорошего учителя, ребята вас ценят и уважают. Просто никак не могу понять.

Я молчу. Знаю, что не поймёт всего….

Не поймет, что ушла с великой надеждой попытаться найти дело по душе, чтобы прожить остаток своей жизни с наибольшей пользой.

Только в том труде и может оставить свой след человек, которому отдаёт свою душу. Я не могла химии отдать своей души.

Там. Андр.: «Вы что, собираетесь вторую жизнь жить? Я очень боюсь, что вы уйдёте от семьи. Смотрите, не делайте этого. У вас

же дети».

Я и сама помню свой долг перед своими детьми. Что ж. Мы пока гордимся всеми своими сыновьями. Никто о них и в посёлке не скажет ничего дурного. Наоборот. И я до конца выполню свой долг перед своими детьми.

Вчера целый день лежала пластом в постели. Пришла Там. Михайловна:

— Ну, как вам нравится ваша новая работа?

— Пока ещё не знаю, не вошла в неё ещё целиком.

Помолчала.

— Нравится. Новое всегда нравится. Жалею, что раньше не ушла в РК при В.Г. я бы, пожалуй, больше нового узнала, лучше научилась.

— Как-то там живётся нашему В.Г., - в раздумье, как будто про себя, говорю я.

— Он там, говорят, прослыл очень умным человеком.

— Очень умным?

Там. Мих. молчит.

«Нет, я бы не сказала, что он очень умный человек, — про себя думаю я, — умный, но не очень. Скорее осторожный человек, имеющий большой опыт работы с людьми.

— Он культурный, обходительный человек, и это создаёт ему неизменный успех, — как вывод, говорит Там. Мих.

Я с ней согласна.

— И очень осторожный, — добавила бы я.

Почему-то на память постоянно приходит один случай.

…Откуда-то ребята принесли ястреба с простреленным крылом. Оно казалось целым, но как-то неестественно опустилось. При приближении к ястребу он угрожающе раскрывал загнутый клюв, топырил крылья и поднимал ногу с вытянутыми когтистыми пальцами.

— Зачем вы принесли его? — спрашиваю я. — Он же все равно пропадёт у вас.

— А в лесу его кто-нибудь бы съел.

— Ну и пусть. Он тоже хищник. Ну и пусть расплачивается за то, что тоже убивал птичек.

— Ну что ты, мама. Он убивал только больных и заразных птичек. Он только не давал заразе распространяться, — убеждает меня Толя, ученик 6-го класса.

— Он же погибнет у вас. Пусть уж послужит пищей для кого-нибудь другого.

— А может поправиться? Надо же ему помочь. Как мы понесём его, беспомощного на растерзание кому-то?

Мне ужасно не хочется, чтобы эта птица испачкала всё, но я

рада про себя доброте своих детей и поддерживаю её в них. В жизни пригодится.

— Ну, ладно. Оставляйте. Только чем вы его кормить будете? Ему же нужно свежее мясо.

— А мы ему червей ловить будем. Черви тоже мясо.

Ребята клали перед ястребом червей, но он упорно не хотел их замечать. Тогда они протягивали к нему руки, как будто норовя поймать его, он раскрывал клюв и глотал червей, которых быстро в открытый клюв опускали ребята.

Но ястреб не поправлялся. Безразлично сидел он на сундучке, не реагируя ни на что. Только изредка с трудом взлетал на окно и тоскливо смотрел на улицу.

— Выпустите его во двор. Пусть он подышит вольным воздухом. Так он скоро пропадёт у вас. Ему простор нужен, а вы его взаперти держите, — говорю я.

Мальчики посадили ястреба во дворе на лавку. Сначала он огляделся кругом, ещё не веря, что свободен. Потом собрал свои силы, взмахнул крыльями и взлетел на вал колодца. Он гордо поглядывал на всех, словно хотел убедить себя в своей силе. Потом по забору добрался до крыши предбанника, взобрался на неё и быстро-быстро, помогая себе и клювом, и крыльями, цепляясь острыми когтями за доски, стал подниматься к коньку крыши. Он торопился, он весь стремился к этой вершине крыши. Вот сейчас, вот сейчас он поднимется вверх, взмахнет могучими крыльями, и они понесут его ввысь в голубой простор, понесут его к свободе, к свету, к радости жизни…. Ястреб добрался до конька, огляделся, вокруг встрепенулся весь и…, но силы оставили его. Как ком тряпья покатился он вниз и рухнул на землю. Ребята подбежали к нему. Он уже не сопротивлялся, даже не открывал клюв. Мальчики осторожно подняли его и отнесли на место в светёлку.

— Видите, я же говорила вам, что он не поправится у вас.

— Что же делать, мама? — они с надеждой смотрели на меня. Я очень хочу, чтобы они выбросили этого полусдохшего ястреба. Он и так уже всё перепачкал в светёлке, но сдерживаю себя и говорю:

— Сами вы не вылечите его. Завтра понесите его к ветеринару. Пусть он посмотрит крыло и скажет, как лечить его и чем кормить.

После недолгих препирательств, кому нести птицу, Вове поручается сходить к ветеринару.

На другое утро Вова первым делом бежит в свётёлку. Возвращается он со слезами на глазах: ястреб пропал.

— Ну вот, я же говорила вам, что он не будет жить, —

успокаиваю я Вову.

Часто, думаю я о ястребе, о его напрасной попытке обрести свою силу и подняться ввысь.

Может и я так же? И всё равно буду до последней возможности стремиться к своей мечте.

Там, где кончается мечта о будущем, начинается духовная смерть, за которой не замедлит последовать и телесная.

Нет, я не хочу умирать раньше времени, раз уж постаралась, чтобы выжить.

7.10

«Только то и знаешь всю жизнь, что готовишь на вас, стираешь, выискиваешь в магазинах вам одежду да чинишь», — жалуюсь я на свою жизнь перед моими сыновьями.

«На то ты и мама чтобы заботиться о нас», — резонно возражает мне Вова.

Сегодня он перебирает мои медали и значки. Я особенно горжусь Ленинской юбилейной медалью. Ценнее её нет для меня ничего.

«Мы честно, правильно жили, — говорю я Вове, — посмотрим, как вы проживёте».

«Мы тоже хорошо проживём. Как вы жили, так и мы будем жить», — говорит Вова.

Как часто говорят: «Какими воспитаете своих детей, такими и будут».

Что значит «воспитаете»? Я не воспитываю своих сыновей, я просто высказываю своё отношение к жизни, к людям, к событиям.

«Нет, не какими воспитаете, а какой пример своей жизнью вы покажете своим детям, такими они и будут», — сказала бы я.

Нас не воспитывали специально отец и мать наши. Просто они были честны, правдивы, трудолюбивы, живо откликались на просьбы людей, на происходящие события. Мы видели это, видели, что за эти качества их ценили люди. Мы гордились своими отцом и матерью, и их черты поведения в обществе, отношения к жизни как-то сами собой перекочёвывали в нас.

Во мне, например, всё остальное доделали книги, которые я читала в юности в огромном количестве. Л. Толстой, Тургенев, Некрасов, Горький, Лермонтов, Жорж Саид, Гюго, Диккенс были любимыми моими писателями. Они шлифовали мой характер, моё отношение к жизни, моё мировоззрение. Изучение

естественных наук помогло познать законы развития природы и общества. Смысл моей жизни, назначение моё, ответ на вопросы «Кто я? Зачем я живу?». Я нашла в произведениях В.И. Ленина. Его идеология стала моей идеологией, его убеждения стали моими убеждениями. Ленинская работа «Государство и революция» и до сих пор моя настольная книга.

Вчера пригласили в лесопункт сделать сообщение по международным вопросам. Пошла. Сделала. Раньше такие беседы вызывали во мне огромное удовлетворение и прилив сил. А сейчас нет. Сама удивляюсь над собой. И вопросов ко мне было порядочно, и ответить на них я смогла, а удовлетворения нет. Словно не я это, а кто-то другой поселился во мне. Спокойный, ничем не увлекающийся, будничный. Раньше после таких бесед мне снова и снова хотелось к людям. Сейчас — нет.

Все-таки где-то, что-то сломалось в душе.

8.10

Не осудят меня дети за то, что ушла из школы и от активного участия в жизни, потому что видят, как я мучусь с головными болями, слышат постоянно отца: «Кончай со всем этим, пока совсем не загнулась», видят мои тщетные попытки казаться здоровой, видят, как страдаю после каждой подготовки к выступлению перед людьми (безразлично, взрослыми или детьми — школьниками).

Но я-то, я-то просто не могу жить без всего этого, не могу ограничить свои мысли и деятельность только домашними делами!

Что же мне делать?

10.10

— Спокойно, Ан. Ник… Ты больна, ты очень больна. Тебе пока нельзя заставлять работать свой мозг и нервную систему. Потерпи. Все успокоится, всё пройдет. Помнишь, сколько ты была больна, когда перед тобой грубо захлопнули дверь? 3–4 года? А потом ведь снова всё успокоилось в душе. И сейчас поправимся. Правда, тогда ты была моложе, сильнее. И у тебя был резерв времени. И ещё успокаивающая мысль: «Если бы знал, кто он для меня, никогда не сделал бы так». Сейчас ничего этого нет. И все же, все же не надо терять надежды.

— Но ведь год же, год прошёл, как я отдыхаю, а лучше пока

нет.

— Ох ты какая! Не год, а 3–4, а может и больше сейчас потребуется, чтобы всё привести в норму.

— Так я же уже буду совсем старуха немощная. Что я тогда смогу вообще сделать?

— Это в 55 лет-то старуха? Ничего подобного! И успокойся. И не пересиливай себя ничем.

— Так же я совсем перестану о чем-либо думать. Отупею.

— Не отупеешь. И кто тебя заставляет совсем ни о чём не думать? Просто сделай так, чтобы твои мысли текли спокойно. И ещё режим чтобы твердый был. И обязательно бывай больше на свежем воздухе. И, пожалуйста, избегай принимать снотворные и нервноуспокаивающие лекарства. Иначе твой мозг совершенно потеряет способность работать.

Главное — будь спокойнее. Потерпи. Ты же всегда была терпеливой.

Потерпи. У тебя есть дети. Ты нужна ещё им. А там как получится. — Господи, и зачем ты такую родила меня, мама?

Спасибо тебе, дневник! Друг мой хороший. Теперь постараюсь уснуть.

Как это Там. Мих. как часто угадывает придти тогда, когда мне бывает тяжело.

Глядя на неё, я, право, немного успокаиваюсь. Молодая, красивая, бесхитростная, а такая тоже несчастливая! Думая о её несчастливой судьбе, забываешь о своём горе.

Очень хочется, от души хочется, чтобы нашла она в жизни своё счастье.

11.10

Вспомнилась моя недавняя поездка в Красногорское. Я останавливаюсь всегда у О.Н. Кропотиной, Авиной мамы. Как всегда приветливо встречала меня Ава! Сколько было всегда разговоров у нас с ней! Ничего сейчас этого нет.

Захожу, а на столе лежат разбросанные репродукции картин. Несколько лет Ава собирала их, доставая из старых журналов. Картины вместе с биографиями известных художников, рецензиями на ту или иную картину. Их было около 150, репродукций, аккуратно скрепленных скрепками со списком их. Целое богатство! Как она их берегла! Надеялась потом передать в школу. Но скоропостижная смерть не дала осуществить замысел.

И вот они лежат порванные, разбросанные на столе. Около

третьей части всех собранных репродукций.

— Ольга Ник., да кто же это с ними так сделал?

— А это давали Оле играть.

— Играть? Да ведь это целое богатство! Ава их так берегла, — с горечью и обидой на них говорю я.

— Я не знаю, почему это Клава (дочь) отдала играть. Они-то ведь грамотные, должны понимать.

— Отдайте мне хоть эти. В память об Аве отдайте.

— Где-то Гера просил их. Отберёт вот, какие надо. Остальные можно отдать.

Ольга Ник. хорошая, приветливая старушка. Но как крепко живёт в ней это «моё»!

Как можно отдать кому-то «моё».

Знаю, что и Гера не возьмёт эти картины и мне она не отдаст. Так и пропадёт собранная Авой коллекция репродукций.

Эх, Ава! Знала бы ты, как они обращаются с твоим наследством! Где-то ещё книга «Шаги по росе», о приобретении которой с такой радостью сообщала ты мне уже незадолго до смерти?

А твоя тетрадь с изречениями, выбранными из прочитанных тобой книг?

Тоже, наверное, какая-нибудь Оля дорывает последнюю страничку.

Ава, родная моя, сестричка моя душой.

До последнего дня ты жила, хотела ещё что-то сделать.

Надеялась, что кто-то придёт к тебе, даст последнюю работу. Как же порой черствы, бывают люди!

Никогда не забыть мне Авину боль.

…Я застала её, сидящей у окна. Медленно водила она по отпотевшему стеклу пальцем, и капли воды, сливаясь, быстро бежали вниз, как и слёзы из её глаз.

— Ава, что с тобой? О чём ты так?

Она наклонилась ещё ниже, и слёзы быстро-быстро закапали на старенький выцветший халат.

— Как палкой по голове ударили, — не проговорила, простонала она.

— Да расскажи же, что случилось?

Она вытерла рукой глаза, подняла на меня покрасневшее лицо и стала рассказывать.

— После того, как Эля взяла Андрюшку, я совсем заскучала. А тут узнала, что надо человека для организации радиопередач по местному радио.

— Ну, — думаю, — тут-то я справлюсь. Два раза в неделю.

Это мне будет не трудно. По крайней мере, буду чувствовать,

что я хоть что-то ещё делаю, для чего-то нужна, не бесполезно живу.

Согласились меня принять.

— А потом….

Она опять горестно склонилась к коленям и слёзы снова покатились по впалым болезненно румяным щекам.

— Ну и что потом?

— Татьяна Фед. Бушкова запротестовала. Побоялась, что я заражу там её. За здоровье своё испугалась. Такой скандал подняла, ну, беда.

Я уж не полезла силой. Пока была здорова, всем нужна была, ни от какой работы не отказывалась, а сейчас….

— Ну, успокойся, Ава, ну, перестань. Что сделаешь, если есть такие люди, которым на других наплевать, — успокаиваю я свою подругу.

Я хорошо понимаю всю глубину её горечи, а помочь ничем не могу. Острое чувство жалости к ней охватывает меня.

Что я могу сделать для тебя? — думалось мне. — Т.Ф. все равно настоит на своём. Как же не понял человек её состояния? Отнять последнюю надежду быть для чего-то нужной. Не захотеть хоть как-то скрасить её жизнь. И чувство неприязни к этой Т.Ф. навсегда поселяется во мне.

Эх, мы, люди! Сколько ещё в нас неоправданной жестокости, нечуткости и несправедливости! Сколько равнодушия к другой судьбе, к чужой душе. Вот и я стала жертвой этого равнодушия.

Иногда думается мне: ну если не могу, здоровье не позволяет заниматься тем, чем хотела бы, разве нельзя так просто жить, просто человеком, заботясь о своих детях? Ну, хотя бы до того времени, пока они не будут самостоятельны вполне? А там может и здоровье наладится. А не наладится, ну что ж. Такая уж верно моя судьба.

Что я могу тут сделать?

Ничего не пишу в газету. Просто инстинктивно боюсь взяться за статью. Боюсь тех головных сильных болей, которые неизменно стали появляться после даже небольшого умственного напряжения. Раньше я могла сидеть вечерами.

…Тихо. Все спят. Я остаюсь один на один с тем, о ком пишу.

И встаёт передо мной человек со всеми его чертами, человек, не похожий ни на кого другого. Пишется легко, свободно. Сейчас самое деятельное время моего мозга только до обеда. Но нет никакой возможности в это время писать. Завтрак, уборка, приготовление обеда…. Ох, как бы хотела я оставить всё это и писать!

Писать так, чтобы задевало за душу, чтобы не только читая, а

и в жизни у человека рождалось стремление к хорошему и ненависть ко всякой дряни, какой не мало ещё живёт на нашем человечьем теле.

Ну вот, опять встала передо мной противная рожа моей Судьбы: «Хе-хе-хе! Ну, помечтай, помечтай…». Стоит, упершись руками в бока, и сверлит меня своими зелёными глазами…. Невыносимая головная боль…. Снова пить лекарства и спать.

12.10

И чего ты мечешься, Ан. Ник.? подумаешь, не хочется быть просто домохозяйкой!

Перечёркиваешь всё прошлое, ну и перечёркивай решительнее всё в своей душе.

Всё, чтобы ничего не осталось от старого только так и можешь обрести здоровье. Оставайся просто хорошим человеком, пусть и домохозяйкой. Прошлая жизнь была, конечно, богаче. Такой твоя жизнь уже не будет. И пора уже примириться с этим. Ты можешь гордиться собой, что только с 50 лет начинаешь жить так, как миллионы женщин живут всю жизнь.

Что? Опять протестуешь? Не хочешь жить этой домохозяйской жизнью?

Пойми, она тебе необходима сейчас. Иначе ты никогда не будешь здоровой.

Нельзя думать упорно над неразрешимыми вопросами, над тяжелым прошлым.

Можешь, как Алёша, окончательно убить себя. Вспомни, что ты ему рекомендовала, когда он заболел?

«Будь просто хорошим человеком», «оставь ты хотя бы на время все общественные дела, пока не поправишься».

Теперь настало время тебе самой выполнить данную тобой рекомендацию.

Запомни: сейчас ты больна, ты очень больна. Тебе тоже на время надо оставить всё. А там уж как получится.

Не надо думать пока упорно ни над тем, кто ты сейчас есть, ни над будущим.

Иначе можешь повторить судьбу Алёши. Почему Алёша заболел? Потому что не мог решительно порвать с прошлым. А надо было.

Вот и тебе надо усилием воли гнать от себя мысли о прошлом. Не давай даже близко приближаться этим мыслям. Слишком тяжелы они для тебя.

Будь спокойна и терпелива! Не мечись!

И ещё одно: хватит тебе думать так много о себе.

Думай больше о людях, о детях. Право лучше и легче будет.

И Петя твой тоже сейчас достоин того, чтобы и о нём подумать.

Сейчас у него ни в душе, ни за душой никого и ничего нет, кроме тебя и твоих детей. Это тоже ценить надо, уважаемая Ан. Ник… Он не виноват, что ты не смогла сложить свою жизнь, как хотела бы. Кто тебя просил выходить за него замуж?

— А как бы я иначе детей имела?

— Ну и думай больше о них, раз тебе их надо было. И хватить мудрить. Живи проще.

15.10

Прилетели снегири. Значит и зима не замедлит к нам пожаловать. А пока за один день природа, как на выставке демонстрирует все времена года. С утра дождь. Непролазная грязь. Потом повалил густыми хлопьями снег. Зима. Сейчас выглянуло солнце и напомнило о лете. Снегири весело прыгают по ветвям, в радостном возбуждении трепещут своими крылышками. Я никогда ещё не видала снегирей в такую погоду.

Хочется в природу, а тут надо готовить обед.

А во дворе хрюкает голодный поросёнок, требуя пищи. Что б тебе пусто было!

Просилась с Петром в лес на охоту. Не взял, пожалел: сыро и холодно.

Но обещал взять, когда погода будет лучше.

Стараюсь не давать себе думать ни о чем, кроме своего хозяйства, детях, немного о международных делах (от души радует подъём забастовочного движения, радует безуспешность попыток свергнуть прогрессивные режимы в странах Южной Америки), о предстоящем 24-м съезде. Обо всём спокойно, не волнуясь, согласно инструкции, данной самой себе.

Звонили из редакции. Просили разыскать пожилого удмурта с богатой биографией и написать о нём. Сказали, что понравилась моя статья о Н.А. Зайцевой. А я её писала совсем без души. Надо же было написать о ком-то ко дню учителя. Наше начальство порекомендовало о Н.А… Я и написала. Значит, могу писать и без души? Это уже плохо. А требуемого удмурта я все же постараюсь разыскать. Самой интересно, кто это такой. Что же касается биографии, так её у каждого пожилого человека можно показать, как богатую.

Недаром же говорят: «Жизнь прожить — не поле переехать».

17.10

…Ну вот, кажется, пришла пора расстаться с тобой: это единственный способ преградить доступ хандре. Да и последний приступ головной боли убедил меня, что могу повторить судьбу Алёши, сойти с ума, а это ещё страшнее, чем смерть.

Теперь даже самое доброе отношение твоё ко мне я встречу с недоверием. Уже ничто не сможет восстановить в сознании то, что разрушено тобой. Я — материалист и понимаю, что все психические переживания связываются с глубокими физическими изменениями в клетках головного мозга и чем глубже эти переживания, тем глубже нарушения в деятельности нервной системы. Вот так получилось и у меня. Помнишь, я говорила тебе, что все эти годы ты был рядом со мной? Я не точно тебе сказала: не рядом, а в самой во мне, заполнял всё моё существо. И было так, как в той песне:

Вера, мечты, вдохновенное слово,
Все, что в душе дорогого, святого,-
Все от тебя!

Своим обманом ты предал меня, разрушил всё самое дорогое, светлое, вдохновенное в моей душе.

Почему ты стал единственным для меня? Ну, о твоей способности видеть в женщине человека я уже тебе говорила. Твоя моральная чистота — самая сильная твоя особенность. Почему мне нужен был такой человек? Замуж вышла я, не любя, ради детей. А ты думаешь легко отдавать себя человеку, не чувствуя к нему никакой духовной близости? Быть всю жизнь по существу проституткой? Купаться вечно в этой грязи? Хотелось, бессознательно хотелось чего-то чистого, хотелось отношений душевных, исключающих всякую физическую близость. Такие отношения могли быть только с тобой, потому что найдется только один из 1000 мужчин, чистый в отношениях к женщине. Ты был им, потому стал для меня единственным. Всё разрушил ты. Все нарушил в душе. Появление твоего образа в душе неизменно вызывает боль и нарушение в работе нервной системы. Видишь, как материальное переплелось с идеальным?

Всё последнее время я гнала тебя из моего сознания, силой воли гнала. И, кажется, это мне, наконец, стало удаваться.

Ты не будешь знать об этом, как не знал, кем ты был для меня. Знаю, для тебя я уже не буду рядовой, ну, а ты для меня становишься им. Сейчас я смотрю уже на тебя со стороны, как на

любого другого человека, только лучше вижу твои сильные и слабые стороны, чем в другом человеке.

Чаще стала мелькать мысль, что дневник этот после моей смерти (при жизни, он останется моей тайной, моей душой, и я не расстанусь с ним) может попасть в чужие руки, и люди узнают о тебе то, что не надо бы было им знать, то, что ты открыл только мне. Но ты сам виноват, что появился этот дневник, да и о существовании его ты знаешь. Помнишь, я сказала тебе, что веду дневник и что там три четверти места отведено тебе?

Ты ещё сказал тогда:

«Слишком много внимания». Ты даже не сделал попытки узнать, что же я пишу о тебе в своём дневнике. Видно так уж тебе безразлично это.

Так что не обижайся, если после моей смерти (а может даже и при жизни) люди узнают о тебе, что знаю я.

Чувствую, что и я уже не буду той, какой была, слишком велики нарушения, причинённые тобой. Погас огонь моей души.

Вероятно, это уже последняя беседа с тобой, последнее письмо тебе даже здесь, в дневнике. Конечно, я буду вспоминать тебя, но в душе моей тебя уже не будет. Только окончательно освободившись от мыслей о тебе, я могу быть уверена, что не повторю судьбу моего брата.

Я должна жить, жить ради детей и быть в полном разуме. Я по-прежнему уважаю тебя, ты лучший из людей, которых я знаю, но больше глубокой любви к тебе нет в душе моей. Ты сам разрушил её. Сегодня я и в мыслях своих прощаюсь с тобой. Немного грустно, но в душе уже не щемит, не сжимает сердце от мысли об этом.

Прощай, бывшая радость моя, любовь моя!

Тетрадь 9

19.10.1970

Все-таки я сильнее Алёши. Смогла оторвать от души главное, чем жила. Ну а если и остались в душе маленькие корешки, их будет порвать уже легче. Тем более, что это стало необходимостью для возвращения моего здоровья.

«…Виновник — я, повод — полнейшая дезинформация…», — вспоминается снова.

Нет, ты не только виноват передо мной, ты виноват перед всеми людьми нашего посёлка, виноват в том, что не деловые качества людей, не их идеологическая убежденность, а их личные отношение лично к тебе служат для тебя мерилом ценности человека.

О, ты сейчас будешь благосклонно относиться ко мне, потому что узнал, кем ты был для меня! А во мне сейчас это отношение ко мне будет вызывать в душе только неприязнь. Как раньше в душе разрасталось только хорошее, что было связано с тобой, сейчас будет все больше разрастаться все плохое, что было в отношении ко мне, и оно глубоко-глубоко загонит всё прежнее отношение. Самое бы лучшее было не думать о тебе, что я и стараюсь делать. Не думать ни хорошее, ни плохое. И когда мне это удаётся, а удаётся все чаще и чаще, я чувствую себя совсем здоровой. И все-таки пройдёт несколько лет, прежде чем нервная система успокоится.

Очень хотелось, чтобы ты стал для меня другом, братом. А сейчас уже думаю: «Да зачем мне такой друг? Что мне даст дружба с ним? Ничего. Сделает богаче душой? Нет. Сделает сильнее? Нет. Сделает человечнее? Нет. Когда-то я говорила ему: «Вы мне очень нужны в жизни, как друг, как Пушкин Гоголю, как Ленин Горькому». Сейчас говорю себе:

«Нет, не нужен мне такой человек в жизни, человек, разрушивший всё самое святое в душе, самое чистое и нежное, самое тонкое и большое, не нужен человек, способный на предательство, человек, способный культурно, тактично, вежливо нанести такую боль, какая с трудом переносится. Оставь его, говорю я себе, пусть идёт своей дорогой, а ты иди своей, и пусть ваши пути больше не пересекаются».

Вот пишу сейчас это и радуюсь, что не ощущаю я уже больше боли в душе от того, что прощаюсь с тем, что было когда-то дорого. Пишу спокойно, без слез на глазах и печали.

Вот он сейчас будто стоит в растерянности и неуверенности передо мной, вытащенный из души, как улитка из раковины, а я легонько поворачиваю его спиной ко мне и говорю: «Иди своей дорогой».

23.10

На днях мне позвонили из редакции и попросили написать о хорошем удмурте.

Пошла в завод. Дали хорошего удмурта: Дементьеву Любу. Сходила к ней на квартиру, побеседовала. Узнала в школе, как учатся и ведут себя её дети. Позавчера вечером села писать статью. Написала, прочитала. Ну ничего своего. Одни какие-то общие фразы. Думала, думала, как написать, чтобы своё было. Ну, ничего не приходит в голову и всё. Будто туманом сознание задёрнуло. А вчера утром вдруг всё прояснилось. Плюнула на все домашние дела и села писать. Всё заново написала, прочитала. Понравилось. Не знаю, как редакции понравится.

Петя ходит коситься и сердится на меня. Он ведь так надеялся, что я буду только домохозяйкой.

Нарочно создаёт такие условия, чтобы у меня не было времени на общественные дела. А я просто не могу отдать себя целиком хозяйственным делом. Это же мой долг отдать людям по мере сил моих и мою верность ленинским идеалам, и мою партийность, и мою непримиримость к пьянству и правонарушениям. Я чувствую, что могу сказать (и говорю) письменно ли, устно ли так, как другой не скажет, сказать горячо и убеждённо. А мой благоверный: «Наплевал я на твои дела». Денег ведь тебе за них никто не платит».

В общем, конфликт назревает.

Почему я никогда не боялась смерти? Даже тогда, когда стояла на краю могилы. Никакой надежды не было у меня на выздоровление, когда полуживая приехала домой из Перми. И не было страха у меня перед смертью. Одно только спокойно-философское рассуждение: «Интересно, что я буду чувствовать, когда будет наступать смерть? Как она будет наступать?

Лежу, бывало, в постели и рассуждаю. А ведь совсем молодая была.

Почему я не могу себе сказать: «Я люблю тебя, жизнь». Нет, я и не скажу: «Я не люблю тебя, жизнь».

Просто я совершенно равнодушна, стала к своей индивидуальной жизни. Да и не помню, чтобы была когда-то к ней неравнодушна.

Отчего это? Сама не могу понять, разобраться в себе.

А ведь никогда не была равнодушна к общественной жизни. Равнодушие к окружающему никогда не было присуще мне.

Может быть потому, что так неудачно сложилась моя личная жизнь?

Просто не было её у меня. В детстве и юности я жила жизнью героев читаемых мною книг, потому что была она куда красивее и богаче, чем моя личная. И, наверное, тогда сложилось такое пренебрежительное отношение к своей личной жизни, к своему индивидуальному я. Никогда не думаю о глубокой старости: Я не доживу до неё.

Слишком мне тоскливо жить на свете стало.

25.10

Вспоминается последнее посещение Там. Андр.

— Я все равно не могла бы работать в школе. Постоянно была бы на больничном. Так что не жалейте, что ушла из школы, — говорю я ей. Она молчит.

— Вот вы говорите, что я не всю себя отдала, — продолжаю дальше, — а что бы я ещё могла сделать и что могу сделать? — И жду, напряжённо жду ответа, вся внутренне сжалась, а она молчит.

И потом, или молчит, или соглашается.

Она очень приглашала меня придти. Сейчас думаю: для чего? Вероятнее всего для того, чтобы узнать что-нибудь о том, сокровенном, что неосторожно приоткрыла я перед ней во взбудораженном состоянии в благодарность за ту помощь, которую она оказала мне тогда, в стремлении оправдаться перед ней.

«Ну, нет, дорогая Т.А., больше я ни словом, ни жестом, ни выражением ничего не скажу тебе».

И ни ей, ни кому-либо другому. Не скажу до тех пор, пока буду думать о будущем, пока не буду жить только воспоминаниями о прошлом. Но надеюсь, что я не доживу до этого времени.

Конец духовной жизни, духовного устремления будет для меня концом физической.

Там. Андр. пытается заставить меня говорить о том, о чём хотела бы она. «Никуда не ходите. Наверное, только ко К.А. и ходите. Да?», — спрашивает она меня.

— Да нет, я и туда часто не хожу, — спокойно говорю я. — Просто времени нет, никуда ходить».

И моя Там. Андр. сразу будто теряет ко мне интерес.

Ну какая же она мне душевная подруга?

Смотрит на меня, как на действительно уже пропащего человека.

Ну, это мы ещё посмотрим.

Прочитала статьи о себе: Бересневой Л. В газете от 4 мая 1967 г. и Такаевой Г. от 16 ноября 1969 г.

Люда молодец, поняла самую суть моей жизни, увидела меня саму. Это я в период моей работы, в период моей трудовой жизни (платной). Меньше понравилась Галина статья. Одна мысль только и понравилась: «Она не может прожить без дела, оставаться равнодушной к добру и злу». Это действительно я. Так оно и будет. Это статья в мой переходный период. Уверена, что будет ещё одна статья обо мне того периода, когда я уже буду настоящей пенсионеркой, около шестидесяти лет.

Нет, Там. Андр., не конченный я ещё человек. Я ещё могу что-то сделать. Никогда не погружусь я в своё только хозяйство и семью. Да и заботы о семье будут постоянно уменьшаться.

А хозяйство? Я хожу за нашими животными только из чувства сострадания к ним: нельзя же их оставлять голодными и равнодушно проходить, слыша жалобное мычание коровы и тоскливое повизгивание голодного поросенка.

Сейчас мне будет труднее: Нет моего брата Алеши. Его вера в меня всегда поддерживали меня.

Нет моей Авы, подруги моей верной. Её жизнерадостность была мне тоже большой поддержкой. Нет мамы моей, которая всегда поддерживала меня в общественных делах.

Сейчас я совсем одна. Ни со мной, ни во мне никого нет…

Позвонила К.А… Зовет, есть морковные пироги. Иду.

Все-таки мы дружно живём с К.А..

Объясняю себе, почему, и все-таки до конца объяснить не могу.

Моими поступками нередко руководит какое-то подсознательное чувство. И, к удивлению моему, оно правильно решает вопрос, как поступить.

Если я делаю так, как диктует это подсознательное чувство, мне делается легко и свободно. И потом я убеждаюсь, что поступила правильно. Постоянно говорю себе: правильно сделала, что отправила то «сердитое» письмо В.Г., хотя совсем не знаю, как воспринял он его.

И вот К.А… Это же подсознательное чувство диктует мне доброе к ней отношение. И я чувствую себя легко и хорошо, оттого, что тепло отношусь к ней.

Часто вспоминаю маму…

…Весна в полном разгаре. Яркое солнце заливает слепящим светом двор. Из-под тающего снега, весело журча по ледяному руслу, извиваясь голубоватой змейкой, течёт ручей и разливается под огородом большой лужей, в которую смотрится верба, сплошь усеянная серебристыми почками, едва прикрытыми коричневыми одеяльцами. Мама вывела нас с братом во двор.

— Посмотрите-ка, какая красота! И она рукой обвела двор.

А в вышине торжествующе заливался жаворонок, утверждая пробуждение жизни.

Я на всю жизнь запомнила эту картину и маму, показавшую её прелесть, заполнила и эту вербу у подпёртого кольями огорода и журчащий чистый ручёёк, и звонкую переливчатую песню жаворонка, и море солнце. А разве забудется вот это: Мама была в восторге от нашего «Устного журнала», побывав на нем однажды, и как могла, давала мне возможность заниматься его подготовкой и проведением.

— Ты бы лучше за домом смотрела, чем по клубам бегать, — ворчит, бывало, муж.

Особенно он донимал меня варежками, которые связать никак не хватало времени. И в тот вечер он снова упрекнул меня, что варежки не связала, а ухожу. А мама подаёт ему готовые варежки и говорит: «Да на, ты, свои варежки, только отвяжись от неё». Разве забудешь такое! Или ещё:

Было это в самый тяжелый год моей жизни. Мама уже редко вставала с постели, лежала в пелёнках, потому что под себя мочилась. Я, как могла, скрывала от ребят, мамы и Пети своё горе. А тут не сдержалась. Навалилась на висевшее пальто и глухо застонала, заплакала. Мама сердцем поняла, что мне тяжело, и как в детстве, чтобы успокоить, позвала: «Иди, полежи со мной». Родная моя!

Я не устраиваю специальных поминок, но всегда помню своих отца и маму. Нам, детям их, можно гордиться и мы гордимся ими. И я, и Серёжа, и Алёша, пока жил.

И вот сейчас К.А… Какое-то доброе чувство у меня к ней, будто к маме, о которой я должна заботиться, которой должна помогать.

Сама не пойму, чем питается это чувство. А впрочем, стоит ли ломать голову, откуда взялось это чувство? Есть, живёт, радует меня и её, и хорошо.

Какая тёплая ныне стоит осень! Конец октября, а тепло, как в начале осени. В лесу на лужайках зацвели жёлтые ветреницы. Этого, ещё не хватало!

Страх, что могу заболеть так же, как Алёша, сойти с ума, породил какое-то новое состояние души, тихое, спокойное, как

река, текущая среди широких лугов. И так же, как река текут мои думы вперед. Ни шагу назад. Ни шагу туда, где было горе и боль.

26.10

Буду здорова, напишу книгу о зарождении, развитии и гибели большой, чистой и светлой любви.

Мысли снова перекидываются на международные события. Просто поражаюсь размаху стачечного движения в странах капитала. Никогда ещё не бывало такого. И этот экономический кризис во время войны. Впервые в истории капитализма. Да, мы стоим на грани больших перемен. Дыхание больших событий просто чувствуется, как сейчас чувствуется приближение зимы, несмотря на солнечную, тёплую погоду.

Вспомнилось ещё Тамары Андрияновны: «Вы что, хотите вторую жизнь начать?»

А почему бы и нет?

Человек телом становится с каждым годом всё старее и старее. Телом он не в состоянии пережить вторую молодость.

Душой же он может пережить не только вторую, но и третью молодость.

Для души нет времени.

Душой может человек состариться и в двадцать лет, а может оставаться молодым в девяноста лет. Мне ещё всего пятьдесят лет. Слишком много для тела и слишком мало для души.

Интересно, никогда раньше не замечала, что листья сирени все с нижней стороны покрываются тёмными пятнами, как, будто кто-то их забрызгал грязью. И сирень быстро сбрасывает такое «грязное» платье.

Многие вещи, на которые я раньше не обращала внимания, сейчас стала замечать.

Наверное, потому, что в детстве и юности, погружённая в книги, я вообще не замечала ничего вокруг, а потом просто времени не было для этого.

Своих детей я учу видеть всё. Особенно в природе с её простотой и красотой, и рада, что моя наука не проходит для них бесследно. Они будут счастливее меня, и жизнь их будет полнее и краше.

Просто стало потребностью поговорить с тобой, дневник, мой, единственный друг. С тобой можно обо всём, от всей души. И всегда находится у меня тема для разговора с тобой.

27.10

Дни идут быстро-быстро. Просто не замечаю времени. Тороплюсь, хочу, чтобы осталось время для других дел, а его всё нет и нет. Начинаю возмущаться и тут же одёргиваю себя: «Спокойно, спокойно. Можешь сойти с ума. Можешь причинить непоправимую беду себе и окружающим. Тебе нужно время, чтобы поправить своё здоровье. Пусть спокойно пройдут года два-три. А там будет видно».

«Спокойно, спокойно!» — стало моим девизом сейчас.

Вот думаю, почему все-таки часто мои подсознательные действия оказываются правильными?

Я много думаю над тем или иным событием, оцениваю его согласно моим убеждениям. Все «за» и «против» уходят в нижележащие центры и оставляют след только те, которых больше. Встречается подобная ситуация, и срабатывают так центры подкорковой области, какая реакция там наложила отпечаток на предыдущее подобное событие, пусть даже не из моей личной жизни, но на то, о котором я размышляла. Надя Курченко, бортпроводница самолёта АН-24, захваченного бандитами, бессознательно заслонила дверь, ведущую в кабину лётчиков. Сработала информация, заложенная в подкорковых центрах, вернее, решение, созревшие в коре на подобную ситуацию, свидетелем которой она когда то была и отведённая в подкорковые центры.

Мы одобряем или неодобряем тот или иной поступок свой или другого человека. Согласно своим убеждениям. Всё это накладывает отпечаток на наше сознание. Отпечатки накладываются друг на друга, усиливая или ослабляя, друг друга. Сложившийся сильный отпечаток передаётся в подкорковые центры, связанные с центрами непосредственного действия мышц. Не надо мне, сейчас, по крайней мере, пока не прошло истощение коры, её заболевания (кузнечики по-прежнему трещат в голове, хотя уже меньше) решать, что я буду делать и как мне поступить в том или ином случае.

Принятие любого решения требует большой деятельности коры.

Старайся, Анастасия Николаевна, избегать принимать решения на будущее. Положись на те решения, которые уже сложились. Они правильно определят твоё поведение.

«Человек, помоги себе, прежде всего сам», — изречение, которому я следую всю жизнь.

И правильно, кто лучше знает человека, чем он сам себя? Никто.

Откуда сложилось выражение «сердцем поняла», «сердцем почувствовала»? Ничего человек не понимает и не чувствует

сердцем. Всё в голове, всё в мыслях человека, рождаемых мозгом, в его душе.

Что значит выражение: «Человек живёт сердцем, а не умом?» Человек никогда не живёт сердцем, только умом.

«Голый рассудок», «Холодный рассудок» («Трезвый рассудок», — я бы назвала).

А что может быть ещё в жизни человека, кроме них? И почему мы их осуждаем?

Все-таки изучение естественных наук не прошло для меня даром.

Удивляюсь сейчас, как могло в моей такой «материальной» голове сложиться такое высшее идеальное чувство!

Природа действительно творит чудеса.

28.10

Говорю своему Петру:

— Наконец-то я начинаю привыкать…

— К хозяйственным делам? — быстро подхватывает он.

— Ну да! Ничего подобного! Просто к пенсионному положению.

— Ну, какая ты пенсионерка? Вон Праздникова Маня. Пенсионерка так пенсионерка. Одного поросёнка только выкормила и сдала на 300 руб. А ещё восемь ульев имеет, куры, гуси, уж и говорить нечего.

— Ну и куда же она все эти деньги с хозяйства девает?

— Как куда? Своим детям помогает.

— Это великовозрастным-то помогать? Чтобы они лишнюю бутылку водки могли купить? Ну уж нет. Пусть для себя сами зарабатывают. Вообще, Петр, глубоко ошибаешься ты, если думаешь, что я могу привыкнуть к хозяйственным делам и жить только своими детьми да хозяйством.

— Ничего, привыкнешь, — уверенно говорит он.

— Может быть, — неопределенно отвечаю я, а сама думаю, как я встречу Валю Павлович и Петю Клёсова. Где-то он сейчас, интересно, работает? Если в театре, пойдём с ним в театр. А Валя где?

Вспоминаю ту весну…

Мою первую весну…

…Я не помню, что тогда давали в театре. Помню, была в чёрном шерстяном платье, моём единственном платье, с красными выпуклыми пуговицами. Валя поручила мне передать букетик ландышей своей балерине Алле Шелест, а я раздумывала,

как мне теперь сделать это. Кончилось действие.

— Это вы где взяли такие красивые ландыши? — прозвучал мягкий голос рядом со мной.

Я повернулась. Карие глаза на смуглом лице приветливо смотрели на меня.

— Это не мои. Подруга попросила передать своей балерине, — просто ответила я.

В это время раскрылся занавес, и балерины вышли, раскланиваясь и приседая, на сцену. По примеру других, я кинула букетик на сцену.

— А кто ваша подруга? — не унимался мой сосед. Но совсем неназойливо, просто.

Мне понравилось, что он не всматривается в моё не красивое с курносым носом и некрасивым вырезом губ лицо, а разговаривает как с давней знакомой. Я как-то сразу почувствовала к нему расположение.

Мы сидим и весело разговариваем друг с другом.

— Подруга моя Валя. Мы учимся с ней вместе на одном курсе в университете (в Перми, в институте в тот год второго курса не было, и я второй курс ВУЗа кончала в университете).

— И это в университетском саду, наверное, растут такие ландыши?

— Ну да.

— Вы часто бываете в театре? — снова спрашивает он меня.

— Часто. Сейчас ведь это просто: продашь сто грамм хлеба, и хватает денег на билет.

Я жду, когда ему надоест спрашивать меня. А он снова обращается ко мне:

— Вам нравится музыка Верди?

— Да, очень. Такая душевная, чем-то напоминает Чайковского. А вам?

— Тоже нравится.

— Как вы попали в театр? Вместе со своей частью? — задаю уж теперь вопрос я.

— Нет, просто взял увольнительный.

Я узнаю, что он служит в музвзводе, что им часто приходится играть в горсаду на эстраде для танцующих.

— Там вы можете меня найти, — говорит он.

«Ну вот, этого ещё недоставало, чтобы я кого то разыскивала, Наверняка подумал, что я так уж и побегу к нему», — подумала я про себя.

— Я не умею танцевать, — уже с неприязнью ответила я. А он будто и не заметил моего тона.

— Вон видите, там военный? Это тоже из нашего взвода.

Я молчу.

«Неужели ты не видишь, что я совсем неподходящая для знакомства девушка?» — хотелось мне сказать.

Стараюсь нарочно обратить его внимание на других девушек.

— Какая красивая! — с восторгом говорю я о проходящей мимо нас высокой дивчине.

— Да она же размалеванная, — шепчет он, наклоняясь ко мне.

— Ну и пусть, — упрямо настаиваю я, — все рано красивая. И волосы, и глаза, и цвет лица, и нос. Прямо как на картинке.

Он с удивлением и неудовольствием смотрит на меня, пытаясь что-то сказать. Но тут открывается занавес. Мир звуков, красота и грациозность движений полностью захватывают нас.

— Вы далеко живёте? — как ни в чём не бывало, так же просто обращается мой знакомый ко мне после окончания балета.

— Далеко. Надо ехать на трамвае до вокзала, а там идти пешком.

— Можно я вас провожу?

Я всегда боялась ходить по пустынной улице за вокзалом и теперь даже обрадовалась, что пройду это страшное место не одна.

— Ну что же, проводите, если вам хочется, — ответила я.

Мы не стали ждать трамвая и отправились пешком. Была уже глухая ночь. Только кое-где в окнах сквозь задёрнутые занавесками просвечивали огни. Тихо и немного прохладно. Я, отвечая на его вопросы, рассказываю о себе, своей жизни, учёбе, семье. Спрашиваю о нём. Его зовут Петя, он из Урюпинска. У него больная мать и сестра. Они очень ждут его. На него у них вся надежда. Отца нет. Говорим о своих друзьях и подругах. Руки замёрзли, и он осторожно берёт их в свои, большие и теплые. Вот и «страшная» улица. Она едва освещена огнями вокзала. Из-за углов редких домов, из переулков смотрит на нас темнота. Я благодарна своему спутнику и гордо шагаю рядом с ним.

— Ну, вот мы и пришли, — весело говорю я, взглядывая ему прямо в лицо.

Мы останавливаемся у большего одноэтажного барака. Здесь я живу с семьей Вали.

Я благодарю за то, что проводил. Он крепко жмет мою руку.

— Так приходите в горсад, — просит он на прощание.

— Может и приду.

Потом я изредка вспоминала это знакомство. Так бы оно и кончилось, если бы не новая встреча.

Было начало лета. Мы только что сдали экзамены. В этот день в университете готовился вечер. Я всегда чувствовала себя

неуютно на вечерах и редко ходила на них. Не пошла я и на этот раз, как ни звала меня Валя, тем более, что мне удалось раздобыть билет в театр.

Из театра вместе со всеми бегу на остановку трамвая. Один за другим проходят переполненные трамваи. И вот ещё один. Я вскакиваю на подножку. Слава Богу! Кажется свободно. Вхожу в вагон. И вдруг сразу вижу его, с огромным барабаном.

Мы, молча, смотрим друг на друга.

— Вы из театра?

Я утвердительно киваю головой.

— А я в университете был. Там же у вас вечер. Нарочно попросился с нашим оркестром в университет, чтобы встретить вас. Видите, какой барабан мне дали. Подождите, я его сейчас сдам. Наши в том вагоне едут.

На остановке он сдаёт барабан и на следующей сходит со мной.

Мы долго бродим по городу. Тёплая ночь окутывает нас своей темнотой. Мне хорошо с ним, свободно и просто.

С того времени и началась наша дружба, длившаяся целых четыре года.

Очень запомнилась одна встреча.

Стояла уже поздняя осень. Деревья осыпали своё убранство на садовые дорожки и стояли совсем голые. Я жду Петю на скамейке. Темно. Холодный ветер порывисто раздвигает потемневшие ветви.

«Придет или нет?»

Сквозь завывание ветра слышатся знакомые шаги. «Он!» я быстро бегу навстречу. «Замерзла?» он расстегивает шинель и прижимает меня к себе. Тепло, уютно. Так вдвоём под одной шинелью и добираемся до скамьи.

И длинный-длинный разговор.

— Выходи за меня замуж, — неожиданно просит он меня.

— Что ты! Ты же в армии как я пойду за тебя?

— Ну и чего особенного? Один из нашего взвода тоже женился недавно.

— Нет, Петя, об этом сейчас не может быть и речи. Вот кончится война, ты выйдешь из армии, я кончу институт, тогда и поженимся.

А потом снова это: «Выходи за меня замуж». И снова причина отказаться.

Нет, я не любила его. Просто это была дружба, хорошая, чистая дружба. Он тоже, наконец, понял это.

И вот его последнее письмо: «Я лгал тебе последнее время. Не писал, что познакомился с девушкой. Она совсем такая же, как

ты, маленькая и так же бьётся в жизни. Только ты далеко, а она близко».

Я чуть поплакала, получив это письмо, и пожелала ему счастья в семейной жизни. Это было в августе 1947 г., а в январе 1948 г. я вышла замуж.

Сейчас вспоминая свою молодость, я вспоминаю и того далекого друга.

Жив ли он? Может, и нет уж его на свете. Узнаю, узнаю и встречусь со своей молодостью.

Какой-то он стал и как сейчас встретит меня? Петя был на пять лет старше меня, так же, как и этот Пётр, мой муж.

Везёт мне на Петров!

Иногда я думаю: «Зачем мне гоняться за молодостью?»

И сама себе отвечаю: «нет, не за молодостью я гоняюсь. Просто мне хочется глубже понять и увидеть людей». А для чего это — я и сама пока не знаю. Снова моими желаниями руководят подкорковые центры.

29.10

Вчера было отчётно-выборное партсобрание. Выбрали снова, Сагиду Мих.

Ну, а она, по обыкновению, предложила заместителем меня. Я отказалась. Чувствую себя совсем чужой в школьном коллективе, чужой в школьном здании, как будто я не училась в этой школе, не ходила двадцать пять с лишним лет по широкому школьному коридору учительницей. Начисто перечеркнулось всё в моем сознании.

Получила письмо от моего ученика Буторина Вовы. Пишет:

«Я уже привык к тому, что вы всегда допоздна были в школе. И даже не могу представить вас на пенсии, но думаю, вам дома не сидится, такой уж у вас характер, заботливый, беспокойный».

Эх, Вова, Вова, знал бы ты, что твоя учительница стала совсем другой, что нет уже той Анастасии Николаевны, которая «допоздна была в школе». Есть какая-то другая Анастасия Николаевна, совсем отдельная от школы, другая по характеру.

И ещё пишет:

«Не могу представить, какими мы будем через три года. Взрослые, а в душе, наверное, тоже школяры, любящие пошутить и посмеяться».

И дальше:

«А в Октябрьские праздники бывший десятый класс соберётся где-нибудь, возможно опять у вас, кто-то сбегает в магазин».

Да, я очень хочу, чтобы они снова собрались у меня. Я зачитаю им их сочинения о будущей профессии, которые они писали в десятом классе и которые я бережно храню. Тогда мы поговорим, снова поспорим, как раньше на классных часах, о жизни. Мне они дороги не как мои ученики, а как люди, становление которых прошло на моих глазах. Снова это стремление глубже понять людей, проникнуть в их духовный мир.

30.10

Есть у меня одно качество — способность не стареть душой. Хорошо. Может поэтому, я так долго и хранила свежесть, глубину и чистоту чувств.

Я делаю дела по хозяйству и постоянно думаю о встрече с П.К… Сохранил ли он молодость своей души или тоже алкоголем убил всё?

Мне весело, радостно, что не чувствую себя старой.

Помню, очень понравилось стихотворение Щипачёва:

Седина
Руками волосы поправлю,
Иду, как прежде, молодой,
Но девушки, которым нравлюсь,
Меня давно зовут «седой».
Да и друзья, что помоложе,
Признаться, надоедали мне —
Иной руки пожать не может,
Чтобы не сказать о седине.
Ну что же, были в жарком деле,
Пройдут года — заговорят,
Как мы под тридцать лет седели
И не старели в шестьдесят.

Это совсем про меня, про всех других, пронесших сквозь горнило жизни молодость души и свежесть чувств, пронесших и ненависть, и любовь. Только мне мои молодые друзья не надоели. Приходит К.А и спускает меня с моих заоблачных высот на реальную землю, так же, как и мой Пётр.

Приходит кто-то из моих молодых друзей, мои ученики бывшие, или Тамара Касимова, и я снова молодею душой. Молодая я со своими сыновьями. Всегда почти молодая сама с собой.

Петя — депутат Поссовета. К нему пришла Фалалеева Кости жена Надя. Жалуется, что никакой жизни нет из-за пьянства мужа. Пьет, скандалит, бьёт, гоняет из дома её и детей. Хочет разводиться, просит придти, составить опись имущества.

Большие, серые глаза влажны. Худое бледное лицо. Молодая, а уже морщины.

Ненависть снова загорается в душе, ненависть к тем, кто портит жизнь другим, кто грязной, подлой паутиной запутывает человеческие отношения.

«Вы же люди, люди, а не звери!» — хочется крикнуть так, чтобы крик мой дошёл до души каждого. Нет, слаб мой ещё крик, слаб, потому что не поддерживается он криками других так, чтобы сливался он в мощный набат, призывающий к действию. Я говорю о нашем посёлке. Что я могу сделать? И опять голос: «Спокойно, спокойно, потерпи, наберись сил».

1.11

Зима неумолимо вступает в свои права, как старость. Сыпучий снег прикрыл ребристую дорогу, запутался в сухой траве, насыпался во дворы.

Вчера получила личное поздравление с пятидесятилетним юбилеем Удмуртии от РК КПСС и Райисполкома. Зачем сейчас мне эти знаки внимания от руководства? Слишком поздно!

Часы, юбилейная Ленинская медаль, опять часы, личные поздравления, и все это за два последних года, за время, когда я больше болела, меньше делала и не было ни одного знака одобрения за целых 15 предыдущих лет! Я и не ждала как-то этих наград, работала и работала, порой забывая о сне, о моих маленьких шестерых сыновьях, о еде, об отдыхе, делала, отдавая себя всю. Тогда не отмечали, не награждали. Зачем же сейчас мне эти награды?

К чему они мне?

— Мама, за что тебе дали этот будильничек? — спрашивает меня Вова.

— А ни за что, сын. Просто так. Дали и всё.

— Разве дают «ни за что»?

— Видимо дают, раз дали.

Я знаю, что рождаю в душе сына недоверие, но не буду же я ему врать!

Я, пожалуй, напишу в РК письмо, если они ещё раз окажут мне такую «милость», скажу, что не буду больше получать незаслуженное. Работать же так, чтобы было меня за что

поощрять, я уже больше не смогу. Здоровье не позволит при всём моём желании что-то ещё сделать.

3.11

Господи! Сколько наград! Ещё одну вручили: «Благодарственная грамота» общества «знание» РСФСР. Почему, почему не раньше, когда я действительно заслуживала поощрение?

Вспоминаю сейчас, то время, когда я до двух-четырёх утра просиживала, готовя или статью в газету, или доклад, или выступление на собрании. Благо мои малыши были спокойные и редко ночью меня отрывали от моих занятий. А тут ещё надо и тетради проверить, и к занятиям подготовиться, и штанишки починить, своим сыновьям. Всё успевала, на всё меня хватило, потому что жила душа. Я не чувствовала, не замечала времени. А сейчас?

Снова горький упрек рождается в душе: Почему же раньше я ничего не видела от РК, от руководства нашей партии, делу которой всю жизнь служила, кроме этой голой «оппозиции»? Каждая награда, полученная сейчас, не радует, не поднимает души, а только ранит её, причиняет боль.

Сегодня я снова плачу, горько, по-женски плачу, что не могу уже так работать, как работала раньше, не могу уже служить своим убеждениям, как служила раньше, следовала им.

Как бритвой, срезало мое здоровье, которому ещё совсем недавно завидовали мои коллеги.

Не буря, ураган пронёсся в душе, всё поломал, всё перевернул, почти всё уничтожил и заполнил душу мою жалкими обломками.

Он же принёс, наверное, этих противных кузнечиков, что неумолчно стрекочет днем и ночью в моей голове.

Принять гипотиазид и элениум. Может, усну.

4.11

Нет, не то, что поздно эти награды, а то, что слишком не во время они, слишком незаслуженны, и у меня нет физических сил, чтобы чем-то оправдать эти знаки поощрения. Я ещё себе простить не могу того, как прореагировала, когда узнала, что РК отклонил мою кандидатуру на награждение, отклонил со словами секретаря: «Ну уж это не знаю, что у них вообще в коллективе

делается». Можно было бы к таким словам добавить: «Если выдвигают для награждения такую кандидатуру».

Отказалась читать лекции, писать в газету, проводить политзанятия. Не в этом я обвиняю себя, обвиняю в том, что усомнилась в правильности своих убеждений, в правильности пути, которыми следовали в жизни, всем существом своим, приняв Ленинскую идеологию.

«А может я, неверно делаю? Может вся моя жизнь — сплошное заблуждение?» — десятки раз спрашивала я себя. Сознание отвечало: «Нет, нет и нет». «Тогда почему же эта «оппозиция», которую я постоянно чувствовала, почему это недоверие ко мне и ко всей моей общественной работе со стороны РК? — спрашивала я себя и не могла найти ответа.

Нет, не надо больше вспоминать эти последние годы.

Перемололось, перетерлось всё и надо время, чтобы из «муки» родилось снова что-то живое, деятельное.

В общем, награждать пока меня рано и не за что.

Об этом я и скажу райкомовским работникам.

Как что-то далёкое и туманное вспомнились снова эти слова: «А я вас всегда считал в оппозиции». Вспомнились и подёрнулись снова туманом.

9.11

Прошли октябрьские праздники, как обычно проходят праздники. Ничего интересного, ничего праздничного. Нет, не умеем мы создавать такую обстановку, чтобы люди душой почувствовали этот действительно торжественный день в истории человечества — день начала победы новых отношений между людьми, день, когда началась гибель всяких форм присвоения чужого труда. Были в гостях у Гал. Мих., и Лепихиных. Они были у нас. Разговор о разных текущих думах, спокойный, не оставляющий ничего в душе, не задевающий ни одной струны. Вчера днем пришли ко мне мои бывшие десятиклассники. Я от души рада, что они местом встречи и разговоров между собой сделали нашу квартиру. «У вас собираться стало уже традицией», — говорит Саша З. «Вы по-прежнему у нас классный руководитель», — Борис М.

У них вся жизнь в будущем, всё впереди. Их я оставлю вместо себя в жизни. И им передаю своё отношение к жизни, к людям. Я радуюсь, от души радуюсь, что моё присутствие не стесняет ни их поведения, ни их разговоров. Хорошо! В большие праздники могут приехать и те, кто работает, и те, кто учатся.

Встретимся теперь первого мая. «И вы привезёте букет цветов. Знаете, как красиво будет!» — говорю им на прощание.

«Прошел уже год, а мы вроде совсем не изменились», — говорит Коля З.

«Нет, изменились, у тебя усики появились», — кто-то шутит, вгоняя Колю в краску.

«Пора уже», — отшучивается он, поборов смущение. Нет, через год я попробую навести их на разговор о том, что внутри них изменилось, в отношении к людям и событиям.

О, это будет интересный разговор! Кстати, сказать, им, что храню их сочинения о будущей профессии. Многие уже забыли, о чём писали. Попросили напомнить. «Нет, через три года, когда ребята из армии придут. Так интереснее будет», — решили коллективно.

Вспомнился ещё упрёк: «Набрали молодёжи и вертите ею, как вам вздумается». Нет, совсем неплохо, если молодежь тянет ко мне, к старшему. Неплохо и для меня лично, и для моей страны.

«Слишком много о себе думаете, высоко себя цените», — может быть, сказал бы кто-нибудь, услышав обо мне такое от меня самоё.

11-12.11

Лежала пластом в постели. Неинтересно.

13.11

Позвонил В.Е. Чувашов. Сказал, что 24–25 семинар международников в Ижевске. Очень обрадовалась. Сказала, что обязательно поеду, если буду жива.

17.11

Каждое политзанятие вызывает у меня душевный подъем, даёт моральное удовлетворение. Я рада, что мне удается создавать обстановку, в которой присутствующие открыто, высказывают свои взгляды. Хорошо! Так легче доказывать их несостоятельность, если они неверны. Радует, что по истечении двух часов не остается ни одного слушателя, который бы промолчал.

Я всегда помню, что наша пропаганда должна иметь

активный наступательный характер, и стараюсь придерживаться этого требования.

19.11

Второй день в постели.

А жить надо. В голову лезут всякие обидные и горькие мысли. Хочу не думать о прошлом и не могу.

21.11

Стало немного лучше и снова захотелось в бой, как раньше, во времена «Устного журнала». Я знала, что в бою всегда попадает. Хочешь с чем-то биться, знай, что можешь пострадать. Это я знаю. Трагедия моя в том, что самый сильный удар наносил мне человек, которого любила больше своей жизни. Не поддерживал в бою, а мог. Ум отказывался признавать это, упорно отвергал действительность, отвергал до самого конца, пока не свершилось прямое предательство.

Духовно я выстояла, выдержала. Убеждённость отказалась сильнее. Но пострадало телесное, мозг. Нарушилась регулировка процессов возбуждения и торможения. Нарушилось нормальная регуляция деятельности сердца, кровеносных сосудов, обмена веществ.

Кто его знает, сможет ли всё это восстановиться.

Очень хочу снова быть здоровой не для того, чтобы дольше прожить, а для того, чтобы иметь возможность снова вступить в бой за новое, против пьянства, хулиганства, всех видов присвоения чужого труда, за чистоту и боеспособность нашей партии.

В бою интереснее жить.

Если я умру, не надо мне пышных похорон и богатых памятников. Только очень прошу посадить на моей могиле берёзку, скромную, милую, нежную берёзку, чей тонкий аромат желто-зеленых, клейких, в гармошку листочков я вдыхала весной, ту, что шептала когда-то мне о вечной красоте и радости жизни, которую я так до конца и не узнала. Ту, что не терпела и быстро скидывала с себя золотой наряд, ту, что, погружаясь в зимний сон, была безучастна к тому как её убирала зима, ту, что всегда радует людей своей красотой, напоминает о чем-то чистом, свежем, прекрасном и вечном, как тот мир, что бесконечно зовёт и манит нас в беспредельную даль.

27.11

Пять дней жила в Ижевске. Побывала на приёме у четырех врачей, исследовала кое-какие жидкости, наполняющие мои сосуды и некоторые другие полости, дала вместе с медицинской сестрой рассказать своему сердцу, как оно себя чувствует и как выглядит.

Больше всего след оставило посещение психоневропатолога.

Врач-мужчина лет 30, с крупным ртом и живыми глазами.

— На что жалуетесь?

Я рассказываю о своих недугах.

— И давно у вас так?

— Нет. Год два, два с половиной. До этого всё было хорошо. Моему здоровью даже завидовали.

— Что же произошло, что так повлияло на ваше здоровье? Я спрашиваю это не ради любопытства, а чтобы установить характер вашего заболевания.

— Я потеряла веру в человека, который был для меня единственным.

— Кто он? Мужчина или женщина?

— Мужчина, конечно.

— Ну и что же он вам сделал?

Я молчу. Действительно, что же он мне сделал? Как сказать? Как объяснить? Будто ничего особенного.

— Он был работником Райкома. Кроме основной работы мне приходилось выполнять много и общественной работы, сталкиваться с РК. И я постоянно чувствовала недоверие к себе. Не могла понять, откуда оно исходит, в чём причина его. А потом поняла, что от этого человека. Было очень тяжело убедиться в этом. Я была близка к самоубийству.

— В чем же была причина недоверия к вам?

— До сих пор не знаю.

— Вы работаете учительницей?

— Работала. С осени этого года не работаю. На пенсии.

— Образование ваше?

— Высшее.

Врач выходит из-за стола после заминки в расспросах и просит обождать немного. Потом он уходит и вместо него в кабинете появляется женщина чуть постарше врача с довольно миловидным симпатичным лицом, завитыми, светлыми, рыжеватыми волосами и подкрашенными губами. Садится напротив меня и продолжает допрос.

— У вас есть дети? Муж?

— Есть. У меня шесть сыновей и муж, который уважает и

любит по-своему меня.

— Кем он работает?

— Кочегаром.

— Какая большая разница! Вы — учительница с высшим образованием, он — кочегар.

Я горестно усмехаюсь:

— Не было бы такой разницы, наверное, и не потянуло бы мою душу к другому, и не была бы я здесь у вас.

— Скажите, а тот, другой, знает о вашем чувстве к нему?

— Знает. Через 15 лет пришлось сказать, когда мне стало плохо!

— Почему же вы раньше не говорили ему об этом?

— А зачем?

И мне, и ей понятно, что незачем было говорить.

— Муж замечает ваше состояние?

— Да.

— И что же он вам говорит?

— Брось ты к чёрту эту политику, пока совсем не сдохла.

— Кто-нибудь знал о вашем чувстве?

— Никто. Я и вам-то сейчас говорю обо всем, потому что боюсь, что могу сойти с ума. Просто стала бояться этого. Сойти, как мой брат.

— !? Он моложе или старше вас?

— Моложе на два года.

— Когда это с ним произошло?

— Лет 13 тому назад.

Минутное молчание.

— Ну и как же вы сейчас относитесь к тому человеку?

— Да никак не отношусь. У меня сейчас только одна забота: как здоровье поправить, а остальное меня больше уж ничего и не интересует.

— Но вы думаете о нем?

— Конечно. Разве человек может не думать, не вспоминать о прошлом?

В кабинет снова входит врач — мужчина. Ещё несколько вопросов из биографии моей и брата. Потом они просят выйти меня из кабинета, чтобы иметь возможность посовещаться друг с другом.

Снова приглашение в кабинет.

— Мы должны взять о вас сведения в вашей райбольнице. Вы в больнице Красногорского района лечитесь?

— Нет. Я в Красногорскую больницу не обращалась со своей болезнью и не лечилась там. Так что никаких сведений там на этот счёт обо мне нет.

Я понимаю, что не в больницу они обратятся, а постараются узнать, кто тот человек, который пять лет работал в Валамазкой школе, потом в Красногорском РК КПСС и был оттуда год назад переведён в другой район. И если действительно будут узнавать, то, конечно, узнают.

Ну и пусть.

Итак, то, что я, как великую тайну хранила долгие годы в своей душе, стало известно. Тайна перестала быть тайной. Рос в душе цветок, прекраснее которого нет ничего на свете, тонкий, хрупкий, нежный. Как самый драгоценный дар судьбы я берегла и лелеяла его, сохраняла от чужого глаза. И разросся он, расцвёл пышным цветом. Долгие годы цвёл он в душе, источал чудесный свет, и великое тепло шло от него. Рос для меня. И вдруг чьи-то чужие руки потянулись к нему, начали хватать и щупать его. Цветок запачкался, потерял свою былую красоту. Потом совсем сломался и начал сохнуть….

Посещение больницы что-то ещё переломило в душе, что-то снова изменило в ней. Расчлени любое чувство, будь то горе или радость, любовь или ненависть, помусоль его, и оно потеряет свою силу и остроту. Сейчас даже воспоминание о пережитом не причиняет уже боли.

Как бы человеку ни было тяжело в жизни, он не вправе перестать жить, до тех пор, пока его убыль будет неощутимой, пока его смерть не будет причинять кому-то боль.

Я люблю бывать на семинарах и совещаниях. Они дают пищу для размышлений, подталкивают к размышлениям и не только по тому вопросу, который обсуждается, но и по другим вопросам, которые тебя занимают.

…Кажется я даже здесь, в дневнике пишу тебе последнее письмо. Знаешь, семинар заставил посмотреть на тебя другими глазами, с классовых позиций. И всё, наконец, стало ясно мне.

Я долго думала, почему ты не смог понять меня, не смог разглядеть. Потому, что разные мы люди, по своей идеологии разные, хоть и состоим в одной партии. Всякое я слышала о тебе и хорошее, и плохое. На семинаре встретилась с Якимовой Нат. Ив. И понятно, что не могла она сказать доброе о тебе. Но даже здесь, в дневнике, я не хочу чернить тебя, повторять сказанное ею. Что бы там не говорили, ты — хороший человек, морально чистый, культурный, не глупый, тактичный и обаятельный. Но ты — барин. Были и раньше такие, человечные баре, добрые. Ты одинаково равно относишься ко всем без различия его идеологии. Лишь бы тебя почитали.

Нет у тебя ни большевистской страстности, ни глубокой веры

в победу коммунизма. Для тебя марксистская философия и марксистско-ленинское учение вообще только «высокие материи» как ты выражаешься, и что в практической жизни «не до высоких материй». Для меня же эти «высокие материи» определяют всё моё поведение, моё отношение к людям, к событиям, к труду во всей моей практической деятельности, каких бы малых вопросов она ни касалась. Потому-то ты и не смог понять меня. Помню, как ещё в первые годы ухода из нашей школы подивилась я твоему высказыванию: «Там (т. е. на новой работе) не до высоких материй». Но не придала этому значения. Много лет спустя, при разборе дела Пещерова, ты снова не смог дать поведению Пещерова и нашему принципиальной оценки, сказав тогда: «Никаких особых принципиальных разногласий тут я не вижу». А они были, эти принципиальные разногласия и большие. Барское твоё нутро, усвоенное от родителей, не дает тебе подходить с ленинских позиций к оценке событий, людей.

Не видишь, не ценишь ты и человека труда, непосредственного создателя материальных благ, нет у тебя чувства того, что именно ему ты служишь. Не для него, а для себя и своих удобств ты живешь. Ни в какую борьбу, ни с чем ты не вступишь, боясь за своё положение, никакую грязь оттирать ты не будешь, боясь замараться. О, ты ведь чистый! Где было тебе понять меня. Нет в душе твоей «высоких материй», которые руководили бы твоими действиями, помогали бы выбрать правильное решение, нет высокой цели, которой ты служил бы, а потому тебе труднее и труднее будет в жизни, работе, в отношении к людям, какими бы ты прекрасными внешними и внутренними качествами не обладал.

Нет, разные мы с тобой люди, по своей идеологии разные и не можешь ты идти рядом со мной в жизни. Сожалею сейчас только о том, что поздно поняла всё. Не терзали бы сейчас меня так мои немочи.

Помнишь, я говорила тебе: «Вы пойдёте со мной вместе в душе моей до конца моей жизни». И пошел бы, будь бы ты до самого конца человеком. Но ты предал меня, ложью постарался унизить меня, сам дал повод посмотреть на тебя другими глазами.

Ты не знал, что почти всю мою жизнь шёл со мной, был для меня единственным. Теперь ты знаешь это. А я уже не та. И сегодняшняя я отчуждаю тебя, снова ещё раз говорю: «Иди своей дорогой. Разные наши пути и разный свет освещает их».

Хочу ли я сейчас видеть его? Нет. Не хочу. Надо время, чтобы всё укрепилось в душе.

А потом постараюсь увидеть, чтобы проверить, будет ли, как

прежде, тянуться душа, буду ли я находить наслаждение в его присутствии, как прежде.

Наверное, уже ничего этого не будет. Ну и пусть. Даже теперь уже не грустно от этой мысли.

28.11

Начала этот дневник в дни самых тяжёлых испытаний. А сейчас вдруг пришла мысль, что ведь это — книга, исповедь человека, не представляющего себе жизни лично для себя. Я не расстанусь с ней при жизни своей, потому что она — моя душа, и проверка правильности всех моих выводов будет сама жизнь.

После же смерти моей он будет читаться всеми. Я и хочу этого. И пусть тот, кто первый найдет его после смерти моей, об этом помнит. Прежде всего, я завещаю его своим детям. Вся моя жизнь — для них — моё продолжение жизни.

Об одном ещё очень прошу: Петр Николаевич Колотов — мой муж и Бёрдов Вячеслав Георгиевич должны прочитать этот дневник последними.

Ни в коем случае не должен он попасть сначала в их руки. Иначе он не увидит света. Я не хочу этого. Пусть по заслугам воздаётся честь и мужу, и мне, и В.Г..

Пусть всех троих оценит будущее поколение. На суд его я отдаю наши жизни.

Вот как будто бы и кончилась первая часть.

Скоро Новый год и новый период начнётся в моей жизни.

Это будет уже дневник пенсионерки, человека, которому предоставлено право и возможность заниматься тем, к чему влекут его душа, его убеждения, его интересы.

Пенсионерка. 29.11

Трудяга — машина старательно и бесстрастно полощет бельё, отстирывая грязь. Мерно шумит мотор. А мысли бегут — бегут…

Много думаю о том, что я и как скажу на следующем занятии.

Чувствую, что благодаря моей идеологии, марксистско-ленинской идеологии, я вижу то, что скрыто для других. Иногда возмущаюсь, как люди не видят того или иного. И сама же себе говорю: «Чтобы видеть вперёд, надо познать законы марксистской философии и не только познать, но и уверовать в них».

В конце года я проведу анкету среди моих слушателей о том, что им понравилось в политзанятиях и что не понравилось, что

они дали или, чего они хотели бы от политзанятий, что им нравиться и что не нравиться в самом руководителе политзанятий, как пропагандисте.

30.11

Вьётся в воздухе рой белых мушек, спеша опуститься мягко на землю. Природа будто торопится тоже выполнить и перевыполнить план по снабжению земли осадками к Новому году.

Моя будущая жизнь, кажется, начинает проясняться, и я становлюсь спокойнее и увереннее в себе.

Хорошо на заводе, на будущий год, если разрешат, поведу политзанятия уже в двух местах. Ну, и участие в газете. Вспоминалась ещё статья обо мне «Ёе призвание» (28.11.1970 г.). Да, пропагандистская (философская и политическая) работа — моё призвание. В этой работе я нахожу удовлетворение. И совсем не важно, оплачивается она или нет. Важно, что она, сейчас особенно, в период смертельной схватки со старым миром, очень нужна и приносит мне моральное удовлетворение. Человеку верят только тогда, когда у него есть моральное право говорить так, как говорит, когда вся его жизнь подтверждается его словами. Мне пока верят. И что меня радует, так это то, что удаётся людей вызвать на откровенный разговор.

И ещё я буду ездить. Много ездить, если позволит здоровье. Ничто не даёт столько материала для размышлений как живое общение с людьми разных социальных групп и положений. Ну, а семья? Дети? Муж?

Дети скоро сами уже будут в состоянии обслуживать себя, без моей помощи. Муж скоро выйдет на пенсию, и с хозяйственными делами сам будет справляться. Будет обходиться без моей помощи — хорошо, потребуется моя помощь — помогу, если не будет пить. Будет пить — уеду совсем. Слишком большая роскошь для общества — использовать меня только для того, чтобы удержать одного человека от пьянки. Я могу сделать большее. И буду делать то, что потребует от меня полной отдачи моих сил с наибольшей пользой. Нечего и размышлять, как и где это произойдет. Жизнь сама подскажет.

Пишу, как будто программу составляю на будущее. И самой интересно, что же будет выполнено и как из этой программы, на что хватит моих сил и способностей.

Поживём, увидим. Главное — идти вперёд. Идти спокойно, уверенно.

6.12

Побывала ещё на одном семинаре. Интересный был очень. Семинар философов — пропагандистов. Было человек 30–35. И порой тут же, после лекции завязывался спор. Здорово! Особенно много спорили о том, где рождается прибавочная стоимость. У некоторых лекторов и вообще у некоторых работников умственного труда, у руководителей особенно, наметилась тенденция считать себя не людьми, потребляющими материальные блага, а людьми, создающими их. И я очень была рада, что большинство присутствующих, так же, как и я, считают, что прибавочная стоимость и вообще стоимость, создается только людьми, занятыми непосредственно в сфере материального производства. Рабочий, следящий за работой автоматов (а это уже не простой рабочий физического труда, а больше умственного труда) наладчик, инженер, стоящий у пульта управления поточной линии — всё это люди, занятые непосредственно в сфере материального производства. Они — создатели материальных благ, создатели стоимости. И, по моему глубокому убеждению, не руководители, а люди, производства материальных благ должны получать наивысшую зарплату. Они — работники одновременно и умственного, и физического труда, причём доля умственного труда будет преобладать значительно над долей физического — у непосредственных создателей материальных благ. Наибольшее значение для общества представляют люди, создающие непосредственно материальные блага. Именно они двигаю историю человечества вперёд. Именно они достойны всяческого уважения и заботы со стороны тех, кто призван этими людьми труда руководить, служить им.

6.12

Знаю, у меня масса отрицательных сторон, о которых я очень хотела бы услышать от людей. Но они молчат.

В моей реакции на отказ в награждении, вероятно, какую-то роль сыграло честолюбие. Я глушу этого червя в своей душе и чувствую, что мне уже удаётся многое тут сделать.

С самого первого класса меня всегда хвалили за учёбу, за поведение, за всё. И я просто привыкла к этому. Не для похвалы, не для себя, я делаю что-либо для людей. Но за хорошее дело как-то хотелось одобрения, потому что раньше, в школе, в техникуме, в институте я всегда его получала и привыкла к нему.

Всё пережитое как-то и тут наложило отпечаток в душе.

Теперь уж я очень редко одобряю себя в душе, если сделаю что-то хорошее для людей. Просто это стало уже для меня нормой моего поведения. И я радуюсь этому. Но нет у меня ещё должной внимательности к людям. Слишком много я уделяю места самоанализу своих поступков, внутренней оценки их. Пора уже отказаться от этого и больше думать о людях. Хочется, очень хочется, чтобы был кто-то рядом близкий моей душе. А никого нет. Хочется с кем-то говорить, спорить, убеждать, самой как-то становиться богаче душой. Когда я езжу, я не чувствую ни тоски, ни одиночества. Само по себе движение вперёд действует на меня ободряюще. Праздник для меня, если встречаю человека, с кем можно поспорить.

Вот и политзанятия, которые провожу. Я ухожу с них сама духовно богаче. Хочется знать всё больше и больше. Не знаю, как мои слушатели чувствуют себя после занятий.

Я все-таки спрошу их об этом в конце года анкетой.

Интересно отношение ко мне моего мужа. Он трудолюбив, любит наших детей. Сейчас у него все мысли о них. Гордится ими и, вероятно, чувствует, что без меня они едва ли были бы такими. И меня он не столько любит, сколько гордиться мной, уважает. Он, верно, уже привыкает к моим частым поездкам. Чувствует, вероятно, что если будет протестовать против них, я совсем уйду от него. Нет, я не порву резко с ним. Я просто потихоньку, по мере того, как наши дети будут приобретать самостоятельность, отучу его от себя. Отучу безболезненно. И останусь одна. Нет, не одна, останусь со всеми.

И ещё о К.А… Тут тоже решено. Я всегда приду её на помощь, если она будет нуждаться в ней. Раз, назвав её своей, в душе, я уже не изменю ей, не обману её доверия к себе, даже если помощь ей потребует отказа от моих личных стремлений.

Никогда в жизни я не обманывала доверия к себе, не обману и тут.

Интересный мой Пётр. Чем чаще я стала ездить, тем меньше он стал пить. Все-таки боится потерять меня. Пьяница — преступник, заслуживающий наказания. Никогда рядом со мной живущий не будет пьяницей или вообще каким-либо наркоманом, как никогда не буду наркоманом я сама.

Для меня превыше всего человеческий разум и я отвергаю всё, что мешает его развитию.

Рассуждаю так, как будто впереди у меня целая жизнь.

Но право, же здоровье моё становится уже лучше. Я становлюсь спокойнее. Даже кузнечики в голове начинают сбавлять свою трескотню.

Да и сколько бы я ни прожила, мало ли, много ли, я никогда

и нигде не изменю заветам великого Ленина, всегда и впредь буду стараться поступать так, как он учил. Пусть это у меня будет по-прежнему не всегда во всём получаться, но даже если немного в чём-то получится, это уже большое дело. Не гадать, не думать, как и что я буду делать. Просто стараться всегда и во всём быть человеком.

Два раза в своей жизни человеку приходится решать, как дальше жить, приходится определить своё место в жизни.

Первый раз тогда, когда вступает в самостоятельную жизнь, вернее, перед вступлением в самостоятельную жизнь, трудовую жизнь.

Второй раз — когда выходит на пенсию, когда физические силы уже не позволяют заниматься привычным трудом, но они дают возможность что-то ещё дать для общества.

И в том, и в другом случае слишком тяжелыми складывались для меня условия для принятия решения.

Считаю, что правильно определила своё назначение в обществе в период моей основной жизни. Дай мне вторую жизнь, и я прожила бы её так же. Не моя вина, что не могла выбрать себе профессии по душе. Но я честно старалась дать как можно больше на своей работе. Не моя вина, что полюбила человека, который не смог стать человеком во всем, но я никогда не оболью его грязью за это. Нельзя требовать от человека того, чего он не может дать. Я просто отчуждаю его от себя, от души своей. Не моя вина, что я не могла целиком посвятить себя своим детям, но я честно старалась выполнить свой материнский и гражданский долг перед своими детьми.

Не моя вина и в том, что нет больше места на земле, где бы согрелась моя душа, нет больше друга у меня, с кем бы могла почерпнуть новые силы, но я стараюсь не унывать. Так уж сложилась моя жизнь.

И как бы она ни пошла дальше, я постараюсь сделать всё, чтобы остаток дней моих отдать своим детям и людям, отдать с полной отдачей моих духовных сил. И если это будет зависать от меня, умереть тогда, когда не останется уже во мне ни духовных, ни физических сил, когда моя убыль не будет ни для кого болезненна.

Сейчас я, наверное, уже ещё реже буду заглядывать сюда, потому что вся моя жизнь и внутренняя и наружная будет на виду. Едва ли будет что-нибудь такое, что бы я могла рассказать только тебе, мой верный друг и товарищ, моя душа — дневник.

14.12

Снова новая размолвка с Петром.

Поводом послужило моё недовольство, что принёс в печь совершению сырые дрова, которые не горят, хотя есть сухие. Ох, какой взрыв негодования вызвало моё замечание! Но сырые дрова — это только повод. Причина не в этом. Уже несколько дней подряд ко мне приходят люди разные, с разными вопросами. Вот Жуйкова Н. развели с мужем неверно. Просит помочь, как сделать, чтобы раздел имущества был справедливый. Объясняю. Вот Базуева. Увольняют по сокращению. А она — ударник коммунистического труда, больная, семейная. Просит написать заявление в местком. Пишу. Вот Каблукова А., неправильно выплачивают зарплату после родов. Звоню Карпову, бухгалтеру лыжного завода, узнаю, как это должно быть. Вот Копылова А.Д. ходит часто, просит вывести на чистую воду завпекарней, которая совсем обнаглела в своем воровстве и т. д и т. п.

И я не могу отказать людям, если могу помочь чем-то. Петр недоволен.

— Какое тебе дело? Ты что, депутат, что ли?

— Да я же народный заседатель и обязана это делать, — защищаюсь я, хотя знаю, что идут они ко мне не как к народному заседателю, а просто как к человеку. Вот это хождение и послужило причиной размолвки.

Позвонили из РК партии. Сообщили, что могут выделить 20 билетов на «Балет на льду» в Глазов. «Балет на льду»? Это же прекрасно! Берусь организовать поездку. Звоню Сагиде Михайловне. Она тоже поддерживает мою мысль. Вопрос упирается в транспорт. Звоню Н.Д. Жукову. С его помощью удалось договориться с транспортом. Билеты за проезд? Звоню в РК нашего союза Сидорову. Договариваемся.

Звоню Мих. Ал.:

— Может школа тоже выделит немного средств за счёт спецсчёта?

Следует пространная речь об отсутствии таких средств, о том, почему не обратились раньше и т. д., и, наконец:

— А вам то, какое дело до всего этого?

Какое вы отношение имеете ко всему этому?

Это вместо благодарности, что стараюсь, чтобы учителя получили удовольствие, получили что-то для души.

Ох, какой же он все-таки чёрствый!

Поездка все-таки общими силами организована. Едем. Всем весело, а обо мне уж и говорить нечего….

Балет. Особенно понравился танец по музыке Шостаковича и балет «Лунная соната» Бетховена. Больше всего — последнее. Возбужденная, радостная приезжаю домой. Дома гора посуды,

пустой бак для воды.

— Что же вы хоть воды-то не принесли? — спрашиваю Петю.

— Ты будешь разъезжать по балетам, а мы тут всё делать должны?

Горькая обида поднялась в душе. В какой-то раз получила удовольствие, хоть что-то для души, хоть какой-то подъем и вот…

— Петя, ты ходишь на охоту даже на ночевую. Я не запрещаю тебе, потому что это тебе доставляет удовольствие. Ты вывозишь дрова или сено. Я не заставляю тебя расплачиваться деньгами, покупаю тебе пол-литра, потому что это тебе доставляет удовольствие. Покупаю, хотя ненавижу пьянства, и ты это знаешь. Почему же ты не хочешь ничего дать мне для души? Почему у тебя вызывает недовольство все, что обогащает мою душу? Пойми, я тоже человек и для моей души тоже что-то надо. Ты пойми это. Ты хочешь превратить меня в домохозяйку, которая ничего бы не знала, ничем бы не интересовалась, кроме хозяйства и детей? Пойми, я не смогу быть ею, это противно всему моему существу. Готовлюсь к политзанятию, а ты: «Наплевал бы на твоё политзанятие. Денег ведь тебе за это не платят». Начинаю готовиться к лекции, делюсь с тобой с таким вдохновением мыслями, а ты: «Нужна мне твоя лекция!»

Да как же мне жить-то с тобой? Пойми, я не могу быть другой. Ты всё надеешься, что я смирюсь, с меня же никто не спрашивает эту всю работу. Не смирюсь. Будешь мешать мне, уеду, уеду от тебя.

— Ну и поезжай.

Не понимает, ну ничего не понимает. Нельзя жить и разойтись пока нельзя — дети. Что делать, как быть?

Иду за советом к Лепихиным.

— Что делать? Я не могу не идти к людям с беседой или лекцией, не могу не проводить политзанятия, не могу отказать людям, если они просят помощи. А у меня не остается на это времени. Вся почти домашняя работа переложила на меня. Петя все делает, чтобы у меня кроме хозяйства ни на что не оставалось бы времени.

— Но у вас, же дети. Ради них вы должны отказаться от общественной работы, — говорит Иосиф Егор. Иначе разрушиться семья.

— Да не могу я этого сделать, даже ради детей не могу. Пётр будет знать только своё хозяйство, я — тоже. Кто же вырастет из наших детей? Обыватели, мещане, которым до других и до общественных дел наплевать.

— Что делать?

— Как же вы раньше жили?

Раньше я работала, получала почти вдвое больше его, статьи в газеты, доклады, выступления, «Устный журнал», — все готовила по ночам. Он не протестовал. Он мечтал, что после выхода на пенсию я буду выполнять все домашние дела и забуду об общественных. А я мечтала, что с уходом из школы я ещё больше могу отдать себя общественным делам, партийным делам, идеологической работе, печати нашей.

А теперь всё получается наоборот.

Что делать? Снова и снова задавала я вопрос.

— Надо подумать, — отвечают.

Нет, мне самой надо будет искать выход. Не помогут, знаю, они.

Но пусть потом не винят меня, что ни к кому не обращалась за помощью, ни с кем не советовалась.

Начался день. И снова звонки, посетители…. Звонок с просьбой придти в 9-ый класс с беседой. А в прихожей ждёт Копылова А.Д… Так вот пенсионеру «нечего» делать. А ещё надо договориться о статье в газету, а ещё…. И как горек этот упрёк: «Это вам нечего делать. Можете сколько угодно спать».

Эх, «друзья»! где они?

Нет их у меня. Одна. Совсем одна. И только одна могучая сила помогает мне — моё убеждение в правоте дела Ленина, которому буду служить всю жизнь, как бы трудно мне не пришлось.

Снова пришла Жуйкова Н. Просит помочь.

Как же я откажу людям? Для чего же тогда на свете жить? И кто же тогда вырастет из моих детей, если и я, и Пётр будем глухи к просьбам людей?

Нет, не могу я жить только своим хозяйством. Но стоит мне включиться в общественные дела, они захватывают меня целиком, всю без остатка.

15.12

Все-таки больше всех меня привлекает печать, потому что она — связывающее звено между простыми людьми труда и руководством.

И потом, очень велика её роль как средства воспитания.

Газета должна отражать не только успехи, не только то, что достигнуто, но и главным образом то, как достигнуто.

Работа пропагандиста мне тоже нравится и даёт мне моральное удовлетворение.

Я часто хожу на беседы в школу, потому что возраст учеников

9-го — 10-го класса больше всего доступен восприятию того или иного мировоззрения и надо, чтобы, конечно же, воспринималось наше мировоззрение, наши убеждения.

С Петром договорённость: он не будет мне мешать в моей общественной работе. Все-таки боится потерять меня.

22.12

Пришла К.А… Сказала, что в Киясовском районе конференция была 19-го декабря.

— Как вы узнали? — говорю.

— Светлана Викторовна приезжала, сказала. Они ведь постоянную связь с В.Г. держат».

И снова при этих словах заныло в душе. Боль ли это незажившей ещё раны, или тоска по утерянной радости встречи в мыслях, или глубоко уязвлённое самолюбие — сама не могу понять.

Но чувствую, что не стало в душе того, что поднимало её, рождало порыв и увлечённость.

Пришла вчера с политзанятий. И неплохо оно прошло, а пришла такая разбитая, будто пузырь, из которого вышел воздух.

Не стало того, что рождает взлёт души. И теряется как-то уверенность в себе и душевные силы.

Ко дню моего рождения пишет Саша Зайцев: «И чтобы вашу сотню лет мы встретили всем нашим громадным классом».

Нет, не прожить мне сто лет с таким состоянием души.

Борис Морозов: «…быть такой же бодрой, энергичной и жизнеутверждающей, какой мы вас помним и никогда не забудем».

Дай бог вам, мои дорогие друзья найти в жизни то, что рождало, эту жизнерадостность.

Я ведь только сейчас при встрече с вами и оживаю душой, хорошие мои. В ваших поздравлениях и письмах, в вашем уважении ко мне черпаю духовную силу.

От всей души хочется сказать вам: «Большое спасибо, мои друзья».

31.12

Вчера вышла «Победа», с моей статьей «По какому праву», о Колотовой Людмиле Н… Здорово она у меня получилась и по содержанию и по стилю, потому что писалась от души.

Нет, не в декабре она складывалась в душе, а гораздо раньше.

Начало положила К.А., сообщив однажды, что вчера звонил Люде В.Г. и разговаривал о чём-то.

Ох, как всколыхнулась душа тогда! Ей звонит, а мне, готовой отдать что угодно за одно его слово, сказанное мне, никогда не позвонит, не спросит о жизни.

Людмила Николаевна ему ближе, потому что умеет льстить и угождать власть имущим. А им какое дело до того, как относится она к людям, лишь бы им угождали. Постепенно накапливались факты её бездушного отношения к людям.

«Это В.Г. её постарался устроить на такое тёпленькое место», — сказал мне кто-то.

Последней каплей, переполнившей душу неприязнью к ней, явился её отказ принять посылку у меня, когда я пришла 22 минуты пятого.

«Говорил я тогда», — В.Г., что зря тут её рекомендуешь.

Он только рассмеялся:

— Ладно, пусть, мол, работает, — рассказывал Н.Д., когда я решила узнать, как воспримет он моё решение написать в газету о Л.Н.

И вот статья вышла. Кажется, ещё ни одна статья, написанная мной в «Победу», не вызывала у подавляющего большинства жителей посёлка такого одобрения.

Её читали, её прорабатывали группами, обсуждали. А мне все, с кем бы я ни встретилась, говорили:

«Правильно», «Давно бы надо тряхнуть», «Здорово написано!»

И выражали озабоченность: «Неужели её ещё после этого оставят тут?»

Я знаю всё новые и новые факты ее нечеловечного отношения к людям, а в голове постоянно мысль: «Вот кого ты, В.Г., поставил начальником над людьми только потому, что угождала тебе и твоей жене. Какое дело было тебе до того, как она относится к людям! Лишь бы тебе угождала. А сколько горьких минут доставила она ни в чём неповинным людям!

Нет, я не умела угождать людям только потому, что они занимают руководящий пост. Я любила и уважала тебя просто как человека, без различия занимаемого тобой поста. И ты жестоко наказал меня за это.

Вот сейчас лежит передо мной эта статья, а у меня мысль: «Вот, полюбуйся на уважаемую тобой Л.Н., посмотри, что она собой представляет, полюбуйся на человека, близкого тебе».

Невольно приходит на ум изречение: «Скажи мне, кто твои друзья, и я скажу, кто ты».

Видишь, новый год я встречаю снова с мыслью о тебе, только уж с другой мыслью.

Кончается 1970 год.

Какие самые главные события знаменовали его на мой взгляд?

В международной жизни:

1. Заключение договора о признании границ Европейских государств и ныне и потом между ФРГ и СССР.

2. События в Чили. На Американском континенте Куба проложила путь к социализму военным путем, Чили проложит этот путь мирным путем Американский континент, где разместилась цитадель империализма — США, явится примером мирных и немирных путей перехода к социализму.

В жизни страны:

Признание необходимости научно-технической революции, борьбы за повышение производительности труда и самое главное, признание необходимости борьбы с пьянством, повышение ответственности за звание коммуниста.

В жизни посёлка: без больших перемен.

В личной жизни: Я нахожу своё призвание, своё место в жизни. Освобождаюсь от всего старого.

В семейной жизни: Вернулся из армии 18 декабря Коля. Пётр смиряется с моим участием в общественной жизни.

Прошёл ещё один год. Человечество и вместе с ним я поднялись ещё на одну ступеньку выше.

Нет, не кончается жизнь человека с гибелью его тела. Его душа, мысли его, и дела его продолжают жить, обогащаясь, поднимаясь всё выше и выше.

Двести лет прошло со дня рождения Бетховена, а творения его продолжают и до сего времени волновать души людей, как будто бы они созданы сегодня.

Жизнь вступает в новый 1971 год. Богат будет он событиями. Ещё богаче, чем предыдущий.

31.12.90 г. — 1.01.71 г.

Пришли Коля со Светой. Позвала Там. Мих… Накормила всех пельменями. Чуть выпили Света молодец, совсем не пьет.

Позвонила Сагида Михайловна. Велела срочно захватить пластинки и идти в спортзал. Пошла. Петя не захотел: «Не интересно. Чего я там буду делать?»

В спортзале собралось человек двадцать, учителей совсем

немного. Удивляюсь, почему люди перестали бывать в коллективе. Так же весело!

Каждый в одиночку. Чего интересного? Потанцевать до упаду, подурачиться, покружиться вокруг елки с разными выдумками, без лишнего опьянения — это так же весело и интересно!

Внезапно потух свет. Не повезло. Хотели пойти в школу из спортзала. Заупрямилась жена Глеба Глебов. — нашего врача. Настроение всей компании испорчено. Разбрелись кто куда. А ночь такая хорошая. Снежинки, отливая серебром в свете электричества, тихо опускаются в рыхлый снег. И сам он искрится в лучах света. Свежий воздух, как жизнь, вливается в тело. Хочется чего-то необычного, радостного, весёлого. Времени четвёртый час. А спать совсем не хочется. Четвертый час нового 1971 г. Хочется веселья, а надо идти в постель, Пётр давно зовёт.

Здравствуй, новый 1971 год! Что-то ты принесешь нам, мне, людям нашего посёлка, всему человечеству?

4.01

Такая страшная хандра, какая временами накатывала на меня, уже не приходит сейчас. Но ощущение духовной пустоты и усталости нет — нет, да и заглянет ко мне.

И становится тогда мне всё безразлично. И жить совсем становится не интересно.

«И скучно, и грустно, и некому руку подать в минуту душевной тревоги».

Как часто приходят на ум эти Лермонтовские слова!

Где я совершила ошибку, почему нет полного удовлетворения жизнью?

Нет, не моя вина, что осталась в конце жизненного пути без близких моей душе людей.

Ну, кончай писать, Анастасия Николаевна, и отбрось силой воли своей эти тоскливые и ненужные в жизни мысли. Что поделаешь? Так уж складывается твоя судьба. И хватит стонать. Вспомни Аву свою.

Вот кому действительно можно было жаловаться на судьбу. А ты…

Постыдись!

22.01

В пути и в гостях.

Что больше всего запомнилось из поездки с Колей к Светлане в Верхнюю Салду?

…Автобус быстро катит по шоссейной дороге, проложенной прямо по Уральским горам. Я впервые вижу природу Урала, пусть пока из окон автобуса. Камни и скалы, прикрытые снегом. Тонкие, стройные сосны тянутся кверху. Как много среди них с кривыми сучьями, а порой и стволами!

Не балует суровый Урал своих питомцев. Особенно плохо нашей нежной берёзке. Сколько их в скорбном молчании склонили свои вершины к земле, изогнув дугой слабые стволы! А в распадке между нагромождением обломков скал торчат, в разные стороны, растопырив кривые ветви, ели, будто небрежно воткнутые в снег необтёсанные колья.

Смотришь на эту незнакомую тебе природу, и какое-то радостное чувство хозяина зарождается в душе. «Всё это твоё», — как будто говорит этот могучий суровый Урал, который встает перед тобой в образе огромного бородатого старца, как тот монумент перед зданием вокзала в Челябинске.

Захотелось полазить по этим скалам летом и посмотреть, что и как на них и возле них растёт. Приедет Сергей из армии мы, пожалуй, совершим поход от Нижнего Тагила до В — Саиды по горам вдоль шоссе.

И ещё рождается благодарность тем, кто среди дикой природы проложил это шоссе, что тянется прямо через горы и долины, через скалы и леса без крутых поворотов, подъёмов и спусков на сотни километров. Сколько труда вложили тут люди, чтобы другие вот так спокойно без тряски могли ехать и любоваться природой!

В памяти остался ещё один разговор между рабочими в очереди за обедом. «Ты посмотри, во всех почти индийских картинках легковые машины наших марок: «Москвич» или «Волга». «Да разве только в Индии наши машины? В других странах их тоже немало». И гордость, рабочая гордость сквозит в их словах.

С 15.01 я снова дома. Сегодня пришла К.А. Разговорились о Люде Колотовой. «Был бы В.Г. в районе, он бы обязательно её защитил», — говорю я. «А может быть, и нет», — возражает К.А.

«Защитил бы, обязательно защитил, — настаиваю я. — Он ведь любит, если ему угождают. Очень ему надо, как она относится к людям». К.А. обиженно, как мне кажется, замолкает. Я понимаю её. Она мать, для которой её дети не могут быть плохими и злюсь на себя, что не сдержалась. Злюсь на В.Г., что заставил так думать и говорить о нём.

Снова всё замутилось в душе, словно что-то ударило в голову,

страшная слабость охватила всё тело. Ложусь в постель. Плохо с сердцем. Вечером снова заходит К.А.

— Вы что опять заболели? — сочувственно спрашивает меня.

— Заболела, — говорю.

— Ну, что опять с вами?

Рассказываю, как первый раз заболела гипертонией, и что потом обострило заболевание.

«А вы не обращайте внимания на них. Я тоже уже не стала обращать», — советует К.А.

«Если бы могла!» — с каким-то отчаянием и смелостью говорю я.

И сама удивляюсь над собой: что-то в моей душе?

«Пойдемте, — говорю, — походим по улице. Может мне легче будет». Она соглашается, и мы бредём по дороге, разговариваем о разных делах. Мне и вправду становится легче.

23.01

Целый день в постели. Хочется, очень хочется принять лекарство, которое разом бы покончило со всеми моими душевными муками.

Сегодня у К.А. день рождение. Надо как-то пересилить себя и пойти вечером к ней. Пойти, чтобы не обидеть её, чтобы доставить ей радость.

Нет, верно, так до могилы моей будет шагать со мной неизбывное горе, как раньше шагала светлая радость.

28.01

24-го снова постель. 25-го, пересилив себя, решила поехать в Ижевск на семинар международников. Перед отъездом написала и послала письмо в Киясово с вопросом «За что?» За что обманул доверие, за что сказал неправду, унизив ею меня, за что лишил светлого чувства, за что доставил душевную муку.

Уверена, что не ответит. Да и что он может ответить? Не хватит у него на это ни душевного богатства, ни душевной щедрости, ни человеческого благородства. И все-таки как трудно поверить в это, как мучительно больно.

И семинар не дал ничего нового. Завтра приглашают на семинар рабселькоров в Красногорское. Наверное, поеду. Как-то надо скинуть это вновь пришедшее душевное оцепенение.

Мой Петро возмущается моими частыми поездками. Я

понимаю, ему тяжело одному и справляться с хозяйством и работать. Но что я могу поделать, если не могу иначе жить?

Если жить, ничего не делая для коллектива, для людей, жить только своей семьей и хозяйством для меня невозможно?

31.01

Снова черная тень, шагает рядом со мной тоска по потерянному счастью. Она становится то больше, то меньше, но никогда не исчезает совсем, что бы я ни делала.

«Мама, ты у нас какая-то особенная мама», — как-то недавно сказал мне мой сын Саша.

— А что у меня особенного? — спрашиваю.

— Да какая-то не такая, как все мамы.

Как бы ни таила я глубоко свое горе, оно нет-нет, да и прорывается наружу.

Я могу писать статьи, могу прочитать лекцию, и говорят, неплохо это у меня, получается, могу вести занятия в политшколе (тоже, говорят неплохо, получается) могу ещё что-то делать, но душой я уже мертва. Страшно сказать это, признаться в этом. Наступила полоса просто какого-то оцепенения, которое я уже не в силах стряхнуть.

«Как странно! Мне так легко. Болезнь прошла, всем страданиям конец», — говорит Виолетта из «Травиаты» умирая.

А мне ещё долго не будет легко, долго, пока дети не встанут на свои ноги.

Я честно постараюсь выполнить свой долг матери перед детьми. А как трудно стало жить! Спасибо большое моему Петру. После того разговора он понял, наконец, что не в силах сделать из меня кого хотел бы. Понял и…примирился с этим. Принял меня такую, какая есть, и сейчас уже не протестует, чтобы я ни делала, куда бы ни поехала, хотя порой и возмущается моими отлучками. Мне нужны эти поездки, чтобы выжить эти 5–6 лет, пока подрастут дети.

Завтра политзанятие. А я и к ним уже стала заставлять себя готовиться. Просто не хочется терять веру в себя у отдела пропаганды и агитации РК КПСС.

Господи! Как мне холодно и одиноко в жизни! Одна, совсем одна.

Есть у Андерсена Нексе выражение: «Пассажиры незанятых мест». Так вот я стала таким пассажиром.

А может быть, я просто не ценю того, что имею? У меня есть здоровые, хорошие, неглупые дети, есть преданный и верный мне

мой Петро, моё творение. (Это сейчас верный только). Нет, просто человек всегда от жизни хочет больше, что он имеет.

06.02

«С выходом на пенсию для меня начнётся новая жизнь. Какой-то она будет?» — спрашивала я своё будущее. Сейчас она уже вполне определилась, эта «новая жизнь». Сейчас мне и смешно, и грустно над этим ожиданием: что может сделать человек, если на исходе его и духовные, и физические силы? Очень немногое.

Почему я скоро израсходовала свои духовные силы? Потому что не было поддержки со стороны тех, откуда ждала её…. Больше не надо об этом. Какая ныне мягкая, теплая зима! Будто запрятала далеко она суровые морозы, метели и снежные ураганы и нет у них сил, вырваться наружу. Температура не опускается ниже -15 -18 градусов. Только один раз, и то ночью, температура понизилась до -28 градусов.

А Серёжа из Архангельска 29 января писал:

«Уже целую неделю плюсовая температура, снег уж наполовину сошёл, кругом лужи, даже не верится, что на дворе январь — зима. Вот и сегодня за окном идёт дождь…»

Нет, у нас дождей не было, только снег и снег, мягкий, пушистый, искристый.

Нет мороза даже в солнечные дни.

11.02

Какая тяжелая была поездка!

Сколько мне предстоит пережить ещё таких часов, дней? Бесполезно растрачиваются духовные силы, и я не могу ничего поделать с собой….

…В гостинице меня поместили в чудесный номер с ванной, туалетом, телефоном и радио.

На второй день в мой номер на две койки поместили товарища. Это женщина лет 38, невысокого роста, с завитыми русыми волосами и симпатичным лицом с маленьким носом — из Чепцы, приехала, как и я, на семинар пропагандистов. Зовут её Людмила Степановна. Вечером она зовёт меня в ресторан при гостинице:

— Я сегодня ещё ничего не ужинала. Может быть, в ресторане что-нибудь можно поесть. Но одной не хочется идти. Ещё привяжется там кто-нибудь. Пойдёмте со мной, поужинаем.

— Не хочу. Я только что из столовой.

— Ну, пойдёмте хоть так, за компанию, посидите со мной.

— Что же, пойдёмте.

В ресторане нас предупредили, что через сорок минут ресторан закрывается.

— А мы быстро покушаем.

И вот мы за столиком. Я оглядываю зал. Посетителей уже немного. Слева от нас сидит какой-то высокий худощавый мужчина с лысеющей головой. Лысина прикрыта старательно прядками черных волос. Ох уж эти жалкие попытки скрыть лишенную волос макушку!

Он энергично двигает плечами и спиной, объясняя что-то рядом сидящей красивой молодой женщине. Я откровенно любуюсь его лицом. С правой стороны ерзает на стуле своим толстым задом господин с чистым круглым лицом, на котором шныряют по сторонам маленькие карие глазки. Белые пухлые руки, никогда не бравшие орудие труда. Нам приносят ужин, мне — стакан чаю. Ресторан закрыли.

— Придётся нам ожидать, когда все поедят, — говорит моя соседка.

Расплатившись с официанткой, мы направляемся к двери и терпеливо дожидаемся, когда её откроют. И тут я вдруг за столиком недалёко от входа, в компании нескольких мужчин, замечаю В.Г… Когда они успели войти, я не заметила. Не заметила я В.Г. и тогда, когда проходила мимо. Он уже увидел меня и поздоровался кивком головы. Я тоже. Между тем нам открывают двери. Моя соседка быстро выходит из зала, а меня какая-то неподвластная мне сила срывает со стула и направляет к В.Г… Я ещё раз здороваюсь, уже за руку, и спрашиваю, как он сюда попал. Он отвечает, встаёт, и мы отходим от столика.

— Ну, как ваше здоровье? — просто, легко и свободно говорю я, вглядываясь в него.

— Да ничего. Месяц лежал в больнице, месяц валялся дома, а сейчас — ничего отвечает он, не глядя на меня.

Я смотрю на него и вижу перед собой совершенно чужого, равнодушного, холодного человека. Ни одного живого движения, ни одного живого мускула на лице, живого взгляда. Будто мумия стоит передо мной.

— Господи, — думаю я про себя, — где же у тебя та живая частичка души, о которой ты писал? Куда запрятал ты ее? И есть ли она у тебя вообще? А я-то ещё взываю к ней, жду духовной поддержки!

— Ну, как там наши? — спрашивает он меня, а я и тут не могу уловить живого интереса к ответу на этот вопрос.

— Г.Ф. в больнице, а К.А. ничего, — отвечаю я. В глаза бросается ссадина на верхней губе «Верно Эля поцарапала за очередную выпивку», — подумалось мне.

— А вы как здесь?

— На семинаре пропагандистов.

Как тень, мелькает на лице удивление.

— Да, по поводу вашего письма….

«Получил», — мелькает мысль.

Я молчу. Жду, что он скажет дальше. Во рту и на губах появляется противная сухость. Кажется, что и язык начинает сохнуть.

— До которого числа ваш семинар? Я приеду сюда.

— До десятого. Десятого числа кончается.

— Вы позвоните мне десятого утром прямо в РК, во сколько он кончается.

В памяти сразу встаёт вопрос Эли: «Это не вы ли Вячеславу из Ижевска звонили?»

И мой удивленный ответ:

— Я? Звонила?!

— Нет, не сейчас, давно. Обычно он говорит, кто звонил, а тут не сказал.

А я уже вспомнила тот телефонный разговор… и все же неопределённо ответила: «Н-нез-знаю».

«Ну, нет. Больше я тебе никогда не позвоню», — решила я тогда. — Будут тут меня разные жёны спрашивать, звонила ли я их мужьям!»

А сейчас ответила:

— Это опять сидеть ждать столько времени в почтовом отделении? Да и как я позвоню, мы же на занятиях. Лучше уж вы звоните мне сами. Обычно семинары кончаются часа в три.

— Ну, хорошо. В каком номере вас поместили? На каком этаже?

Я отвечаю. Он записывает.

— 10-го числа с 4-х до 5ти я буду в номере. А вы когда уезжаете?

— Вот сейчас едем. Но я приеду 10-го.

С тяжёлым чувством на душе вернулась я в номер. Ничуть не поверила этому «приеду». Передо мной стояло холодное, мертвое лицо. Словно тяжёлый камень лёг на душу и давит-давит её….

— Ну, где вы задержались? — обернулась ко мне Людмила Степановна и… осеклась.

Не знаю уж, как я выглядела, но она сразу, же спросила: «Что с вами? Вы кого-то встретили?»

Я, молча, опустилась на стул и только потом ответила:

«Встретила. Человека, которого не надо было встречать».

Она тактично ни о чем не стала расспрашивать меня. Бессонная ночь. Тяжёлые, горькие думы….

«И ведь знает вопрос, заданный в письме: «За что вы меня наказываете обманом? Разве можно наказывать человека только за то, что носит он в душе доброе чувство?»

9-го числа вечером иду в музыкально-драматический театр «Король вальса», оперетта, Штраус. Иду, чтобы забыться.

Прекрасная и великая музыка Штрауса, голоса, костюмы, игра, выступления балетной группы театра заставляют отвлечься от дум.

Так и хочется ещё раз посмотреть эту автобиографическую повесть.

10-го к трем часам я прихожу в номер. Предупредила дежурную по этажу: «Будут спрашивать 207-ой номер, пожалуйста, вызовите меня. Я буду в номере». Что может приехать, об этом даже не было и мысли. Но надеялась, что позвонит и честно скажет: «Ни приехать, ни ответить на письмо я не могу. Вы уже извините».

В пятом часу меня вызывают к телефону. Бегу. Будто спокойно беру трубку и слышу чей-то мужской голос:

— Это из Киясово. В.Г. просил передать, что он уезжает в Можгу и что на следующей неделе будет в Валамазе.

…Нет слов передать, что творилось в душе….

«В Можгу». Так же можно сказать «в Пермь», «в Балезино» или ещё куда», — тяжело ворочалось в мозгу, — неужели же нельзя сказать правду? Кто он, этот человек, что сознательно сыплет соль на незажившую рану?

Тихо, точно неживая, еле передвигая ночи, возвращаюсь в номер. Людмила Степановна молча смотрит с состраданием на меня.

— Нет, я больше не могу смотреть, как вы мучаетесь. Рассказывайте уж, что ли, — просит она.

И я начинаю рассказывать.

— Вы знаете, кого я повстречала тогда? Человека, который причинил мне столько зла, а я люблю его, душой люблю.

Рассказываю, потому что нет сил, держать в себе новую боль. Рассказываю, не называя имени.

«Нет, нет. Лучше мне больше никогда не встречать его. А если встречу, так уж не начинать самой разговора. Сдержаться, не подходить, уйти. Будет в Валамазе, только мне не надо его видеть», — как заклинание, твержу я про себя.

— А ещё говорил «прие-е-ду», — с горькой иронией рассказываю я.

— Ну, значит, не любит, — говорит моя соседка по койке.

— Разве я не знаю об этом? — возражаю я, — но мог, же он по-человечески относиться ко мне.

— Ну, как «по-человечески?»

— Да так, как в школе, когда вместе работали. Ведь было же всё тогда хорошо, и мы были друзьями.

Сегодня я дома. Навещаю мою К.А. рассказываю о поездке. Только ни слова о встрече с В.Г.

«Хороший, чистый, светлый, тактичный, душевный, внимательный человечный». Да это же я сама наградила его такими качествами. И сейчас переживаю оттого, что не оказалось их в нем.

Простая дружба была сначала. Стала перерастать в другое чувство. Мне бы во время и победить его в себе. Так бы оно, и было, не оттолкни бы меня от себя мой благоверный своим нечистым поведением, не растопчи бы моего доверия к нему. Душа потянулась к другому. Благо он был рядом. И крепко приросла….

Сегодня я дома. Среди моих детей. Читаю письма старших. Душа будто успокаивается. И я надеюсь: может быть, перенесённая боль — последняя боль? Может быть это боль завершающейся операции по отделению одной души от другой?

Я не хочу больше боли. И снова твержу про себя: «Не надо мне больше видеть его».

13.02

Духовное богатство. Духовная щедрость. Не ищи их у людей, для которых высшее наслаждение — наркотическое опьянение, будь то алкогольное, никотинное, религиозное или какое другое.

«…Если это составляет удовольствие «. Да, для тебя именно это составляло удовольствие. И, черпая удовольствие в опьянении, ты растерял многие лучшие свои черты: душевность, внимательности, человеческое благородство. Они были, были у тебя, только сейчас безвозвратно потерянны. Никогда уже встреча с тобой и разговор с тобой не вызовет у меня душевный подъем. Беден ты стал душой своей, и нечем у тебя поделиться со мной. Длительное пребывание на руководящем посту без высоких коммунистических идеалов, без понимания того, кому ты служишь, породило в тебе ещё одно удовольствие быть выше людей, видеть их, преклонение перед тобой. Перед тобой? Нет, перед чином твоим.

А ведь мог бы ты стать совсем другим, ищи бы ты

удовольствие не в наркотическом опьянении, познав, и прими бы ты существом своим эту «высокую материю», которую отбросил ты, как ненужную, в жизни своей.

Не понял ты нашей действительности, не познал законов диалектического материализма, не воспринял душой марксизм. Чуждым он тебе оказался.

Может быть, поэтому и стало для тебя создавать удовольствие наркотическое опьянение, может быть, поэтому ты и не мог найти удовольствие в трезвой жизни?

Вот сейчас, кажется, я окончательно хороню тебя. Ты мёртв. И не только для меня, но и для людей других.

И странно, чувствую, что, будто, начинает снова просыпаться душа, будто окончательно стряхивает она всё, что было ей чуждо, всё, что противоречило моим убеждениям.

И не надо больше видеть его.

17.02

Вчера зашла к Сагиде Михайловне поздравить её с днём рождения. Посмотрели по телевизору кино «Овод».

Овод — мой давний литературный герой, человек сильной воли и глубоких чувств.

Человек с разбитыми идеалами, он в любви к простым людям черпает духовную силу, самоотречение и презрение к смерти.

…Нет, никогда не любил ты никого глубоко и сильно. Иначе бы ты понял меня и правильно определил бы отношение ко мне. Сознанием своим я отчуждаю тебя, а где-то глубоко в душе продолжает жить это особое отношение к тебе. Продолжает, чёрт бы его побрал, хотя всё время стоит передо мной холодное, безумное, мёртвое лицо…. Нет, никогда никто не увидит у меня бездушного холодного лица, мёртвого безразличного взгляда, пока я жива. Пока я жива…

Сколько душевных порывов, безысходного горя и великой радости ты явился свидетелем, мой дневник. На тебя взвалила я всё моё горе, и ты безмолвно, бесстрастно принял его. Потому и взвалила на тебя, что не могла переложить на других людей. У них и так хватает своего. А для тебя, мой дневник, это безболезненно. Мне же как-то легче становится, и я нахожу силы жить. Не существовать, а жить. Существовать я просто не способна.

Вот пришла ко мне, Наташа Быкова, рассказала о своём горе, попросила написать в суд заявление на Телицыну Зою, ни за что избившую её. И в душе снова рождается ненависть к этой

Телицыной, оскорбившей человека. «Да как ты смеешь оскорблять и наносить незаслуженно боль другому?» — возмущалась я про себя, и горячее участие к Наташе — скромной, трудолюбивой женщине — рождается в душе.

Иду, выясняю другие случаи хулиганства Телициной. Встречаю и тех, кто своё личное спокойствие ставит превыше всего. Разные люди, по разным причинам скрывают они, что были свидетелями поступков.

Вот Мокрушина Нина — мать одиннадцати детей. «Нет, я лично ничего не видела и не слышала», — утверждает она. Знаю, неправда. Я понимаю её: хочет оградить своих детей от распоясавшейся женщины. И все равно, нет оправдания у меня таким людям.

А в душе зреет уже статья об отношении между людьми.

Очень плохо, что нет у меня сейчас времени, в которое я могла бы спокойно, не торопясь, не отвлекаясь, писать. Раньше таким временем была ночь. Сейчас я не могу уже писать по ночам. Очень жду, когда мой Пётр выйдет на пенсию.

Зима спохватилась, что скоро ей уходить, а она не успела выпустить ещё своих спутников на свободу. Открыла она дверь, и закружила, заплясала метель, закрыла небо тёмными тучами, погнала клубы снега, вихрем закрутила их и начала разбрасывать в разные стороны. Да скоро сдалась и улеглась.

А позавчера вышел степенно Мороз, заставил посветить ему солнце, показать людям тонкие переливы радужных цветов в кристалликах красивых снежинок, пощипал человечьи носы и щёки, попробовал было серебром убрать голые ветви деревьев, да не приняли они его даров. Так и стоят голые, ничем не покрытые. А откуда-то издалека, разбуженная Солнцем, дохнула Весна своим теплом, поголубело небо, и отступает Мороз, так и не успев показать своё могущество и богатство.

Весна, скоро весна, только нет весны в моей душе….

18.02

Встретились замечательные слова Галины Николаевой: «Искусство начинается там, где сердце жаждет миру совершенства хорошим людям счастья, человечеству справедливости, где сердце бьётся за всё это и зовёт к этому прекраснейшими из людских слов — словами горячими, горькими, радостными, гневными, кипящими».

«…Делай! Украшай землю и жизнь! Сей хлеб, если ты агроном, строй ракеты, если ты ракетчик, борись за большую

правду, за добро, за справедливость, если ты писатель! Делай!»

Делай! — говорю и я себе, отдай все силы на борьбу со злом, с несправедливостью за добро, за справедливость, за торжество разума, за то, чтобы самое совершеннейшее творение природы — человек — стал Человеком.

Думаю сейчас на статьей своей «По какому праву». Что бы было, если бы я не написала её, не добилась опубликования в «Победе»? Людмилу Николаеву наградили бы (она была предоставлена к награде), о награждении опубликовали бы в газете и сотни людей нашего посёлка сказали бы:

«За что? Где справедливость?» И сделали бы для себя вывод: «Не было, и нет её на земле».

Ох, как я ненавижу это обывательское мнение, толкающее людей на бездеятельность, на примирение! Зло само нет-нет да и появляется среди людей, как остаток старого, за справедливость надо бороться, утверждать её в жизни силой своей человеческой воли и разума.

Справедливость только рождается, и надо помочь этому ребёнку прочно утвердиться на земле.

Ради этого стоит жить и бороться.

Рада, что даже Платунов Егор сумел в себе побороть обиду на меня за то, что выступила против незаконной выдачи аттестатов, в том числе и ему, и сейчас встал на мою сторону.

«Справедливая» — нередко я слышу мнение о себе. И это высшая оценка всем моим поступками.

«Правды не добиться», «Бесполезно», — говорит сейчас Шуклин Евгений, рабочий стеклозавода, муж избитой Шуклиной Лены, тоже простой труженицы, матери троих детей. А Телицына Зоя торжествует: «Мне ничего не будет», намекая, что её сестра — жена прокурора района Карпова Петра. Карпов, который, говорят, в большой дружбе с судьей Копыловым И.В.

Ну, нет. Посмотрим ещё, можно ли так безнаказанно оскорблять простых тружеников, хороших людей.

Статья зреет. Статья о том, как рождается пассивность, статья об отношении людей друг к другу, о справедливости.

Людмила Ник. оставлена на работе, но получила за бездушное отношение к людям партвзыскание: «Строгий выговор без занесения в учётную карточку». Что ж, и это наказание. Впредь будет знать, что безнаказанно обижать простых людей нельзя и не всегда выручает дружба с начальством, умение угодить ему.

И стоит ли обращать внимание на ушат грязи, который выливает она на меня, вместо признания своей вины. Делает хуже сама себе. Нет, не скажут люди после смерти моей, что была

безобидна, никому не сделала зла.

Надо делать зло людям, заслуживающим его, во имя того, чтобы не было этого зла на земле, чтобы добро и справедливость царили на ней. И имя этому добру и справедливости — коммунизм.

Ух, как начинает болеть голова при малейшем напряжении!

22.02

Уже ничего и никого нельзя вернуть: ни Аву, ни Алёшу, ни В.Г….

Делай! Да что может сделать человек с разбитой душой и здоровьем?

Живи! У тебя есть дети, ради которых ты должна, обязана, понимаешь, обязана жить, как бы тебе трудно не было.

Я и стараюсь, очень стараюсь жить, дорогие мои мальчики, жить, пока убыль моя не будет для вас безболезненной.

Пётр легче перенесёт мою убыль. Наёдет другую женщину, с которой можно спать, и успокоится.

Для вас сейчас моя убыль будет трагедией, перевертывающей все жизненные ценности. Итак, жить и только жить! Жить ради тех, кого ты произвела на свет.

Надо жить, даже если тебе начинает казаться, что в жизни для тебя нет ничего привлекательного, что всё, что есть в ней хорошего, радостного, светлого, не для тебя….

23.02

Сейчас уж не столько душевные, сколько физические муки терзают меня. Упорные головные боли, которые ну никак не хотят отступить. Сказалось душевное напряжение последней поездки. Облегчения не дает даже сон. «Во время сна происходит застой крови в голове, — говорит мне наш Глеб Глебович, — потому и головные боли с утра». Мне от такого объяснения не легче. Тем более, что лекарства от застоя крови в голове во время сна нет. А потом наступает слабость, такая, что трудно поднять руку, встать с постели.

«Ну, как ваше здоровье?» — спрашивают меня при встрече.

«Да ничего. Хожу потихоньку», — отвечаю я.

А какой там «ничего»!

Крепись, Анастасия Николаевна, крепись! Тебе надо жить.

27.02

Очень трудно хоронить живого человека, в тысячу раз труднее, чем мёртвого. Трудно поверить бывает, что человека уже нет на земле и ещё труднее поверить, что в живом человеке не осталось ничего живого, человеческого, хотя он ходит, дышит, питается, что-то делает.

Нет, нет, не может быть, чтобы в живом человеке не было чего-то живого, чтобы в нём всё зачерствело.

Не может этого быть! Это совершенно противоестественно?

Да, «…хуже самой страшной тоскливой тоски, если человек, которому ты веришь, считал товарищем, другом, превращается в подлеца, …в падаль».

(Васильев «В час дня, ваше превосходительство»).

Невозможно в это поверить!

28.02

Как все-таки много значит в общественной жизни человека его личная жизнь! Снова и снова приходят на память слова Элеонора Маркс о том, что без Женни Маркс не было бы и К. Маркса.

Ну что же, пора примириться с тем, что имеешь.

Завтра политзанятие. Как, какими словами людям донести Директивы по 9-му пятилетнему плану, чтобы почувствовали они величие нашего времени, поняли бы, увидели бы великие перемены, которые несут с собой свершающиеся события, почувствовали бы дыхание научно-технической революции, развертывание которой принесёт с собой торжество новых общественных отношений на всей нашей планете.

Вчера была в школе. Идут уроки, а в коридоре Берснев Женя.

— Ты почему не на уроке?

— Выгнали.

— Выгнали? За что?

— Я сказал, что все равно я ничего нового не услышу.

— И ты серьёзно считаешь, что это действительно так?

— Ну, понимаете, Анастасия Николаевна, мне надо в каждую фразу вникнуть, понять, почему так, а не так, а пока я вникаю, уже Нэлли Павловна говорит другое, а я ещё не успел обдумать первое.

— Видишь, Женя, наши программы построены пока так, что они не дают времени каждую фразу глубоко обдумать. И Н.П. права, иначе она не успеет изложить всё, что требуется

программой. Ей просто в силу необходимости приходится сообщать вам уже готовые знания без глубокого осмысливания их. Ты понимаешь меня, Женя?

— Понимаю.

И совсем неожиданно для меня делает правильный вывод:

— Надо было просто остаться после уроков и расспросить её.

— Конечно. И подумай, прав ли ты, говоря, что совсем уж нового ничего на уроке не получаешь?

— Конечно, неправ. Я тут переборщил немного. Просто у меня сегодня плохое настроение.

— Что-нибудь случилось?

— Знаете, меня ведь сегодня со второго урока выгоняют, — как-то виновато сказал он.

— А ещё с какого?

— Да с биологии.

— Ну, а тут за что?

— Да всё за то же. Я закрыл глаза, чтобы лучше себе представить, о чем говорит Р.М., а она подумала, что я задремал. «Удобно ты устроился, чтобы спать», — сказала. Я ответил, что мне не интересно просто так слушать. «Ну, если не интересно, выйди». Я и вышел.

Я уважала Женю за его самостоятельность мышления, и не было случая, чтобы мне пришлось вывести его из класса или обидеться за что-нибудь. Мы находили с ним общий язык. Умный паренёк. Сразу понимает фальшь в словах. С ним говорить надо честно и прямо и о том, что ты знаешь, и о том, чего ты не знаешь. Ныне он кончает 10-ый класс. С ним будет трудно в жизни, трудно, но интересно.

От души хочется, чтобы рядом с ним оказался умный, честный, старший друг.

Нет, действительно наши программы уже перестали отвечать требованиям времени: не даю они возможности ученику осмыслить материал, подумать над сказанным, самому ученику сделать тот или иной вывод.

Развёртывание научно-технической революции заставит перестроить и наше образование. Мы не рационально пока используем мыслительные способности каждого ученика, совершенно не учитываем в нашей системе обучения то, что они у каждого ученика разные.

Как не задуматься над тем, что чем старше класс, тем меньше в нём становится учеников с хорошими и отличными оценками. Не больше, а меньше! Значит, наша система образования не развивает, а снижает интерес к учебе, интерес не к знаниям, а к самому процессу получения этих знаний.

Дифференцированное обучение просто необходимо.

Прямо сейчас удивительно, когда вспоминаешь.

Встретила в Ижевске в автобусе своего бывшего ученика Геннадия Боброва:

— Вы ещё работаете?

— Нет, на пенсии.

— Но можно работать и на пенсии.

— Знаешь, Геннадий, я никогда не чувствовала, призвания к учительской работе.

— Что вы! А я всегда думал, что вы — прирождённый учитель.

На вечере встречи 2 декабря, этой зимой моя бывшая ученица Галя Зворыгина:

— Анастасия Николаевна, почему вы не стали больше работать в школе?

— Да я же на пенсии. А потом, скажу тебе честно: меня меньше всего в жизни интересовала химия.

— Правда? А я почему-то всегда была убеждена, что кроме химии для вас ничего интереснее нет.

Прав Мартин Андерсен Нексе:

«…большинство людей способно заниматься любой профессией, могут приспособиться к ней и чувствовать себя счастливым».

«Конец пути».

Прав. Но в этом случае он никогда не сможет отдать себя целиком работе, полностью вложить в неё все свои духовные силы. И «чувствовать себя счастливым» он тоже не сможет. Породить в душе увлечённость профессия, к которой не чувствуешь призвания, тоже не может. Так и не смогла я заставить себя интересоваться химией, хотя и знаю, что это очень нужная наука. Об этом я всегда и говорила своим ученикам и не безрезультатно.

5.03

Тоска, тоска, неизбывная тоска по той светлой радости, что всю жизнь жила во мне. За что ты лишил меня, ее? Чем заполню я ту пустоту, что появилась в душе моей? Нет, ты не превратился ни в подлеца, ни в падаль, ты просто сам совсем засушил свою душу, или так далеко упрятал всё живое, человеческое, что трудно добраться до него.

Как тяжело на сердце, как давит его тупая, ноющая боль….

И никуда не уйдешь от нее….

…Мы идём с Влад. Ив. Могилевым.

— В школу снова не хотите?

— Нет. Школьная работа — это ведь не моя работа.

— Вот как? А какая же ваша работа?

— Общественная, партийная, политическая.

— Знаете, я думаю: живи бы вы в царское время, из вас бы получилась хорошая революционерка.

— Да. Это бы была убеждённая, смелая, бесстрашная и преданная до конца революционному делу революционерка. Видите как, а вы мне предлагаете редактировать журнал «Учитель».

— Странно. Я почему-то всегда думал, что вас интересует литература. Значит, так и не увидим мы книги, написанной Колотовой А.Н.?

— Наверное, нет, Владимир Иванович.

— Жаль, жаль.

А мне вспомнился Горячих Вл. Сем. И его: «Когда я прочитаю книгу, написанную, Тася, тобой?»

Он очень высоко ценил мои сочинения, которые нам задавали писать и которые я ему читала.

А потом, после окончания педучилища почему-то все учителя наши думали, что я пойду на литературный факультет. Может быть, я бы и пошла на него, если бы не стояла передо мной всегда наша Елена Макаровна с покрасневшими от бессонных ночей глазами и горы тетрадей перед ней, которые надо проверять.

«На литературный?» — спрашивали меня, ожидая без сомнения утвердительный ответ, и очень удивлялись, что я выбрала естественный.

А наш Федор Петрович Щинов: «Покаетесь, что не пойдете ни физмат».

Вот уж что никогда не привлекало меня, так это математика. Никаких я способностей к ней никогда в себе не обнаруживала. Математика всегда требовала от меня больших усилий. Наверное, просто результаты этих усилий Ф.П. принимал за способности.

Ну, вот, будто снова отступала тоска и боль. Пора приняться за подготовку доклада к женскому дню 8-го марта. В голове уже начинает складываться его построение.

Пора начинать писать. Вот уж и голубое небо заглядывает в окно со своей высоты: и розовый снег в лучах только что взошедшего солнца, и синие тени на нём, и замороженное наполовину утренним морозом стекло будто взывают ко мне:

— Человек, разве ты не видишь, как мы прекрасны? Мы твои. Бери нас, владей нами, вбирай в себя нашу красоту, простоту и силу. Ты — господин наш. Мы — для тебя.

Значит, они для меня….

Ох, если бы что-нибудь можно было изменить!

Если бы можно было вернуть прежнюю радость. Как бы мне легче жилось на земле!

9.03

Вот и снова встретились с ним за праздничным столом, накрытым в честь Золотой свадьбы Г.Ф. и К.А.

Золотая свадьба! Прожить вот так, рядом, бок-о-бок 50 лет и никогда не думать, что можно было прожить жизнь иначе. Это большое счастье. Счастье? Нет, для меня высшее счастье в том, чтобы до конца дней своих не терять молодость души, постоянно к чему-то стремиться.

Нет, не находила я прежнего удовольствия в присутствии В.Г… Всё время в памяти жила последняя встреча в ресторане гостиницы и его ложь. А может быть, это была и не ложь? Может и вправду, нельзя было ему поехать в Ижевск? Он проводил нас с Петром за ворота. Постоял, верно, что-то хотел сказать. А я за здоровье его побоялась: вышел раздетый, после гриппа и воспаления лёгких. Да ещё и радикулит. Тихонько повернула его: «Идите. Вы же после болезни, простынете». Он повернулся послушно и, сгорбившись, пошел к воротам. Не было у меня и желания поговорить тут. Только на другой день с неумолимой силой вспыхнуло снова это желание поговорить от души, узнать всё. Хотелось сейчас же побежать, просто, как к родному брату, как к другу и эта боязнь стать навязчивой. В сердце снова боль, от которой нет лекарства, от которой не знаешь, куда уйти.

Так бы и заплакал навзрыд, просто взвыл бы, как воет волчица, потерявшая своё дитя, в морозную лунную ночь.

Но плакать нельзя: доклад на торжественном заседании.

Доклад Н.Д. одобрил: не длинный, конкретный и сказано о том, о чём именно сказать надо было.

8-е марта. Как нарочно, солнечный, чуть морозный день. Будто вся природа улыбается женщине — родоначальнице человеческого племени. Прочитала ещё раз доклад по радио, а душа так и рвётся туда, к Бёрдовым. «Сегодня наш день, сегодня можно делать всё», — решаю я и жду.

В.Г., за столом, такой бледный, с болезненным видом. Острая жалость шевельнула в душе, и как что-то твёрдое выплыло в ней: «Нет, только рядом с ним может отогреться моя душа. Какой бы он ни был, он должен заменить мне брата и друга. Ничего не должно быть недоговоренного или неясного в отношении к нему.

Во что бы то ни стало я должна с ним поговорить и выяснить все эти вопросы: «За что?» и «Почему?» Только не сейчас. Сейчас он болен, ему и без того тяжело».

Сегодня я целый день в постели. С сердцем снова плохо. А в голове твёрдая мысль о том, что я поеду к нему, чтобы обо всём договориться окончательно. Не может быть, чтобы у живого человека умерла совсем душа. Он должен заменить мне брата. Иначе мне просто невозможно жить, что бы я ни делала, как бы себя ни убеждала в обратном.

Поговорить, поговорить, во что бы то ни стало. Писать бесполезно. Ответа я все равно не получу. А говорить я так или иначе его заставлю. Человек же он и должен меня понять.

Как мне в жизни всё дается с боем!

С боем я пробивала себе путь к знаниям. С боем, с полным пренебрежением к смерти, добилась, чтобы сделать из своего мужа непьющего человека, достойного отца моих детей.

С боем приходится добиваться того, чтобы любимый человек стал просто хотя бы другом, братом.

Ну что же. С боем так с боем. В бою интереснее жить, хоть и силы быстрее теряются. Что делать, если я не родилась для спокойной жизни.

Зато, если и умру я, так умру для всех молодой, утверждая в жизни высшее счастье — любовь, любовь к людям и к человеку, утверждая справедливость на земле, глубокую веру в человека и разум его.

За счастье надо бороться, даже за счастье любить.

10.03

Ты говоришь, надо поговорить, Ан. Ник. А не боишься ты, что этот разговор будет для тебя последним в жизни? Подумай, повремени, прежде чем решиться на такой шаг. Ты говоришь, что он должен понять, как необходимо для тебя его дружеское, братское отношение к тебе? Где у тебя гарантия того, что он поймёт это после твоего разговора, если он не понял этого до сего времени? Где гарантия того, что он просто не выставит тебя за дверь? А ведь это для тебя будет конец твоего жизненного пути.

Так что погоди, живи, пока можно жить, пока малы дети. Слышала, что сейчас сказал тебе твой сын?

«Мама, не умирай, я ещё не совсем большой вырос».

Живут же люди с безысходным горем в душе. Вот и ты живи, и повремени идти для последнего разговора. Помни, он может

стать последним. Не понял ничего из твоего письма, не поймёт и из разговора.

Собери всю свою волю, сожми душу свою и сердце, чтобы преодолеть боль, и живи.

Позвонил Сергей Коротков с лыжной фабрики. Просит прочитать доклад о научно-технологичной революции и основных задачах пятилетнего плана. Сейчас напьюсь всяких лекарств, пройдусь по улице и сяду готовиться.

Вспомнилось ещё — …Вместе все играли в карты: я, В.Г., Петя и Н.Д. на вечере.

— Ну-ка, жена, сделай мне что-нибудь, чтобы я не остался дураком, — просит Петя меня.

И В.Г.: «Погодите, сделает вот она вам что-нибудь».

Я, конечно, поняла, что не к картам относится это выражение, но смолчала.

А здесь отвечу: «Да, ты, В.Г., конечно ничего не сделаешь, чтобы предотвратить катастрофу, уберечь людей от беды. Очень они тебе нужны! И не думай, что только я тебе не нужна: Тебе не нужны ни мои дети, ни мой муж, ни даже твои родители. Моя гибель будет для них всех несчастьем. Тебе не нужны и сотни моих учеников, что с болью в душе примут мой уход из жизни. Тебе нужны люди постольку, поскольку они дают возможность стоять над ними, чувствовать себя выше их.

Да нет, ничего не сделаю я своему мужу, не сделаю за то, что он вместе со мной смог принять, как родных, твоих отца и мать и делает всё, чтобы помочь им.

Он ниже тебя по образованию, ниже по положению, но выше тебя по способности воспринимать доброжелательное отношение к людям.

Вот я сказала ему: «Ну, кто же им поможет кроме нас? Может быть, и нам потом так же придётся. Может, и от нас отвернутся наши сыновья. Кто-нибудь и нам потом поможет, может быть».

И он согласился со мной, понял меня. А вот ты, В.Г., никак не можешь понять меня, и мне бесконечно больно от этого.

Но я не теряю уверенности, что и ты когда-нибудь поймешь меня, что я и тебя сумею убедить в необходимости понять меня. Я отложу разговор с тобой. Просто боюсь, что он будет последним в моей жизни.

Но я люблю тебя, ты слышишь, люблю, какой бы ты не был, со всеми твоими недостатками, со всеми сильными и слабыми сторонами. И мне невыносимо трудно без твоего дружеского участия в моей судьбе.

Ну как ты не можешь понять этого?

Что делать? Живут же люди с безысходным горем в душе.

Правда, недолго живут. Вот и я буду жить, сколько сил моих хватит.

А там…. Стоит ли думать о будущем!

Пришла К.А… Я совсем больная.

— Ну, сходите в больницу, выпишут лекарства, если тяжело, — советует она.

А у меня слёзы ручьем из глаз.

— Нет, К.А., не помогут мне лекарства. Знаете, от чего мне тяжело? Всё время мучит вопрос, неужели я недостойна доброго отношения к себе? Почему В.Г. мне только врёт?

— Ну что он вам наврал?

— Да он сам знает, что. Неужели он не может относиться ко мне по-дружески, как к сестре?

— Но у него же есть жена, дети.

— Причём тут жена и дети? Разве мне муж нужен? Да у меня П.Н. в сто раз лучше его, как муж. Не муж, а друг мне нужен.

— Бросьте вы его, выкиньте из головы, забудьте.

— Да разве можно выбросить из души человека, который жил столько лет в душе? Ведь были же мы друзьями в школе. Почему сейчас он не может быть мне другом? Поймите, что не в состоянии я выбросить его из жизни своей. Это выше моих сил. Вы думаете, я не пыталась это сделать все последние годы? Но не могу.

Она молчит. Да и что она может? Не поймёт и она. Вот Тургенев, Полина Виардо поняли бы, а она не поймет.

И все-таки после разговора с ней мне становится легче. Сейчас уж я могу сесть за подготовку к докладу.

Нет, все-таки я сильная, если могу собрать силу и волю свою. Но кто бы знал, чего это мне стоит!

Мне вот самой интересно, до каких пор я могу всё это выдержать, как в период моей тяжёлой болезни, когда стояла на краю могилы, было интересно, как я буду умирать.

Тогда я чудом не умерла.

Что же будет сейчас?

Неожиданно пришло на ум: «Ложь унижает не только того человека, которому говорят её, но и того, кто говорит».

Зачем тебе потребовалось не только унижать меня, но и унижать себя? Ради чего ты это делаешь?

Бесполезно спрашивать. Не ответишь, не скажешь.

Сходила на фабрику, прочитала доклад о научно-

технического революции.

Право же, участие в общественных делах делает своё личное горе маленьким-маленьким и таким незначительным в общем масштабе свершающиеся событий, что им просто можно пренебречь.

С неприязнью сейчас вспоминаю разговор с К.А.

«Забудьте вы его, выкиньте из головы», «у него есть жена». Как будто я такая глупая, что не знаю, что надо забыть все. Не хватало ещё, чтобы меня поучали в этом!

«У него есть жена».

Будто я не знаю об этом или имею что-то против его жены! Да пусть себе живут на здоровье. Они вполне подходят друг к другу. И идеология у них одинаковая: барская, не народная.

Нет, не заменит мне К.А. мамы. Мама меня поняла бы, она — нет.

Что-то снова переломилось в душе в отношении к В.Г. и К.А.

«Забудьте». Пожалуйста, для вас, К.А., забуду. И постараюсь никогда не заходить к вам, когда приедет ваш В.Г… Вы решили, что я хочу его у кого-то отнять, а я просто хотела сделать его до конца человеком.

Холодок пробежал в душе по отношению к вам за то, что могли такое подумать обо мне. Не поняли вы, что не мужчина нужен был мне, а Человек, друг, товарищ и брат.

Сейчас всё снова как будто успокоилось в душе, снова родилось спокойное течение мыслей, вырван ещё один корешок донельзя разросшейся любовной опухоли. К.А. помогла. Спасибо. Только ведь с ним вырвался и корешок доброго к вам отношения, К.А.

Странно. Чем больше людей узнаёт о моём отношении к В.Г., тем меньше становится чувство, тускнеет ореол чего-то нежного, что окружало его.

И ещё вспомнилось: «Погодите, сделает вот она вам что-нибудь». Наверное, ждешь, что я сделаю моему Петру «что-нибудь». Нет, не сделаю. Не в моём характере за добро платить злом. Противно такое всем моим убеждениям. Это уж по твоей части за добро платить злом, что ты и делаешь с успехом и не только по отношению ко мне, но и к своим отцу и матери. Нет у тебя любви и к ним.

11.03

Руки спокойно вертят неподатливое тесто, язык спокойно, даже весело отвечает на вопросы моих Петра и Вовки, а в душе целая буря, мысли громоздятся друг на друга, как льдины в половодье, стремясь что-то окончательно смести и уничтожить.

«У него есть жена», — вспоминаю я. И вы, К.А., увидели в своем сыне только мужчину, не способного для меня быть никем и ничем, кроме мужчины? Как вы могли подумать, что мне он нужен, как мужчина? Как в голову у вас пришла такая мысль? Как же вы испохабили то чувство, которое жило в душе, моей к вашему сыну! Вы вместе со своим сыном не смогли подняться выше житейского, старого представления о любви, как только проявлении потребности в физической близости. Всему существу моему противно такое понимание этого самого светлого и чистого чувства. Ни вы, ни ваш сын Вячеслав никогда не знали его, потому и не могли понять меня. Я счастливее и богаче вас обоих и горжусь этим.

Я найду в себе силы, чтобы больше не встречаться с вашим сыном, потому что мне тяжело видеть человека, который долгие годы был причиной теперь смятого, вывалянного во лжи, испохабленного прозой жизни великого человеческого чувства, источника поэзии и самых лучших проявлений, самых высоких и чистых порывов души.

Бог с вами. Вы вместе добили это чувство.

Только жаль, что произошло это в самый радостный весенний праздник — наш праздник. А может быть это и к лучшему.

Сегодня наш молодой розан подарил нам свой первый в жизни прекрасный цветок. И он будто сказал мне: «Не унывай. В тебе есть всё, чтобы остаться человеком, остаться по-прежнему борцом за всё самое благородное и чистое в человеческих отношениях, за справедливость на земле. Пусть и впредь зло находит непримиримую ненависть в тебе, а добро — надёжную опору и поддержку. Не унывай!»

Пусть невелико будет поле моей деятельности, невелик и вклад в общую борьбу за человеческую радость, но я счастлива тем, что иду в рядах борцов за лучшее будущее. Пусть мои сыновья и ученики мои, все окружающие меня не увидят во мне никогда человека, сломленного борьбой, ушедшего от неё в четыре стены или в небытие.

Тетрадь 10

12.03.1971

Всё куда-то отступило назад. Стало вдруг тихо, покойно. И мысли текут, как река, очистившаяся ото льда. Что-то свежее, новое появилось в душе. И новое отношение к К.А. и Г.Ф. и новое отношение к В.Г.

«Ну как ты не пойдешь к ним? — говорю я себе, — вселить надежду и вдруг оборвать её? Нет, не дело это. Ну, а что посмотрела так К.А. на моё отношение к В.Г., так ведь она старый человек и судит по-старому. Твоё дело утвердить и тут новые отношения между людьми, между мужчиной и женщиной, отношения, прежде всего чистые и ясные.

И В.Г., конечно, не уйдет из сознания твоего, не уйдет уже по одному тому, что слишком много сказано ему, слишком большое место занимал он в твоей жизни».

Вот сейчас я, пожалуй, не назову уже любовью это отношение к нему, что родилось вчера в душе. Какое-то новое совсем отношение. Нет, не безразличное, а действительно какое-то новое, выкованное из неприязни и любви. Я сама пока не могу определить его, да и не хочу пока определять.

И чувствую, что съездить к нему мне все же придётся. А зачем?

Сейчас снова захотелось сесть за газетную статью, сходить в завод, захотелось написать Гале Б. и Руфе Т., чьи судьбы складываются нелегко.

Очень хочется, чтобы вот такой настрой души сохранился как можно дольше, какое-то рабочее, деловое настроение.

А Петр у меня стал все-таки сейчас совсем молодец. Главное, не лезет ко мне в душу и в мои дела. И кажется, примирился уже окончательно, что домохозяйка из меня не получится.

Но живём мы с ним дружно. Как все-таки во многом семейное благополучие зависит от женщины! От её ума, внутренней силы, дальновидности, общей культуры и моральных качеств.

13.03

«Забудьте». «Выбросите его из головы». Право, как это она не предложила мне забыть и выбросить из головы моих детей!

«У него есть жена». Как будто моё отношение к нему касалось его жены или моего мужа! О, она и мысли не допускает, что её В.Г., первый секретарь РК, может стать другом жены просто рабочего. Что ты, раз можно такое! Ни я, ни Пётр не занимаем, же высокого поста. О-ох, люди, меряющие всех только по их высокому посту! Наверное, думаете, что мы и помогаем-то вам только потому, что вы и дети ваши занимали высокие посты?

Как болит голова! Кажется, вот сейчас разорвется на части. За что вы причиняете мне такие мучения?

Нет, я по-прежнему буду добра и приветлива с вами: вы старые люди и прожили нелёгкую жизнь. Да и не могу я, просто не могу обмануть доверие ваше. Пусть это уж сын ваш делает. Это ему ничего не стоит растоптать доверие к нему человека.

Сколько горечи в душе! Сколько боли!

Ничего. Терпи, Анастасия Николаевна, терпи! И будь мужественной.

16.03

То новое отношение к К.А., которое появилось после того памятного разговора с ней, так и сохраняется. «Не поняла, не смогла понять меня», — постоянно живёт в сознании. Сейчас уже не стало того былого желания посидеть с ними, поговорить, побывать у них. Не стало в отношении к ним теплоты.

Вот сегодня, отнесла корове ведро помоев. У хлева подождала, пока выпьет. Раньше бы я обязательно забежала бы к ним поговорить, а тут прямо направилась домой, не испытывая никакого желания зайти, К.А. звонит:

— А я думала, что вы зайдете к нам.

Я сослалась на занятость.

То, чего никак не удалось сделать сыну, помогла сделать его мать.

Прежнее чувство умерло, думаю окончательно! Умерло, потому что стало причинять мне только боль. Что же, пора: мне уже 51 год. Пора и душой стареть.

Душой стареть? Ну, это мы ещё посмотрим.

18.03

Стоит обыкновенная мартовская погода: по утрам заморозки. Неведомой кистью мороз рисует разлапистые листья сложного узора на окнах, вешает сосульки по краю крыш, стягивает

тонюсенькой хрупкой корочкой сверху слег, а днём с заоблачных высот солнце посылает целое море света и тепла. Оно разливается всюду, наполняет самые отдалённые уголки. Повинуясь великому зову природы, по ночам в кладовке и на чердаке устраивают свои душераздирающие концерты коты. «Вот окаянные!» — возмущаюсь я и выскакиваю в сени. Наша кошка, как ни в чём не бывало, спокойно сидит там и дожидается окончания поединка своих ухажеров. Разгоняю всех, а через полчаса всё начинается снова. Будь ты неладна, эта весна!

Сегодня, нам привезли кур. Это Пётр уже успел договориться с Бёрдовыми об их приобретении. У меня даже в боку закололо при виде куриного стада, а Петр потешается ещё: «Подожди, вот в мае купим поросёнка да корова, бог даст, телёнка принесёт!»

И я должна буду ходить за этим стадом разного отраслевого направления! О, бог мой, где справедливость?

Я бы, конечно, могла настоять на сокращении нашего индивидуального хозяйства, но это нанесет жизненному уровню нашей семьи значительный ущерб, ибо наших 160–170 руб. на семью в пять человек явно не хватает. Приходиться смириться до поры до времени и вкладывать свой труд в личное хозяйство.

24.03

По улицам посёлка разгулялся молодой весенний ветер порывистый, быстрый, сильный, он размахивает в воздухе голыми ветками молодых рябин и берёзок, низко склоняет светло-серые кусты сирени, как слепой натыкается на стены домов, цепляется за углы и заборы и, обессилив, стихает. Потом он снова набирает силу и со свистом носится по посёлку. Время от времени он вытягивает из-за горизонта серые тучи, и они обильно поливают дождем осевший грязный снег. А теплое весеннее солнце, будто со стыда, что не может усмирить разбушевавшегося буяна, трусливо прячется за края туч и смущенно выглядывает оттуда на землю.

Вчера мы судили. Через суд прошло много людей. Тут и сыновья отцов и матерей, забывшие свой сыновей долг, наверное, потому, что слишком часто мы говорили о долге родителей перед своими детьми и редко, очень редко о долге детей перед своими родителями, забывая, что старые люди нуждаются в тёплом приветливом, благодарном слове своих детей ничуть не меньше, чем дети в родительской ласке. Тут и люди, любящие поживится за счёт государства, и люди, нарушающие мир и спокойствие рядом живущих.

Как и во времена «Устного журнала», я время от времени в перерыве спускаюсь в зал, чтобы видеть, чувствовать реакцию присутствующих на наши приговоры и с удовольствием убеждаюсь, что судим правильно, справедливо.

Сегодня пришла ко мне Наташа Быкова (вчера мы не допустили её осуждения, несмотря на прекрасную защиту адвоката Телицыной Зои и ложные показания некоторых свидетелей) и низко поклонилась мне со словами благодарности.

Что может быть выше такой награды!

Давно уже не писала ничего в газету. Берусь за статью.

24.03

Вечер. Статью написать так и не удалось, не могу писать, если нет возможности, сосредоточится. Мне надо остаться один на один с теми людьми, о которых пишу. Тогда они предстают передо мной в наиболее ярком свете.

Пришёл мой «совсем хороший» Пётр. Пьяный. Где напился, не говорит. Днём он сгребал снег с крыши у Быковых. Они ему подали. Не хватило. Где-то сходил, добавил.

Раньше, когда я сталкивалась с ложью моего благоверного, у меня была защита.

«Ври на здоровье. Все равно душа не принадлежит тебе. Ты и не знаешь, что есть человек, который в несколько раз мне дороже, чем ты, что не с тобой я в душе, а с другим, и никогда не была с тобой», — говорила я себе, слушая очередную неправду.

Сейчас нет у меня этой защиты. Пусто стало в душе, некуда ей стало бежать от житейских невзгод. И замирает она, как подстреленная птица, в тоске и отчаянии.

Как утопающий, сваталась я за соломинку: думала в семье Бёрдовых буду отдыхать и греться душой. Но судьба отказала мне и в этой маленькой возможности.

Господи! Почему же одним судьба дарит всё, отказывая другим во всем? Даже в самом малом. С каким боем мне дается все, что я имею: и «непьющий» муж, и дисциплинированные дети.

Постоянно, всю жизнь мне приходилось заниматься и воспитанием своих детей и воспитанием их отца.

Нервы начинают сдавать. Вчера еле смогла успокоить себя после разбора дела Быковой Н.

А какая дрожь охватила меня, когда в последний раз сидела я за столом с В.Г. у Бёрдовых! «Вот сейчас уйдёт, уедет, так ничего и не сказав. Уйдет из моей жизни, — металось в голове, — и я ничем не могу удержать его». «Пожалей, не уходи, скажи мне что-

нибудь, ведь ты человек. Куда ты спрятал душу свою?» — хотелось закричать мне, заплакать. Ничего не сказала я, только дрожи рук не могла унять сразу.

Заметили. «А вы сдаёте, Анастасия Николаевна», — сказали мне.

«Попробуй-ка, не сдай, проработав 25 лет в школе», — оправдывалась я.

Никогда до этого ничем не выдавала я своего внутреннего волнения, какой бы силы оно не было.

А сейчас выдаю. Не могу справиться с собой.

Боюсь, что когда-нибудь смогу не выдержать: окунусь с головой в прохладную воду, и она навсегда погасит огонь моей души…

Нет, не надо думать об этом.

Не смей больше думать об этом!

Горькая ирония рождается в душе, когда вспоминаю снова Там. Андр., сказанные мне три года назад: «А вы сильная, Анастасия Николаевна».

Очень сильная! Куда уж больше.

28.03

Четвёртый день в постели. Ко всем остальным немощам прибавился ещё нарыв на пальце правой руки. Сегодня уже, кажется, лучше. Утром К.А. пригласила к себе пить чай. А у меня совсем перестала охота бывать у них.

«Приходите, К.А. беляши очень вкусные приготовила», — приглашает и Г.Ф.

А я замогильным голосом рассказываю по телефону о своих страданиях, рассказываю так, что даже самой себя жалко стало. Ну что же, ложь на ложь. Не научили своего сына говорить правду, не скажу я и вам её. Эх, ты, Вячеслав, Вячеслав! А как было бы хорошо, окажись бы у тебя чуть побольше душевной щедрости и человеческого благородства! Ты был бы мне братом, дорогим, близким, К.А. заменила бы мне маму. Ты бы приезжал и рассказывал нам о своих делах, мы бы вместе радовались твоим удачам, переживали бы твои огорчения! А потом бы снова ждали от тебя вестей, вместе радовались бы каждой строчке твоего письма. Было бы легко мне, К.А., Г.Ф., моим детям и мужу. И тебе, конечно. Но ты не захотел этого, нет, просто не смог так сделать, не понял меня, так же, как не поняла и мать твоя. Побоялись, что я могу сделать что-то, что вызовет ревность твоей жены или моего мужа. Эх вы! Как же можно низко так думать о человеке!

Ты не смог поверить в меня, поверить в то, что никогда не сделаю того, чтобы испортить чьи-то семейные отношения. Решил, что лучше от греха подальше. Плохо, решил! Плохо сделал и моей семье, и своим родителям.

Почему? Потому что я не хочу умирать душой, не хочу жить без мечты. И в этой мечте нет больше места тебе, но нет и мужу. Одно только горячее желание быть свободной. Свободной в материальном, духовном и социальном отношении, чтобы иметь возможность делать всё, что я захочу и когда захочу, не связывая себя ни с кем и ни с чем. Мечтой об этой свободе я буду жить. Из дому я, конечно, рано или поздно уйду, независимо от состояния здоровья. Моего благоверного сумею убедить, что с другой ему будет лучше и легче. Жена же во всём может убедить своего мужа. Но уход меня из дома будет огорчением для твоих родителей. Они лишаться помощника в лице Пети и меня. Пожалуй, от твоего решения больше всего пострадают твои отец и мать. Вот так-то, уважаемый В.Г… Мы встретимся ещё с тобой в день твоего пятидесятилетия, я скажу тебе о дневнике, а сейчас прощай! Пока на три года прощай! Всего тебе хорошего!

Весна вступает в свои права. Зима, уходя, подарила ей белые покрывало, накинув его на обнаженные кучи навоза и прочие нечистоты. Но весна, как шаловливое дитя, скинуло это покрывало, бесстыдно показывая всё, что зима старалась так тщательно скрыть. Весна. Она прекрасна и в своих нечистотах.

Статью о Телицыной Зое я все-таки написала и уже послала в редакцию. В голове зреет уже другая — о пьянстве, как преступлении перед матерью. Напишу, как только палец заживёт.

31.03

Палец разболелся. А так хочется написать….

Весёлый луч весеннего солнца скользнул по заборке. Разбуженная теплом муха осветилась в нем. Она лапками почистила крылышки и, жужжа, взлетела на, висевшую на стене, гитару — подарок мне в день сорокалетия от Молоковых и Семёновых. Я люблю размышлять в эти утренние часы, когда мозг стряхивает с себя остатки сна, и памяти сначала оживает всё самое значительное в твоей жизни. Самые хорошие решения, самые хорошие мысли приходят человеку в утренние часы.

Сегодня ярко, как никогда, вспыхнула передо мной звезда свободы. Что-то радостное, светлое, слово поселилось в душе. Сильное ощущение свободы, радостная мысль, что твоё будущее зависит только от тебя и ни от кого более, заставили смолкнуть

неумолчно стрекотавших в голове назойливых кузнечиков.

Окончательно (?) утвердилось решение через три года попросить В.Г. отрецензировать дневник. Уж и просьба сложилась в голове:

«В дни самых тяжелых испытаний я начала дневник. Потом он стал для меня моим единственным задушевным другом. Сейчас уже он превратился в сборник рассказов, писем, мыслей, зарисовок людей, природы, психологических состояний.

У меня с некоторых пор появилась мысль сделать этот дневник книгой. Но мне надо многое в нём проверить суждением других людей.

Может быть, я в чём-то ошиблась, в чем-то не права.

Вы — бывший литератор, любите природу и жизнь, знаете людей. Ваше мнение я уважаю. Потому обращаюсь к Вам с просьбой: не сможете ли Вы дня четыре-пять выкроить из отпуска, чтобы пожить эти дни в Валамазе и составить рецензию на содержание дневника, критически оценить его, сделать свои замечания. Обращаюсь к Вам лично ещё и потому, что по школе ещё знаю Вас как человека не болтливого, сдержанного, чистого, способного с уважением отнестись к доверию человека, а дневник есть все-таки дневник — душа человека, которую не каждому можешь открыть. Буду очень благодарна Вам, если согласитесь исполнить мою просьбу. Через два года я вынуждена буду с такой же просьбой обратиться уже не к одному лицу, а к нескольким, если Вы откажете мне в моей просьбе. А я бы не хотела, чтобы не Вы первый, а кто-то другой был автором критических замечаний по содержанию дневника».

И ты согласишься, из трусости согласишься….

А зачем это мне?

Что ж, не согласится, я так и сделаю, согласится — вместе напишем книгу, которую собирались написать в годы совместной работы в школе. Нет. Вместе мы никогда ничего не напишем, потому, что совсем разные люди, по-разному мыслим.

Вчера от начала до конца выслушала доклад Брежнева. Много воды, никаких конкретных разработок теоретической мысли, но требования времени отражены в докладе, на мой взгляд, верно. По крайней мере, будет, чем прикрываться, как щитом, в моих критических выступлениях и статьях.

2.04

Глухая ночь. Бессонная ночь. Благоверный ушёл на работу, а я решаю вопрос, соглашусь ли я, если меня изберут в Поссовет,

стать его председателем. И, в конце концов, решаю: соглашусь! Хочется ещё испробовать свои силы, хотя знаю, что после такого знающего, авторитетного человека, как Н.Д., мне будет нелегко, нелегко работать так, чтобы и ко мне люди прониклись уважением и доверием.

Рассуждаю так, как будто бы меня уже избрали в Совет и просят стать председателем. Ничего этого ещё нет, но я чувствую, что будет, чувствую по приветливому отношению ко мне женщин, по внимательным, оценивающим взглядам мужчин, по косому ироническому взгляду бывшего председателя Совета Двинянина Н.П., о котором я когда-то написала нелестную статью в газете, чувствую по всему. Хочу ли я стать председателем Совета? Не особенно. Жаль расставаться со свободной жизнью. Полетят к чёрту все мои планы о поездках, которые я намечала. А мне так хочется поездить! Но и жить вот так, с болезнями, тяжелыми и мучительными думами, с большим желанием чего-то делать, мне уже надоело. Хочется дела, в которое я ушла бы с головой.

Мама, родная моя, как ты была права и как ты понимала меня, когда говорила: «Нет, ты не доживешь до 80 лет. Тебе ведь не жить, а гореть всё надо».

Да, мне гореть надо. Только тогда я чувствую высшее наслаждение.

В окно смотрит тёмная-тёмная, беззвёздная ночь. Днём, торопливо догоняя друг друга, падали на землю хлопья снега. Каким-то ты будешь завтра, новый день?

3.04

День выдался на славу чудесный: мягкий розовый свет только что взошедшего солнца лёг на чумазый снег; помолодело голубое небо, лёгкий морозец сковал вешнюю воду.

С радостью замечаю за собой, что мой мозг не потерял ещё способности вмещать новую информацию, а сознание по-новому перестраиваться. Много читаю и размышляю о научно-технической революции и её последствиях. В сознании меняется представление о простых людях труда.

«Научно-техническая революция приближает общество к той стадии развития, на которой создание материальных благ будет зависеть не столько от количества затраченного человеком труда, сколько от знания законов природы и, следовательно, интеллектуальный труд станет самой важной частью того, что Маркс называл трудом совокупного рабочего».

Наконец-то в моём сознании произошёл такой переход

количества в качество, который не скоро произойдет, знаю, в других головах. Служила, и служить впредь буду людям творческого труда.

В новом свете предстают сейчас и пути искоренения пьянства и судьба тех, кто способствовал его распространению, те, кому нужно было на более длительный срок удержать своё положение в обществе.

Сильнее всех человеческих слабостей оказалось в людях стремление стоять над остальными людьми, выделяться из общей массы! Нет, рано мне ещё уходить из жизни и рано иметь профессию пенсионера, которая мне уже осточертела.

Хочется сказать остальным: «Люди! Не торопитесь приобретать эту профессию, самую неинтересную и тяжелую профессию для человека».

В будущем оно так и будет. И тем скорее преступит это будущее, чем меньше люди будут стремиться к этой профессии.

6.04

Ещё вчера весна заплетала по дорогам водяные косы, сгоняя снежный покров с земли, а сегодня снова вернулась зима и стала расстилать на потемневший снег и грязь на дороге белое покрывало. Не любит зима тёмного цвета. Изо всей силы старается побелить и покрыть все, что испачкала весна. А она проказница сдёргивает и сдёргивает это покрывало, да ещё улыбается солнцем из-за серых туч. Рассердилась зима, призвала она тёмную тучу и сердитый ветер и целыми пригоршнями стала разбрасывать снег. Да не испугалась весна. Молодая и сильная, она угнала зиму куда-то на задворки вместе со снегом и ветром и снова засияла солнцем.

Хмурое утро, а у меня на душе весна. Наконец-то весна! И если пришла она в это хмурое утро, когда вся природа нагоняет тоску, значит уже не уйдет. Как же долго я ждала тебя, моя весна! Перед силой твоей смолкают кузнечики в голове, хочется жить и жить. Словно пробуждаюсь я от долгого тяжелого сна и радуюсь, что никогда он больше не повторится.

Может быть и к лучшему, что так складывалась моя жизнь, к лучшему, что я ушла из школы и стала свободной в выборе своего места и назначения в жизни, к лучшему, что родились у меня сыновья, а не девочки. Может быть, нужно было, чтобы у меня такой вот убеждённой и близкой к простым людям так сложилась жизнь?

Кто знает это. Человек в состоянии предвидеть будущего

всего человечества, но он не в состоянии увидеть свою судьбу.

Читаю выступления делегатов на 24 м съезде. Господи! Сколько общих фраз в каждом выступлении! «Согласны», «Благодарим», «Одобряем», «Поддерживаем» на все лады. Какая польза от этого восхваления! Сколько времени занимают эти славословия. Поневоле создается впечатление, что очень уж кое-кто боится не удержаться на своем месте, боится, как бы люди не усомнились в правильности того, что делается. Зачем это? Не сомневаются и одобряют.

«Создать такие условия, которые заставили бы предприятия выпускать новейшие образцы продукции, буквально гоняться за научно-техническими новинками, а не шарахаться от них…как чёрт от ладана».

Вот это правильно! Стоит жить для того, чтобы посмотреть, как это будет сделано, а может и самой принять в этом какое-то участие.

Простые люди труда. Раньше это для меня были люди преимущественно физического труда, сейчас — это люди любого труда, занятые непосредственно в производстве. Нет, им не чужд физический труд. Они используют его для создания и испытания новых машин.

Кому ты служишь? Я сейчас служу людям, и буду служить людям, работающим над конструкцией новых аппаратов, машин, испытывающие их, быстро внедряющие в производство, а так же работающим на новых конструкциях. Всю оставшуюся часть моей жизни я буду с теми, кто будет бороться за торжество человеческого разума.

Очень хочется, чтобы рядом со мной сейчас был отец мой. Нет, не то, чтобы был рядом, он и так всегда во мне, а чтобы говорил со мной, мечтал со мной. Трудно в жизни быть одной, хотя сейчас я уже почему-то меньше чувствую это одиночество. Легче сношу тяжесть его.

Наконец-то весна!

«ЦК, Политбюро, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л.И. Брежнев…проявляют трогательную заботу о подрастающем поколении».

Ага, очень трогательную! Не от этой ли «трогательной» заботы в районе стало вместо двух-четырех человек, двадцать восемь слабоумных. Не от неё ли юноши, а порой и девушки, вместо того, чтобы «иметь потребность и возможность заняться художественным, научным или техническим творчеством», занимаются нередко пьянством, благо для последнего им предоставлено куда больше возможностей, чем для первого.

Почему вы все молчите об этом на съезде?

7.04

Совсем неожиданно получила письмо от Б. Люды. Читала его и огромную радость, ни с чем не сравнимую, испытала я. Радость и гордость за себя, за то, что есть у меня на земле мой след, мои живые всходы, что мои убеждения не умрут со мной, что понесут его ученики мои, что не зря я жила на земле Люда пишет:

«…Анастасия Николаевна, я решила вступить в партию. Это для меня ответственный момент в жизни. Взвешивала всё. Рекомендации у меня уже есть. Я хотела бы попросить Вашу рекомендацию, но по Уставу это нельзя. Поэтому, посоветовались с секретарем парткома института, я решила попросить у Вас рекомендательное письмо. Это важно для меня лично, а не для чего-то более убедительного. Мне хочется, чтобы Вы, воспитывавшая меня в школе по своим убеждениям, дали мне своё напутствие свою рекомендацию в этом событии, для меня ответственном».

Конечно, сразу же Людё ответила. Умница наша, гордость школы, медалистка, гордость и моя тоже будет, я уверена, настоящим коммунистом.

Люда, Люда, ты и не представляешь даже, какой наградой наградила меня, если в самый ответственный момент своей жизни вспомнила меня, именно со мной в мыслях своих связала партию, звание коммуниста. Это ли не величайшая оценка моей жизни!

Нет, рано мне уходить из жизни. Такую оценку ещё надо заслужить.

И пусть себе трещат кузнечики в голове, пусть колокола трезвонят на все лады, я буду делать, и делать, отдавать все силы свои делу Маркса и Ленина.

Вся моя жизнь связана с партией. Не представляю себе жизни без неё.

Сегодня я, кажется, нажила себе ещё одного неприятеля. Н.Д. попросил меня, как члена административной комиссии, разобрать дело Галимова Сабира.

Сабир взял ружье, взял другое, отдал его сыну и вместе пошли в лес на охоту. А охота запрещена. Да и сыну всего 14 лет. Никакое оружие в руки ему давать не положено. При выходе из лесу он попал навстречу инспектору. Тот составил акт и передал его в Красногорскую административную комиссию, а она в нашу.

И вот Сабир предстал перед нами. Пытается доказать, что ни о какой охоте он и не думал, что просто пошёл прогуляться по лесу, захватив своего сына с собой, что решил его приучать держать ружье. И ни капли сознания, что нарушил закон:

«Чего я особенного сделал?» — невинно как агнец доказывает он.

Ещё до входа Галимова в кабинет договорились дать ему штрафу 20 рублей.

Выслушав оправдание Сабира, спрашиваю, что мы решим. Молчание. Предлагаю наше решение. Молча, поднимают руки. И сложилось у нашего Сабира мнение, что это я наказала его, что не будь бы меня, его бы оправдали.

Пошёл и бросил на прощание ехидно: «Спасибо за решение вам, Анастасия Николаевна». И никто из присутствующих не обрезал его, не сказал, что не я одна принимала решение. Промолчали, словно воду в рот набрали.

Как бояться люди испортить отношения! Как ужи, уползают в сторону, лишь бы их не тронули. И приходиться принимать на себя неприязнь этих правонарушителей, сносить их колючие взгляды, глухую порой ненависть.

Что же, кому-то надо же чистить наше людское общежитие. Благо не рождают в моей душе эти стычки никакого осадка. Наверное, потому, что слишком мелкими кажутся все обиды против той, огромной, которую причинил мне самый близкий моей душе человек. Не знаю за что, забросил её он в душу мою и …успокоился.

9.04

Пришёл журнал «Наука и жизнь». Смотрим всей семьей. Прочитали о теплице-гиганте в пригородном столичном совхоз-комбинате «Московский». И я вдруг размечталась вслух перед своими сыновьями и мужем:

— Вы понимаете, мальчики, как будет? Не десятки, а сотни гектаров будут сделаны такими теплицами, и выращиваться в них будут овощи, фрукты, зерновые огромных размеров. Сейчас вы видели лук больших размеров, а будет выращена пшеница, в колосе которой зерна будет по три сантиметра длиной…

— Ну, это уж ты хватила, чтобы зерно было три сантиметра, — обрывает муж.

— А что? Разве вы раньше поверили, если бы сказал кто-то, что куры могут нестись целый год, что можно вырастить вот такой крупный лук? Вот к концу столетия, — мечтаю я, — будет сломлено окончательно сопротивление милитаристов, и все умы, которые сейчас заняты совершенствованием оружия, будут работать для науки, все деньги, миллиарды рублей, что мы сейчас тратим на оборону, будут траться на создание огромных заводов с

автоматами, которыми будет управлять один человек, вот таких вот теплиц, не теплиц, а полей под полимерной крышей, которым не страшны будут никакие засухи и наводнения. Вы не видите этого, а я уже вижу это…

Наверно каким-то необычным было моё лицо и глаза, что мальчики, как зачарованные, слушали меня, и у них блестели глаза.

— Для этого стоит жить, — продолжаю я, — учиться, работать.

Вечером Саша спрашивает меня: «Мама, почему ты не стала учиться дальше? Такой ум у тебя пропал».

— Война же, Сашок, была. Разве до этого было? Да и почему пропал? По наследству я передала его вам и разве плохо будет, если вместо моего одного ума будет три-четыре-шесть. Они больше могут создать, чем мой один ум. И эти мои умы так же, как я, никогда не убьют себя алкоголем. Отравленный алкоголем ум уже пропал для науки, для общества. Я не хочу этого, — говорю я моим детям.

Чувствую, что что-то изменилось в Саше, как-то бережнее он стал относиться ко мне. Он стал уже совсем взрослый, мой Саша, ученик 8-го класса.

— Пётр, тебе трудно, наверное, со мной? Ты все один да один по хозяйству, — спрашиваю я мужа. — Но ты уж не обижайся на меня. Что сделаешь, если я уродилась такая.

— Да уж куда тебя девать?

А я и гордость мной, и сожаление, что не могу стать домохозяйкой, слышу в его словах.

Хочется, чтобы все люди увидели, узнали то, что вижу и знаю я. Доклады, беседы, лекции, статьи …

10.04

Вышла «Победа» с моей статьей о Телицыной Зое. Знаю, снова она в посёлке вызовет всеобщее обсуждение и одобрение, кроме этой злополучной Телицыной.

— Ну вот, — говорит Петя, — ещё одного врага нажила.

— Ну и пусть, — возражаю я, — зато на Зареке жители будут жить спокойно. И Наташе Быковой с Леной Шуклиной, пострадавшим невинно, эта статья — моральное удовлетворение.

— Убьют они тебя, — как что-то решённое, обречённо говорит муж.

— Не убьют, побояться. А если и убьют, пусть убивают. Не так уж страшно умереть, как ты думаешь.

— Слишком уж жестоко написано, — с неудовольствием говорит Толя.

Я понимаю, это уж Г.М. Кудрявцева, их классный руководитель, прививает им мягкотелость. Нет, я против этого. Рядом с добротой и любовью к хорошим людям должна в душе жить неприязнь и ненависть к другим, плохим. Нет, я постараюсь сделать всё, чтобы в Толе не было этой беззубости.

— А разве не жестоко было избить Лену и Наташу? Ни за что избить? — доказываю я своему сыну.

— Если бы вот так тебя ни за что избили, ты бы что, молчать стал? Если бы ровесником был, ты бы сдал сдачи, а если бы сильный тебя побил? Что бы ты стал делать? Понравилось бы тебе, если бы за тебя никто не заступился? — наступаю я на Толю.

Толя молчит.

— Вот я и заступилась за них, — говорю уже более спокойно и миролюбиво.

Нет ничего тяжелее и труднее, чем необходимость наказывать человека. Но преступника надо наказывать, наказывать во имя того, чтобы не было преступлений.

«Убьют». Что же, не исключено и это. Может трезвый побоится сделать это, а пьяный может. Недаром говорят, что пьяному море по колено. Я не боюсь умирать за дело, за идеалы, которым служу, пусть это может быть, и сказано громко.

К злу я никогда не буду равнодушна, как и к добру.

Ненавижу равнодушие и никогда не перестану осуждать его!

Как все-таки дико порой люди устраивают свою жизнь! Ясной, тёплый, солнечный, первый по-настоящему весенний день будит радость в душе, а тут — преступления. И о них надо писать и говорить. Что же, солнце ведь тоже своими лучами неумолимо сосёт снег, сгоняет его безжалостно с земли, чтобы могла дать она свежую, молодую и красивую зелень, вдохнуть жизнь в готовые принять, её ещё совсем, будто неживые древесные почки.

Какие замечательные слова:

«Истинная поэзия появляется в мыслях, в словах и в делах человеческих тогда, когда человек принимает в свою душу и берёт на свои плечи заботу о других людях, об их надеждах, об их счастье, об их благополучии». И ещё: «И я бы добавил: чем прямей и деловитей говорят люди, чем откровенней идёт речь о необходимых нашему обществу земных, практических делах, тем больше в этом поэзии».

К. Симонов «Немного о поэзии…» («Правда» от 7 апреля 1971 г.)

11.04

Вчера пришёл ко мне Арасланов Равиль, пришёл просто почерпнуть где-то уверенности в себе.

Мучается, что не может трудиться в полную силу, что, теряет интерес к работе.

Неожиданно рассказывает всю свою жизнь.

Вот заглянешь так в душу человека и совсем по-новому начинаешь смотреть на него.

Рассказывает:

«Пришёл я к Вале (его вторая жена), а сын уже большенький. Я сначала никакого внимания не обращал на него, даже не думал, что это мой сын, а он: «Папа, папа». Только когда тёща сказала: «Да больно ты ему нужен», — я спросил его: «Чего тебе, Володя?». А он взобрался ко мне на колени и всё со мной. Так потом у меня на груди и уснул. И тут у меня вроде, что в душе перевернулось. Теперь вот плачу на него алименты, вижусь с ним, признаю его своим сыном и мысли нет, чтобы не платить на него».

Равиль живёт с третьей женой, у них четверо детей. Живут, говорит, дружно. «Вот приходите к нам, посмотрите, как живём. Познакомлю вас с моей женой», — приглашает он.

Расстались друзьями. «Сразу легче вроде на душе стало», — как-то благодарно говорит он.

Просит помочь разобраться во всех его делах.

Ох, как трудно будет убедить его, что во многом и он сам виноват, убедить осторожно, не разбередив души, которая так доверчиво открылась тебе.

Ко многим сходить, со многими поговорить, чтобы сказать, в чём он прав и в чём неправ.

Какое-то материнское чувство появляется ко всем вот этим взрослым людям, что идут ко мне за помощью и поддержкой, идут за советом и чем больше их идёт ко мне, тем большая ответственность ложится на меня за их душевное спокойствие, за создание лучших условий для труда и быта.

«Очерствел душой, общаясь с людьми», — вспоминается ещё. Как можно черстветь душой, общаясь с людьми! Не понимаю. Непостижимо это просто для меня.

Часто вспоминается прошлое. Удивительным просто сейчас кажется, что представишь себе вот так человека, чуть ли не богом сделаешь для себя, а заглянешь, потом к нему в душу и ничего-то ты не увидишь в ней. Думаешь, ради чего живёт на земле человек, если он от людей черствеет?

14.04

Удивительно, как верно состояние души человека, его желания и тревоги передают сновидения!

… Я иду в группе экскурсантов по московской улице. Мне легко, свободно, хотя я плохо одета и невзрачно выглядит мой костюм, как и я сама, повязанная белым платком вкруг головы.

И вдруг я в группе замечаю В.Г., я прячусь за спины людей, боюсь, что он заметит меня, такую неприглядную и просто одетую. И мне хочется, очень хочется, чтобы его тут не было, чтобы он куда-нибудь ушел. Мне тяжело в его присутствии.

Такой ясный сон, как будто всё это происходило наяву.

Должно быть, это отражение твердого решения:

«Не надо мне больше видеть его».

Уже всё прошлое представляется чем-то незначительным и ненужным.

А в душе царит весна. Она поёт, ликует, вливает бодрость и душевную силу. И всё это в день, когда дождь размачивает только что показавшуюся землю, старается поскорее убрать остатки сникшего снега, чтобы расчистить путь новой жизни, скрытой матерью — землей, жизни, которую она скоро вспоит и вскормит. И расцветёт она на радость всем живущим и мощную силу духа вольёт в человека.

Вторую в жизни переживаю я настоящую весну.

16.04

Давно уже вынашиваю я мысль работать в «Удмуртской правде» (разъездным корреспондентом), а сегодня мне пришла мысль добиться через редакцию газеты права бывать в трудовых коллективах республики, парторганизациях республики. Какой бы богатый материал был бы у меня для моей будущей книги, будущих статей в газете! Я же хорошо знаю школьную жизнь.

И редакция предоставит мне такое право. Обязательно! Что это, опять предвидение? Нет, Просто человек может добиться всего, если он добивается не для себя лично, а для людей, и если у него есть сила воли и настойчивость.

«Не для себя лично». Но это ведь и для меня лично интересно!

Не пропали бесследно мысли Н.Г. Чернышевского о «разумном эгоизме». Это ведь его мысль стала и моей мыслью: «Человек тогда только по-настоящему может чувствовать себя счастливым, если он добивается счастья для других. Через борьбу

за счастье других, он добивается счастья, ощущения полноты и радости жизни для себя».

Я радуюсь, я счастлива, если мне что-то удаётся сделать для людей.

Сейчас у меня на очереди Арасланов Равиль. Помочь ему.

«Общаясь с людьми, зачерствел душой». И это вещает человек, руководитель, поставленный для того, чтобы можно было больше сделать для людей? Какая несправедливость!

Я уверена, что в будущем у руководства, у партийного в первую очередь, будут стоять люди, у которых будет больше, чем у других, чувство и стремление сделать как можно больше для как можно большего числа людей. И это будет торжество справедливости.

Такой руководитель не будет думать, ни о каких жизненных благах для себя, больших, чем их имеют рядовые труженики.

17.04

Зима пробует взять реванш, но солнце всё сильнее и сильнее пробивает мутную пелену на небе, как во все большем и большем числе людей пробивает себе дорогу сознание необходимости жить в мире. Скоро, очень скоро солнце засияет над землей, как мир и безопасность народов над Европой, и сразу далеко в прошлое отодвинется война, как что-то ненужное и противоестественное. В жизни человеческого общества тоже начнётся весна с её теплом, радостью, счастьем, а потом наступит лето, и будет продолжаться оно бесконечно, благодатное, полное созидания. И появятся города под прозрачными крышами — светлые, чистые, богатые зеленью и свежим воздухом. Люди упрячут транспорт, в них глубоко под землю и вместо правил уличного движения будут изучать правила культурного поведения на улице. Как нечто обязательное для всех граждан. А земля, наша кормилица — Земля, щедро отдаст все богатства свои людям, и в полях — теплицах претворится в жизнь мечта человечества — вырастить два колоса там, где рос один, нет уже не два, а больше. И пьянство, как наихудшее зло из всех зол, канет в вечность, навсегда исчезнет из жизни людей. Они будут только читать о нашем времени и говорить: «Надо же, какими дикарями были люди, что стремились превратиться в животных, хоть на какое-то время, пусть ненадолго, уничтожить разум человеческий — высшее творение природы. И ещё будут говорить люди будущих поколений, о нашем времени, как о времени, о веке, положившем начало новому обществу, навсегда избавившему мир от всех

эксплуататорских систем.

О, я горжусь, что живу в двадцатом веке, веке, полном величайших человеческих свершений и перемен, таких, какие никогда ещё не было на земле среди человеческого рода.

Пусть трудно досталось нашему поколению, пусть неудачно сложились наши жизни (помешала война), но мы можем гордиться тем, что были свидетелями и участниками великих битв за счастье людей, будем свидетелями, а может и участниками ещё более великих битв за человеческие умы, за победу справедливости на земле.

Почему вдруг родилась эта весна в душе? Вероятно потому, что я победила, наконец, саму себя. Победа над собой, над своей слабостью — самая большая из всех побед, какие я когда-либо знала. Победила и, будто, расчистила место для чего-то более значительного в моей жизни, чем было.

Странное предчувствие. Я вся в ожидании чего-то большего и нового.

19.04

А жизнь идёт своим чередом…

Прямо против нашего окна висит скворечник. Раньше в нём селились трудолюбивые, серьезные, хлопотливые скворцы. После того, как на дворе появилась Альма, они уже больше не селятся в своём жилище. Сегодня на крышу скворчиного домика уселась дружная пара воробушков: солидный, спокойный воробей и его вертлявая подруга. Она постоянно встряхивает свои пёрышки, чистит их клювом и вертит во все стороны головой. Воробью наконец это надоедает и он как-то боком с осуждением смотрит на неё: «Нашла время прихорашиваться, когда надо выбирать место для гнезда», — будто говорит ей.

Занимаюсь обычными делами. Вчера пришлось организовать чаепитие, чтобы «законным» образом дать возможность хозяину выпить.

«Ну, ведь мужик же я, хочется же мне выпить-то хоть изредка», — оправдывается Пётр после последней беспричинной выпивки на моё молчаливое осуждение.

Мне не по душе эти чаепития с выпивкой и пустыми разговорами. Жаль даже нескольких часов, потраченных на созерцание мира сквозь алкогольный туман, но приходится мириться и даже делать вид, что мне чрезвычайно интересны разговоры о том, сколько куры снесли яиц, когда корова разрешится от бремени, и сколько чего мы будем садить в

огороде. Под конец такого разговора меня неумолимо клонит ко сну, я делаю отчаянные попытки удержать свою вдруг отяжелевшую голову в вертикальном положении, таращу бессмысленно глаза и огромной силой воли, достойной лучшего применения, выдерживаю долг гостеприимства до конца. Невыносимо хочется сбежать ото всего этого. Но я мать, — говорю я себе, — и должна выполнить свой материнский долг до конца: сохранить детям своим гнездо, пока они из него не вылетят, сделать, чтобы в этом гнезде им было тепло, покойно с папой и мамой.

Сколько же мне предстоит жить? Сколько времени останется на другие дела, когда вырастут мои дети? Как коротка у человека жизнь!

А ты, глупейшая Анастасия Николаевна, хотела её ещё укоротить. Эх, ты!

Сегодня у меня последнее занятие на заводе. Даже жаль делать перерыв на лето. Все-таки я — пропагандист. Пишу ли я статью, выступаю ли с докладом, провожу ли политзанятие — всюду я пропагандист и работу пропагандиста я никогда не оставлю, какой бы другой работой мне ни пришлось заниматься.

Свобода нужна мне для того, чтобы отдаться ей целиком, со всей страстью своей души. Сейчас уже не нужно мне высокого положения, чтобы люди слушали меня, потому что вся моя жизнь заставляет людей прислушиваться к тому, что говорю, верить мне, верить в правоту моих слов. У меня есть моральное право говорить, потому что убеждаю в том, чем сама живу, в чём убеждена сама. До души человека доходят только слова, сказанные от души, горячо и убедительно.

Пусть не совсем удачно сложилась моя личная жизнь, но мне нечего краснеть за неё. Никогда не была я мещанкой и не обыватель жил во мне, а борец за торжество Ленинского дела. До конца дней моих буду верить в то светлое будущее, которое мы называем коммунизм. Пусть невелик круг людей, с которыми я общаюсь, но пусть каждый из них видит во мне, прежде всего коммуниста. Как развитие человеческой мысли вообще, снова и моя мысль возвращается к старому, повторяет то, что не сейчас сложилось, но повторяет в новых условиях, в новом душевном состоянии.

24.04

Как неожиданно вдруг — будто совсем незначительный разговор заставляет по-новому посмотреть на свои желания и

мысли. Вот сама не заметила до этого разговора за собой, как свернула вдруг в сторону, а он заставил снова выйти на широкую колею своего жизненного пути.

Начну сначала.

Пришла Любовь Андр. и рассказала, как отмечали день рождения (50-летие) Галимова З.З.

— Много народу было, — рассказывала она. Всё начальство посёлка они пригласили, ни одного не обошли.

— И Такаев Ю.А. был? (начальник лыжного цеха).

— Был.

— И Троегубов Г.А. (директор завода) был?

— Был и он. Да, в общем, все, кто занимает пост.

Да, у Галимова З.З. друзья все, кто занимает пост. Интересно, как бы он стал относиться ко мне, займи бы я тоже пост? Вот в чем наше с ним главное разногласие: он уважает всех, кто занимает пост. Для меня друзья, уважаемые мной люди все, кто честен, добросовестен, прям, человек, активный, трудолюбивый, вообще, (не только за деньги), друг каждый, для кого ленинизм стал его убеждением. Особая симпатия у меня к простым людям труда, особенно творческого труда, вот таких, как Геннадий Меньшиков (о нём у меня будет статья), Кропачева Дуня и другие.

И к руководителю уважение, если он не зазнался, не требует много для себя, заботится о тех, кто вверен ему.

После разговора проснулась, нет, не проснулась, просто заговорила вдруг моя партийная совесть:

— Ты хочешь стать председателем Поссовета, признайся Анастасия Николаевна, хочешь. Хочешь, чтобы встать выше по положению всех этих Обуховых, Галимовых, Янкиных, Зайцевых, всех, для кого твоя идеология так же далека, как небо от земли, хочешь, чтобы торжествовать над ними. Видишь, в тебе опять начинает шевелиться червь честолюбия. Заглуши его и честно скажи, сможешь ли ты дать людям больше, чем ты знаешь, будучи на этом посту. Сможешь ли показать пример бескорыстного служения им? Вот ты вступаешь в борьбу со злом, вступаешь не за деньги, и они видят это, вступаешь, не боясь испортить с кем-либо отношения, сказать прямо, защищаешь справедливость не ради собственной корысти, собственного благополучия и собственного положения в обществе, а ради её торжества на земле, и люди видят это. Не по обязанности, а по долгу человека делаешь ты сейчас все, не получая за это ничего лично для себя и не требуя ничего за свой труд.

А потом, когда ты станешь председателем, не посмотрят ли люди на всю твою деятельность, как на путь достижения поста? О, господи! При одной мысли об этом у меня холодеет душа! Вдруг,

да и обо мне скажут, что согласилась стать председателем из-за денег, как это сказали о Н.Д.

Совершенно не справедливо сказали! А обо мне ещё могут сказать, что захотела иметь пост. Так что убей, Ан. Ник. всякое желание, пусть даже самое маленькое, стать председателем Поссовета.

Живи для людей. Для тебя и рядовой дело найдется. У тебя есть смелость, честность и есть в руках самое острое оружие — умение писать. Не каждый умеет владеть пером. Ты умеешь. Вот и защищай этим оружием людей, делай так, чтобы им жилось и работалось легко.

Лучше на небольшом поле деятельности одержать победу, чем на большом потерпеть поражение.

25.04

Какое это тяжёлое дело, заниматься тем, к чему не лежит душа! Очень хотелось сегодня с утра, не свежую голову сесть за статьи, а вместо них пришлось топить печь, месить этот несносный колоб, потом с остервенением рассекать его в сочень завертывать копчёное мясо и допекать его до полной съедобной кондиции. Потом приводить к тем же кондициям сметану, которая уже начала угрожающе пузыриться, стремясь превратить свою стоимость в мёртвый капитал, пригодный разве только для помещения в сырую землю на питание растениям.

В надежде, что я смогу в перерыв между помещением в печь сырой массы и съемом её в готовом виде что-либо написать, я сажусь за стол…

…Смрадный дух дошел, наконец, и до меня и заставил оглянуться вокруг. Комната медленно наполнялась синеватым дымом. Он довольно плотной стеной уже успел повиснуть под потолком. Бросаюсь к печке и мигом открываю заслонку, обжигая пальцы и проклиная, на чем свет стоит это проклятое личное хозяйство.

«Ничего. Половину ещё можно употребить в пищу», — успокаиваю я себя.

А во дворе во весь голос горланит петух, возле которого сгрудились курочки, миролюбиво беседуя друг с другом на своём курином языке. Мой Пётр так умильно смотрит на них, что у меня появляется твёрдое намерение никогда не разлучать его с этими представителями семейства куриных.

Не получилась из меня домохозяйка, а теперь уж и подавно не получится.

Вспомнились ещё слова Тамары Андрияновны: «Вы что, хотите начать новую жизнь?». Начну, Тамара Андрияновна, начну, уважаемая, но так, что боли от этого никто не почувствует. Наоборот, всё встанет на своё место и будет всем легко.

Время от времени встаёт в сознании видение прошлого, но я тогда морщусь, как от зубной боли, и оно исчезает.

Снова начинает появляться возможность сидеть хоть изредка до глубокой ночи. А потом отчаянно спать почти целые сутки без всяких тревог и сновидений.

Начинает возвращаться здоровье, смолкают в голове кузнечики. Только беспокоит ещё шум. Но это ерунда, на которую едва ли стоит обращать внимание. Главное не в этом. Главное в том, что я снова живу и жить хочу.

Снова высоко кверху устремляется мысль, раздвигая стены дома, ломая препятствия, стремясь подняться туда, откуда видно далеко вокруг, как с той космической станции «Салют», что виток за витком наматывает вокруг нашей родоначальницы рода человеческого — Земли.

26.04

Наташа Быкова пришла снова и принесла мне подарок. Она и раньше мне порывалась что-то дать, но я решительно отказывалась.

— Наташа, ведь не ты первая и не ты последняя обращаешься ко мне за помощью, — убеждала я её. — Разве я за деньги или подарки что-то делаю? Просто хочется, чтобы всем жилось спокойно.

— Я понимаю это, — отвечала Наташа, — но я должна же отблагодарить вас чем-то за это.

— Твоё «спасибо» — самая ценная для меня благодарность, — снова и снова убеждала я её.

И вот сегодня она все-таки опять пришла с подарком. Подаёт и с мольбой смотрит на меня. Чувствую, от всей души даёт.

— Наташа, да ведь это взяткой называется. Как я людям-то буду смотреть в глаза после этого?

— А я никому не скажу. Ну, пожалуйста, возьмите. Как от сестры возьмите. Я одна. Никого у меня нет и заступиться за меня некому. Возьмите, пожалуйста, как от своей сестры.

Говорит, а у самой слёзы на глазах. Понимаю, что если прогоню её, нанесу глубокую обиду. Решаю принять подарок, с твердым намерением купить ей тоже.

Ох, как рада была Наташа! Обязательно ей что-нибудь куплю.

И попробуй она не взять от меня, раз назвалась сестрой!

Будет ей двойная радость. Наташа одинокая, хозяйственная, трудолюбивая женщина.

И тут мне вдруг снова открылось будущее: Наташа займет моё место в нашем доме. Ну и пусть. Для моего Петра она будет хорошей женой. С ней он будет счастлив. И она тоже. Всё встанет на своё место.

27.04

Все-таки как ещё сильно человек зависит от природы! Спряталось солнце, загудел осенний ветер, поползли по небу свинцовые тучи, и падает настроение человека, разливается беспричинная тоска по душе, шевелит какие-то неясные сомнения и тревоги, навевает грусть о безвозвратно потерянной радости, о безвозвратно ушедших друзьях.

Хочется иногда прочитать первые страницы дневника, но, как от чумы, бегу от этого желания.

Огромная рана стала, как будто, чуть-чуть затягиваться тонкой прозрачной кожицей, готовой вот-вот прорваться. И я боюсь, страшно боюсь тронуть эту кожицу и снова открыть рану. Всё время, кажется, откройся эта рана, и кровь хлынет таким потоком, что мне уже не будет спасения…

Фу, какие тоскливые мысли, и всё это из-за погоды. А может и ещё из-за чего?

Сходить, узнать, как у Равиля дела, сказать, что написала о нём в «Удмуртскую правду».

28.04

Какое это счастье, когда в душе весна! Шесть лекций среди коллективов, пять хороших статей в «Победу», две в «Удмуртскую правду» — все это за апрель месяц. Хорошо! Душа поёт, ликует и, кажется, нет для человека такого трудного дела, которое он не смог бы сделать в этот период радости и вдохновения. Все болезни куда-то отступают далеко назад, а душа творит и творит. Одна за другой рождаются мысли, обгоняя друг друга, они ложатся на бумагу в стройный ряд. Не надо выдумывать, не надо вымучивать. Всё рождается легко и свободно. И тут же появляется непреодолимое желание передать людям всё, что родилось в душе. И пусть ветер с шумом летит мимо окон, врывается в оконные щели, пусть робкие снежинки порхают в воздухе, пусть

серые тяжёлые тучи виснут над посёлком, больше уж снова нет тоски и тревоги в душе. Эх, в коллектив бы какой-то весёлый сейчас, туда, где счастливые люди, где радость бьёт через край!

Я возвращаюсь с лекции. Неторопливо навстречу вышагивает по грязи Корякина Н.С.

— Вы это куда ходили?

— Лекцию проводила на раскройном участке.

— Вам что, платят за это сколько-нибудь?

«Платят, платят бодростью духа, радостью, самым хорошим весенним настроением», — хотелось сказать мне ей, да разве поймёт? Не поймёт, что в жизни есть то, что никакими деньгами не измерить, что выше самой дорогой цены, что есть самая высокая радость, бесценная радость, и имя этой радости — вдохновение.

Ничего не сказала я ей этого. Просто ответила:

— Нет, не платят. Но у меня есть возможность больше читать, больше знать, и раз я узнала что-то новое, я должна передать это людям.

— Ну да, конечно, — соглашается она.

Дома звонит К.А. о будничных житейских делах. Любовь Андрияновна приглашает на цехком для разбора поведения её мужа.

И я разговариваю об этих будничных делах, иду на цехком, а душа поёт, и чувствую я себя такой богатой, что богаче всех. И каким бедным и жалким кажется человек, для которого единственное удовольствие — выпить.

И снова вспоминается:

«Если это тебе доставляет удовольствие».

Ну и пей на здоровье, если тебе это доставляет удовольствие.

Какие мы все-таки очень разные люди, такие разные, какими никогда не бывают брат и сестра.

29.04

Что может быть хуже обманутого доверия! Ты идешь к человеку с добрым словом и приветом и не думаешь совершенно о том, что в это время он обманывает тебя и потешается над тобой, что сумел провести, обмануть твоё доверие. Ох, как тяжело бывает, когда узнаешь об этом.

Как только устанавливается доверие, мой благоверный снова начинает попивать. Я узнаю об этом, следует размолвка, перерыв в выпивках. Снова будто проникаешься доверием и снова обман. Сейчас такой обман как никогда сильно ранит ничем не

защищённую душу. И мечется она, не зная, где найти себе место не земле, где обрести покой. Как же трудно жить одинокой!

С детьми, с мужем и …одинокой. Кажется, встреть я человека, который так же, как я, осуждал бы пьянство и боролся с ним, я сразу бы прониклась к нему уважением и доверием, наверное, сразу же к нему потянулась бы душа…

Наступает первое Мая. Хочется в этот день чего-то радостного, светлого, весёлого. Будет хорошая погода, уйдём с Толиком и Вовкой в лес. Посмотрим, как тянутся из земли нежные росточки, как набирают почки, готовые удивить свет чудесной красотой своих первых молодых листочков, как березка торопится украсить себя серёжками.

30.04

За теми, кто живёт и работает рядом, люди замечают всё.

И как важно вызвать человека на доверительный разговор! Разве я узнала бы эти замечательные мысли Меньшикова Геннадия Д., не будь бы этого доверительного разговора:

— Я же понимаю, что если я пришел на работу, я должен отдать всё, что могу, создай мне только для этого условия, а мне начинают доказывать, как маленькому, что я должен работать и смотрят на нас, как на лодырей, которые только и думают, как от работы уйти. Обидно это. Я сам переживаю в душе, если что не ладится.

Геннадий — наладчик новых автоматов на стеклозаводе. Говорит как-то смущённо. Очень боится, что его могут счесть за хвастуна, и разговорился только под конец. Стоит подойди к человеку доверительно, и он раскроется тебе весь.

— Мы обычно устраняем аварию, а ведь важно, чтобы не случилось она, предотвратить её, — говорит он. — Когда работаем хорошо, никаких совещаний не бывает, а как случится что, так и забегают.

— Скажите, а Обухов Г.И., как главный инженер помогает вам в работе?

— Да что он может помочь, когда я больше его знаю. Ему скажешь что, он и внимания не обратит, а ведь каждая мелочь может помешать нормальной работе. Он все по старинке старается. А что нам, как раньше работали, ты скажи нам, как сейчас надо работать. Вперед надо смотреть, а не назад.

Я его слушаю и удивление, и гордость за него рождается в душе. Как-то меняется и отношение к нашей молодёжи, к нашей смене. Хорошая, здоровая смена!

— Обухов, что Обухов, — продолжает Геннадий, — он умеет распорядиться, навести порядок. Ему бы самое дело быть начальником смены, но не главным инженером. Там бы он был на месте.

Нет, не сверху, а в самом рабочем коллективе виднее, куда кого поставить.

А Геннадий уже дальше говорит своё наболевшее:

— Хорошо, когда руководитель трезвый и умный. С ним работать легче. Если бы нам начальника смены дали Славу Шуклина. К нему не придешь на работу пьяный. Чуть что, он уж сразу носом поводит.

Вспомнилось, как-то приехал из редакции Семёнов. Хотел написать о ком-нибудь из рабочих в газету. Я зашла в контору как раз тогда, когда они с Обуховым перебирали, о ком написать в газету, и не нашли никого. А сколько вот таких на заводе рабочих, незаметных, скромных, которые порой и молчат-то только потому, что обрезают их на первом слове. Остаётся только обида на душе, что не поняли, не поддержали. «Ведь дело говорил, не для себя, для производства лучше хотел сделать, а меня…. Эх, да что там говорить!»

Нового директора Троегубова Г.А. рабочие пока одобряют. «Не пьёт. Старается», — говорят о нём.

2.05

К красотам природы в праздник приобщиться не пришлось.

Сагида Мих. «торжественное» совещание в честь первого мая предлагает провести у них. И я в первый раз в жизни не иду на торжественное совещание в клуб. И право же, не раскаялась в этом.

Нет, даже старая форма проведения торжественного совещаний уже надоедает, как изо дня в день подаваемая однообразная пища. Такой радостный праздник и как-то хочется отмечать его по радостному.

Снова за столом сидим вместе с З.З… Впрочем, с некоторых пор он стал относиться ко мне более уважительно.

Кроме нас и Галимовых здесь Куклины и Касимовы.

Солидно и торжественно поднимаем первую стопку. Я пью по глотку, каждый глоток, заедая закуской. Мужчины уже опрокинули по третьей. Выпили и женщины свои стопки. Волей — неволей пришлось и мне осушить свою винную ёмкость. Наливают вторую. С этой справляюсь значительно быстрее.

— Ну, давайте выпьем, — просит хозяйка. — Анастасия

Николаевна, я вам сегодня объявляю выговор.

Но тут взгляд её подает на уже опростанную стопку. Она даже поперхнулась от удивления, но быстро нашлась и договаривает: «благодарность!» Мы с Раей Касимовой давимся от смеха. Вообще «торжественное собрание» прошло в «деловой» обстановке. Шутки, смех и песни не прекращались целый вечер. Весело!

Человеку должно быть нужна такая разрядка.

Первого Мая — «День пенсионера» у Бёрдовых. Мне больше хотелось, конечно, к Берестовым продолжить начатое «чаепитие». Но это постоянно стоящее в памяти горестное: «Кому мы нужны», сказанное как-то К.А., ведёт меня в другую сторону, и я уже, как обречённая, приготовилась чинно сидеть за столом и вести неторопливый разговор о курах, картошке и разных семейных делах.

Выручает Н.Д… Большой любитель поиграть в карты он и нас при моей активной поддержке организует для отчаянных сражений в карточных боях. Впрочем, они приобретают форму довольно приятного времяпровождения. Н.Д. с удовольствием принимает дам, которых я с неменьшим удовольствием ему посылаю, он меня ухитряется через двух человек заставлять принимать королей.

Н.Д. — жизнерадостный, бодрый. Его никак не назовешь стариком, несмотря на его 71 год. Рассказывает он увлечённо. Любит пошутить и посмеяться. С ним интересно.

Испортил всё Перевощиков И.А… Я не люблю его, как и остальные присутствующие. Вечно пьяный, замызганный, с неприятным смешком, он едва ли у кого вызывает симпатию.

Пришел к Б. вероятно просить денег на водку. К.А. заперлась. Он долго стучался, упрашивая открыть. Я выхожу к двери, стараюсь убедить его, что дома никого нет. Не верит. Тихонько рассуждаем о том, как может человек дойти до такой низости, чтобы вот так нахально ломиться в дверь туда, куда тебя не хотят пускать.

— Неужели мы с вами доживём до этого? — обращается ко мне с вопросам Н.Д.

— Нет, мы с вами не доживём до этого, — отвечаю ему.

А сама вспоминаю, как вот так же однажды стояла у закрытых дверей…. Не пьяная и не за деньгами пришла я к тем дверям. Пришла за советом, за хорошей беседой, и передо мной вот так же захлопнули двери….

Невыносимо тяжело об этом вспоминать.

Н.Д. заметил моё настроение.

— О чём вы задумались, Ан. Ник.? — спрашивает он меня.

— Да так, просто, ни о чем. Думаю вот, долго ли он тут

простучится.

Г.Ф. и К.А. тщательно избегают разговоров о В.Г. со мной. Чудаки! Как будто что-то может измениться в моём отношении к нему! Но странное дело: чем тщательнее они делают это, тем большая неприязнь растёт за это к ним.

Они добрые, хорошие, уважительные люди, я уважаю их и все-таки сейчас ходить к ним просто себя заставляю. Что-то искусственное появилось в отношениях к ним, охраняют своего сына от меня, как будто от какого-то недостойного человека, как будто моя дружба с ним может унизить его. И мне горько, бесконечно горько от этого.

6.05

Откуда бёрется вдруг это ощущение душевной пустоты и усталости? Словно бы и солнце снова после долгих дней ненастья освещает неуверенным светом сквозь тонкое марево разбухшую землю, и молодая зелень начинает пробиваться сквозь прошлогоднюю траву, а на душе тоскливо. Может потому, что живёт она вместе с теми, кто сошёл в могилу, и ни с кем из живущих ей не согреться. Папа, Ава, Алёша…. Вас нет больше на земле. Алёша, ты последний ушёл от меня. Сколько задушевных разговоров и жарких споров было у нас!

Передо мной твоё письмо:

«Что уж ты так загоревала, затосковала? На твоём бы месте я ещё песни пел. Да и не слишком ли рано тосковать-то? До конца года доработать сначала надо, а там и восхода нового пенсионного солнышка дожидать. Или вернее встречать. Силы будут, здоровье будет и дело найдется. У тебя ещё чуть-чуть опробован писательский талант. А ведь это может быть широким полем деятельности. Мне очень захотелось описать частички жизни, в которой мы живем, да не хватило стремления и здоровья…. Состояние моё такое, что долго не протянуть…. На этом можно подводить печальный конец. И всё же нет! Сдаваться рано. Пока ходит в жилах кровь, пока бьётся сердце — сдаваться рано. Пройдёт и недуг, и отдышка, и жизнь снова потребует перемены твоего отношения к ней. Пусть у меня меньше шансов выглянуть в большой свет сквозь дырья жизни и сказать своё последнее: мы были живы. Да, Тася, мы имеем право сказать это, потому что жили и боролись. Пусть у тебя не хватило сил справиться с рутиной мещанства. Но ты пробовала как никто другой из посёлка. Ведь это было….. в нашей жизни было то, что не было в жизни многих…. Нам спокойная жизнь не может и

сниться. И это неплохо…. Не унывай, что у тебя нет темы в настоящее время. Жизнь идёт, и темы интересной деятельности может придти ежедневно, ежечасно. Моё состояние здоровья хуже твоего. Сердце работает плохо, и жизнь висит на волоске. Многого я за свою жизнь не сделал….»

Эх, Алёша! Много мы спорили с тобой о Советах. Я бы доказала тебе, что была права. А сейчас я одна. Ни поспорить, ни поговорить не с кем. Редко в моей жизни бывает праздник: хороший, здоровый спор.

Через два с половиной месяца после этого письма тебя не стало…. Но тебя я буду хранить в душе своей до конца своей жизни. Буду снова и снова читать письма твои. И через многие годы, через всю жизнь свою буду черпать из них, твой призыв: «Не хандри! Не тоскуй! У тебя ещё есть силы. Ты ещё можешь найти себе дело, можешь делать».

Впереди выборы. Ты руководитель агитколлектива. Работай и не хандри!

12.05

… Ясный, солнечный, летний день. Я стою на дорожке какого-то сада. Низко склоняются ветви лип и берёз, опушённые только что распустившимися молодыми листочками. А рядом стоит он. Мы рассматриваем полупрозрачную ткань липового листика, пронизанную тонкими жилками, сравниваем с берёзовым листочком. Мне снова тепло, хорошо. Нежная песня, как серебреный колокольчик звенит в душе…. Чудесный сон! Я просыпаюсь, а в душе ещё продолжает звучать эта песня.

И вдруг она сразу смолкает, как голос испуганной птички. Чужие, жадные руки хватают тело, грудь…. Сырые, липкие губы, тряпкой мажут по щекам и губам. Душа протестует, кричит, плачет, стонет от боли…. Но ты — жена, ты должна выносить всё, чтобы сохранить мир в семье для детей.

Какая это пытка всю жизнь быть проституткой и носить к этой грязи ненависть в душе! Раньше бы оправдала себя тем, что надо это для того, чтобы иметь здоровых детей и для них здорового отца. А сейчас…. В какую муку для меня превратилось всё это сейчас! Как выдержать мне эти три-четыре года, пока Пётр не выйдет на пенсию? Где силы взять?

Терпи, Анастасия Николаевна, терпи. Ты ведь сильная. А там — свобода! О, что может быть прекраснее свободы, когда не надо больше делать то, что тебе ненавистно. Пусть сил будет мало, пусть не на много тебе их хватит, пусть. Не нужна мне долгая

жизнь. Нужна свобода. И возможность делать, делать…. Работать, чтобы заглушить боль так трудно заживающей душевной раны….

13.05

Своих сыновей я стараюсь приучать к самостоятельности. Не прихожу быстро на помощь, когда они оказываются в трудном положении. Пусть сами учатся находить правильный выход, пусть сами учатся прибегать в трудных случаях к совету старших.

Сыны мои сыны. Не балую я вас очень лаской. Не по моему характеру это. Жизнь слишком часто заставляла меня стискивать зубы, собирать всю свою силу воли, чтобы добиваться поставленной цели. Слишком сурово она всегда обходилась со мной, безжалостно убивая в душе всякую нежность. Наверное, это и лучше, что у меня родились сыновья, которым и не положено быть слишком нежными. Но живёт она в душе моей, эта нежность. Никакая суровая жизнь не смогли убить её. Только не показываю я её моим сыновьям. Пусть учатся быть мужественными.

14.05

Какой громоздкой и неудобной стала наша избирательная система! Особенно по выборам в местные Советы. Такая система ничуть не способствует, ни развитию активности людей, ни сближению депутата с избирателями.

Во-первых, это указание:

«Избирайте вот столько-то таких-то, столько-то таких» А как быть, если у нас в коллективе нет достойных таких, а есть достойные другие? Их выбирать нельзя, не рекомендовано. Во-вторых, эта рамка, ограниченная окруженными комиссиями. Этого нельзя избрать, потому что он в окружной комиссии, этого тоже нельзя, опять в комиссии. Слишком много комиссий! Лишних много.

В-третьих, в избирательный бюллетень, как правило, вносится одна фамилия. И тут избирателю нечего думать, не из кого выбирать. Он прекрасно понимает, что если он даже и зачёркнет фамилию одного кандидата и внесёт своего кандидата в список, он ничего абсолютно не изменит.

В списке кандидатов в избирательном бюллетени надо по выборам в местные Советы вносить фамилию не одного кандидата. Пройдёт тот, кто наберёт наибольшее число голосов.

Прежде чем рекомендовать кандидата в коллективы, надо

агитаторам побывать в избирательных округах и узнать мнение рядовых людей о людях, о том, кого бы они хотели иметь депутатом. Население округа совершенно не участвует в выборе кандидата в депутаты. Рекомендуют свыше.

А ведь как бы ни избирать в депутаты местных Советов людей, наиболее близких людей, которым они доверяют, которых уважают. Именно местные Советы — связующее звено между простыми людьми и органами Верховной власти.

И становится депутатом не человек, близкий людям, которого они больше, чем другого, уважают и доверяют, а человек, рекомендованный свыше.

И голосуют с мыслью: «А-а, да пусть сидит. Не все ли то равно, кого выбирать».

Может быть поэтому и не вызывают подъёма и движения мысли предстоящие выборы у населения. Равнодушие и пассивность. Нет, требования научно-технической революции неизбежно заставят произвести изменения и в избирательной системе, прежде всего в выборах местных Советов.

Тяжело сознавать, что нет уж у тебя ни физических, ни духовных сил, как прежде, что время твоё ушло. Нет, я не собираюсь забиваться в щель и дожидаться конца. Это не в моём духе и характере. И все же сил уж прежних нет. Последние три года унесли столько духовных и физических сил, сколько могли бы унести не менее десяти лет, не будь бы этой трагической страницы в моей биографии. Самое светлое чувство обернулось для меня трагедией, потому что было слишком сильным, потому что объектом его стал человек, не сумевший, не смогший понять его.

Ну что же. Жизнь сократилась на десять лет. Такова уж моя судьба. Но нет у меня жалобы на неё. Я оставлю на земле свой хороший след Свидетельство тому — шесть моих сыновей и письмо Люды Б.

Мои сыны. Когда-то вы прочтёте этот дневник, и отчитаетесь перед памятью обо мне, о своей жизни. Пусть же будет и у вас она борьбой за всё новое, передовое, борьбой против зла, за торжество справедливости на земле для людей труда на благо общества.

Вспоминаю сейчас всю свою жизнь и с удовольствием отмечаю, что ни один день её, ни один час не прошёл бесполезно. Не сторонним наблюдателем, а участником её старалась я быть всегда. И не раскаиваюсь в этом.

Сейчас, на склоне лет своих я снова говорю тем, кто останется после меня: «Живите в борьбе. В борьбе интереснее жить».

Начинается борьба за умы, за то, чтобы люди думали и думали, за способность думать не только в процессе производства, но и вне его, в свободное время. Это стало необходимостью дальнейшего движения вперед.

Пусть в нашем обществе царит пока алкогольный дурман, но я уже вижу, как стряхивается он неумолимой научно-технической революцией, как закладывается начало здоровому трезвому обществу.

«Борьба за дисциплину труда», за рациональное использование внерабочего времени называем мы борьбу с пьянством.

Она только ещё начинается. Необходимость этой борьбы ещё до немногих доходит. Но она дойдёт.

Пусть не так уж много осталось моих сил, но все их, сколько есть, я посвящу этой борьбе.

Почему мне именно сейчас хочется освободиться от этого связывающего меня домашнего хозяйства? Чтобы все свои оставшиеся силы использовать с наибольшей пользой для общества, сделать то, что другой не сможет.

15.05

Как часто сменяются времена года в моей душе! То безраздельно господствует в ней весна, и поёт и ликует душа, и мысль устремляется в новый полёт, и широко разливается светлая радость, рождая тепло; то сменяет её вдруг хмурая осень с её мечтами о далёких и тёплых днях, безвозвратно ушедших; то зима начинает царить, и цепенеет душа, скованная холодом, и негде согреться ей, то начинается благодатное лето, и наливается она здоровой энергией, бодростью, силой.

Сменяются эти времена года без всякой очерёдности и без всяких внешних причин.

Я не люблю зиму и осень в своей душе, но они нужны, наверное, чтобы сильнее чувствовать радость наступления весны. Пусть осень сейчас, но я верю, что снова наступит весна. Верю и жду её, как бесценный дар моей судьбы.

Середина мая. Погода стоит холодная и часто дождливая. За всё время не было ещё ни одного теплого дня.

Молодая зелень еле-еле набирает силу. А на деревьях томятся разбухшие почки, ожидая тепла.

Тепло, тепло. Как всё живое любит тепло! А человеку нужно ещё и другое, не солнечное тепло — тепло человеческой дружбы, которого нет у меня.

16.05

Мы копаемся в садике под окном. Дома вдруг призывно зазвонил телефон.

— Ну-ка сходите кто-нибудь, послушайте, — говорю я. — Это отец, наверное, звонит.

Толя наклоняет голову и, глядя в землю, недовольным голосом бурчит:

— Если бы К.А. позвонила или ещё другой кто, ты бы сразу побежала. А если папка звонит, значит, к телефону можно и не подходить.

Уже не один раз Толя, да и другие дети упрекнули меня, что я с другими по телефону говорю с радостью, шуткой, смехом, а с отцом «строгим», сердитым голосом.

А мне кажется, что я и с Петей говорю так, как со всеми.

Как все-таки наблюдательны ребята! От них ничего не укроется, и не могу я оправдаться ничем перед ними. Разве будешь говорить Толе, что когда я в муках производила его на свет, отцу предлагала придти ночевать другая, и что обманутого доверия не прощают: разве будешь говорить, что К.А. — мать человека, которого я любила всю жизнь. Ничего этого я не скажу сыновьям, пока не вырастут. Не знаете ещё пока вы, сыны мои, что есть на свете верность, которой надо дорожить, доверие, которое нельзя растаптывать, большая любовь, которую нужно очень беречь, чья бы она ни была. Это высшие человеческие понятия, с которыми вам не приходиться пока сталкиваться в жизни, и не нужно вам пока говорить о них, не поймёте. Но я скажу вам и о ценности этих высоких понятий, скажу в своё время. И вы, я знаю, поймёте меня. Ведь вы — мои сыновья.

18.05

Какой мерой измерить тоску, которая охватывает порой меня, которая неумолимо сжимает душу, расслабляет волю, мраком застилает путь впереди? Что может быть страшнее и мучительнее этой тоски?

«Мама, ты опять заболела?» — спрашивает сын.

«Заболела, сынок».

Не вините меня, сыны мои, если мне когда-нибудь придётся не выдержать этой тоски и уйти из жизни. Пока я держусь, но ведь с годами и физических, и духовных сил становится меньше, а тоска не становится меньше. Она реже сейчас накатывает на меня, зато с большей силой. На всю жизнь завещаю вам: берегите

верность, доверие и любовь, где бы с ними ни встретились. Не причиняйте людям страданий, если они их не заслуживают. Помните, обманутое доверие, растоптанную, испачканную любовь женщина всегда переносит тяжелее, чем мужчина.

Почему не пишет так долго Серёжа? Неужели совсем сломался под грузом мещанства?

Всё время в голове выражение из его письма:

«Неудачниками мы родились, неудачниками и умрём».

Почему так неудачно складывается у нас у всех троих жизнь?

Разве скажет кто-нибудь, что мы — плохие люди? И Серёжу, и Алёшу всегда уважали простые люди труда, товарищи по работе. Ни тот, ни другой не были плохими отцами.

Я знаю, уважают и меня простые люди. Не за что не уважать. Мир и лад в нашей семье.

Почему же тоска и боль сжимают душу и сердце?

Почему всплывает снова и снова это: «Неудачниками мы родились, неудачниками и умрем»? Кто виноват тут?

Наверное, война. Вы счастливее нас, мои сыновья. Ваши жизни складываются в мире. И вы — хозяева своей судьбы. Умейте же хорошо распорядиться ею. Главное — берегите то, что присуще только человеку: разум, способность любить, большую, хорошую дружбу, честность, умение поступиться своими интересами ради другого человека.

Наверное, я была не очень хорошей матерью, раз не могла и не могу жить только жизнью своих детей, но я никогда не считала это особым достоинством женщины.

Женщина не может ограничивать свои интересы интересами только своих детей. Это слишком бедно. Я хотела жить богаче. Наверное, и жила бы, не будь бы войны и свяжи бы я свою жизнь с человеком, более богатым душой, чем мой Пётр. Нам выбора не было. На мою долю достался Пётр. Что же, это ещё лучше, что тогда было. Он трудолюбив, не груб, прост, любит детей своих и дорожит ими, по-своему, наверное, любит меня. Но разные мы с ним по своим стремлениям люди. Он воспринимает от меня многое, я же взять от него ничего не могу. Мне скучно с ним и неинтересно, и только дети связывают нас.

Ещё года четыре. Пока подрастут дети. Вылетят наши птенцы, не будет больше гнезда.

Зачем я всё это пишу? Чтоб душу облегчить, потому что нет у меня другого способа сделать это. Единственное, что я могу — это уйти с головой в своё личное хозяйство. Но это противно душе моей.

Пишу, и боль утихает, душа успокаивается, как у больного, принявшего успокоительное лекарство…

(далее следуют три вырванных листа)

…я женщина, буду, потому что вижу дальше, чем вы, умнее вас, а главное — ориентируюсь, прежде всего, на народ, лучше вас знаю объективные законы диалектического и исторического материализма. Я могу ошибаться в частности, в деталях, но в главном я права. И уверена, что буду ещё не раз свидетелем своей правоты, буду радоваться своей победе.

21.05

Лето началось как-то сразу, после холодных и дождливых дней. Вот уже второй день стоит жаркая сухая погода. Какая красота! Тепло. Вспоминается Пушкин:

«Ох, лето красное! Любил бы я тебя, когда б не зной, да пыль, да комары, да мухи».

Нет сейчас ни зноя, ни комаров и мух, а лето. Чудесное лето! Без надоедливого комариного писка, без противных мух, без изнурительного зноя. И тем прекраснее оно, что началось сразу после ненастных дней. Душа поёт, радуется и снова открыта всему прекрасному и чистому, что есть на земле. Снова вспоминается: «Вам скоро пятьдесят лет, мне тоже скоро. Возраст говорит сам за себя». Как же ты беден, что подумал тут только о возрасте, подумал о телесном! Сегодня как всегда я повторяю снова: «Для души нет ни возраста, ни расстояния».

Почему же, почему ты, с твоим отвращением к моральной нечистоте, тут подумал о телесном? Или думаешь, что моральная чистота — только твоё качество?

Возвратилась из поездки К.А… Рассказывает, как ездила и где была. У сына не была, но знаю из рассказа Г.Ф., что звонила из Ижевска ему. Но она даже словом не упомянула об этом. А я слушаю её и молю в душе: «Ну скажи же, скажи что-нибудь о них, о нём, разве не понимаешь, как я жду этого? Почему ты избегаешь говорить со мной о нём?»

К.А. очень боится напоминать мне о нем, думает, что мне легче так. Ничего подобного!

Когда-нибудь терпение моё кончится, и я при случае скажу ей так:

«К.А., запомните: Пётр есть Пётр, отец моих детей, мой муж, и я никогда не допущу, чтобы кто-то другой занял его место. Но В.Г. мне нужен для души. И без него мне трудно. Невозможно отказаться совсем от человека, с которым срослась душа. Нет, прежнего чувства к нему уже не будет. Я, как никто, уже знаю цену ему. Но мне не забыть его, как матери не забыть своих

детей».

Петя принёс пива. Выпила и я. И появилось такое хорошее благодушное настроение. Красота! Солнечно, тепло, мир в розовых красках, радостно, весело…. А Пётр зовёт в баню, обижается, что я не иду. О, Господи! Когда это кончится? Отвратительно грязное насилие над душой. Я тяжело вздыхаю и, как обречённая, иду на новую душевную пытку…. А мысль далеко, там, где свобода, радость, счастье….

27.05

Какая уж тут радость, когда сознание отказывается рождать мысль, когда всё тело расслабляет неимоверная тяжесть, когда… да что там говорить. Просто, когда постельный режим. И нет лекарства, которое бы могло исцелить душу…. В памяти встают дни, проведённые в прошлом году в больнице в Ижевске. Вспоминается радость, которую я ощутила от того, что нет этого так надоевшего индивидуального хозяйства, нет рядом мужа, нет людей, которые могут заставить меня делать, чего мне не хочется, нет ничего, к чему не лежит душа. Мне было легко, свободно. Даже в больнице свободно. Всю мою жизнь буду мечтать о свободе, а если и умру, не дождавшись её, что ж я умру, мечтая…!

Мечтаю о свободе, а ещё ни один сын по-настоящему не определился в жизни. Нет, мои мальчики, никогда не было у меня желания освободиться от вас. Вы — часть моего тела, моей души, моё продолжение. Я всю свою волю соберу, все свои стремления заглушу, чтобы сохранить вам гнездо, пока вы не покинете его. Вылетите вы, вылечу вслед за вами, пусть и не с вами, и я. Вот об этом времени я мечтаю. И не знаю, доживу ли. Если бы вы знали, мои сыны, как трудно живётся вашей маме!

29.05

Вчера приезжал из «Удмуртской правды» специальный корреспондент И.В. Домченко по поводу моей статьи «Кляузник ли?» об Арасланове Равиле. Были с ним у Креклина Г. А. — начальника лесопункта, у председателей цехкомов Кропачева П.Н. и Буторина П.М.

С корреспондентом договорились опубликовать мою статью с его добавлениями под двумя фамилиями: его и моей. Домченко попросил побывать у Равиля и поговорить с ним. Иду. И Равиль, и его жена Поля приветливо встречают меня. Я рассказываю Равилю

о приезде спецкора и учу его тактическим приемам борьбы за правду со злом и несправедливостью:

— Равиль, вот если бы все письма, которые ты посылал в разные места вынести на обсуждение коллектива рабочих, рядовых рабочих, поддержали бы тебя?

Равиль после небольшого раздумья отвечает:

— Поддержали бы.

— А точно ли ты уверен в этом? Видишь ли, за правду бороться — нелёгкое дело. Всегда надо чувствовать за собой поддержку коллектива. Если нет этой поддержки, пусть ты и прав, надо временно отступить. Выждать. Доказать сначала своим товарищам свою правоту, заручиться их поддержкой, а потом снова пойти в наступление. Борьба за любое дело имеет общие законы.

— Брошу я все это. Пошли они к чертям. Буду молчать, как все остальные.

— Ну вот, это уже не по-нашему. Молчать — значит признать себя побеждённым, признать неправым. Вот тебе стукнули немного, ты и сдался. Борьба есть борьба. Если вступил в неё — знай, что может и попасть. А ты не сдавайся. Главное — очень следи за своим поведением и необдуманно не говори. Сейчас за тобой будут следить за каждым шагом. Ты очень вспыльчив, можешь нагрубить, обругать человека. Ни к чему это.

— Правда, правда, — добавляет жена, — он и дома такой же.

— Вот видишь. Ты, конечно, можешь молчать. Но ведь так неинтересно жить.

— Уеду я куда-нибудь.

— Это от четверых детей-то уедешь? Нет, не дело это. Если бы ты был неправ, другое дело, а то прав и будешь сдаваться? Что же, разве нет никого, кто бы поддержал тебя?

— Да они сами же мне говорили: «Правильно, Равиль, надо об этом написать».

— Говорили, а как стали тебя обсуждать, смолчали?

— Ну да.

— А ты в таких ситуациях не сразу кидайся писать. Есть у нас такие. Кто-то бы за них сделал, кто-то бы сказал, а они бы в сторонке остались. Главное, Равиль, не отрываться от товарищей. Будут потом тебе говорить, обвинять — ты прямо указывай на тех, кто советовал тебе писать: «Ты ведь тоже говорил? И ты тоже. Почему сейчас молчите?» Заставляй себя поддерживать, если они сами боятся рта раскрыть.

Без поддержки коллектива ничего не добиться, если даже ты и прав.

Доказываю Равилю на примере нашего «Устного журнала», в

котором он был активный участник.

Расстались по-прежнему друзьями.

Нет, в обиду его я не дам.

Сегодня у меня огромная радость: Получила письмо от Вали. Я ещё в начале мая написала ей по старому адресу и даже не надеялась, что письмо дойдёт до неё, и вот ответ. Так боюсь потерять письмо, так интересно и важно всё, что в нём написано, для меня, что я решила полностью передать его здесь.

Валя пишет:

«Милая Тасенька!

Приятно и радостно было узнать, что ты помнишь меня и мою маму. Письмо твоё всколыхнуло в памяти былое….

Москва, 1940 год, пединститут и Пермский военный период. Помнишь наши порывы юных лет, мечту нашу встретиться у стен Кремля лет через двадцать??? Вот уже и под пятьдесят нам — полвека — не мало. Ты уже и на пенсии. Сказались на твоём здоровье тяжёлые годы войны, учёбы впроголодь, а ещё помнишь, как в морозы уральские ты ходила в резиновых галошах в университет? Я всё помню, и очень бы хотела получить от тебя более подробное письмо. Помнится, у тебя было четверо сыновей. Или я ошибаюсь? Как они живут и радуют тебя? Я работаю всё там же уже 19 лет, в Молдавском институте садоводства, виноградарства и виноделия старшим научным сотрудником. Работу люблю свою, хотя уже устаю далеко ездить на работу. Имею более 70 печатных работ. Выступаю оппонентом при защите кандидатских диссертаций. Мой муж Борис тоже старший научный сотрудник в институте зоологии Молдавской академии наук. Ты помнишь, наверное, что мы поженились в Ленинграде, в аспирантуре ВИЗРа? У нас одна дочь — Алла, в честь Аллы Шелест (её-то ты помнишь? Ты ей вязала рейтузы?) Аллу Шелест люблю, как прежде. Она народная артистка, лауреат государственной премии (дважды) и сейчас работает временно в Куйбышеве главным балетмейстером. Она была у меня в гостях раз пять. Пишем друг другу, стали друзьями. У неё нет детей. Муж второй, а первый был Юрий Григорович — главный балетмейстер Большого театра (Москва). Он тоже был у меня с Аллой. Благодаря ему, бываю в Большом Театре, когда езжу в командировку. В восторге от его балета «Спартак», за который он получил Ленинскую премию. Бывал у меня и Ростропович Слава, мы хорошо знакомы, он с мировым именем, виолончелист, тоже лауреат Ленинской премии. Наверное, знакомо тебе его имя? Так, что живу искусством и наукой. По-прежнему люблю и хожу часто на балет. У меня самый близкий друг — солистка нашего балета. Она у меня, как сестра, и живёт с нами уже восемь лет. Моя дочь

уже на третьем курсе (кончает его) биофака Кишиневского университета. Отличница. Хочет поступать в аспирантуру в будущем. Пока приобщается к науке — занимается биохимией животных, а конкретнее — ферментами пищеварения у тлей и медяниц. Хочет в академию после института.

Борис уже имеет двух учеников — кандидатов наук и сейчас двое у него в аспирантуре. Я же беру только студентов — дипломников. Живём мы в отдельном домике, у нас три комнаты, есть садик (вишня, черешня, персик, абрикосы, айва и т. д.), но нет удобств в доме — ванны и парового отопления. Вот, кажется, всё о моей жизни, работе, быте нашем. Мои родители бывают каждый год у меня в сентябре до ноября в гостях. Папе — 73 года, маме — 71 год. Папа занимается ногами (слышала о них?), до сих пор, слава богу, катается на лыжах, коньках, ездит сам на рыбалку на мопеде. У мамы здоровье хуже, часто болеет, повышенное кровяное давление. Живут они всё там же: город Торжок, Калининградской области.

Моя сестра Люся сейчас у меня, приехала из Москвы читать лекции заочникам торгового института и принимать у них госэкзамены. Она живёт с мужем в Москве, у них прекрасная квартира. Я всегда у них останавливаюсь во время командировки, а в Ленинграде у Аллы Шелест. У неё очень хорошая квартира на площади Революции. Родители у Аллы Шелест умерли. Она одна. У Люси двое детей. Сын Саша 18 лет, учится в МФТИ (Московский физико-технический институт, готовит научных работников для институтов). Дочь кончает пятый класс, зовут Светой. Её со второго класса перевели сразу в 4-ый, ей 10 лет, а она в 5-ом классе. Очень развитая физически и умная девчонка. Муж Люси — физик, старший научный сотрудник в институте, а она — доцент в заочном институте народного хозяйства, учит работников торговли, работой довольна. Я поддерживаю связь с Тосей Наговицыной, помнишь ли её по Перми? Она — заведующая отделом в Московском отделении ВИРА. Имеет двух сыновей, один ходит в садик, другой в третий класс, с мужем разошлась. Больше ни с кем из Пермского университета связи не имею, хотя я с тёплым чувством вспоминаю годы учёбы в Перми. Несмотря на голод и холод, много было хорошего. Молоды мы были. Сейчас огорчают всякие болячки, у меня вот радикулит. Сейчас уже месяц почти на бюллетене. Пишу тебе в постели, но уже хожу по дому. Мне очень хочется получить от тебя большое письмо. Моя мама собирается на днях из Торжка к сестре в Пермь, потом в родной Суксун, повидаться с тремя сестрами и побывать на могиле родителей.

Я счастлива, что живы мои родители.

Жду письма твоего!

Спасибо за память, за добрые слова. Целую тебя. Твоя Валя.

Может быть, мы встретимся с тобой? Приезжай!

Валя. Итак, две разные судьбы, две разные жизни, а ведь начинали вместе.

Её жизненный путь — наука. Да, мог бы быть таким и мой жизненный путь: Наука и искусство. Валя счастливее меня, потому что не пришлось ей в годы войны так же трудно, как мне. Она за спиной своей мамы могла только учиться. Я же вынуждена была, и учиться и работать. А потом эта болезнь, поставившая меня на край могилы, и работа в школе.

Что же. Я не завидую Вале. Нет, кривлю душой: немного завидую, завидую здоровой завистью. Её жизнь прошла интереснее, с наименьшей затратой сил.

Вспоминаются слова Саши: «Мама, какой ум у тебя пропал!»

Куда он пошёл? Чтобы воспитать своих шесть сыновей, обеспечить им нормальные условия физического и духовного развития. Нет, у меня не было возможности приблизить их к миру искусства, но я учила их видеть красивое в жизни.

Шесть моих сыновей — моё главное богатство.

Я читала Валино письмо вслух. Слушали и Саша, и Толя. Слёзы не один раз набегали на мои глаза. Я не скрывала их.

— Мальчики, я вам отдала свой ум, чтобы вы могли сделать то, чего не было возможности сделать мне. Помните это: вы должны жить в науке, как живёт моя подруга Валя, и как могла бы жить я, — как клятву, говорю я своим сыновьям. И право же, они слышат меня.

Нет, большим я ничем похвастать не могу. Валя, Валя, я напишу тебе письмо, а на будущий год постараюсь сама побывать у тебя, поговорить с тобой не только о прошлом, но и о настоящем, об отдаче твоих научных работ.

Нет, все-таки ты счастливая, Валя. Куда счастливее меня. Любимый муж, любимая работа, любимые друзья…. Ничего этого нет, и не было у меня, кроме Авы.

Беднее прошла моя жизнь и не я в этом виновата. Нет моей вины, что так сложилась у меня жизнь:

Ну что же. Каждому своё.

Какая ты молодей, Валя, что откликнулась! Откликнется ли другой?

Встретилась с Бересневой Ант. Федоровной.

— Ну, как, не надоело отдыхать? — спрашивает она.

— А мне ведь и не приходится много отдыхать. Политзанятия, лекции, а сейчас выборная компания. Надоело

быть в глазах людей отдыхающей. Хочется какого-то большого дела.

— Я бы гордилась и радовалась, что отдыхаю, а она «надоело» — улыбается А.Ф.

— Наверное, я все-таки уеду отсюда куда-нибудь.

— Отступитесь-ка вы. Куда вы уедете? Мария Алексеевна Бородина тоже говорила лет десять тому назад, что у неё наполеоновские планы, а сейчас только рукой машет, как спрошу об этих планах.

— М.А. не могла осуществить своих планов, вероятно, потому, что связывала их с кем-то другим, мои же планы зависят только от меня самой.

— Я не уверена, что вы куда-то уедете, но если это произойдет, не удивлюсь.

Я с удивлением поднимаю на неё глаза: «Почему не удивлюсь?»

— Видите ли…. Ну как бы вам это сказать? Уж слишком вы свободная. Душой свободная.

— А ведь вы поняли меня, — говорю ей.

— Я все-таки умею видеть людей. А ведь многие не поймут вас, если это сделаете.

— Непьющий муж, хорошие дети, — смеюсь я.

— На руках её носил, — добавляет А.Ф., - жили дружно.

— И чего только надо было человеку, — опять продолжаю я будущий разговор среди моих односельчан.

Ант. Фед. — человек богатый души. Не зря её уважают и любят дети.

Как все-таки она верно обо мне сказала!

Посмотрим, осуществятся ли мои планы.

Буду жива, осуществятся! Я ведь абсолютно равнодушна к бытовым удобствам. Мне бы были только кровать да стол, на котором бы можно было писать. Неприязнь ко всему обывательскому, мещанскому привела у меня к полному отрицанию жизненных удобств.

4.06

Узнала точно: я была включена в оба списка: и по выборам в Поссовет и по выборам в Райсовет, узнала точно, что меня думали избрать председателем Поссовета. И…не решились. Снова недоверие к женщине.

Сейчас люди смотрят уже на меня не как на будущего председателя Поссовета, а как на пострадавшую. Мне не приятны

эти взгляды, они унижают меня. Неприятно и то, что не доверили сей высокий пост, но не обижаюсь: знаю, что недоверие ко мне — часть общего недоверия к женщинам вообще. Боже упаси женщину поставить на первую роль! Только вторые роли. К следующему партсъезду напишу об этом письмо в ЦК. Будь бы в Политбюро ЦК женщины, будь бы их больше в ЦК, не было бы допущено такой пьянки. Женщина — мать быстрее бы увидела, куда поведёт распространение пьянства и совершенно недостаточная борьба с ним, женщины — матери смогли бы вовремя решить и проблему рождаемости. Сейчас вошло в традицию иметь одного-двух детей. А с традицией бороться уже труднее. И другие общегосударственные дела женщины в силу своей большей гибкости ума и прозорливости решали бы ничуть не хуже, чем мужчины. Особенно сейчас, в связи с быстрыми темпами развития общества.

А то женщина на трактор — пожалуйста, хоть это совсем не женское дело, а к руководству — без тебя обойдёмся, не твоё тут дело.

А все-таки интересно как: взял-вписал, взял-вычеркнул. Так легко, не советуясь с народом, не спрашивая его мнение. Отсюда и такое пассивное отношение к выборам, а избранного депутата забывают через несколько недель, потому, что нигде о нём не поговорили, не поспорили, не отстояли, не подумали.

10.06

Больничная палата, как одиночная камера. Лежала в ней почти целую неделю, оторванная от всяких дел. Тихо, покойно. В определённые часы приносят еду, в определённое время безжалостно колют пенициллином, побаливает ухо.

Бесконечное лежание на больничной постели и думы…думы, как бесконечная река времени. Снова и снова вспоминается Валино письмо, жизнь моих отца и мамы и своя, полная постоянных материальных лишений.

Почему-то часто приходит на память стихотворение — песня, которую любила петь мама:

Цветок.
Весело цветики в поле пестреют,
Их по ночам освежает роса,
Днем их лучи благодатные греют,
Ласково смотрят на них небеса.

С бабочкой пестрой, с гудящей пчелою,
С ветром им любо вести разговор.
Весело цветикам в поле весною,
Мил им родимого поля простор!

Вот они видят: в окне, за решеткой,
Тихо качается бледный цветок…
Солнце не зная, печальный и кроткий,
Вырос он в мрачных стенах одинок.

Цветикам жаль его, бедного, стало,
Хором они к себе брата зовут:
"Солнце тебя никогда не ласкало.
Брось эти стены, зачахнешь ты тут!"

"Нет! — отвечал он, — хоть весело в поле, —
И наряжает вас ярко весна,
Но не завидую вашей я доле
И не покину сырого окна.

Пышно цветите! Своей красотою
Радуйте, братья, счастливых людей.
Я буду цвесть для того, кто судьбою
Солнца лишен и полей.

Я буду цвесть для того, кто страдает.
Узника я утешаю один.
Пусть он, взглянув на меня, вспоминает
Зелень родимых долин!"

Вся моя жизнь кажется мне таким же цветком, выросшем на тюремном окне.

А за окном палаты цвела своей красотой природа, летали тонкие пушинки одуванчика, с бледно-голубого небосвода посылало свои щедрые лучи солнце — лучи для всех.

В памяти перебирала всех своих знакомых и близких и не находили ни одного, к кому бы меня влекла душа. В душе мрачно, как в осеннюю ненастную погоду….

В моей общественной деятельности и в корреспондентской работе снова наступает перерыв. Даже газеты читать не хочется. Только радио по-прежнему слушаю по утрам.

Постоянно говорю себе: «Ну чего ты мечешься, чего ты ищешь? Может, и жить-то тебе осталось немного, а ты всё

мечешься. Пора уже и успокоиться.

И я успокаиваюсь, вспоминая судьбу того тюремного цветка в песне.

Не у первой у меня и не у последней так неудачно сложилась жизнь.

Каждому своя судьба. И все-таки тяжело одиночество, душевное одиночество….

11.06

— Знаешь, Петр, кто бы был тебе хорошей женой? — как-то сказал я своему благоверному.

— Кто?

— Наташа Быкова. Трудолюбивая, хозяйственная.

— Давай-ка, не болтай, чего не надо.

— А что? Самая подходящая тебе жена. Не то, что я, непутёвая.

А вчера он мне говорит:

— трудно все-таки одному. Везде надо успеть. Я вот думаю, как только Наташа одна справляется.

«Значит, думал без меня о ней, значит, не исчез бесследно мой разговор о ней», — с каким-то непонятным удовлетворением подумала я.

— Вот бы, вы с Наташей жили! Наташа любит хозяйство и ты тоже.

Мои слова он уже принимает без всякого недовольства.

— Да уж, у нас бы круглый год мясо было.

— Ну вот. Вырастут наши сыновья, я буду ездить, а ты бери Наташу. И выпить она бы стала давать, немного, с устатку. С устатку она и сама немного любит выпить.

— У нее губы синие.

— Ну да! Сказал тоже. Как будто бы я уж какая красавица. При чем тут губы?

— И живот большой. Скоро не доберешься.

— А что, у меня маленький что ли? Ничуть не меньше, чем у неё, — смеюсь я.

— Сначала сыновей ещё вырастить надо.

— Правильно, Пётр.

— Хороших ты мне сыновей народила, жена, — удовлетворённо говорит он.

— То-то вот. Значит, не напрасно мы с тобой вместе жизнь прожили. Мы ещё гордиться будем нашими сыновьями. Едва ли бы у тебя были такие сыновья от другой жены, как от меня.

Да, нам надо ещё вырастить наших сыновей. А там…видно будет.

Итак, главное — наши сыновья. Поменьше разговоров с Петром о будущем, побольше о настоящем. Да он и не любит и не умеет жить будущим, живёт сегодняшним днём.

Ну, а мне…. Разве мало тебе, Анастасия Николаевна, приходилось отказывать себе для пользы людей? Ты умеешь это делать. Умеешь употребить свою духовную силу для поддержки более слабого. Я сохраню своё влияние на отца и детей до конца пребывания их в семье.

«Вы сильный. Вы сильнее меня, и в Вас я черпала духовную силу» — как-то писала я В.Г.

Нет, не в нём, а в моей любви к нему черпала я духовную силу и поддержку.

Этой моральной поддержки у меня больше нет.

Ну что же. Создались объективные условия для проверки своей собственной силы.

Посмотрим, Ан. Николаевна, что за человек ты будешь дальше.

А пока — прежде всего — дети. Жить для них, пока не встали на ноги. Свобода — после.

Тетрадь 11

Лето, 1972 года. Освобождение.

Давно вынашивала я решение поехать в то село. Зачем это мне нужно было?

Всё ещё жила где-то в глубине души надежда, что доброе чувство найдет понимание, потому что без этого понимания оно уже не могло больше жить в душе. Постоянно в мыслях своих я представляла себе, как вхожу в его кабинет, как он приветливо встречает меня, и начинается непринуждённый, откровенный, живой разговор, которого я так всегда жду, и без которого сохнет душа. В мыслях своих я мечтала о том, что докажу ему, как необходимо людям доброе, приветливое обращение того, к кому носят они в душе большое, радостное, светлое чувство, кого считает родным и близким, что не надо страшится этого чувства и стараться убить его, потому что это жестоко, бесчеловечно и не нужно.

Пусть бы жило оно в той душе, где родилось, согревало и радовало человека. Не теряла надежды, что он поймёт всё это.

Я открыла дверь его кабинета…. Сейчас я уже могу спокойно говорить об этой встрече и даже давать оценку всему его поведению. Тогда было не до этого.

…Сразу бросился в глаза просторный кабинет и большой портрет В.И. Ленина на стене, выполненный черной краской на белом фоне, а под ним он….

Я никогда не забуду лицо и фигуру сидящего передо мной человека. Не радость встречи с человеком, прибывшим из родных мест, где живут его родители, а удивление, растерянность и страх увидела я на его лице. Он даже как будто сжался, втиснулся в кресло, лишился от неожиданности дара речи. Бог ты мой! Какой ужас! Пришёл живой человек с живой душой. Как это страшно для человека, сидящего на руководящем посту!

Взгляд снова упал на портрет В.И. Ленина. Зачем он тут? Что хотел показать человек, сидящий под портретом и далёкий от того, чему посвятил свою жизнь Владимир Ильич, размещая его портрет над собой?

Как-то неестественно скованно начинается разговор. Снова во рту появляется противная сухость. У него, наверно, тоже, потому что обоим пришлось выпить по стакану воды.

Усилием воли я беру себя в руки и направляю разговор в живое русло.

Рассказываю о жизни его родителей, о том, как тяжело им его невнимание к ним, как они, старые люди, нуждаются в добром слове от своих детей. Говорю и о своём, наболевшем. Чувствую, что не доходят до души его мои слова, что падают они, как в мёртвое болото, и исчезают в нём, не вызвав даже ряби на его поверхности. И зреет, крепнет в душе, находит свою силу ранее принятое решение — никогда больше не встречаться с этим человеком, который долгие годы был для меня Он, потом В.Г., а сейчас стал просто он.

Большое и малое.

Мы сидим на лавочке в тени берёз и лип в ожидании автобуса. Ясный, солнечный день. За селом сочно зеленеет озимь на бугристом поле.

— Какая красота! С каждым годом хорошеют наши поля. Посмотришь — и прямо сердце радуется, — высказывает вслух свои мысли моя соседка. И столько душевной теплоты прозвучало в её словах, что я невольно повернулась к ней. Верно, желание поделиться нахлынувшим чувством заставило и её обернуться ко мне. Она заметила моё внимание и, теперь уже обращаясь ко мне, продолжала разматывать нить своих впечатлений.

— Только вот, знаете, досадно бывает, когда видишь весной испорченные посевы. По дорогам ездить нельзя, так водители прямо по полю стороной прокладывают дорогу. Правда, потом подсеивают эти места, но всё равно жаль, когда смотришь на порушенные кустики озими.

Я слушаю такую неожиданную исповедь и стараюсь угадать, кто она, эта немолодая уже женщина с открытым лицом и добрыми серыми глазами в мелких морщинках. На голове — капроновая косынка, одета в болоньевый плащ, между полами которого выглядывает простое, незатейливого рисунка платье из штапельного полотна.

По одежде сейчас уже трудно узнать профессию человека. Что она не из руководителей — это мне ясно. Те не стали бы ни переполняться чувствами, ни изливать их перед неизвестными людьми.

— Вот тоже улицы, — продолжает она разговор, — ну разве нельзя хотя бы самые главные покрыть асфальтом. Вы знаете, какая у нас здесь на остановке грязь бывает? Еле ноги из неё вытаскиваешь.

— Не хватает асфальта. Вот подождите, будут у нас в Удмуртии больше добывать нефти, тогда и возможности

асфальтировать улицы будет больше, — включилась я в беседу.

— Но ведь можно, же пока хотя бы камнями выложить. Вы понимаете, люди стали лучше жить и уже не хотят мириться больше с этой грязью.

— Да, это верно, — поддержала я мою собеседницу.

— Вы понимаете, уже не только телевизоры, но и холодильники и серванты стали появляться в домах. Я как-то попросила ребят поднять руки у кого есть телевизоры. И вы знаете, подняли все, кроме одного.

«Ну, а у вас, Миша, разве нет телевизора?» — спрашиваю его. А он отвечает: «Нет, был да его папка пьяный сломал». Вот только расставлять красиво, со вкусом приобретённые вещи многие никак не могут. Шифоньер обязательно поставят к окну….

— Чтобы всем видно было, — продолжаю я.

Она согласно кивает головой и продолжает дальше.

— А холодильник — в передний угол, хотя кухня большая и розетка там есть.

Как все-таки живучи старые понятия и традиции! Обязательно надо показать, что и они не хуже других живут, что и у них есть возможность купить то, что есть у других. Купить даже не потому, что появилась потребность в той или иной вещи, а именно, чтобы все видели, что они живут не беднее других. О красоте же и уюте простые сельские жители, особенно пожилые, пока ещё много не раздумывают.

Как далеко ещё село от города!

Я делюсь этими мыслями с моей собеседницей, и она соглашается со мной.

— Ну, ничего. Научаться и этому, — убеждённо говорит она. Сейчас уже и по телевизору стали чаще говорить об устройстве быта и в журналах об этом нередко пишут.

Она посмотрела куда-то вдаль и снова поделилась со мной:

— Вот смотрю я на наш народ, на нашу сельскую молодежь, и мне просто жаль их всех становится.

Я удивлённо вскинулась на неё, а она продолжала:

— Всё у них есть, и одеться красиво они могут, а вот показаться в красивой одежде им негде. Работа у них грязная, тяжёлая. Только и могут сходить вечером в клуб да по улицам побродить и то только тогда, когда сухо.

Я понимаю, что мысли эти, есть отражение общего глухого недовольства медленным течением научно-технического прогресса, автоматизации производства. Отражением неосознанной тяги к красивому и привлекательному не только в быту, но и в труде, к тому, чтобы была возможность носить хорошую одежду не от случая к случаю и не только в свободное

от работы время, но и в процессе самого труда. Как же надо быть близкой к простым людям труда, чтобы, заболеть вот так их заботами и невысказанными стремлениями!

Тёплое чувство поднимается во мне к моей собеседнице. Оно как-то успокаивает растревоженную душу, врачует вновь открывшуюся душевную рану. Вот они, мои родные, мои близкие, а не те у одного из которых я только что была. Воспоминание о той беседе болью отзывается в сердце, застилает сознание….

…Слёзы вот-вот готовы пролиться из глаз, всё дрожит внутри. Я никак не могу унять эту дрожь, справиться с собой.

— Я не виновата, что душа приросла к Вам. Разве можно за это наказывать? Это жестоко и бесчеловечно.

Голос выходит из-под моего подчинения и начинает дрожать в такт со всем моим существом.

— Ну, уж это слишком. Жестоко — может быть, но бесчеловечно….

Говорит спокойно, будто речь идёт не о живом человеке.

— Да, и бесчеловечно, — упрямо отвергаю я его сомнение в этом, навсегда отрубая что-то в себе.

Понимает же, что поступает жестоко, а вот то, что проявлять эту жестокость на самом лучшем из человеческих чувств бесчеловечно, понять не может. Не в состоянии понять, что преступление — отнимать у людей радость, которую не так-то часто дарит судьба человеку.

Я сравниваю его с моей спутницей — учительницей, как я уже догадалась, и спрашиваю себя: «Может ли он вот так же, как она, заболеть общечеловеческой болью и радостью?» И тут же рождается ответ: «Нет. Не способны эти люди, стоящие над людьми и думающие только о себе, о своём благополучии и спокойствии, жить жизнью других, понять чаяния и думы народные, радоваться их радостью, болеть их болью».

Автобус где-то задерживается. Лёгкий ветер первого летнего дня с тихим шелестом перебирает над нами листву, где-то задорно чирикают воробьи. Мы обе молчим, погружённые каждая в свои думы.

— Вы в этом районе работаете? — нарушаю я молчание.

— Да, в начальной школе. Сегодня у меня первый свободный день. Знаю, что, уже через неделю-две снова буду скучать по школе, а сейчас просто радуюсь, что не надо больше сидеть над тетрадями. Проводила вот сегодня гостей и сама поехала в гости к своим дочерям. От меня вином не пахнет? — неожиданно обратилась она ко мне. — Заставили-таки и меня на прощание выпить. Ныне и вино-то какое-то некачественное пошло. Пьёшь, и только хуже от него становиться. Раньше, бывало, выпьют

стопочку и веселья хоть отбавляй. А сейчас только дерутся да ссорятся, как напьются.

— Наверное, потому, что много пить стали, а не потому, что вино некачественное, — замечаю я. — Напьются, какое уж тут веселье.

— Может быть.

Мы снова погружаемся в свои думы. На память приходят слова, сказанные одним из наших заводских ребят, пытавшемся застрелиться.

— Что заставило тебя сделать это? — спросили его.

И он ответил:

— Скучно и неинтересно жить стало.

Это в семнадцать-то лет стало скучно и неинтересно! Чудовищно и непостижимо! К какому страшному оскудению чувств и желаний привело поклонение «зелёному змею».

«Скучно». «Неинтересно». Как часто слышу я эти слова не только от молодёжи. Пожилые ещё добавляют:

- Жить стали богаче, а чего-то страшно становиться, как подумаешь обо всём.

Да, чем больше распространяется пьянство, тем больше появляется страх за судьбу будущих поколений. И в этом страхе я слышу протест против увлечения алкоголем, пусть пока слабый, порой неосознанный, но я чувствую, как он нарастает, и рано или поздно приведёт к полному отрицанию наркотического опьянения.

Вот и долгожданный автобус. Я тороплюсь скорее занять свое место. Щемящей болью и грустью заполняется душа…. Нога ступила ещё в один уголок моей Родины. Что я узнала о нём? Ничего. Потому что пришла сюда со своей болью, пришла не к тому человеку. Захотелось снова побывать здесь, побывать у простых людей. Вон сколько их здесь! И среди них конечно же есть те, в ком так же, как и в моей спутнице, живёт общая боль, общая радость, общие думы и чаяния. До страсти захотелось узнать этих людей, чтобы рассказать о них всем, о людях не высокого чина, но высокой души.

И такими малыми показались свои личные переживания перед этим большим желанием!

За окном качнулись дома, заборы….

Я вернусь ещё сюда и зайду уже не в этот жёлтый холодный дом на перекрёстке улиц, в котором сохнут живые души, а туда, где бьёт ключом жизнь, рождается мысль и творчество, прокладывает себе дорогу настоящая красота. Красота во всём: в труде, в быту и в человеческих отношениях.

Будто пелена спала с души и очистила её для чего-то нового,

неизведанного.

У могилы брата.

И ещё одна встреча за эту поездку…. Алёша, мой дорогой брат и друг, какими словами мне выразить боль, что тебя уже нет на земле, что ты рано ушёл от нас? Заменит ли когда-нибудь, кто-нибудь мне тебя? Ты умер, потому что не смог решительно порвать с прошлым и построить заново свою жизнь, так и не смог найти по душе, по своим убеждениям спутницу-жену и остался одиноким в душе, хотя и жил в новой семье. Ты снова оказался в трясине обывательских представлений, и снова началась борьба с ними, которая оказалась для тебя роковой. Упорно старался ты доказать правильность своих убеждений, доказать тем, кто не в состоянии был воспринять их. А ты не понимал этого. Ты был один со своими убеждениями, а их было много. В неравной борьбе терялись твои последние духовные и физические силы.

Прости, что я не могла помочь тебе в жизни. Да и чем бы я помогла? Я убеждала тебя в бесполезности той борьбы, которую ты вёл, а ты не слушал меня и продолжал верить в победу. И вот смерть…. Как часто и мне приходила в голову мысль о ней!

Но разве можно смертью доказать свою правоту? Вот ты ушёл из жизни, а они живут, продолжают радоваться, что им удаётся выносить с завода куски материи, незаконно покупать мясо по невысокой цене, по знакомству доставать нужные вещи, совершать тысячи поступков, противоречащих нашей морали, и не видеть в этом ничего несправедливого, ничего особенного, предосудительного. Тебе нужно было жить, чтобы продолжать борьбу со всем этим злом другими путями, которые ты не захотел увидеть, настаивая на старых. Помнишь наши горячие споры? Здесь, у твоей могилы, я говорю с тобой, как с живым, стараясь яснее понять причину твоей ранней смерти.

И мысль невольно переключается на себя. А я? Я ведь тоже пытаюсь доказать что-то человеку, который не в состоянии понять меня. Всё снова и снова хотела я сохранить те крылья, на которых ввысь устремлялась душа, и которые уже безвозвратно исчезли. Кажется, только здесь, у твоей могилы, я, наконец, поняла, что уже ничего не вернёшь и ничего не исправишь. Пытаться что-то ещё доказать — бесполезно. Иначе можно, как ты, безвременно сойти в могилу.

Я сильнее тебя, Алёша, вы сами с Сергеем признавали это. Я сумею окончательно порвать с прошлым, я должна ещё жить, потому что не всё ещё сделала в жизни, не всю себя отдала борьбе

за торжество справедливости. Только для этого мне нужна свобода….

Мысль о полной свободе обрела свою новую силу.

Спасибо тебе, Алёша. Ты и мёртвый помог мне.

Наверное, мне нужна была эта поездка, чтобы освободиться от чего-то в душе окончательно, освободиться с болью и мукой, выйти, наконец, из того четвёртого измерения, в котором я пребывала долгие годы. Попытаться приобрести себе новые крылья, пусть не такие прекрасные, как те, что были, но на которых душа могла бы снова устремиться вперёд, туда, где есть борьба, где будут новые поражения и новые победы.

Два мира — две идеологии.

Дня через два после моего возвращения в посёлок, К.А. сообщила, что их сын звонил Галимовым, справлялся о ней и что приедет Юра. Скоро Юра действительно прибыл помочь по хозяйству бабушке с дедушкой.

Подошла очередь Бёрдовым владеть нашим общим животным молочного направления.

— Может мне сходить за коровой? Вы же, наверное, не сможете это сделать с больной ногой, — предложила я свои услуги К.А.

— Ну, неужели мы трое-то не сможем пригнать одну корову. Не надо, не ходите. Мы сами сходим, — ответила она.

Ну что же, сами так сами. Я не захотела навязывать свою помощь, не захотела в первый раз за все последние годы. Вечером Г. Ф. неожиданно предстал передо мной. На ухе — синяк и ссадина, на щеке — кровавая дорожка.

— Оступился на тротуарах и упал, — объяснил он происхождение телесных повреждений. — Но корову я пригнал. Так что не беспокойтесь.

Я представила себе, как он идёт полуслепой, как тщетно пытается увидеть нашу Малю, и жалость к нему, старому и беспомощному, пролилась по душе.

— Ну, вот видите, как отвергать нашу помощь, — рассмеялась я. — Когда у вас Юра-то уезжает?

— Звонил Вячеслав, обещал приехать. Если приедет, то уедет с ним, а нет, так на паровозике завтра.

Я знала, что Вячеслав приедет, не мог не приехать после моей просьбы об этом, просьбы не для себя, для них.

— Вы их очень обидели. А знаете, как тяжело родителям носить обиду на своих детей? Вам надо снять этот груз с их души,

побывать у них. И не скупитесь вы на добрые слова. — Много ли уж и жить-то им осталось. Зачем вы так с ними поступаете? — убеждала я В.Г., стараясь пробудить в нём сыновние чувства, простые человеческие чувства благодарности к своим родителям и тревоги за них. Это так нужно было для старых людей. И для меня тоже….

Я говорила и чувствовала, что не доходят до его души мои страдания. Но приехать скоро он обещал. Я, конечно, никому не сказала ни о моём посещении В.Г., ни о его обещании.

На второй день мы истопили баню. Я позвонила К.А.:

— У нас баня истоплена. Может, пойдете?

Она ответила, что они сами будут скоро топить.

— Внуку захотелось помыться, так уж истоплю.

— Ну, так пусть и он у нас помоется. Хватит всем и тепла и воды.

— Нет, сами уж будем топить как-нибудь.

Я поняла, что она хочет готовить баню не только для внука, но и для сына, который, вероятно, сообщил, что приезжает. Но мне она, ни слова об этом. А ведь знает, кем он был для меня, и как хотелось мне всегда поговорить с ним, побыть немного рядом. Почему это пугает её? Разве так уж страшно, если я узнаю о его приезде и приду к ним?

Недоброе чувство к К.А. снова шевельнулось в душе. Охраняет своего сына от меня! Боится, как бы чего не вышло. Какое ей дело до того, что причиняет мне боль и лишает последней радости! Знает же, что немного их выпало на мою долю.

На следующий день утром я погнала на пастбище свою корову. Хотелось точно узнать, приехал ли все-таки В.Г. Около их дома — никаких колёсных следов. Но я чувствовала, что он здесь. Боже, как тщательно они решили скрыть его приезд от меня! Не знали они, что ещё до приезда к ним, сын их добил остатки чувства к нему, что окончательно укрепилось в душе решение никогда больше не встречаться с ним. Я было уж, и ответ приготовила, если К.А. позвонит по телефону, сообщит о приезде сына и пригласит придти повидаться.

«Нет, К.А., они ведь приезжают к родным, друзьям, а я кто для него? Едва ли они будут рады видеть меня, — мысленно отвечала я на предполагаемое приглашение». А они и не думали приглашать.

Все-таки приехал или не приехал? Теперь уж простое любопытство заговорило во мне. Я попробовала осторожно открыть ворота. Закрыто. Задворками дошла до их огорода и заглянула внутрь. Райкомовский «козлик» стоял во дворе.

Приехал! Предчувствие не обмануло меня. Как ни боялась К.А., что я узнаю о приезде её сына и прибегу к ним, а я всё равно узнала! Но не бойтесь, не прибегу, не унижу больше себя.

Эх, вы, люди старого мира, как-то поведёте вы сейчас со мной после всего этого? Вы, вероятно, представили себе по-мещански, к каким нежелательным последствиям может всё привести, если оставить во мне жить чувство к вашему сыну. Боже упаси, чтобы сохранилось оно! Вдруг да об этом узнает его жена, мой Пётр, начнутся неприятности. Не понять вам того, что большое чувство делает человека чище, выше, богаче, человечнее. Вам и в голову не приходит, какую боль вы причиняете мне, убивая во мне чистое, благородное, высокое чувство, безжалостно уничтожая то, что одухотворяло всю мою жизнь. Что вам до этого! Ни чужая боль, ни чужая радость не трогают вас. По вашим обывательским понятиям в жизни все чувства вообще лишние, как бы высоки они не были, если они могут помешать вашему спокойствию и благополучию.

Жена имеет право любить только мужа, муж — только жену. Ну, а если в ком-то из них зародилось это большое, чудесное чувство к кому-то другому? О, это великое несчастье, по-вашему! Гони его от себя, убивай в себе, немедленно убивай, как будто можно легко сделать это, не причинив горя и мук тому, в ком зародилось оно. Но что вам до этого!

Может же нарушиться семейное благополучие. Не человек, а оно для вас дороже всего. Где вам понять, что настоящее чувство требует к себе уважения и понимания и что человек, способный глубоко и чисто любить, никогда не сделает так, чтобы кто-то страдал от этого. Где вам знать, что по-настоящему любящий человек сам подумает, прежде всего, о спокойствии и счастье любимого, а не о себе. Вам, носителям старой, мещанской морали, недоступно понимание этого. Глухи души ваши к проявлению высоких чувств.

Интересно мне всегда было, как вы относитесь к выбору мужа или жены. Так, как примеряют обувь или одежду. Удобна ли, подходит ли. О чувствах тут нет и речи. Не понять вам, как бедна жизнь без любви, без духовной близости. Вам важно, чтобы девушка или юноша, подбираемый вами, были из хорошей семьи, то есть, чтобы родители занимали соответствующее положение в обществе, имели бы приличный достаток. Главное это. Больше вас ничего не интересует. Вам близки не те, кто занимается полезным для общества делом. Не по нему судите вы человека, а по достатку и рангу. Сейчас вы даже теряетесь, когда видите, что всё это имеет семья простого рабочего, скажем слесаря или токаря. Ох, как вы низко смотрите на все эти профессии! Я делилась с

вами радостью, что мой сын Коля, работающий слесарем-ремонтником, уже получает премии за рационализаторские предложения. Сколько пренебрежения к этому прозвучало в вашем ответе: «Ладно, пусть рационализирует на здоровье». Знали бы вы, как царапнули тогда эти слова мою душу! В таком же духе вы воспитывали своих детей. Я не знаю, удалось ли вам привить своё мировоззрение младшему сыну, но что старший воспринял в оценке людей — убедилась давно. Сейчас убедилась, что восторжествовала она и в отношении к чувствам.

Вы пожинаете уже сейчас плоды того, что воспитали не человека — гражданина, богатого душой, а мещанина, далёкого от понимания высоких чувств и порывов, от общих человеческих идеалов.

Хотела бы я посмотреть, как вы все повели бы себя, если бы кого-то из вашей семьи коснулось большое человеческое чувство, не предусмотренное вашей моралью. Ох, как бы вы, наверное, перепугались! Неизвестно ещё, как сложиться жизнь вашей внучки Милы. Я очень сомневаюсь в том, что вы и ваш сын, её отец, и тут не разбили большого чувства. Не зря же она проявляет грубость к отцу, о которой вы К.А. мне говорили, и вспоминает своих родителей только тогда, когда ей потребуются деньги. Я сама читала это горькое признание в письме, полученном вами от сына.

Не жалует она и вас своим вниманием, хотя с вами провела своё детство. Не смогли вы и ей привить богатство души, потому что не обладаете им сами. Слишком мелко и рационально вы смотрите на жизнь и людей, приспосабливая то и другое к своим личным обывательским интересам. Чем старше вы будете, тем труднее вам будет без ласкового, душевного, доброго слова. Не обижайтесь, вы сами виноваты в этом.

Я ни о чём этом не скажу вам. К чему причинять лишние огорчения? Не хочу этого делать, да и горькие эти слова. Я обращена в мыслях не только лично к вам, обращена ко всем носителям старой морали.

Не собираюсь что-то доказывать вам. Бесполезно. Пишу для того, чтобы просто излить свою горечь, разобраться во всём.

Я буду относиться к вам по-прежнему, только никогда уж больше не потянет меня к вам душой, не будет теплоты в отношениях между нами.

Вы, разбивая во мне чувство к вашему сыну, хотели бы сохранить меня при муже, потому что вам так удобнее и спокойнее. И никогда не поймете, что делаете как раз наоборот, что рождаете во мне неприязнь к нему за ту бездну боли, отчаяния и унижения, через которую мне пришлось пройти.

Вы думаете, что вся ценность жизни заключается в достижении достатка, спокойствия и благополучия? Ничего подобного! Вам не понять, что счастье не в этом, а в возможности всего себя отдать на общее дело, на достижение полного социального и духовного равенства, на то, чтобы каждый человек имел бы положение в обществе, независимо от характера выполняемого им труда. Каждый был бы способен заболеть чужой радостью и болью, был бы духовно богаче. Вы не верите в наступление социального равенства. «Не было никогда этого и не будет», — утверждаете вы. А я верю в него, и не только верю, но и борюсь за это всю свою жизнь. Как никогда, хочу я сейчас опрокинуть все ваши мещанские представления о человеческом счастье.

И я сделаю это!

Не скажу вам и о том, как обедняете вы себя и людей, стараясь убить чужие чувства. Не поймёте. Но скажу остальным, как важно в детях своих воспитывать чувства, способность любоваться и красивым цветком, и чудесными зорями, и скворчиком, старательно строящим своё гнездо. Радоваться тому, что дал свободу птахе, неосторожно попавшей к тебе в руки, что отросло и благодарно зашелестело листвой посаженное тобой дерево, что совершили доброе дело для рядом живущего. Радоваться всему прекрасному, что дарит жизнь людям, но в то же время воспитывать и умение ненавидеть то, что мешает видеть, познавать и создавать это прекрасное.

Чем богаче душа человека, чем больше в ней способность чувствовать, тем полнее и содержательнее его жизнь, тем нужнее он людям и тем полнее ощущение радости своего бытия для самого человека.

Только тогда можно спокойно встретить старость и не чувствовать одиночества, которое жило в ней долгие годы. А как нужно было сохранить его во мне! Сохранить не только для меня. Но сейчас уже ничего не изменишь и ничего не вернешь.

Вспомнился снова наш «Устный журнал».

…Нашему Вове Е. понравилась Тася М… Она несколько вечеров провела с ним, а потом и совсем перестала встречаться. Вова очень переживал это. Они не таились от меня, мои славные соратники по «Журналу». Шли ко мне со своими заботами и огорчениями. Так и Вова.

— Анастасия Николаевна, останьтесь сегодня после репетиции, — как-то попросил он меня.

Я осталась.

— Вы, наверное, уже слышали о нас с Тасей, — смущенно начал он, и по этому смущению я догадалась о его чувстве к

девушке.

— Да, — ответила я так, как будто мне уже всё известно, чтобы не заставлять моего собеседника рассказывать все подробности, не убить перемалыванием красу зародившегося в нём чувства, сохранить его неприкосновенность.

— Она почему-то перестала встречаться со мной. Наверное, ей чего-то наговорили обо мне. Вы, пожалуйста, поговорите с Тасей.

Я знала хорошо и Вову, и Тасю. Понимала, что они совсем разные люди и что разрыв произошел вполне закономерно. Но как об этом сейчас скажешь юноше, доверившемуся тебе и ждущему от тебя помощи?

— Хорошо, Вова, я поговорю с Тасей. Ну, а если все же окажется, что ты не тот, кого она могла бы по-настоящему полюбить? Ведь люди бывают разные и не всегда сразу узнают друг друга. Может быть, она сама решила, что больше не надо с тобой встречаться. Не будешь же ты обижаться на неё за то, что не захотела обманывать тебя.

— Нет-нет, просто её кто-то расстроил, — убеждал он меня.

Разговор с Тасей убедил меня, что разрыв с Вовой окончательный и что примирения тут не будет.

— Тася, Вова очень переживает. Ты уж не отворачивайся от него так резко. Сам потихоньку поймет, что ты не хочешь с ним дружить. — попросила я девушку.

— Я постараюсь, Ан. Николаевна, — пообещала она.

Надо было как-то очень осторожно сообщить Вове о результатах переговоров. И вот снова доверительный разговор.

— Вова, я говорила с Тасей. Не встречаться с тобой она решила сама. Никто ей ничего на тебя не наговаривал. Только ты не обижайся за это на неё. Ты хороший парень, тебя есть за что любить, и ты обязательно встретишь девушку, которая по-настоящему тебя полюбит.

Я чувствовала, что ему хотелось сказать, что эта девушка будет уже не такая, как Тася, но он только тяжело вздохнул.

— Ну, нам пора домой. Уже поздно, — закончила я разговор.

Вова ещё несколько дней ходил невесёлый, но сумел побороть в себе неокрепшее чувство и стал прежним Вовой — весёлым, жизнерадостным парнем с душой, открытой для новой любви.

Понимала я, как важно бережно отнестись к доверию, не сломать души, сохранить способность рождаться в ней глубоким чувствам. Наверное, потому понимала, что сама носила в себе образ человека, для меня единственного.

Вы не уберегли моей души, даже не постарались сделать это,

грубо разрушили в ней всё самое святое и чистое, потому что сами не способны на высокие и большие чувства. Какое дело вам до богатства души, до крыльев её, рождающих порыв, вдохновение и творчество. Зачем это вам, ползающим по земле и не способным понять могучую силу и красоту полёта души? Радуйтесь, вы совершили своё чёрное дело вместе с сыном своим, лишив меня чудесных крыльев для взлёта. Но я все равно не смогу по-вашему жить, и буду искать себе новые крылья, новую силу.

Отторгая от души вашего сына, я отвергаю вместе с ним весь ваш старый обывательский мир с его гнилой идеологией, частицей которого вы являетесь, и в который я случайно попала.

Я удивлялась раньше, почему простые люди относятся к вам с недоверием. И только сейчас поняла, что причина тому — ваша чуждая им идеология, чуждая им оценка человека.

Что-то ещё спало с души и всё предстало передо мной в своём истинном свете.

Свежей волной зажгло душу — горячим желанием навсегда уйти от этого старого мира, порвать с ним, освободить себя для другой жизни, более содержательной, чем та, которой живу сейчас.

В мире существуют две идеологии. Обе они живут в сознании людей. Трудно увидеть сразу, какая из них преобладает в человеке. Но это надо уметь делать, чтобы правильно оценивать поступки и дела людей, находить мотивы его поведения.

Думается, что мне особенно будет необходимо это, потому что не теряю надежды на возможность писать. Только бы восстановилось здоровье, только бы не сломаться снова. Выстоять, выжить и доказать свою правоту.

Всё встаёт на своё место.

Целых полтора месяца я не могла звонить К.А., силой заставляла себя хоть изредка бывать у них, чтобы ни они, ни мои домашние не заметили той бури, что царила в душе. К.А. конечно заметила перемену моего отношения к ним, но, ни о чем не спрашивала, видимо чувствовала, что не надо этого делать. Она по-прежнему приходила ко мне со своими новостями и заботами, я приветливо встречала её, но прежнего тепла к ней уже не было. Горькие слова упрёка рождались в душе:

«Это от вас он перенял привычку закрываться от людей, обманывать их и скрывать от них своё истинное к ним отношение, от вас унаследовал стремление стоять над

людьми», — думалось мне постоянно.

Постоянно всплывало в памяти его неприветливое, полное страха и растерянности лицо, как будто перед ним вдруг появилось страшное приведение.

«За что такой приём? За то, что мне всегда хотелось сделать что-то хорошее для его родных, если уж нельзя было сделать для него самого, за то, что мы, чем могли, старались помочь им, за то, что тёплое чувство к ним за него жило во мне? За это считаете меня человеком, недостойным доброго отношения? За это наказывать неприязнью? Нет, нет, я случайно попала в этот чуждый мне мир с чуждыми мне идеями и взглядами и должна совсем порвать с ним, уйти от людей, населяющих его», — твёрдо решила я.

Вместе с сыном отвергла я тех, кто его воспитал. Навсегда хоронила в душе всё, что ещё связывала меня с ним. Хоронила жалкие остатки некогда величественного и прекрасного здания, которое носило высокое звание — любовь.

Несколько дней спустя после отъезда внуков, гостивших у К.А., она пришла ко мне, пришла такая печальная.

— Что-то я совсем заскучала после их отъезда, — пожаловалась она мне.

И острое чувство жалости уже не к матери любимого когда-то мной человека, а к старой покинутой женщине шевельнулось в душе. Уже не мать человека, сломавшего душу, убившего в ней всё самое чистое, высокое и радостное, а просто человек со своим горем был рядом со мной. Была мать, отдавшая всё своим детям, которые теперь, занятые своими делами, не торопились ни навестить её, не утешить хотя бы письмом.

«Ей ещё горше будет, если я отвернусь от неё, — подумалось мне. — Забудь всё прошлое и прими её как старого человека, очень нуждающегося в добром слове, во внимании и заботе. Сумей победить в себе родившуюся неприязнь ради того, чтобы ей жилось чуточку легче».

В их квартире снова раздался мой телефонный звонок.

Вспомнились слова Александры Коллонтай, замечательной русской женщины, государственного деятеля:

«Самые страшные раны — это разбитые иллюзии, к которым примешивается горечь оскорбленного самолюбия. Когда сама во время «отходишь», спасаешь себя от горечи, обиды и можешь идти с гордо поднятой головой, — это больно, это жестоко, это до сумасшествия мучительно, но все, же это легче, чем остаться с протянутыми руками, когда другой уходит от тебя».

Судьбе угодно было провести меня через такое испытание, нанести мне такую рану. Но не жалкой развалиной, а гордым

человеком, умеющим побеждать себя, ухожу от старого, ухожу с твёрдым решением снова бороться, закалять себя в поражениях, наслаждаться победой, чтобы снова испытать взлёт души. Не беда, если он будет последним. В конце концов, не так уж важно, сколько лет человек прожил, важно то, как прожил.

Всё снова и снова встаёт перед мысленным взором онемевшая при виде меня растерянная фигура под портретом В.И. Ленина. Он и Ленин…. Два совершенно противоположенных по своим убеждениям, по своей жизни, по отношению к людям человека. Просто какая-то нелепость видеть его под портретом Ильича, как нелепо видеть пятилетнего мальчика, натянувшего на себя китель отца с медалями на нём, в котором он хотел бы солиднее выглядеть.

Пусть не совсем удачно сложилась моя судьба, но я счастлива тем, что дала она мне величайшую радость — познать наслаждение полётом души, которого ты, сидящий под портретом Ленина, никогда не узнаешь и никогда не поймёшь.

«Рождённый ползать летать не может».

Скоро наступит конец тебе, старый мир, рождающий ползающих, и восторжествует новый, где будет высоко устремляться в полёт человеческая мысль и, воплощенная в деяниях человека, украсит жизнь. И не будет на земле места отчаянию и боли, а человек научится всего себя отдавать торжеству общего дела, борьбе за победу над силами зла и разрушения, откуда бы они ни исходили.

Я счастлива и горжусь тем, что чувствую себя снова сильной, уверенной в себе и своей правоте.

Впереди предстоит большая борьба за здорового, трезвого человека, за его способность мыслить. И я буду участником этой борьбы.